Стожко К. П.

Экономическая наука России в годы Великой Отечественной Войны

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный экономический университет

К.П.СТОЖКО

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Посвящается 65 годовщине Победы советского народа над фашизмом

ЕКАТЕРИНБУРГ
2010

ББК 65.02
С81
Экономическая наука России в годы Великой Отечественной войны. Профессор, д.и.н. Стожко К.П. Екатеринбург: Изд-во «СТЯГЪ», 2010. – 305 с.

ISBN 978-5-714900-27-8

В монографии дается всесторонний анализ состояния отечественной экономической науки в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Выявлены основные направления развития экономической мысли, конкретный вклад многих российских ученых в золотой фонд экономической науки. В работе обосновывается тезис о том, что даже в тяжелое военное время и в условиях господства административно-командной системы и культа личности отечественная экономическая наука не просто развивалась, но и внесла ряд принципиально новых идей и рекомендаций в различные области организации и управления народным хозяйством – военной экономикой.

Данная работа – единственное в историко-экономической литературе за последние полвека специальное фундаментальное науковедческое исследование, посвященное теоретико-методологическим и организационно-практическим проблемам развития отечественной экономической науки в военное время.

Адресуется историкам, экономистам, философам и всем, кто занимается проблемами развития отечественной и мировой экономической науки.

Научный редактор:

Федоров М.В.
доктор экономических наук, доктор геолого- минералогических наук,
профессор, ректор Уральского государственного экономического университета.

Рецензенты:

Ветошкин А.П.
доктор философских наук, профессор, директор
культурно-просветительского центра им. И.А.Ильина при Уральском институте бизнеса.

Леднев В.П.
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории
Российского государственного профессионально- педагогического университета

Лавров В.Н.
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики
управления Уральского государственного технического университета (УГТУ – УПИ).

ISBN 978-5-714900-27-8

© Стожко К.П., 2010.
© УрГЭУ, 2010.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ **4**

Глава I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ..... **12**

Глава II. ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ..... **62**

Глава III. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОВАРНО – ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ТОВАРНОГО ОБРАЩЕНИЯ И ФИНАНСОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ..... **137**

Глава IV. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАДРАМИ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА В ГОДЫ ВОЙНЫ..... **215**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... **275**

ЛИТЕРАТУРА..... **286**

ВВЕДЕНИЕ

«Воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно – значит вырастить угрозу для общества».
Т.Рузвельт

«Вспоминать о днях войны, приносящей, наверное, столько же бедствий, сколько счастья приносят мирные дни, – странный и поучительный удел».
А.Камю

Есть даты, мимо которых каждый человек проходит и проживает их бездумно и как бы вскользь. Так устроена наша жизнь, что даже великие события мы замечаем чаще всего, когда нам об этом напоминают…

И все-таки, 9 мая 2010 года – это Дата с Большой буквы. Хотя бы просто потому, что этой великой Победе исполняется уже 65 лет. Не каждый из наших сограждан – россиян доживает до этого возраста. Тем более, что средний срок продолжительности жизни наших сограждан сегодня катастрофически низкий.

Но нужно помнить о главном. Победа над немецким фашизмом – это не просто победа над нашим врагом. Это Победа над врагом всего человечества, над врагом всех наций и народов. Мы все сегодня живем в этом мире только потому, что они, наши предшественники, герои войны и тыла, генералы и рядовые, сражались и умирали за нас. Слава Вам – солдаты Великой Отечественной!..

Следует помнить, что ковали Великую Победу, отдавали ей свои силы и умирали за нее не только рабочие и крестьяне, но и ученые, работники вузов и научных учреждений, лабораторий и конструкторских бюро, музеев и школ. Умирали не только от ранений и гангрены, но и от тифа и недоедания, даже от пуль в затылок…Умирали за наше общее светлое будущее.

Так случилось, что сегодня сама идея этого «светлого будущего» - *социализма* оказалась дискредитированной в общественном сознании. А очень даже зря! Ведь каждый из нас хочет жить в *справедливом* обществе, в котором идеалы Добра, Справедливости, Совести, Чести, Человеческого Достоинства определяют смысл и характер жизни всех и каждого. Именно в этой ориентации на высшие идеалы человеческого бытия и заключается подлинная сущность социализма. Но когда ее, эту сущность социализма, представляющую собой синтез *высших начал*, подменяют идеалами *рабочего (функционального) характера*, идеалами свободы и равенства, то как-то само собой забывается, что «только подчиняя себя *высшим* началам, и свобода и равенство становятся созидательными и плодотворными основами общественного развития» [1].

Сами по себе свобода и равенство – это основы либерально-демократической модели общественного устройства. И они – жизненно необходимы для развития экономики. Но, лишенное *высших начал*, даже самое либеральное и самое демократичное общество часто вырождается в свою противоположность, порождает нищету, безработицу, преступность, наркоманию и прочие свойственные ему пороки. И только «когда миром движут *великие* мотивы, мы вдруг начинаем понимать, что мы люди, а не звери, что у нас есть душа» [2].

Как справедливо замечал еще двадцать лет назад известный российский философ А.П.Бутенко, «нам еще только предстоит разобраться с некоторыми *понятиями*» [3]. Вкусив «блага» демократических свобод за минувшие 25 лет после начала перестройки и почти через двадцать лет после распада СССР, постсоветское общество стало значительно осторожнее в оценках советской эпохи и ее исторических персоналий. «В самом деле: ведь утверждение, согласно которому в нашем обществе потерпел крушение социализм, что поднявшиеся к свободе массы отвергли разочаровавший их, опротивевший им советский строй, представляет собой … неправду»[4].

Да, мы не построили подлинно *научного социализма*, о котором рассуждали когда-то ведущие философы и экономисты мира. А тот *казарменный* социализм, который был создан в нашей стране, перестал нас привлекать. Но это не повод отказываться от идеи *научного социализма*, а тем более заявлять, что такового не может существовать в принципе. Было бы куда более полезным разобраться

в его сущности и закономерностях формирования, в причинах неудач по его практическому воплощению в жизнь.

И здесь необходимо обратиться к истории российской экономической науки. Буквально сразу же после октябрьской революции 1917 года правомерность существования политической экономии как науки при социализме вообще стали отрицать. Отрицалось всякое инакомыслие. И как-то забыли реформаторы – революционеры тех лет, что писал по этому поводу С.Н.Булгаков: «В истории социальных идей различаются разные культурно-национальные типы. Один общий тип социального мышления или вовсе не существует, или существует в самом общем смысле. Разные культурные организмы, существующие в одну историческую эпоху, приобретают общие черты, отнюдь не теряя своих отличий, ибо кроме настоящего, как в жизни отдельного лица, так и в жизни народа, огромное влияние оказывает их прошлое. А эта прошлая история складывается, конечно, своеобразно для разного народа» [5]. Но так хотелось отказаться разом и навсегда от прошлого, от «старого мира»... Оказалось – напрасный труд. Не учли своих особенностей исторического развития нашего народа, абсолютизировали установки марксизма, порой дилетантски переиначив их (это называлось «творческим продолжением»), за идеологическими формулировками и тезисами забыли о самом человеке. В результате, по образному выражению В.И.Ленина. «получили сапоги всмятку»!

Подлинный *научный социализм* всегда будет привлекать пытливый ум и честное сердце. А то, как экономическая наука решала конкретные вопросы его построения в нашей стране в разные исторические периоды – далеко не праздный вопрос.

Эта книга для тех, кто *хочет помнить* свою историю, кто *верит* в великое будущее своей страны и нашего народа. Она для тех, кто хочет глубже понять и уяснить себе самому, как все было на самом деле.

Развитие любой науки, а экономическая наука в этом плане – не исключение, проходит самые разные этапы и фазы. Иногда в истории этого развития возникают *парадигмы* – качественные скачки, связанные с фундаментальными открытиями, толкающими науку далеко вперед и ускоряющими ее последующее развитие. Но бывают периоды эволюционного, постепенного накапливания знаний, информации, ее постепенной переработки. Это своего рода позитивистские фазы в истории любой науки. Ведь прежде чем

количество информации, знаний перейдет в новое качество, необходимо их накопить и переработать. Но бывают периоды крайне медленного развития науки, своеобразной ее стагнации, когда на поверхности явлений какие-либо свидетельства ее поступательного движения отсутствуют. И нужны специальные усилия для того, чтобы это поступательное движение обнаружить, выявить…

Совершенно прав был когда-то А.Пуанкаре, когда писал: « Движение науки нужно сравнивать не с перестройкой какого-нибудь города, где старые здания немилосердно разрушаются, чтобы дать место новым постройкам, но с непрерывной эволюцией зоологических видом, которые беспрестанно развиваются и в конце концов становятся неузнаваемыми для простого глаза, но в которых опытный глаз всегда откроет следы предыдущих веков» [6].

Результат эволюционных изменений в научном знании непредсказуем. То, что представляет собой интерес для одного исторического периода, совершенно неинтересно в другом. Возможно, кому то сегодня покажутся лишенными интереса те результаты эволюционного развития отечественной экономической науки, которых она добилась в 40-е годы XX века. Но может случиться и так: изменится социальная и экономическая ситуация в стране и старые, полузабытые идеи экономической науки окажутся вдруг неожиданно привлекательными и, возможно, полезными для современников. Как говорится, «не плюй в колодец».

Конечно, вопрос о полезности конкретных научных достижений – это не вопрос о прогрессе самой науки. Ответ на вопрос о том, а существует ли вообще прогресс в науке, сегодня звучит по-разному. С позитивистской, кумулятивной точки зрения, научный прогресс чаще всего связывают с ситуацией, когда «аналитический инструментарий постоянно совершенствуется и наращивается, эмпирические данные непрерывно накапливаются и упорядочиваются, а работа экономической системы понимается лучше, чем когда-либо ранее» [7]. Но, с эволюционной точки зрения, прогресс в экономической науке означает не только это, но и увеличение числа глубоких неиспользованных идей, которые могут оказаться полезными для понимания неожиданно возникшей новой экономической и социальной реальности.

Как бы там ни было, даже самые тяжелые периоды в истории науки – это время ее развития, в котором прогрессивные идеи могут быть как полезными, так и бесполезными в контексте конкретного исторического времени. «*Осевое время*» (термин К.Ясперса) для

экономической науки – это не то время, когда ее идеи и достижения обретают общественную полезность и практическое применение, а то время – когда они возникают. Ибо без появления новых идей никакое их применение, с пользой, или без нее, невозможно.

И здесь неизбежно приходишь к мысли о том, что, по большому счету, наука *никогда не стоит на месте*, она *не может не развиваться* именно потому, что она наука! А отсюда следует, что любые заявления о том, что в какие-то периоды человеческой истории та или иная наука (а правильнее говорить, отрасль научного знания) не развивалась, находилась в стадии омертвления, застоя, в корне не верны. Авторы таких заявлений видимо путают подлинную науку с чем-то иным, видимость и реальность, сущность и явление...

Да, ученым могут не давать публиковаться, могут снимать их с должностей, отправлять в ссылку, уничтожать физически. В истории российской экономической науки всего этого было предостаточно. Но все-таки, история отечественной экономической науки свидетельствует о том, что даже в самые трудные времена сталинского режима, культа личности, господства командно-административной системы, тяжелые дни войны, российские ученые активно занимались теоретическими и практическими проблемами экономической науки. А об упущенных возможностях остается лишь сожалеть. Но кто виноват в том, что десятки лет не публиковались работы В.В.Новожилова? Кто несет ответственность за то, что из страны уехал В.В.Леонтьев? Кто послал на расстрел Н.Д.Кондратьева и Н.А.Вознесенского? С чьей подачи мешали работать Е.С.Варге?

Да, «как высшая форма кооперации государство может оказывать огромнейшее влияние на развитие общества: величайшие коллективные дела были совершены только при посредстве государства» [8]. Но и величайшие ошибки тоже совершались при его «посредстве». Об этом тоже нужно помнить.

Как высшая форма общественной кооперации государство не может быть основано только на насилии. Тем более на насилии над наукой. И тем более на отрицании ее исторического опыта, ее традиции. «История последнего столетия показывает, что характерное для минувшего века видение прогресса как разрушения традиции, нуждается в серьезных коррекциях, пренебрежение которыми может привести к глубоким недоразумениям» [9]. Если бы только к недоразумениям! А ведь привело к хозяйственному упадку, к глубочайшему кризису экономики, к распаду самого государства.

И не случайно сегодня вновь заговорили о здоровом консерватизме. Хотя и с «привкусом» модернизации.

Исторический опыт науки – это часть *духовного богатства* народа. Это опыт поиска и достижения новых знаний. Это опыт их практического усвоения и освоения. «Судьба каждого отдельного человека и целых поколений и национальных структур, – писал И.А.Ильин – зависит от того, живут ли люди этим духовным опытом, умеют ли они ценить его, развивать и творчески пользоваться его источниками» [10].

Изучение истории российской экономической науки, в том числе и ее состояния в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, убеждает нас в том, что теоретическое и прикладное решение многих макро- и микроэкономических проблем в последующее время явилось развитием и продолжением выводов науки прошлого. Сегодня многие современные процессы и явления требуют ретроспективного анализа, знания «*истории вопроса*». «Быть в теме» означает знать ее историю. И если справедливо суждение о том, что современность часто оказывается не понятной без истории, то и история как таковая, без современности – не актуальна.

Написание настоящей книги задумывалось автором давно – более двадцати лет тому назад. Вопрос, как говорится, «назрел». За это время изменилось многое: исчезла великая страна – СССР; изменилась социально – экономическая система, в которой все мы сегодня живем; катастрофически упал экономический потенциал, оставляет желать много лучшего качество жизни наших сограждан; бюрократизм как ржавчина разъел весь организационный механизм управления народным хозяйством. Само понятие «народное хозяйство» сегодня девальвировано и подменено категорией «рыночная экономика», которая, как оказалось, бывает и «дикой».

Поэтому «опыт, сын ошибок трудных», может быть полезен для нынешнего поколения. Опыт экономической науки – тем более. Настоящая книга появилась, прежде всего, потому, что практически за все прошедшие шестьдесят пять лет после окончания Великой отечественной войны, в нашей стране не было издано *ни одного* специального исследования по этому периоду. Он словно выпал из истории отечественной экономической науки. Словно и не было ее тогда. Как *такое* могло произойти? Почему *так* случилось? Вопрос – для историков науки, требующий и ждущий своего ответа.

А что касается полезности, теоретической и практической значимости данной работы, пусть ее оценит сам читатель.

Слова благодарности

Автор выражает слова глубочайшей благодарности Заслуженному деятелю науки РФ, доктору экономических наук, профессору Санкт–Петербургского государственного университета *Леониду Дмитриевичу Широкораду* за то, что именно он подсказал и своими советами и человеческим отношением помог автору определиться с исследованием этой сложной и, вместе с тем, интересной проблемы – развитием экономической науки в военное время.

Огромная благодарность от автора – действительному члену Академии Социальных наук Российской Федерации, доктору философских наук, профессору Уральского государственного экономического университета *Анатолию Петровичу Ветошкину* за его многолетнюю моральную и профессиональную поддержку, оказанную автору в процессе подготовки этой книги.

С искренней признательностью автор обращается к доктору исторических наук и доктору философских наук, профессору Омского государственного университета путей сообщения *Лидии Михайловне Марцевой*. Искренне благодарю ее за те дискуссии и обсуждения, в которых она принимала самое живое участие и в которых автор, благодаря ее взыскательным и доброжелательным замечаниям, смог более четко определиться в своих суждениях и оценках.

Наконец, хочу выразить слова признательности директору Федерального межвузовского центра гуманитарного и социально-экономического образования при Уральском государственном университете им. А.М.Горького, Заслуженному работнику Высшей школы Российской Федерации, доктору философских наук, профессору *Николаю Николаевичу Целищеву* за многолетнюю практическую помощь авторским усилиям по подготовке этой и многих других книг к печати.

Примечания:

1.Новгородцев П.И. Сочинения. М. 1995. С. 222.

2.Черчилль У. Мемуары / Цит. по: Стожко К.П. История русской экономической мысли. Екатеринбург: УрГУ. 2008. С.617.

3. Бутенко А.П. Проблемы разработки концепции современного социализма // Вопросы философии. 1988. № 11.С.49.
4. Бутенко А.П. Откуда мы и к каким берегам стремимся? // Социологические исследования. 1992. № 11.С.58.
5.Булгаков С.Н. История социальных учений XIX века.М. 1912. С.39-41.
6.Пуанкаре «О науке» / Цит. по: Костюк В.Н. История экономических учений. М.: Центр. 1997.С.3.
7.Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе: Пер с англ. М. 1994.С.6.
8.Нитти Ф. Основные начала финансовой науки. М.1904.С.241.
9.Шацкий Е. Утопия и традиция. М. 1990.С.232.
10.Ильин И.А. Путь к очевидности. М. 1993. С.135.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

«Истина- это то, что выдерживает проверку временем».
А. Энштейн

«Спасать идеи или хоронить их – это дело, как свидетельствует история, недостойное. Идеи живут и умирают вне зависимости от чьих-то желаний. Честнее, на наш взгляд, беспристрастный анализ воплощения идей или их отторжения жизнью народа».
Л.М.Марцева

В современной историографии российской экономической науки существует довольно устоявшееся, но совершенно бездоказательное мнение о том, что в 30-40-е годы XX века отечественная экономическая мысль находилась в «застое». В условиях формирования культа личности И.В.Сталина и административно-командной системы, казалось бы, не могло быть иначе. Однако, это глубоко ошибочное, если не сказать больше, мнение. Оно искажает нашу отечественную историю и порождает мифотворчество со стороны некоторых современных «ученых», озабоченных скорее формированием собственного яркого имиджа, чем поиском исторической правды.

Со всей категоричностью следует заявить, что и во второй половине 30-х и в первой половине 40-х годов XX в. продолжается развитие всей *системы* экономической науки. Это понятно: строительство социализма в СССР требовало как идеологических и мировоззренческих обобщений и выводов, так и конкретных рекомендаций, предложений, расчетов и сценариев развития. Но, тем не менее, было бы неверным игнорировать и состояние экономической теории как основы самой системы экономических знаний. В связи с этим необходимо обратить внимание на диалектику собственно научного развития, которая отражала развитие потребностей советского общества во всей их полноте и

сложности. С одной стороны, происходит дальнейшее развитие политической экономии в *широком смысле* слова. Этому способствовало обращение отечественных ученых к анализу теоретико-методологических проблем экономического строительства в СССР (условия, сроки, факторы, методы и проч.), изучению проблем развития мирового капиталистического хозяйства конца 30-х – первой половины 40-х годов (углубление кризисных явлений в предвоенной мировой экономике, углубление противоречий между развитыми и отсталыми странами и т.д.). С другой стороны, продолжается процесс формирования конкретных экономических дисциплин, усиливаются эндогенные процессы в самой экономической науке. Эти обстоятельства способствовали формированию в дальнейшем комплексной и развернутой *системы* экономических наук, а также усилению внимания ученых к изучению закономерностей развития самой науки как особой форме человеческой деятельности.

В этой связи изучение методологических и общетеоретических проблем в первой половине 40-х годов имело первостепенное значение.

В центре внимания отечественных экономистов рассматриваемого периода оказываются вопросы, связанные с действием при социализме объективных экономических законов, упрочением нового общественного строя, выявлением его характерных черт, разработкой новых экономических категорий, объективно отражающих реальные изменения в народном хозяйстве, в сложившихся производственных отношениях. Этот круг вопросов нашел свое отражение в работах Г.Александрова, Н.Вознесенского, Л.Гатовского, Г.Евстафьева, А.Ляпина, С.Кафтанова, В.Комарова, И.Кузьминова, Л.Леонтьева, К.Островитянова, С.Струмилина, Б.Сухаревского, Ш.Турецкого и других авторов.

Незадолго до войны коллективом ученых Института экономики АН СССР был подготовлен макет учебника по политической экономии, с которым ознакомился И.В.Сталин. В январе 1941года в ЦК ВКП(б) состоялось специальное совещание руководителей партии и Советского правительства с учеными-экономистами. Содержание состоявшегося обсуждения не стенографировалось и известно благодаря записям, сделанным Л.Леонтьевым и К.Островитяновым.

По их свидетельству, И.В.Сталин достаточно доброжелательно отозвался о проекте подготовленного учебника по политической экономии и высказал ряд замечаний, как по его содержанию, так и по

его структуре. Первое замечание касалось понимания самого *предмета* политической экономии. Отвергнув предлагавшееся в макете учебника определение как не совсем точное, И.В.Сталин дал свое, которое затем было дословно воспроизведено в статье «Некоторые вопросы преподавания политической экономии», подготовленной Л.Леонтьевым и опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» в 1943 г. (№ 7 и 8).

На совещании И.В.Сталин заявил: «Политическая экономия есть наука о развитии общественно-производственных, т.е. экономических отношений людей. Она выясняет законы, управляющие производством и распределением необходимых предметов потребления, - как личного, так и производственного потребления, - в человеческом обществе на различных ступенях его развития»[1].

В упомянутой выше статье отмечалось, что преподавание политэкономии в прошлом имело ряд недостатков, главным из которых было то, что отсутствовало полное и четкое определение предмета политической экономии как науки. Тем самым, сталинское определение как бы «подытоживало» и «обобщало» важнейшие высказывания К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина на этот счет и представлялось как единственно правильное и не подлежащее обсуждению.

Однако, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что сталинское определение предмета политической экономии не только не «обобщало» представления классиков на этот счет, но и было определенным шагом назад в сравнении с представлениями К.Маркса и Ф.Энгельса. Так, из сталинского определения выпадали обмен и потребление, хотя эти сферы экономики также регулируются объективными экономическими законами и пронизаны экономическими отношениями. Кроме того, из сталинского определения предмета политической экономии следует знак равенства между общественно-производственными и экономическими отношениями. Но экономические отношения – понятие более широкое и охватывает, наряду с производственными отношениями, и отношения, складывающиеся вне сферы производства по поводу присвоения, распределения, потребления и т.д.

В экономической литературе советского времени справедливо указывалось, что сталинское определение предмета политической экономии стало лишь «отправным пунктом в преподавании

политэкономии» [2], послужило «соломинкой, за которую ухватились преподаватели» [3]. Что имелось здесь ввиду? Скорее всего, то, что сталинское определение все-таки было более близким к представлениям классиков о предмете политической экономии, чем некоторые представления экономистов тех лет.

Однако, и это необходимо отметить со всей определенностью, сталинское определение предмета политической экономии как науки, занимающейся изучением развития «общественно-производственных, т.е. экономических отношений людей» и «выясняющей законы, управляющие производством и распределением необходимых предметов потребления» было менее четким, Ф.Энгельсом в «Анти-Дюринге». В интерпретации предмета политической экономии, данной Ф.Энгельсом, политическая экономия определена как наука, занимающаяся выявлением законов, управляющих производством, обменом, распределением и потреблением *всех* благ, создаваемых человеческим трудом, а не только материальных или жизненно важных благ. Больше того, в интерпретации Ф.Энгельса, политическая экономия должна изучать и обмен, распределение и потребление природных благ, т.е. тех, которые не являются непосредственно результатом собственно человеческой деятельности.

Думается, что именно с этой сталинской весьма усеченной трактовки предмета политической экономии как науки получило свое начало широко распространившееся затем в экономической науке деление материальных благ на предметы первой необходимости и предметы роскоши. В принципе, в таком делении благ нет ничего нелогичного, поскольку на каждом этапе развития обществе и по мере роста его благосостояния одни блага переходят в разряд других. Но это – не функция политической экономии как науки. Скорее, это задача товароведения и экономической психологии. Когда же на политическую экономию с «легкой» руки И.В.Сталина «взвалили» еще и функцию толкования ценности тех или иных благ, то это лишь способствовало определенной спекулятизации экономического анализа.

Кроме того, у Ф.Энгельса нигде не шла речь о том, что политическая экономия должна изучать *только* производственные отношения. В его трактовках предмета политической экономии отсутствует то отождествление производственных и экономических отношений, которое мы обнаруживаем в приведенной выше сталинской трактовке предмета этой науки. А, следовательно,

Ф.Энгельс не отождествлял и саму экономическую жизнь общества с производством как таковым. Поэтому можно согласиться с мнением о том, что сталинское определение предмета политической экономии исключало необходимость изучения производительных сил общества, способствовало упрощению и суженному пониманию таких категорий, как «экономика», «экономический строй», «экономическая система», «экономическая культура» [4].

Именно сталинское определение предмета политической экономии в дальнейшем трансформировалось в так называемую трехчленку (трехчленную формулировку предмета политэкономии), которая станет, естественно для периода культа личности, общепризнанной и ляжет в 50-ые годы в основу практически всех теоретических и учебно-методических разработок.

Иначе не могло и быть, поскольку И.В.Сталин, вслед за В.И.Лениным, явно недооценивал роль товарно-денежных отношений, а значит и сферу обмена, в развитии народного хозяйства. От производства, согласно представлениям И.В.Сталина, естественно было сразу же переходить в условиях командно-административной системы управления экономикой к распределению путем государственного регулирования, регламентирования, нормирования, фондирования, установления лимитов и т.д. Роль рынка в данной схеме была вторичной, если вообще она была сколько-нибудь существенной.

Однако, это уже был не «ленинизм», поскольку В.И.Ленин, незадолго до своей смерти, все-таки пересмотрел свое отношение к товарно-денежным отношениям при социализме. Новая экономическая политика, объявленная ленинским руководством – яркое тому подтверждение. Конкретные рассуждения на этот счет можно вычитать в ленинских работах «О кооперации», «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин» и др.

Еще одно немаловажное обстоятельство связано с тем, что, в сталинской формулировке предмета политической экономии отражено положение о том, что политическая экономия по своему характеру является *исторической* наукой (поскольку в этом определении речь идет о различных ступенях развития человеческого общества). Тем самым, определение предмета политической экономии дано в *широком* смысле слова. Иначе говоря, политическая экономия представлена как наука, исследующая все исторически существовавшие и существующие способы производства.

И это – правильная постановка вопроса, поскольку политическая экономия как *историческая* наука *должна* изучать все те способы производства, которые истории известны. Но здесь возникает вопрос о границах собственного предмета политической экономии как науки. Поскольку она изучает исторический процесс развития различных способов производства (или, как сегодня принято говорить, различных социально-экономических систем), то она должна давать сравнительный их анализ. Но может ли политическая экономия как самостоятельная наука давать такой взвешенный и абсолютно объективный сравнительный анализ, вот в чем вопрос! Для этого она должна сама быть частью истории, а не стоять над ней. Иными словами, она должна учитывать закономерности исторического развития в целом, а не отрываться от истории, которая, как известно, «мать всех наук». Когда же политическая экономия начинает рассматриваться как самостоятельная научная дисциплина, возникает элементарный релятивизм, который становится одной из причин идеологизации этой науки.

Представляется, что опровержение прошлого, классовое неприятие старого, призывы полностью разрушить старый мир объективно способствовали превращению политической экономии из исторической науки в идеологическую дисциплину. А то обстоятельство, что многие преподаватели тех лет, как уже было отмечено, «ухватились» за сталинскую трактовку предмета политической экономии лишь способствовало массовой идеологизации экономической науки.

Чего греха таить: и сегодня приходится, хотя и редко, но все-таки слышать рассуждения о том, что история (в том числе и история самой экономической мысли) - часть экономической теории, а не наоборот! И хотя, если хотя бы немного задуматься, то любому здравомыслящему человеку становится понятным, что это политическая экономия (экономическая теория) есть часть истории (в том числе и истории самой экономической науки), но уж слишком глубоко укоренились в некоторых из нас идеологические штампы прошлого.

Если говорить по большому счету, то в приведенной И.В.Сталиным формулировке предмета политической экономии не содержится ровным счетом ничего нового по сравнению с определениями К.Маркса и Ф.Энгельса. И, что также немаловажно, И.В.Сталин не дал определения предмета политической экономии в узком смысле слова как науки, изучающей законы, управляющие

экономикой социализма. А ведь учебник то касался в первую очередь именно проблем политической экономии социализма! В общем и целом, сталинская формулировка предмета политической экономии не только не исключала неправильной интерпретации этого предмета со стороны самих экономистов, но во многом, как показала более поздняя практика, обусловила поверхностное понимание предмета этой науки, изучение производственных отношений в *отрыве* от производительных сил. И, что бы не говорили экономисты тех лет о диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений, но усеченное понимание самих производственных отношений, из сферы которых выпадали отношения обмена, никак не могли позволить органично соединить их с производительными силами. А значит, выявить и осмыслить законы развития производительных сил во всей их полноте и многомерности экономисты тех лет, ориентировавшиеся на сталинскую формулировку предмета политической экономии, не могли по определению.

Вместе с тем, на совещании в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года прозвучала критика *субъективистских* взглядов на экономику в СССР. Однако преодолеть субъективизм в трактовке экономических процессов не удалось. Это в значительной мере объясняется позицией самого И.В.Сталина, который, с одной стороны, резко высказывался против отрицания действия объективных экономических законов при социализме, а, с другой стороны, заявлял о необходимости «взять эти законы в свои руки», «целиком подчинить их себе», «командовать ими» [5].

Объективный характер экономических законов как раз и состоит в том, что они действуют помимо воли и желания человека. Не важно, хочет этого какая-то политическая партия или отдельная личность или нет, объективные экономические законы не могут быть объектом их манипулирования, «командования», «подчинения». С подобными лозунгами наше общество уже не раз сталкивалось Чего, например, стоили ему призывы « не ждать милостей от природы», а «взять их у нее», «подчинить природу интересам человека». «Доподчинялись», дальше некуда!

Таким образом, если гносеологические корни субъективизма в экономической науке просматриваются еще в 20-30-е годы XX века, то в начале 40-х годов, благодаря формированию в стране культа личности И.В.Сталина и в силу его собственных представлений о

характере экономических законов, эти корни попали на благоприятную почву и дали свои всходы.

Некоторые историки могут возразить: мол, о каком таком культе личности идет речь в начале 40-х годов? Не сложился ли этот самый культ личности позднее, уже после Великой Отечественной войны? Пускай они откроют любой номер любого журнала тех лет и тогда поймут: культ личности в начале 40-х годов процветал вовсю.

Махровый субъективизм в толковании характера действия экономических законов – в значительной мере заслуга И.В.Сталина. В частности, именно благодаря ему появилась версия о действии при социализме объективных экономических законов в *преобразованном* виде. Возникнув именно в начале 40-х годов XX века, эта версия просуществовала в экономической науке вплоть до начала дискуссии 1951 года, когда И.В.Сталин сам вынужден был отказаться от нее [6].

Оценивая совещание, состоявшееся в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года и публикацию вышеназванной статьи, следует признать, что, не смотря на различные упущения и даже очевидные заблуждения, экономической наукой был сделан определенный шаг вперед, в сторону *признания* объективного характера действия экономических законов при социализм. Это признание сопровождалось различными оговорками, типа «ограниченное», «преобразованное» и т.п. Но остается фактом, что это признание сопровождалось одновременно волюнтаристским пониманием и толкованием этого самого объективного характера действия экономических законов.

Двойственность трактовки экономических законов, отождествление их с хозяйственной политикой Советского правительства, их решениями и директивами, наложила свой отпечаток на весь процесс развития экономической науки в нашей стране не только в период Великой Отечественной войны, но и в послевоенный период. И в первую очередь это отразилось на изучении методологических и общетеоретических проблем экономической науки.

В качестве иллюстрации этого положения можно сослаться на то обстоятельство, что такие организационно-технические мероприятия как индустриализация, коллективизация и т.д. объявлялись *непосредственно* экономическими законами социализма, что именно в начале 40-х годов получило широкое распространение в экономической литературе употребление категории «социалистический способ производства». Так, в статье «Некоторые вопросы преподавания политической экономии» предлагалось

делить раздел курса политической экономии, посвященного «социалистическому строю» на две части: в первой части рассматривать вопросы, связанные с подготовкой и осуществлением социалистических преобразований, а во второй части раскрывать основные черты и преимущества «социалистического способа производства».

Некорректность употребления категории «социалистический способ производства» обусловлена тем, что классики марксизма – ленинизма не вычленяли социализм в качестве самостоятельного способа производства и рассматривали его как переход от капиталистического производства к коммунистическому производству.

В 1943 году курс политической экономии был введен во всех высших учебных заведениях страны. Его введение осуществлялось в условиях отсутствия учебника по политической экономии, который так и не был издан в годы войны, а также при отсутствии каких – либо общепринятых методических и методологических материалов по практике преподавания политической экономии.

Думается, что это обстоятельство в определенной мере объясняет механизм дальнейшего развития культа личности И.В.Сталина, то, почему его публичные выступления, замечания и указания оказывали решающее влияние на весь процесс преподавания политической экономии, других экономических дисциплин, существенно воздействовали на развитие отечественной экономической мысли. Это нашло свое отражение в том, что в экономических исследованиях тех лет присутствовал, как правило, огромный балласт, состоящий из пересказывания различных, порою далеко не бесспорных сталинских положений. Наблюдалось увлечение цитированием его выступлений. Особенно частыми были в те годы ссылки на доклад И.В.Сталина на Чрезвычайном VIII Всероссийском съезде Советов «О проекте Конституции СССР» от 25 ноября 1936г., на Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), прочитанный 10 марта 1939 г., на «Краткий курс истории ВКП(б), вышедший в сентябре 1938 го, на работу «Вопросы ленинизма», переведенную к началу 40-х годов на пятьдесят языков и изданные в количестве более чем 14 миллионов экземпляров [7].

Эти и многие другие работы И.В.Сталина, а также его выступления публиковались центральной и местной печатью. Можно, думается, без натяжки утверждать, что экономические

дисциплины в конце 30-х и начале 40-х годов XX века уже изучали «по Сталину».

Об этом же свидетельствует и статья «Некоторые вопросы преподавания политической экономии», имевшая по существу *программный* характер и содержавшая многие сталинские формулировки и выводы.

Не смотря на то, что публикация данной статьи в основном касалась *преподавания* политической экономии, она имела и определенное научное значение. В ней указывалось, что отрицание объективного характера экономических законов вообще, а их действия при социализме в частности означает вульгаризацию самой экономической науки, а также волюнтаристскую трактовку происходивших в нашей стране социально-экономических преобразований.

Если учесть, что в статье все же не были воспроизведены многие сталинские наиболее одиозные высказывания (например, о необходимости подчинения экономических законов и командования ими со стороны органов власти), то следует признать, что в ней все-таки содержится определенная, пускай и крайне робкая попытка *научного* комментирования высказанных И.В.Сталиным положений. Вместе с тем, как свидетельствует само содержание статьи, эта попытка характеризовалась глубоким внутренним противоречием. С одной стороны, «объективными экономическими законами социализма» объявлялись законы уже открытые, познанные и сформулированные, «прошедшие через волю и сознание людей». С другой стороны, те экономические законы, которые еще не были открыты, формулирование которых еще отсутствовало в экономической науке, априорно объявлялись *как бы* не действующими, оказывались *как бы* экономическими законами капиталистического способа производства, поскольку их действие осуществлялось *как бы* стихийно, вне плановой практики социалистического государства.

Это глубокое внутреннее противоречие в понимании объективного характера экономических законов и их действия в сфере хозяйственной практики человека присутствует в исследованиях А.Курского, Л.Леонтьева, К.Островитянова, Н.Вознесенского и многих других известных экономистов тех лет.

Например, К.Островитянов, характеризуя экономические законы, действующие в конкретных условиях военного хозяйствования в нашей стране, рассматривал все другие законы как проявление

капиталистической стихии. Он писал, что « поскольку законы социализма представляют собой *познанную* необходимость, постольку при их анализе нужно вскрывать и обосновывать эту необходимость» (выделено нами –К.С.) [8].

Получалась интересная ситуация: с одной стороны оказывалось, что только уже *познанные* экономические законы могут характеризоваться как законы социалистического строя; с другой стороны все экономические законы, которые не были еще известны экономической науке, подпадали под категорию законов капиталистического способа производства. Очевидная несостоятельность данной трактовки состоит в том, что далеко не все экономические законы, которые экономическая наука открыла к тому времени, могли быть охарактеризованы как законы социалистического строя. Прежде всего, следует вспомнить о том, что все экономические законы делятся на три категории. К первой категории законов относятся *всеобщие* законы, т.е. законы, которые действуют в условиях любой социально-экономической формации (К.Маркс), цивилизации и (А.Тойнби) и т.д. Ко второй категории законов относятся *частные* законы, которые могут действовать в нескольких социально-экономических формациях, экономических системах, цивилизациях, но не во всех. Наконец, к третьей категории экономических законов относятся *специфические* законы, действие которых характерно исключительно для одной какой-либо социально-экономической системы, формации, цивилизации. Отсюда следует, что считать все, ранее уже установленные и познанные экономические законы, законами социалистической экономики нельзя.

Но самое главное в формулировке К.Островитянова состояло в том, что раз познанные экономические законы характеризуют социалистическую экономику, а непознанные – капиталистическое хозяйство, то, рассуждая логически, политической экономии больше не зачем было заниматься поисками и изучением новых, еще не открытых, экономических законов. Тем самым, политическая экономия как наука утрачивала свой собственный *предмет* анализа. А *беспредметное* изучение *объекта*, пускай даже таким объектом будет сама хозяйственная практика человека, теряет свой *научный* смысл.

Еще более ярко это внутреннее противоречие в вопросе о сущности и характере экономических законов прослеживается в работах Л.Леонтьева, который писал, что «политическая экономия

социализма познает законы осознанные». Поскольку осознание представляет собой познание как таковое, то «*познание осознанного*» - все равно, что «*сухая влага*», т.е. не то прилагательное к не тому существительному. Конечно, философы могут тут возразить: осознание – часть познания. Кроме осознания необходимо обобщение, формулирование и т.п. Но данное возражение не работает по одной очень простой причине: осознание есть существенная часть познания, т.е. осмысление – определение смысла и сущности познаваемого объекта. Все остальное – это функция герменевтики, иначе говоря – редактирования, описания, формулирования и т.д. Если закон *осознан* – он уже *познан*. И точно так же, как нет пределов совершенствованию, нет пределов познанию. Но, применительно к *конкретному* объекту научного познания, осознание объекта *совпадает* с его познанием. Именно поэтому общепризнано, что диалектика есть не только логика, но и теория познания.

В целом, если исходить из формулировок К.Островитянова и Л.Леонтьева, то получался порочный круг: уже познанные экономические законы снова предлагалось познавать и обосновывать (*тавтология*). Вместе с тем, отвлекалось внимание исследователей от поиска и научной формулировки тех законов, которые еще не были открыты. Это обусловливало усиление догматизма и схоластики в науке.

Таков лишь один из примеров того, как конкретно тормозил развитие экономической науки в нашей стране культ личности И.В.Сталина, его непосредственное директивное вмешательство в решение сугубо научных вопросов, невозможность критики его взглядов.

И все-таки, не / смотря на противоречивые представления о сущности и объективном характере действия экономических законов, отечественные экономисты все в большей степени начинали связывать это действие с реальными (объективными) условиями материальной жизни общества. Именно с этой точки зрения большинством экономистов рассматривались проблемы индустриализации, коллективизации, планового руководства экономикой, ее перестройки на «военные рельсы». Большинство экономистов прекрасно понимали, что далеко не все подвластно плановому руководству, что в ходе коллективизации и индустриализации были допущены определенные просчеты, что перестройка мирной экономики на «военные рельсы» требует

строгого учета и контроля конкретных факторов и возможностей. Именно поэтому и заключительный вывод редакционной статьи «Некоторые вопросы преподавания политической экономии» гласит о том, что «наше общество живет и развивается по экономическим законам», в основе которых лежит «объективная необходимость, диктуемая всей совокупностью объективных условий жизни общества» [9].

Наиболее обстоятельно, на наш взгляд, вопрос о специфике объективных экономических законов при социализме был рассмотрен Н.А.Вознесенским, крупнейшим экономистом того времени. С 1939 г. он возглавлял Госплан СССР, а с 1941 года он стал единственным Первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. В годы Великой Отечественной войны Н.А.Вознесенский входит в состав Государственного комитета обороны (1942-1945гг.), руководит работой наркоматов авиационной, танковой промышленности, вооружения, черной металлургии, боеприпасов. Одновременно с 1942 по 1948 гг. он является Председателем Госплана СССР при СНК (Совете министров) СССР [10].

По мнению Н.А.Вознесенского, специфика действия экономических законов при социализме состояла не в том, что при социализме эти законы будто бы оказывались познанными, а при капитализме – нет. Специфика состояла в том, что при социализме существует не только возможность, но и необходимость, а значит и условия для использования экономических законов в хозяйственной практике, в том, что они находят свое непосредственное проявление в планомерной организации самого производства.

Это обстоятельство дало повод для преувеличения роли Н.А.Вознесенского в разработке данной проблематики, для утверждений о том, будто бы «он первым поставил вопрос о существовании объективных экономических законов социализма» [11].Но вместе с тем постановка вопроса о специфике экономических законов при социализме Н.А.Вознесенским была для своего времени достаточно прогрессивной и в этом отношении выводы совещания в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года полностью соответствовали его взглядам [12].

Одним из оснований для оценки предложенной Н.А.Вознесенским версии специфического характера действия экономических законов при социализме может служить то, что он рассматривал эту специфику сквозь призму планомерного характера развития самой

экономики при социализме. Естественно, что в рассуждениях Н.А.Вознесенского присутствует отождествление понятий «*планомерность*» и «*плановость*», а характер действия экономических законов ставится им в прямую зависимость от необходимости именно планового (а не планомерного!) развития отечественной экономики. Но все-таки, отмеченная им зависимость между спецификой экономических законов при социализме и спецификой самой экономики при социализме делает постановку проблем изучения экономических законов гораздо более продуктивной, чем у некоторых других крупных экономистов того периода.

В целом необходимо отметить, что совещание, состоявшееся в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года заметно стимулировало интерес научной общественности к проблематике *предмета* политической экономии. Не смотря то, что в сталинском определении предмета политической экономии категория «производительные силы» отсутствовала, некоторые экономисты не отказались от ее включения в предмет политической экономии. Л.Леонтьев, в частности, особое внимание обращал на необходимость изучения именно производительных сил при социализме, их специфики, организации, структуры. Он указывал, что содержание производительных сил не исчерпывается только технической стороной дела, что неправомерны представления, будто бы политэкономии нет никакого дела до развития производительных сил [13].Но, исходя из сталинского определения предмета политической экономии, Л.Леонтьев предлагал рассматривать в качестве предмета этой науки, то производительные силы, то производственные отношения, то «социалистический способ производства».

В этом противоречивом подходе отразились не только неполнота и поверхностность сталинского определения политической экономии как науки, но и тщетные попытки экономистов тех лет примирить, «сочетать» его со стремлением рассматривать производственные отношения в диалектической взаимосвязи с производительными силами, как общественную форму существования последних. Тщетность этих попыток не позволила Л.Леонтьеву раскрыть и аргументировано изложить ту «выдающуюся роль», которую играют производительные силы в общественном развитии.

И все-таки, основное направление экономической теории в целом, а политической экономии в частности, - исследование объективного характера экономических законов при социализме сквозь призму

общественной практики – было, как нам представляется, взято правильно. Это позволило в дальнейшем дать более четкую классификацию экономических законов, сформировать целостные представления о системе экономических законов в отношении нового способа производства, о механизме их действия.

К глубокому сожалению, в постсоветский период весь этот исторический опыт развития экономической науки в нашей стране оказался забытым.

Актуальной была в первой половине 40-х годов XX века и задача разработки многих экономических категорий, особенно применительно к условиям военного времени. Особое внимание в экономических исследованиях тех лет уделялось категориям «*национальный доход*», «*совокупный общественный продукт*», «*прибавочный продукт*», «*необходимый продукт*», а также сравнительно новым для экономической науки категориям «*издержки войны*», «*военное хозяйство*», «*себестоимость военной продукции*», «*мобилизационное планирование*» и т.д.

На совещании в ЦК ВКП(б) И.В.Сталин не согласился с утверждениями авторов макета учебника по политической экономии о том, что в СССР нет *прибавочного* продукта. В качестве аргументов экономисты, отстаивавшие это положение, ссылались на высказывания К.Маркса, в частности, на его утверждение о том, что «устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом», результатом которого и является создание необходимого продукта [14].

Учитывая необходимость расширения производства, И.В.Сталин высказался в том духе, что наряду с *необходимым* трудом при социализме существует и *прибавочный* (дополнительный) труд. Следовательно, создаваемый этим трудом продукт следует считать *прибавочным* (дополнительным). В конце концов, не все население страны является трудоспособным. В обществе существуют дети, инвалиды, пенсионеры, другие группы иждивенцев, и долг общества – достойно их содержать. Поэтому часть произведенного продукта должна расходоваться на эти цели. Но вот насколько корректно называть эту часть совокупного общественного продукта *прибавочной* – вопрос отдельный.

На вопрос о том, как же тогда согласовать утверждение И.В.Сталина о том, что без *прибавочного* продукта невозможно строить социализм и вывод К.Маркса о том, что при социализме исчезает деление рабочего времени на *необходимое* и *прибавочное*,

И.В.Сталин ответил просто: «Если на все вопросы будете искать ответы у К.Маркса, то пропадете. Надо самим работать головой, а не заниматься нанизыванием цитат. Маркс не мог предвидеть социализм во всей его конкретности, ныне же существует лаборатория, именуемая СССР. Поэтому мы должны учесть весь наш богатый опыт и теоретически его осмыслить» [15] С одной стороны, это заявление чем-то напоминает ленинскую идею об обществе как о *единой фабрике*, с той лишь разницей, что у И.В.Сталина речь шла о *лаборатории*.С другой стороны, И.В.Сталин никак не прокомментировал рассуждения самого К.Маркса. здесь обращает на себя внимание характер выражений И.В.Сталина: рекомендация ведущим экономистам страны «работать головой» и использовать «лабораторный подход» к изучению того, что происходит в стране.

Представляется, что ответ И.В.Сталина свидетельствует об определенной противоречивости в его собственных представлениях по вопросу о том, как именно должен строиться социализм и что он собой представляет. Обратим на это особое внимание. И.В.Сталин вроде бы предлагает ученым отказаться от догматизма, начетничества, бездумного цитирования. Но нет никаких аргументов на счет того, почему при социализме должно быть , по мнению И.В.Сталина, прибавочное время. И более того, нет никакой ясности в его словах о том, почему *прибавочное время* связано с *прибавочным трудом*, создающим *прибавочный продукт*, но не *прибавочную стоимость*. А это – принципиальный вопрос. Ведь если допустить, что при социализме существует *прибавочный* продукт, то тут же возникает проблема: а чем тогда, собственно говоря, построенный в СССР социализм *по существу* отличается от западного капитализма? Разве только тем, что при западном капитализме существует экономическое принуждение, а в советском варианте – внеэкономическое принуждение. На этот вопрос И.В.Сталин распространяться не стал.

Думается, нельзя согласиться с выводом И.В.Сталина о том, что деление *совокупного* рабочего времени на необходимое и *прибавочное* – это конкретика, которую будто бы не мог предвидеть К.Маркс. Скорее в этом суждении проявилось пренебрежение И.В.Сталина к самой политической экономии как науке, к марксистской экономической теории как таковой, его стремление втиснуть марксистские положения в прокрустово ложе собственных весьма упрощенных представлений, даже элементарное незнание важнейших выводов К.Маркса по этому вопросу.

Во всяком случае, на совещании не прозвучала идея К.Маркса о том, что «прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать» [16], что специфика *необходимого* и *прибавочного* продукта связана с характером отношений собственности на средства производства.

Противоречивый и поверхностный подход к вопросу о *прибавочном* продукте при социализме сказался и на последующем развитии всей экономической науки в нашей стране. Он способствовал формированию двух полярно противоположных концепций по данному вопросу. Одни исследователи долгое время отрицали деление *совокупного* общественного продукта на *необходимый* и *прибавочный* при социализме, полагая, что весь создаваемый в обществе продукт является необходимым [17]. Другие экономисты, наоборот, считали правомерным такое деление. Они отстаивали сугубо функциональный подход в анализе совокупного общественного продукта и доказывали, что большая его часть идет на удовлетворение необходимых, т.е. первоочередных, потребностей граждан; но другая, пускай даже и не очень значительная, его часть идет на удовлетворение второстепенных потребностей (например, на приобретение предметов роскоши и т.д.) [18].

Наконец, была и такая точка зрения, представители которой не оспаривали правомерность деления совокупного общественного продукта на необходимый и прибавочный, но связывали это деление с характером собственности на средства производства, а не с функциональным назначением каждой из частей этого продукта [19]. Поскольку в стране существовала кооперативная и государственная собственность, то, казалось, логично было бы полагать, что создаваемый на государственных предприятиях продукт весь является необходимым, а в кооперативном секторе он распадается на две части: необходимый и прибавочный.

Важнейшей причиной, негативно сказывавшейся на разработке категорий *необходимого* и *прибавочного* продукта в экономической науке первой половины 40-х годов, являлось то, что сама идея о действии в новых социально-экономических и общественно-политических условиях объективных экономических законов была большинством отечественных экономистов воспринята односторонне, субъективистски, а само признание действия этих законов сопровождалось утверждениями об их *преобразованном* и *модифицированном* характере при социализме. Смысл этого

характера многие исследователи видели в том, что сами объективные экономические законы при социализме будто бы становились *творением государства*, результатом государственной политики [20].

Но необходимо учесть, что в 30-е годы XX века большинство экономистов отрицало деление произведенного совокупного общественного продукта на *необходимый* и *прибавочный*, предлагало его деление *на фонд потребления* и *фонд накопления*. По существу, они отстаивали упомянутый выше *функциональный* подход к решению данного вопроса и не проводили различий между категориями «совокупный общественный продукт», «валовый общественный продукт», «валовый внутренний продукт», «чистый продукт», «конечный продукт», не признавали наличие *прибавочного* продукта при социализме в *принципе*. Поэтому постановка вопроса о необходимости выделения в структуре совокупного общественного продукта при социализме необходимого и прибавочного была определенным шагом вперед в развитии отечественной экономической науки. Сегодня можно упрекать отдельных экономистов тех лет в непоследовательности или некорректности в их рассуждениях. Но легко судить об ошибках и просчетах наших предшественников с высоты сегодняшнего дня. Дает ли такая «критика» что-то действительно полезное для истории экономической науки – вот в чем вопрос.

Предложенная в ходе совещания в ЦК ВКП (б) в январе 1941 года постановка вопроса о *необходимом* и *прибавочном* продукте при социализме стимулировала интерес к одному из важнейших вопросов экономической науки, ориентировала экономистов на глубокую теоретическую разработку данного круга проблем в комплексе с другими. Но, что самое главное, так это то, что *де факто* было признано существование при социализме прибавочного продукта, что означало интуитивное понимание многими исследователями переходного (от капитализма к коммунизму) характера созданной в нашей стране социально-экономической системы. В рамках этой системы, как мы сегодня знаем, удивительным образом уживались как отдельные элементы капиталистического стоя, так и новые, принципиально отличные от него, новации.

Интересны в контексте данного вопроса выводы К.Островитянова о *природе* самого *прибавочного* продукта при социализме. Отмечая как неправильную точку зрения большинства экономистов на

прибавочный продукт как «эксплуататорскую категорию», К.Островитянов считал, что «труд в условиях социализма *должен* (выделено нами – К.С.) не только обеспечивать заработную плату рабочему в соответствии с социалистическим принципом оплаты по труду, но и создавать прибавочный продукт, необходимый для дальнейшего расширенного производства, для обороны страны и улучшения положения трудящихся». А потому «прибавочный продукт есть тот фонд, откуда советское государство черпает средства для непрерывного социалистического расширенного воспроизводства и для обеспечения обороноспособности страны» [21].

По мнению К.Островитянова, норма социалистического накопления определяется самим государством в зависимости от конкретных задач, вытекающих из реальной практики экономического строительства.

Характерно, что в рассуждениях К.Островитянова использовалось как само понятие «*фонд*», так и определение критерия для формирования этого «*фонда*» - расширение производства, накопление. По существу для обоснования наличия *прибавочного* продукта при социализме предлагалось использовать прежний *функциональный* подход. Думается, в этом – одно из тех обстоятельств, которые не позволили в последующие годы создать целостную и общепризнанную концепцию прибавочного продукта при социализме.

В самом деле, можно согласиться с мнением К.Островитянова о том, что критерием для создания прибавочного продукта при социализме служит необходимость расширения производства и накопление как таковая. Никто из экономистов ни раньше, ни теперь не отвергает необходимость накопления резервов в экономике. Прекрасным стратегом в этом вопросе был и И.В.Сталин. Достаточно вспомнить, как он, буквально как факир, «вынул из рукава» и бросил в битву под Прохоровкой сотни танков из резерва Ставки. Это, совершенно неожиданное для немцев пополнение во многом определило исход всей Курской битвы. Точно также и в экономике: резервы всегда полезны и их необходимо грамотно и своевременно формировать. А значит, необходимо формировать и *прибавочный* продукт, использовать *прибавочный* труд. Но весь вопрос состоит в том, каковы должны быть *масштабы* использования *прибавочного* труда и формирования *прибавочного* продукта при социализме. При капитализме, в условиях стихийного

рынка и конкуренции, эти масштабы «задаются» стихийно. Результатом этого становятся кризисы перепроизводства. При социализме вроде бы хозяйство развивается по плану, но на каких основаниях в этот план должны закладываться масштабы формирования прибавочного продукта? На этот вопрос экономическая наука первой половины 40-х годов XX века четкого ответа не давала.

В рассуждениях К.Островитянова, как и многих других экономистов той поры, занимавшихся проблемами формирования *необходимого* и *прибавочного* продукта, также проявилось одностороннее восприятие основных положений К.Маркса на этот счет, влияние субъективизма и волюнтаризма в определении объективной основы данного экономического явления. По сути дела, у него речь шла о том, что Коммунистическая партия сама знает, сколько производить. Если в курсе современной рыночной экономической теории основные вопросы о том, «сколько производить?», «когда производить?» и «как производить?» решает сам конкурентный рынок, то в курсе политической экономии 40-х годов этот вопрос предлагалось оставить на усмотрение ЦК ВКП(б) как наиболее сознательной и грамотной части советского общества. Что это, если не волюнтаризм в «чистом» виде?

Думается, что иначе в то время и не могло быть, так как тогда просто было опасно не только критиковать, но даже просто комментировать идеи и суждения И.В.Сталина, которые воспринимались экономистами чуть ли не как важнейшие векторы научного поиска, как «генеральная линия» развития общества.

Но вернемся к взглядам К.Маркса, который писал, что для определенной страны и для определенного периода «объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная» [22], а, следовательно, величина прибавочного продукта не может не зависеть от этой данной величины необходимого продукта. Но, и это следует подчеркнуть отдельно, К.Маркс не оставил после себя никаких четких представлений и суждений о том, чем и как должна регулироваться величина прибавочного продукта в условиях нового общественного строя. Это и понятно, поскольку главный его труд «Капитал» был посвящен все-таки критике политической экономии капитализма, а не проектированию нового социально-экономического строя. Именно поэтому достаточно вескими выглядят сегодня утверждения о том,

что и «научный социализм» в определенном смысле оказался утопией.

Как мы уже подчеркнули, по мнению К.Островитянова величину прибавочного продукта при социализме должны определять сами государство и партия. Это суждение подводило псевдонаучную основу под имевший в действительности место процесс сокращения в годы Великой Отечественной войны *необходимого* продукта и нормы потребления. Если рассматривать смысл этого суждения шире, то он заключался в создании условий для перманентного перенакопления в экономике нашей страны одних ресурсов и хронической нехватки других ресурсов.

В этой связи не случайно вплоть до 70-х годов XX века в экономической литературе преобладало представление о величине *необходимого* продукта как жестко фиксированной для каждого отдельного этапа [23].

Представляется, что гносеологические корни подобных суждений лежат именно в попытке с позиций функционального подхода обосновать наличие *прибавочного* продукта при социализме. Этот подход как раз и сформировался в своем зрелом виде в первой половине 40-х годов XX века.

Это, на наш взгляд, свидетельствует об усилении хозяйственно-практической функции политической экономии как науки и об определенном ослаблении ее теоретико-методологической функции.

Функциональный подход, безусловно, сам по себе вещь совершенно нормальная. Но абсолютизация его значения – вещь недопустимая. Хотя через функции и проявляется сущность прибавочного продукта как такового, но никак нельзя отождествлять, как это фактически делалось в те годы, сущность и видимость (явление), форму и содержание.

Изучение категорий «необходимого продукта» и «*прибавочного продукта*» предполагает исследование и категории «*национальный доход*».

Незадолго до войны появился ряд работ, в которых категория национального дохода исследовалась не только как обобщающий показатель, но и как политэкономическое понятие, выражающее объективную экономическую действительность. В этих работах более полно по сравнению с 30-и годами XX века давалось изложение основных вопросов теории национального дохода, его исчисления, планирования, указывались и обстоятельно рассматривались факторы его роста [24]. Обращает на себя внимание

сама фразеология того времени: то, что сегодня в экономической литературе называется *национальным доходом* советские экономисты называли *народным доходом*. Не смотря на непривычность для современного читателя, такое название выглядит все же более корректным с научной точки зрения. Ведь наций, населяющий нашу страну много, а народ – то один. Другой вопрос как его называть: русский, советский, российский. Это – вопрос политологии. А с точки зрения экономической науки, создаваемый этим народом продукт и доход и должны называться «*народный продукт*» и «*народный доход*». Представляется, что в этом вопросе современная экономическая наука сделала все-таки некоторый шаг назад от достижений первой половины 40-х годов.

Попытки советских экономистов предвоенного и военного времени ввести в научный лексикон категорию «*прибавочный продукт*» с одной стороны способствовали преодолению *натуралистического* понимания категорий «*национальный продукт*», «*совокупный общественный продукт*». Но субъективизм в определении нормы накопления, непонимание сущностной разницы между *прибавочным* продуктом в различных способах производства и многое другое объективно тормозили исследование категорий *необходимого* и *прибавочного* продукта и *национального дохода*. В частности, допускалось отождествление в понятиях «общественный» и «народный», хотя понятно, что *антисоциальные* элементы в обществе (осужденные преступники, тунеядцы и т.п.) выпадают из его структуры, не могут включаться в качестве составных элементов общества, но при этом остаются частью (пускай и далеко не привлекательной) конкретного народа.

Наметившееся в первой половине 40-х годов признание национального дохода как вновь созданной стоимости стало в послевоенные годы вообще исчезать, как несовместимое с основными положениями работы И.В.Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [25].

Так, в своих «Замечаниях по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года» И.В.Сталин заявил о непригодности этих категорий для нашей экономики и таким образом полностью перечеркнул собственные высказывания, сделанные им же на совещании в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года.

И все-таки, признание правомерности употребления в экономических исследованиях категории «*прибавочный продукт*» при социализме было в первой половине 40-х годов поставлено в

повестку дня в экономической литературе, а ее политэкономическое содержание все в большей степени начинает увязываться с теоретико-экономическим анализом всего общественного воспроизводства. Попытки отвергнуть правомерность употребления этой категории в экономической науке 50-х годов оказались тщетными.

Интересно, что советских экономистов интересовали не только задачи определения политэкономического содержания категории «*прибавочный продукт*», но и вопросы, связанные с производством, обменом, распределением и потреблением этого продукта в конкретных условиях хозяйствования в СССР. Среди таких конкретных вопросов: норма накопления и норма потребления, пропорции между различными отраслями экономики, приоритеты поставок и т.п. Таким образом, глубина политэкономических абстракций, поиск глубинных связей, изучение сущности прибавочного продукта во все большей степени увязываются с разработкой конкретных вопросов его использования в реальной хозяйственной практике, с выработкой конкретных методов и способов его перераспределения и исчисления, практических рекомендаций по их эффективному включению в реальную экономическую жизнь общества.

Так, Н.А.Вознесенский и К.В.Островитянов, например, считали, что распределение вновь создаваемого продукта должно обеспечивать: во-первых, рост масштабов накопления при социализме; во-вторых, рост материального и культурного уровня жизни народа; в-третьих, более быстрые темпы развития производительных сил в СССР по сравнению с капиталистическими странами. В экономической литературе тех лет велись споры и имелись определенные разногласия среди экономистов в вопросах приоритетности конкретных задач, в оценках необходимых темпов накопления в СССР. Не всегда эти разногласия могли быть высказаны на страницах печати, поскольку периодические издания в те годы подвергались жесткой цезуре. Все, что в разрез с генеральной линией ЦК ВКП(б) – снималось с публикации. Но в вопросах, которые дискутировались в ЦК, экономисты были вольны вести определенные дебаты, в том числе и на страницах журналов.

Однако, бывали случаи, когда даже вполне корректные в политическом отношении высказывания специалистов «не проходили». Об этом свидетельствует, например, случай с открытым письмом А.Спундэ, написанного еще 28 декабря 1943

года, но опубликованным спустя сорок семь лет после его написания. В нем, в частности, написано: «Окончание процесса обобществления экономики должно было подорвать помехи со стороны всех корыстных классовых сил, а в жизни получилось наоборот. Когда мы обобществили только промышленность, что развязало инициативу масс, когда вдобавок создали еще и общественное сельское хозяйство, давящий гнет госаппарата дошел до пределов, ведомых лишь в крайне реакционные периоды феодализма, а при капитализме известных в такой тяжелой форме лишь на короткие исторические периоды» [26].

Причина столь долгого забвения данного документа заключается в крайне важной и острой проблеме, затронутой в письме – в бюрократизации системы управления народным хозяйством, которое осуществлялось при непосредственном участии верхушки партийно-государственной номенклатуры. Собственно экономический аспект проблемы состоял в том, что, по мнению А.Спундэ, содержание этой верхушки слишком дорого обходится обществу и стране.

В решение вопросов наращивания темпов экономического роста, расширения производства, повышения производительности труда существенные изменения внесла военная обстановка. Категории *национального дохода* и *прибавочного продукта* рассматривались под углом зрения нужд *военной экономики.* Под военной экономикой подразумевалась такая организация народного хозяйства, когда все было подчинено одному общему делу: обеспечению победы над врагом. Лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» являлся квинтэссенцией военной экономики как специфического способа организации и ведения народного хозяйства в экстремальных условиях военного времени.

Практически все экономисты рассматривали упомянутые выше категории не абстрактно, не отвлеченно, а именно в контексте военной экономики. Так, И.Кузьминов отмечал, что «*народный доход*» является основным, хотя и не единственным, источником, из которого в СССР «черпаются средства для ведения войны», что «социалистическая экономика позволяет в условиях войны осуществлять расширенное воспроизводство», а, следовательно, создается возможность роста «народного дохода» [27].

Весьма интересен намек экономиста на «другие источники» для расширенного воспроизводства в военное время. Что под ними подразумевалось, И.Кузьмин не стал уточнять. Если имелись в виду

конфискации имущества граждан или внешние займы, доля этих «других» источников в финансировании экономики страны была крайне ничтожна.

Вместе с тем, ряд исследователей обращал внимание на возрастающую роль в финансировании нужд обороны других источников: сбережений и пожертвований населения; средств, получаемых государственным бюджетом по итогам распределения займов и др. И доля этих источников в финансировании нужд войны была заметно больше. Следовательно, определенная доля в финансировании нужд военного хозяйства приходилась не *необходимый продукт.* Именно поэтому, даже с экономической точки зрения, Великая Отечественная война была войной *народной.*

В экономической литературе тех лет подчеркивалось, что характер использования денежных накоплений населения нашей страны был принципиально иным, нежели в капиталистических странах. В исследованиях Е.Варги, Ю.Винцера, С.Вишнева, А.Гуревича, Ф.Михалевского, Р.Левина, И.Трахтенберга и некоторых других показаны попытки капиталистических государств переложить основную тяжесть ведения войны на плечи рядовых граждан. Это нашло свое отражение в росте налогов с населения, огосударствлении части монетарных запасов золота граждан (тезаврационных накоплений), перераспределении национального дохода в пользу монополий – поставщиков вооружения и соответствующих военному времени товаров (за счет так называемой государственной поддержки, которая, в конечном счете, выливалась в высокие бонусы банкиров и маржу между государственными ценами по госзаказам и рыночной ценой при перепродаже конкретных товаров) [28].

В нашей стране в большей мере, чем в капиталистических странах, использовались для финансирования нужд войны добровольные пожертвования граждан и средства, получаемые от распределения государственных займов.

Особое внимание в экономической литературе тех лет уделялось категории «издержки войны», «стоимость войны», «стоимость военной продукции» и т.д. Так, Ш.Турецкий писал: «Военные расходы являются частью стоимости войны. Общая стоимость войны определяется: 1. Затратами на ведение войны; 2. Потерями, причиненными войной в связи с прямым уничтожением и расхищением материальных ценностей; 3. Ущербом от вынужденного отвлечения части производительных сил от

производства продукции, в нормальных условиях обеспечивающей увеличение национального богатства; 4. Ущербом от прямого недоиспользования части производительных сил страны в результате временной оккупации ее территории, блокады и т.д.» [29].

Интересно в этой связи отметить, что, в отличие от Дж.М.Кейнса, А.Пигу и других западных экономистов, считавших военную экономику условием экономической стабильности и повышения эффективности общественного производства, роста национального богатства (так называемый «эффект Пигу», «общая теория занятости Дж.М.Кейнса и проч.), отечественные экономисты не включали военную продукцию в состав национального богатства СССР и не делали выводов о стимулирующем воздействии военного хозяйства на общий процесс развития экономики. Они большее внимание обращали на нарастание диспропорциональности в народном хозяйстве, на перекосы в структуре национальной экономики, вызванные военным временем и отмечали, что «переключение» гражданских отраслей на обслуживание нужд фронта – явление временное и несущее в себе определенную угрозу деформации макроэкономических пропорций.

В определенной степени к этому выводу еще в 1942г. пришел и В.Леонтьев, будущий Нобелевский лауреат по экономике, который опроверг предсказания о том, что послевоенная конверсия неизбежно приведет к массовой безработице [30].

К этому же выводу пришли и некоторые современные западные экономисты, фактически отвергнувшие утверждения своих коллег о будто бы полезном эффекте военного производства [31].

Характерно, что экономисты 40-х годов обращали внимание на искусственно низкие цены на военную продукцию, несоответствие между условиями развития «военных» и «гражданских» отраслей промышленности в нашей стране. Вместе с тем само понятие *дороговизны* военной продукции, анализ взаимосвязи уровня цен на нее с уровнем милитаризации всей экономики страны в начале 40-х годов начинают постепенно исчезать из экономической литературы. Причиной этого было, естественно, не нежелание экономистов разобраться в сути вопроса, а несвоевременность самой постановки данного вопроса, поскольку рассуждать о дороговизне военной продукции в условиях, когда враг был уже под Москвой, было просто бессмысленно.

Но, как бы там ни было, в теоретическом плане, элиминирование данной проблематики было определенным шагом назад по

сравнению с дискуссиями 20-х годов, посвященными проблемам ценообразования, денежного обращения и развития кредитных отношений в стране [32]. Более того, это обстоятельство можно рассматривать и как определенный откат в развитии теоретико-методологических исследований экономистов даже по сравнению с 30-ми годами XX века, когда даже в условиях сталинских контрреформ дороговизна рассматривалась как политэкономическая категория и исследовалась в контексте *реальной* и *номинальной* форм доходов субъектов хозяйственной деятельности, в контексте соотношения затрат и прибыли [33].

Конкретизируя задачи экономической науки в годы войны, известный экономист того времени Г.Александров справедливо отмечал, что в военное время серьезно изменяется процесс развития общества (личная жизнь людей, внутренние и внешние государственные отношения, правовые взаимоотношения граждан в обществе и т.д.) Этими изменениями в определенной мере можно объяснить и активизацию интереса экономистов к категориям «*издержки войны*» и «*военное хозяйство*»

При этом Г.Александров выделял следующие задачи экономической науки: во-первых, обобщение передового опыта, накопленного в годы войны по обслуживанию военного хозяйства, в частности, в области перевода предприятий с выпуска мирной (гражданской) продукции на изготовление военного оборудования; во-вторых, изучение и обобщение проблем размещения промышленности в связи с оккупацией значительной части территории страны агрессором, эвакуацией многих предприятий из европейской части страны в е восточные районы; в-третьих, изучение и решение проблем в области развития сельского хозяйства, связанных, прежде всего, со снабжением армии продовольствием и другой необходимой продукцией [34].

Такая конкретизация задач экономической науки в период Великой Отечественной войны свидетельствует, как нам кажется, об усилении хозяйственно-практической ее функции. Это, конечно, не означает, что идеологическая и гносеологическая функции экономической науки не находили своей реализации, но их роль в развитии не только самой экономической науки, но и всей хозяйственной практики в военное время была существенно снижена. Тем не менее, о развитии идеологической и гносеологической функции экономической науки в условиях военного времени свидетельствуют как разработка

методологических и общетеоретических проблем (вопросы о характере действия экономических законов, о сущности необходимого и прибавочного продукта, о структуре национального дохода и народного богатства и т.д.), так и широкая пропаганда экономических знаний среди населения, публичная критика различных буржуазных и ревизионистских теорий. Конечно, сегодня, учитывая исторический опыт прошлых лет, можно сказать, что идеологическая и гносеологическая функции экономической науки в нашей стране в годы войны были существенно деформированы и в основном сводились к оправданию (апологетике) экономической политики государства, созданию иллюзии в правильности всех его действий.

Этим задачам служила пропаганда экономических знаний в годы войны. Ее необходимость обосновывалась тем, что в военное время условия работы на предприятиях усложнились, а ответственность руководителей и требования к ним повысились как никогда. Немаловажным фактором являлось также новое пополнение хозяйственных руководителей, часто не имевших достаточного опыта и образования. Отсюда делался вывод о том, что такая пропаганда имеет первостепенное значение для совершенствования управления предприятиями, для воспроизводства управленческих кадров, которые, как гласила известная установка, «решают все» [35].

Однако, пропаганда экономических знаний в первой половине 40-х годов XX века в нашей стране слабо подкреплялась материальной базой, часто подменялась партийной агитацией и пропагандой. *Кружковая* система обучения, сложившаяся в довоенное время и раскритикованная И.В.Сталиным на XVIII съезде партии, так и не была заменена индивидуальным обучением, отсутствовала единая лекционная система, необходимая литература для самостоятельного обучения. Наконец, в области пропаганды экономических знаний в военный период складываются две четко выраженные особенности: во-первых, в пропаганде экономических знаний наблюдается превалирование конкретно-экономической проблематики (организация рабочего места, повышение производительности труда, нормирование труда и проч.); во-вторых, пропаганда экономических знаний осуществляется преимущественно на уровне партийно-хозяйственного актива, т.е. руководящего звена народного хозяйства. Основная масса рабочих и служащих в общем и целом остается вне рамок пропаганды экономических знаний, а сама эта пропаганда не

получает систематического и массового характера. Выполнение же решений XVIII съезда партии об организации так называемой «Ленинской школы» для среднего звена кадров и об организации в каждом областном центре годичных курсов по переподготовке низового звена кадров было сведено на нет в связи с началом войны.

В связи с мобилизацией значительного числа квалифицированных специалистов на фронт, сокращением квалифицированных педагогических кадров и действующих вузов наладить экономический всеобуч в годы Великой Отечественной войны не удалось.

Кроме того было приостановлено издание ряда специализированных экономических изданий: только с 1944 года стали выходить «Ученые записки Ленинградского государственного университета» и «Научный бюллетень трудов Ленинградского государственного университета»; в 1942-1943 годах не издавался журнал «Плановое хозяйство»; с 1942 по 1944 годы не публиковался журнал «Вестник высшей школы»; с 1942 по 1945 годы не выходил журнал «Деньги и кредит» и т.д.

Естественно, тому были объективные причины: в блокадном Ленинграде было не до научно-издательской деятельности. Многие редакции периодических изданий в крупных городах страны были не укомплектованы кадрами и т.п.

Негативно сказалось на развитии экономической науки отвлечение квалифицированных ученых – экономистов от научно-исследовательской работы на пропаганду «установок» партии и правительства, на пропаганду «преимуществ» социализма и иные сугубо идеологические мероприятия. Это служило реализации высказанной И.В.Сталиным на XVIII съезде ВКП(б) идее о необходимости обеспечить «новый размах марксистско-ленинской пропаганды в нашей стране». А мотивировалось такое отвлечение кадров ученых на обслуживание и пропаганду партийных правительственных директив тем, что «настоящий ленинец не может быть только специалистом в облюбованной им отрасли науки» [36].

И, тем не менее, не смотря на эти и некоторые другие негативные обстоятельства, в военное время в отечественной экономической науке происходили интересные внутренние (эндогенные) процессы, связанные с формированием и развитием конкретных экономических дисциплин. Специализация различных областей научного знания, углубление научных представлений в области управления экономикой, материально-технического снабжения, организации

производства свидетельствовали о поступательном тренде в состоянии экономической науки. Значительный интерес для анализа условий и динамики развития экономической науки тех лет представляет изучение истории экономических учений (*истории экономической науки*), о которой можно судить по публикациям военного времени [37].Развитие истории экономической науки в тяжелейшее военное время свидетельствует о стремлении отечественных экономистов переосмыслить закономерности исторического развития в целом, а развития народного хозяйства в нашей стране в частности, в контексте реалий военной обстановки. При этом им вольно или невольно приходилось выходить за традиционные рамки классовой идеологии и рассматривать отдельные вопросы организации и функционирования народного хозяйства в контексте общемировых процессов, общих процессов, характерных для всей мировой экономики в целом.

Важное значение для формирования целостной картины общего процесса развития экономической науки в нашей стране, и прежде всего, развития ее идеологической и гносеологической функций, имеет вопрос об изучении советскими экономистами наследия К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина. естественно, что изучение работ классиков и попытки их творческой интерпретации были на первом месте во многих теоретико-экономических работах тех лет. И здесь особого внимания, на наш взгляд, заслуживает выдвинутая в 40-е годы известным экономистом Д.Розенбергом точка зрения на историю создания «Капитала» К.Маркса. По мнению Д.Розенберга, К.Маркс в ходе работы над «Капиталом» изначально планировал свести все его содержание в шесть книг. Но затем он отказался от «плана шести книг», изложенного им во «Введении» (август 1857 года) и в «Предисловии» к «Критике политической экономии» (январь 1859 года), а также в письмах 1858-1859 годов.

Д.Розенберг полагал, что К.Маркс заменил этот план другим членением экономической теории капитализма и выбрал так называемую «триаду»: процесс производства капитала; процесс обращения капитала; единство процессов производства и обращения капитала. По мнению Д.Розенберга, в рамках «Капитала» дан тот анализ конкуренции, кредита и ряда других конкретных вопросов, который К.Маркс раньше относил к отделам 2-4 книги 1 и книгам 2-6 плана шести книг. Аргументируя свою точку зрения по этому вопросу, Д.Розенберг, безусловно, один из наиболее глубоких отечественных исследователей «Капитала» и автор известных

«Комментариев» к «Капиталу», писал: «Раньше К.Маркс предполагал изложить свои экономические воззрения в виде отдельных монографий, и одну из этих монографий посвятить анализу капитала, а другие монографии – наемному рынку, словом, разным сторонам буржуазной экономики. Все же монографии объединялись единой идеей и общим революционно-критическим направлением. Но Маркс на этом остановиться не мог. Углубляясь в анализ отдельных сторон буржуазной экономики, он увидел, что все это определяется движением капитала, а потому должно рассматриваться как исследование разных форм проявления последнего» [38].

В 1947 году, развивая свою концепцию создания «Капитала» (изначально сформулированную как раз в военное время), Д.Розенберг отмечал, что «уже в первом выпуске 1859 года Маркс начал надлежащим образом излагать «действительное движение». Это изложение должно было принять и приняло форму «восхождения» от наиболее простой категории, каковой является *товар* как «форма экономической клеточки» буржуазного общества, - ко все более усложняющимся категориям. Тем самым, вместо предлагавшихся шести книг монографического характера К.Маркс своим первым выпуском кладет начало единой, обобщающе – синтетического характера книге» [39].

В 80-е годы XX века эта концепция вновь привлекла внимание отечественных экономистов. А.М.Коган, например, считал, что Д.Розенберг не сумел доказать, что «план шести книг» не позволял К.Марксу изложить «действительное движение» с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному. На этом основании А.М.Коган делал вывод о том, что К.Маркс не отказывался от «плана шести книг» при написании «Капитала», а, наоборот, полностью руководствовался этим планом [40].

Другой известный экономист И.М.Мрачковская полагала, что А.М.Коган неверно трактовал вопрос о том, в какой мере К.Маркс реализовал первоначальный план написания шести книг при работе над «Капиталом» и сделала вывод о том, что К.Маркс использовал его, но переработал этот план [41].

Интересно, что выдвинутая Д.Розенбергом в годы войны теория написания «Капитала» К.Маркса оказала заметное влияние и на послевоенное развитие экономической науки, прежде всего, теоретической экономики. Содержание дискуссии, которая велась по

этому вопросу в 80-е годы прошлого столетия, достаточно полно отражено в литературе [42].

Но важно отметить два обстоятельства: во-первых, обращение к вопросу о логике изложения главного сочинения К.Маркса в конце 30-х – начале 40- х годов XX века было не случайным. После осуществления сталинских «реформ» в конце 30-х годов необходимо было все-таки их «скорректировать», «сверить» с представлениями классиков о путях и методах строительства социализма. И здесь обращение к первоисточнику, как казалось, давало возможность, хотя и задним числом, оправдать многие из тех сталинских «преобразований», которые очевидным образом не вписывались в ленинский план построения социализма в нашей стране.

В этой связи следует подчеркнуть, что изучение логики развития социально-экономических систем (формаций) имело огромное значение для общего развития самой экономической науки в нашей стране. Можно также вспомнить, что на совещании в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года И.В.Сталин, хотя и достаточно «вольно» отнесся к замечанию о несоответствии некоторых его замечаний взглядам К.Маркса, тем не менее не мог позволить себе такого в отношении взглядов В.И.Ленина по вопросу о строительстве социализма. Говоря о структуре учебника политической экономии и логике изложения в нем материала, он, в частности, рекомендовал экономистам руководствоваться рецензией В.И.Ленина на книгу А.Богданова, где был одобрен такой порядок изложения, когда категории политической экономии анализировались последовательно при изучении каждой общественно-экономической формации. Вот эту последовательность, с учетом специфики нового способа производства и конкретных условий экономического развития в СССР, и необходимо было проанализировать. Иными словами, если даже великий К.Маркс отказался от своего первоначального замысла дидактического изложения теории капиталистического производства в «Капитале» и дал изложение этой теории в контексте «движения капитала», т.е. в развитии, как общую, то теория строительства социализма в СССР также должна быть *общей*, излагаться в контексте развития реальных условий и интерпретироваться *творчески*. Казалось бы, отход от догматизма – святое дело. Но смотря куда такой отход осуществляется. К сожалению, в общем и целом, он был осуществлен в сторону волюнтаризма, что негативно сказалось на постановке и решении многих методологических и общетеоретических проблем в политической экономии.

Во-вторых, формирование и развитие самой политической экономии социализма как науки, т.е. в узком смысле слова, характеризующей и отражающей основные черты нового нарождающегося способа производства, без соблюдение этой последовательности в анализе и изложении экономических процессов, без внутренней логики системы политэкономических категорий, было бы не возможно, так как, по справедливому выражению Д.К.Трифонова, «переход от одних категорий к другим не является произвольным. Он обусловлен их содержанием» [43].

Среди других вопросов, которыми занимались историки экономической науки, можно назвать изучение ленинского наследия. Следует отметить ряд обстоятельств, характерных для этого изучения. И.В.Сталин всегда и везде подчеркивал преемственность курса ВКП(б) и правительства заветам В.И.Ленина. Но при этом он часто говорил о необходимости «творческого» развития ленинских идей. И это обстоятельство крайне важно для понимания всего процесса развития экономической науки в нашей стране.

Во-первых, характерно, что изучение и пропаганда ленинских идей велись *неразрывно* с пропагандой и изучением идей И.В.Сталина. При этом допускались отступления от исторической правды, искажения, приписывание ряда ленинских идей И.В.Сталину, преувеличение заслуг последнего в области развития экономической науки.

Это способствовало появлению утверждений об исключительных заслугах И.В.талина в развитии экономической теории и даже заявлений о том, что именно И.В.Сталин «создал политическую экономию социализма» [44].

Сегодня подобные оценки выглядят смешными. Но в то время было не до смеха. Народу внушали, что И.В.Сталин – крупный ученый. А присвоение ему звания академика – лишь заслуженная оценка его научного вклада.

Однако, и сейчас подобные оценки снова требуют своего анализа и осмысления. Дело в том, что наша доморощенная бюрократия, нет-нет, да и пытается организовать очередной культ личности вождя. Конечно, с Первым Президентом России такой номер пройти не мог по вполне понятным причинам. Но его преемники – люди энергичные и гораздо более симпатичные. Так почему бы не попробовать? И хотя время для подобных культов навсегда ушло в прошлое, но докажи это нашему чиновнику!

Во-вторых, изучение ленинского наследия в годы войны постепенно *подменялось* его пропагандой. При этом пропагандировались только те ленинские идеи, которые не противоречили взглядам самого И.В.Сталина по вопросам строительства социализма в нашей стране. Поэтому нужно признать, что военное время стало наиболее благоприятным периодом для того, чтобы в экономических исследованиях возник и на долгие десятилетия закрепился избирательный, даже конъюнктурный и релятивистский подход к использованию ленинского наследия. «Творческое» же развитие его идей и их трактовка становятся в нашей стране прерогативой одного человека – И.В.Сталина. В этом состояла другая сторона культа личности И.В.Сталина.

Поэтому формирование культа личности И.В.Сталина было связано не только и не столько с победой нашего народа в Великой Отечественной войне и приписыванием «выдающейся роли» в организации этой победы конкретному человеку. Формирование культа личности И.В.Сталина было теоретически обосновано и связано с творческим развитием им ленинского плана построения социализма в СССР.

Но важно также подчеркнуть «школярский», весьма упрощенный и даже вульгарный характер изложения многих ленинских идей в литературе первой половины 40-х годов [45]. Ярким примером такого «творческого» развития идей В.И.Ленина является выход в 1940 году массовым тиражом «Политического словаря», в котором содержалась пропаганда многих сталинских идей, часто весьма сомнительного свойства. Так, в этом словаре было написано, что И.В.Сталин, продолжая и развивая учение В.И.Ленина о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, сформулировал вывод о возможности построения коммунизма в одной, отдельно взятой стране, т.е. в СССР. Причем даже в том случае, если сохранится враждебное для нашего государства капиталистическое окружение. По мысли авторов словаря, этот вывод «принадлежит к выдающимся открытиям марксистско-ленинской теории, равным по своему значению ленинскому открытию возможности победы социализма в отдельной стране» [46].

Налицо не просто фальсификация ленинского наследия, но и вульгарность собственно «сталинского вклада» в экономическую науку. И.В.Сталин и прикормленные «ученые» (а таких во все времена в нашей стране было немало!) не могли не знать, что на протяжении всего периода, начиная с 1915 года, когда была написана

работа «О лозунге Соединенных Штатов Европы», где впервые в самой общей форме формулировался данный тезис, и заканчивая 1923 годом, когда была написана работа «О нашей революции (по поводу записок Н.Суханова)», в которой этот тезис в последний раз аргументировался, В.И.Ленин рассматривал саму возможность победы *социалистической революции* в одной, отдельно взятой стране, только *первоначально*. Речь шла именно о *социалистической революции*, а не о победе социализма как строя. Употребляя данное понятие, В.И.Ленин никогда и нигде не утверждал, что победа социализма как общественного строя, как экономической системы возможна в отдельно взятой стране полностью и окончательно. Тем более, у него не было и не могло быть утверждений о возможности даже завершения строительства социализма в отдельно взятой стране и переходе к коммунизму в ней. Речь всегда шла только о *социалистической революции*, а не о способе производства, и о возможности *первоначальной* ее победы.

Сегодня, с учетом уроков истории рубежа XX – XXI веков, мы должны осознать причины крушения социалистической экономики в нашей стране. Произошло это не только и не столько по субъективным причинам, но и по вполне объективным обстоятельствам. Ни о какой полной и окончательной победе социализма как общественно-экономического строя в одной, отдельно взятой стране, ни К.Маркс, ни В.И.Ленин никогда не говорили. Тот факт, что этот строй накрылся медным тазом, что сами партийные и государственные руководители, собравшись в Беловежской Пуще, упразднили социалистическое государство, говорит об одном: мифотворчество всегда опасно, поскольку утраченные иллюзии могут нанести колоссальный вред не только обществу в целом, но и каждому, отдельно взятому человеку в частности. Советские люди жили в плену иллюзии о полной и окончательной победе социализма. Тем больнее было пробуждение. Вина за трагедию великой страны – СССР и ее народа – советского народа целиком и полностью лежит на таких мифотворцах.

Это делает ленинское наследие актуальным и в современных условиях. Бездумное забвение великих идей всегда опасно. Следует вспомнить о том,

что, возражая Н.Суханову и другим «героям» П Интернационала, не понимавшим специфических условий, в которых оказалась наша страна, В.И.Ленин подчеркивал, что для построения социализма нужны определенные условия, в частности, соответствующий

уровень развития производительных сил, развитие культуры, чего в нашей стране в начале XX века еще не было. Он рассматривал начало социалистической революции в нескольких или даже одной, отдельно взятой стране только как начало завоевания революционным путем предпосылок для создания того определенного уровня, на котором возможно построение социализма [47].

И в этом вопросе более или менее едино было практически все руководство партии, все окружение В.И.Ленина. Так, Л.Д.Троцкий, один из авторов теории мировой революции, тем не менее, считал, что «завоевание власти пролетариатом не завершает, а открывает социалистическую революцию» [48]. Н.И.Бухарин полагал, что прогресс производительных сил не начинается с самого начала революционного переворота и социализм придется строить достаточно долго уже после прихода пролетариата во власть, что все имеющиеся на момент этого прихода ресурсы и условия – это «лишь отправной пункт развития, которое обнимет собой громадную эпоху» [49].

Вот эти идеи и были проигнорированы сначала самим И.В.Сталиным в его работах и выступлениях, а затем и многими экономистами и историками тех лет. Возможность первоначальной победы социалистической революции в нескольких или даже одной, отдельно взятой стране была подменена лозунгом о возможности *полной* и *окончательной* победы социализма в СССР и построения в нашей стране коммунизма. При этом важнейшее условие для первоначальной победы социалистической революции – неравномерность развития мирового капитализма – также было предано забвению. Исчезло и употребление слов «*социалистическая революция*». Полностью игнорировалось то обстоятельство, что еще в 1918 году В.И.Ленин говорил о *переходных* этапах к социализму, подчеркивая, что мы не знаем и не можем заранее знать, сколько еще будет таких переходных этапов. Было также предано забвению ленинское положение о том, что на пути перехода к социализму возможны «отступления», «обходные маневры», такие, например, как использование инструментария государственного капитализма (концессии, акционирование, госзаказы и проч.), о чем В.И.Ленин говорил в своем докладе на IV Конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года. И, наконец, официальной сталинской пропагандой полностью умалчивался тот факт, что В.И.Ленин высказывал мысль о необходимости *исторически* подходить к пониманию и определению сущности социализма, предлагал коренным образом пересмотреть сложившуюся точку зрения на социализм. Особенно

четко об этом им было заявлено в работе «О кооперации», в которой он назвал социализм строем цивилизованных кооператоров.

Важнейший вывод В.И.Ленина по этому вопросу состоял в следующем: «Конечно, окончательная победа социализма в одной стране не возможна» [50].

Учитывая отношение И.В.Сталина к ленинским положениям на этот счет, нет ничего странного в том, что период с конца 30-х – начала 40-х годов XX века оценивался официальной пропагандой как время завершения социалистического строительства в нашей стране. В «Политическом словаре» 1940 года говорилось: «СССР вступил в новую полосу развития, полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» [51].

Существенным искажением ленинских идей является также сталинская концепция государства и его роли в экономическом развитии общества. Заявив на XVIII съезде партии о том, что коммунизм может быть построен в одной, отдельно взятой стране, И.В.Сталин утверждал, что в этом случае государство сохранится.

Упрекая, в частности, Ф.Энгельса в том, что при освещении роли государства и его судьбы в условиях построения нового общества тот «совершенно отвлекся от такого фактора, как международные условия, международная обстановка», И.В.Сталин расценил его идею об отмирании государства при коммунизме как антинаучную. Обвинения в адрес Ф.Энгельса об отвлечении от конкретных условий были, конечно же, несостоятельными. Собственно говоря, именно конкретными условиями коммунистического общества Ф.Энгельс и объяснял возможность отмирания государства. Но следует подчеркнуть, что Ф.Энгельс ставил вопрос о государстве и возможности его отмирания чисто гипотетически, в сугубо теоретическом плане.

И действительно, история не знала и не знает до сих пор фактов естественного отмирания государства, Впрочем, она не знает и фактов построения коммунизма в отдельно взятой стране. Провозглашение Парижской коммуны во Франции или пролетарского государства в России ничего в этом плане не меняют. Но абсолютизируя это обстоятельство, И.В.Сталин вообще отрицал правомерность таких допущений об отмирании государства. Он считал, что сохранение государства в любом обществе, при любой форме его организации обязательно. Критикуя представления Ф.Энгельса на этот счет как крайне абстрактные, И.В.Сталин

заявлял, что «нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране» [52].

С точки зрения *формальной* логики (не оправдались надежды российских революционеров на мировую социалистическую революцию, на ее перманентный характер; капитализму удалось в определенной мере стабилизировать положение, преодолеть кризис перепроизводства и т.д.) данное сталинское рассуждение не вызывает возражений. Однако, оно ничего не опровергает в высказываниях Ф.Энгельса, который связывал вопрос об отмирании государства не с победой социализма в СССР, т.е. не с конкретным случаем, а с победой коммунизма в мировом масштабе. И не более того.

Иными словами, чтобы опровергнуть Ф.Энгельса, И.Сталину необходимо было извратить его высказывания по данному вопросу. Что тот и сделал. Ведь Ф.Энгельс не придумывал никакой «формулы о судьбе социалистического государства». Он рассуждал об отмирании государства при *коммунизме*. Поэтому сталинские опровержения «*заблуждений*» Ф.Энгельса – это чистой воды профанация проблемы.

Кроме того, с точки зрения *диалектической* логики, вывод И.В.Сталина о неизбежности сохранения государства при коммунизме и о возможности победы коммунизма в одной, отдельно взятой стране, вообще не подкреплен никакими аргументами и расчетами. А потому этот сталинский перл выглядит несостоятельным.

Во-первых, новая общественно-экономическая формация (если выражаться традиционным «марксистским» языком), новые условия хозяйствования не могут быть сколько-нибудь долгое время продуктом и достоянием только одной «отдельно взятой» страны, какой бы «китайской стеной» или «перекопским валом» она не отгораживалась от остального мира. В конце концов, возникновение таких новых условий хозяйствования, если они доказывают свою эффективность и общественную полезность, - это естественно – исторический процесс, в который вовлекаются со временем все страны и народы. *Во-вторых*, в «бесклассовом обществе свободных и ассоциированных тружеников», каким, собственно говоря, и представлялся классикам пролетарской политической экономии коммунизм, неизбежно должны были отмереть все те функции, которые выполняло государство как таковое (функция насилия, подчинения, управления, контроля и проч.). Первые из

перечисленных функций отмирают в силу исчезновения межклассовых конфликтов в органически едином обществе. Функции управления и контроля общество берет непосредственно на себя, развивая самоуправление. Так, по крайней мере, мыслили классики пролетарской политической экономии. А что же И.В.Сталин?

По его мнению, государство неизбежно должно сохраниться даже при коммунизме. При этом он не считал коммунизм – очередной социальной утопией в духе Т.Мора, Э.Роттердамского, Л.Валлы, Т.Кампанеллы и т.д. Коммунизм, при всем своеобразии сталинского понимания данного термина, представлялся ему реальностью. Но как можно было логически сочетать несочетаемые идеи: идею сохранения государства при коммунизме и идею коммунизма как бесклассового общества? И вот тут И.В.Сталин выдвигает свой знаменитый тезис о том, что чем ближе наше общество продвигается на пути к построению коммунизма, тем ожесточеннее становится классовая борьба. А усиление классовой борьбы – прекрасный повод для сохранения и укрепления государства.

Эта полузабытая сейчас сталинская идея обойдена в исторической, экономической и философской литературе последних нескольких десятилетий вниманием. И это понятно: нет уже ни той *советской* страны, которая победила фашизм, ни того советского народа, который спас когда-то все человечество от фашистской заразы. Но это – не причина для забвения идей. Могут меняться условия, исчезать или возникать разные государства, культуры и цивилизации. Но идеи, тем более опасные идеи, которые ввергали и могли ввергнуть народы и страны в пучину войн или внутренних трагедий, помнить необходимо. И в этом состоит одна из важнейших функций истории в целом, а истории экономической мысли в частности. К сожалению, в обширной литературе, появившейся в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия и посвященной критике сталинизма, оказалось много эмоций и популизма, но мало конкретики. Это в полной мере относится и к политэкономическим аспектам, поскольку в этой литературе отсутствует серьезный анализ сталинских представлений о роли государства при социализме [53]. Это обстоятельство до сих пор не позволяет, как нам представляется, конструктивно и окончательно разрешить давно ведущийся среди гуманитариев спор о том, является ли сталинизм извращением марксизма-ленинизма, или же он органически вытекает из взглядов К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина.

Особенно отчетливо бесперспективность сталинского понимания роли и функций социалистического государства видна на примере его отношения к одной из важнейших функций государства – хозяйственной. Конкретизируя ее, И.В.Сталин выделял, во-первых, охрану социалистической собственности, во-вторых, обеспечение независимости советской экономики от капиталистического окружения и, в-третьих, упрочение экономической мощи СССР, особенно четко выражающейся, по его мнению, в объеме потребления промышленной продукции в расчете на душу населения.

По существу, все сталинское понимание роли социалистического государства в экономическом развитии ориентировалось на изолированное развитие народного хозяйства СССР, на отказ нашей страны войти в мировое общественное разделение труда, на обеспечение любыми способами (вплоть до использования труда политзаключенных) опережающих темпов экономического роста, на достижение лидирующих позиций по производству промышленной продукции, на постоянное перенакопление, на экстенсивное развитие экономики, на приоритетное развитие тяжелой промышленности.

Фактически, речь идет о формировании при И.В.Сталине *административной системы управления народным хозяйством* при социализме. Со всей определенностью следует подчеркнуть, что создатели пролетарской политической экономии ничего подобного даже не предполагали. Именно в этом смысле можно согласиться с мнением о том, что «то, что названо административной системой, основывалось на кромешной лжи» [54]. Извращение взглядов К.Маркса, Ф.Энгельса и даже В.И.Ленина – это одно их проявлений сталинской лжи, создавшей Административную систему социализма. После этого сама светлая идея социализма в умах миллионов простых граждан сегодня не только утратила свою привлекательность, но и ассоциируется с репрессиями/, насилием и обманом.

Резонно полагать, что сталинское понимание роли государства в экономическом развитии общества основывалось на самообмане, иллюзорности и примитивном упрощенчестве. На практике, как известно, выдвижение функции охраны социалистической собственности на первое место и недооценка всех других функций государства вели не к развитию, а к свертыванию хозяйственно-организаторской и культурно-просветительской роли государства, подменяло ее карательными мерами, фискальной направленностью.

Известно, что уже в ст.131 Конституции СССР от 1936 года была предусмотрена смертная казнь для лиц, покушавшихся на общественную (социалистическую) собственность. Тем самым был подтвержден закон от 7 августа 1932 года о высшей мере социальной защиты за хищение социалистической собственности – расстреле с конфискацией имущества.

Ленинская концепция профилактики преступности и применения мер социально-психологического и нравственного воздействия была полностью забыта. Сталинским руководством было взято из ленинских идей лишь то, что служило его интересам – репрессивный инструментарий. Никто сегодня не собирается обелять В.И.Ленина и забывать его знаменитое «лес рубят – щепки летят». Но избирательный подход сталинского руководства в этом вопросе оказался гораздо хуже, чем ленинская трактовка о защите интересов пролетариата. Всему можно было найти объяснения: ленинские взгляды на этот счет формулировались в условиях гражданской войны, сталинские – в условиях предвоенного и военного времени. Но выпячивание карательной функции государства в экономическом развитии – шаг назад по сравнению с ленинскими представлениями по данному вопросу.

В предвоенные годы И.В.Сталиным были извращены и многие идеи соратников В.И.Ленина в области правоохранительной деятельности. Например, идея Ф.Э.Дзержинского о замене смертной казни трудовыми исправительными работами и трудовым перевоспитанием преступников и правонарушителей была подменена практикой «сочетания» высшей меры наказания и использования труда заключенных для решения конкретных народнохозяйственных задач. Созданный при И.В.Сталине ГУЛАГ не шел ни в какое сравнение с теми репрессивными мероприятиями по защите экономических интересов Советской власти, которые предлагал Ф.Э.Дзержинский. Как говорится, все познается в сравнении…

Но при всем этом вполне можно согласиться с мнением о том, что « экономическая система сталинизма была более сложной и более гибкой, чем ее изображают во многих советских публикациях последнего времени» [55].

«Гибкость» этой системы состояла, прежде всего, в умении манипулирования экономическими показателями. Уж здесь – то официальная статистика могла задурить голову любому: производство мясо исчислялось не в убойном весе, а в живом;

урожайность исчислялась не в собранных показателях, а на корню; эффективность работы общественного транспорта измерялась в тонно-километрах и т.п. В итоге, вся система национального счетоводства оперировала дутыми показателями. Например, употребляя показатель *совокупного* общественного продукта, когда игнорировался механизм *двойного счета*, когда, например, производство того же зерна или мяса, учитывалось дважды (сначала как сырье, а затем как готовый продукт).

Изложенная И.В.Сталиным на XVIII съезде партии в 1939 году концепция о роли и задачах государства вполне согласовалась с его же представлениями о возрастающей роли государства в условиях войны и усилении карательной функции государства по отношению к «внутренним» и «внешним» врагам. Объявляя «врагами народа» часто совершенно невиновных граждан, сталинские «силовики» фактически развязали войну с собственным народом, причем войну на его уничтожение. И это – в условиях предвоенного и военного времени!

По существу все это было теоретическим и практическим обоснованием дальнейшего развития *командно-административной системы* (термин Г.Х.Попова) и соответствующего ей механизма управления экономикой. Справедливо замечание о том, что «сильнейшим стимулом к развитию советской власти в *диктаторском* направлении была военная опасность» [56].

Главный смысл, заключенный в выпячивании в качестве основной экономической задачи государства охраны социалистической (т.е. государственной) собственности, состоял, как нам представляется, в превращении нашей страны в единый *военный лагерь*. По сравнению с ленинской идеей превращения нашей страны в единую *фабрику труда* эта сталинская идея выглядела просто зловеще. Прежде всего, потому, что главным источником комплектования рабочей силы для многих отраслей народного хозяйства и для многих наркоматов стали массовые аресты, проводившиеся силами НКВД.

В огромной мере само выполнение народнохозяйственных планов в военные годы становилось возможным именно за счет привлечения огромных масс заключенных. Ведь такая «рабочая сила» практически ничего не стоила государству. А принятие 26 июня 1940 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» полностью согласовалось с линией июльского 1940

года Пленума ЦК ВКП(б) об усилении административного режима в стране.

Создание в нашей стране «лагерной экономики» и усиление административно-репрессивного воздействия на общественное производство в целом не могли не породить такой характерной черты у многих советских людей, как *отвращение к труду* [57]. Ленинская идея о превращении труда при социализме из средства к существованию в первую жизненную потребность была полностью дискредитирована. Гипертрофирование карательной функции государства, провоцируя это явление, как бы получало свое логическое обоснование.

Формулировка И.В.Сталиным в качестве важнейшей функции социалистического государства в области экономического развития страны, связанная с защитой государственной собственности от «различного рода диверсантов, шпионов и убийц» свидетельствовала не только о кошмарной терминологии тех лет, но и примитивности сталинского понимания роли государства в экономике. Ни К.Маркс, ни Ф.Энгельс, при всей их ненависти к эксплуататорам, никогда не ставили карательную функцию государства на первое место, не абсолютизировали ее. Более того, К.Маркс предлагал в качестве мирного сценария социалистической революции добровольную передачу капиталистами средств производства (за выкуп или на иных условиях) пролетарскому государству. При этом он предвидел и предсказал, к чему может привести такое выпячивание и гипертрофирование. В подготовительных работах для своей книги «Святое семейство», представлявших как бы черновые наброски, вошедшие в первое издание сочинение К.Маркса и Ф.Энгельса, он указывал на две возможные формы первой фазы коммунизма: демократическую и деспотическую. Во второе издание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса эти материалы не вошли, и понятно почему. Сталинскому режиму не нужны были упреки в деспотизме или тирании со ссылками на К.Маркса.

Отечественные экономисты совершенно справедливо обращали внимание на усиление роли государства в условиях войны, отмечали дальнейшее развитие процессов концентрации производства, централизации управления народным хозяйством, нарастание масштабов обобществления, специфику экономической политики государства в военное время и т.д. Но, в отличие от И.В.Сталина, многие из них ставили эти общие процессы в зависимость от военной ситуации, рассматривали как временное явление,

характерное для всех воюющих стран, а не только для нашей страны.

Представляется, что именно такой подход содержится в работах Е.Варги, Ю.Винцера, С.Вишнева, Н.Вознесенского, А.Гуревича, Л.Гатовского, И.Трахтенберга, А.Шпирта, Л.Фрея, Л.Эвентова и др. Так, Е.С. Варга (1879 – 1964), избранный 28 января 1939 года академиком АН СССР, прямо отмечал, что возрастание роли государства – результат стремительного роста хозяйственной деятельности в обществе. Но именно в условиях войны хозяйственная активность возрастает как никогда, и это характерно для любой военной экономики любой воюющей страны, будет ли это фашистская Германия или социалистическая экономика СССР [58]. С 1927 года Е.С.Варга возглавлял Институт мирового хозяйства и мировой экономики, который был в 1947 году ликвидирован по политическим мотивам, поскольку исследования экономики капиталистических стран, проведенные этим экономистом и его коллегами, противоречили ленинским представлениям о *загнивании* капитализма. В частности, можно сослаться на работу «Что дала Германии тотальная мобилизация» (1943), в которой просматриваются параллели с организацией военной экономики в СССР.

Была и другая причина закрытия Института мирового хозяйства и мировой экономики. Она связана с личной неприязнью И.В.Сталина к ученому. Е.С.Варга обвинял И.В.Сталина, отстаивавшего государственный централизм, в недостаточном проявлении пролетарского интернационализма [59].Очевидно, что именно в 40-е годы XX века противоречие между этими двумя направлениями в понимании закономерностей социально-экономического развития достигло своего апогея. Но просто так «убрать» ученого или игнорировать его И.В.Сталин не мог. Е.С.Варга был весьма известным ученым. В 1919 году он был председателем Высшего совета народного хозяйства Венгерской советской республики. После падения Венгерской советской республики он оказался в Москве. Он же являлся и основателем Института мирового хозяйства и мировой экономики. В 1942 году Е.С.Варга работал в комиссии «по подготовке дипломатических материалов» под председательством В.М.Молотова.

Конечно, свои взгляды на политику сталинского руководства Е.С.Варга открыто не формулировал. О них можно с достаточным основанием судить только по публикации посмертных записок, изданных уже после смерти ученого [60].Но вряд ли ученый

поступался своими убеждениями в своей профессиональной деятельности даже в условиях сталинского режима. Он одним из первых в истории отечественной экономической мысли выступил с критикой монополии коммунистической номенклатуры и с горечью констатировал: «Рост благосостояния высших слоев, их особое положение в обществе – неприкосновенность – все это сопровождалось полной утратой политической роли рядовых членов партии, их возможности оказывать влияние на политику партии!» [61]. Начало этого процесса как раз и приходится на первую половину 40-х годов XX века, когда военной обстановкой можно было объяснить многие злоупотребления партийной верхушки.

Другой экономист той поры С.Вишнев также связывал объективное возрастание роли государства с трудностями военного времени [62]. Аналогичным образом рассуждал и Н.Вознесенский [63]. При этом Е.Варга и И.Трахтенберг особое внимание обращали еще и на обострение межимпериалистических противоречий, вызывавших необходимость вмешательства государства в решение различных внутренних и внешних противоречий (определение валютного курса, проведение товарных интервенций, преодоление экономических кризисов и проч.). Они также связывали активизацию роли государств в капиталистических странах с возрастанием мощи военно-промышленных монополий. Так, И.Трахтенберг обращал внимание на то обстоятельство, что крупнейшие военно-промышленные корпорации стремились добиться такого участия государства в организации военного производства, которое гарантировало бы им максимальные прибыли [64]. Одним из первых в истории отечественной экономической науки И.Трахтенберг употребил и обосновал категорию «*мировое хозяйство*». В свою очередь Е.Варга сделал вывод о том, что концентрация производства, усиленная концентрацией и централизацией капитала, имеет, по всей видимости, для капитализма окончательный и бесповоротный характер [65].

Но подавляющее число отечественных экономистов не абсолютизировали тех конкретных изменений, которые происходили в реализации государством его функций, не занимались апологетикой экономической политики сталинского руководства. Конечно, сталинские представления о роли государства в экономическом развитии общества способствовали усилению тенденции к сверхцентрализации, сверхобобществлению, расширению практики администрирования. Но, говоря о единстве и

борьбе двух основных тенденций в истории отечественной экономической науки (с одной стороны, тенденции к ее демократизации, открытости, а, с другой стороны, тенденции к ее превращению в ширму для сталинского произвола) нельзя не отметить и определенное, пускай порой крайне незаметное и не ощутимое действие тенденции к демократизации управления самой экономикой, к повышению роли человеческого фактора в общественном производстве.

Свидетельством этого могут служить решения февральского 1941 года Пленума ЦК ВКП(б) по устранению голого администрирования и развитию системы премирования передовиков производства. На XVIII партийной конференции также прозвучала критика в адрес использования карательной функции государства в области экономики, в адрес силовых структур, занимавшихся показухой и ненужными зачистками. Это свидетельствует о том, что далеко не все в партии придерживались сталинских взглядов на роль государства в экономике. Критиковалась, в частности, кампания по укреплению трудовой дисциплины такими средствами, как Указ от 26 июня 1940 года.

На этом основании, как пишет Р.Такер, очень многие советские люди во время войны ожидали какой-то перестройки, потом в послевоенные годы – глубоких перемен [66]. Но партийный аппарат и государственное чиновничество знали свое дело: они быстро расправлялись с инакомыслием. Да и условия войны только способствовали неправильному пониманию И.В.Сталиным и его окружением сущности хозяйственной функции государства. А возобладание тенденции к сверхцентрализации, сверхобобществлению, администрированию в экономике эти надежды на правильное понимание функции государства в развитии народного хозяйства окончательно похоронило.

Извращение же идеологической функции экономической науки, сведенной к апологетике режима, забвение ленинской мысли о том, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата» [67], только усугубили положение.

Подводя итог анализу состояния и разработки методологических и общетеоретических проблем экономической науки в первой половине 40-х годов XX века, в условиях Великой Отечественной войны, следует, думается, обратить внимание на противоречивый, крайне трудный характер их постановки и изучения. Культ личности

И.В.Сталина и военное время, сама военная обстановка тех лет объективно тормозили развитие экономической науки, в первую очередь – политической экономии как ее теоретической основы. Однако, и это принципиально, экономическая наука в нашей стране в этот крайне сложный период ее истории все-таки развивалась, ставила и решала фундаментальные проблемы, разрабатывала и совершенствовала свой категориальный аппарат, методологию анализа объективной экономической реальности.

Примечания:

1. Некоторые вопросы преподавания политической экономии // Под знаменем марксизма. 1943. № 7-8. С.58.
2. История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. 2-е изд. Л.: ЛГУ. 1983. С.27.
3. Валовой Д.В. Экономика в человеческом измерении. Очерки – размышления. М. 1988. С.57.
4. См.: Лабутин А.В.Предмет политической экономии социализма // Из истории политической экономии социализма в СССР в 30-50-е годы / Под ред. Г.Г.Богомазова. Л.: ЛГУ. 1988. С.18-19.
5. Цит. по: Валовой Д.В. Экономика: Взгляды разных лет. Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма. М.: Наука. 1989. С.54.
6. См.: Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат. 1952. С.10-12.
7. См.: Политический словарь / Под ред. Г.Александрова, В.Гальянова, Н.Рубинштейна. М.: Госполитиздат. 1940. С.106-107.
8. См.: Островитянов К. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства // Большевик. 1944. № 23-24. С.46-60; Он же. О методах преподавания политической экономии // Вестник высшей школы. 1945. №3.С.25.
9. Указ. соч. С.64.
10. См.: История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: Кнорус. 2007.С.99-100.
11. См.: «Ленинградское дело» / Сост.: В.И.Демидов и др. Л. 1990. С.103.
12. См.: Атлас М., Фридберг Л. Проблемы политэкономии социализма в трудах Н.А.Вознесенского // Вопросы экономики. 1983. №12.С.74.
13. См.: Леонтьев Л. Место политической экономии в марксистско-ленинской теории // Пропагандист. 1944. №21.С.22.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.539.
15. Цит. по: Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. С.57.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25.Ч.П.С.385 -386.
17. См.: Викентьев А. К вопросу о необходимом и прибавочном продукте при социализме // Вопросы экономики. 1960.№10; Кукушкин М.С. Народный доход. Л. 1965; Агеев В.М. Производство вновь созданной стоимости при

социализме. М.1970; Прохоренко И.Д. Развитие социалистических производственных отношений. М.1972; и др.

18. См.: Ревайкин А.С. Необходимый продукт, его величина и структура при социализме. Петрозаводск. 1974; Шилейка А. Необходимый продукт как экономическая категория социализма. Вильнюс. 1976; и др.

19.См.: Курочкин Ю.П. Социально-экономическая природа и формы необходимого продукта при социализме. Л.1984.

20.См.: Пашков А.Развитие в СССР политической экономии социализма // Развитие революционной теории Коммунистической партии Советского Союза. М. 1967. С.108.

21.Островитянов К. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства // Большевик. 1944. № 23-24. С.46.

22.Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23.С.182.

23.См.: Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики. М. 1981.С.172-173; Курочкин Ю.П. Указ. соч. С.12; и др.

24.См.: Краснолобов И.М. Планирование и учет народного дохода. М. 1940; Колганов М.В. Народный доход СССР. М.1940; и др.

25.См.: Бор М. О некоторых вопросах национального дохода социалистического общества // Вопросы экономики. 1954.№10.С.80; Попадюк К. Вопросы теории национального дохода социалистического общества в советской экономической литературе второй половины 30-х - конца 50-х гг. // Экономические науки. 1983. №11.С.67.

26. См.: Спундэ А. Открытое письмо // Коммунист. 1990. №7. С.5.

27. Кузьминов И.Социалистическая экономика в условиях войны // Большевик. 1943. №4.С.42-43.

28.См.: Варга Е.Решающая роль государства в военном хозяйстве капиталистических стран // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. №1.С.1 Большевик.1943.№1; Гуревич А. Новые тенденции в военной экономике США, Англии и Канады // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. №1-2. С. 21-29; Михалевский Ф.И. Золото в период мировых войн. М. 1945; Трахтенгберг И. Финансирование войны и инфляция // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. №2-3.С.3-21.

29. Турецкий Ш.Об издержках войны и экономике производства // Большевик. 1945. №3-4.С.34.

30. См.: Гранберг А.Г. Василий Леонтьев. Путь к открытию // ЭКО. 1990.№5.С.75.

31. См.: Мелман С Прибыли без производства: Пер. с англ. М.: Прогресс. 1987; др.

32. См.: Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика. 1989. – 142с.

33. См.: История политической экономии капитализма: Очерки / Под ред. А.А.Демина, Н.В.Раскова, Л.Д.Широкорада. Л.: ЛГУ. 1989. С.31 и др.

34. См.: Александров Г. Отечественная война советского народа и задачи общественных наук // Большевик. 1942. №9.С.41-42.

35.См.: Евстафьев Г., Ляпин А. К вопросу об экономическом образовании партийных и хозяйственных кадров в условиях войны // Пропагандист. 1943. №7-8. С.21-25; Локшин Э. Что такое культура производства? // Большевик. 1941.№10. С.21-25; Фокин И. Что дает экономическое образование партийно-хозяйственного актива завода? // Пропагандист. 1942. №17; Хромов П. Реакционная немецкая политическая экономия // Большевик. 1944. № 17-18. С.31-42; и др.

35.См.: Кузьминов И. О пропаганде экономических знаний в дни войны // Пропагандист. 1942. №10.С.21.

36.См.: Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М.1951. С.42.

37.См.:Волин Б.М. Из истории появления работы В.И.Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». М. 1944; Морозов А. Книга, извращающая историю русской экономической мысли. Рецензия на книгу: И.Блюмин. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века // Большевик. 1944.№7-8; и др.

38.См.: Вестник АН СССР. 1942. №9-10.С.16.

39.См.: Ученые записки Московского государственного университета. М. 1947. Вып.123. С.234.

40.См.: Коган А.М. В творческой лаборатории К.Маркса. М. 1983. С.33.

41.См.:Мрачковская И.М. К истории ленинского этапа в политической экономии. М. 1987.С.193.

42.См.: История политической экономии капитализма: очерки / Под ред. А.А.Демина, Н.В.Раскова, Л.Д.Широкорада. Л.: ЛГУ. 1989.С.80-81; и др.

43.Трифонов Д.К. Категории и законы политической экономии. Л.: ЛГУ. 1973.С.31.

44.См.: Леонтьев Л.А. Предмет и метод политической экономии. М.1949.С.4.

45.См.:Гатовский Л. Ленин об экономическом преобразовании нашей страны на базе социализма // Большевик. 1945.№ 1.С.55-66; Кружков В. Произведения Ленина – могучий источник идейного воспитания советского народа // Большевик. 1945. №6; Островитянов К. Консультация // Большевик. 1944. № 19-20.С.46; и др.

46.Политический словарь / Под ред. Г.Александрова и др. М.1940.С.545.

47. Ленин В.И. Соч. 4-е изд. Т.33. С 438.

48.Троцкий Л.Д.К истории русской революции. М. 1990.С.286.

49.См.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.1989.С.100.

50.Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35.С.277.

51.Политический словарь / Под ред. Г.Александрова и др. М. 1940. С.463.

53.См.: Лисичкин Г.Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11; Он же. Большой подлог // Коммунист. 1990. №5; Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. №4; и др.

54.См.: Воронов Ю.П. Миф о командно-административной системе // ЭКО, 1990. №5.С.130-131.

55.Дэвис Р.У. НЭП и современность // Коммунист. 1990. №8.С.79.

56.Дан Ф. Итоги развития и перспективы большевизма. Послесловие // Коммунист. 1990 №7.С.75.
57.См.: Трус Л.С. Введение в лагерную экономику // ЭКО 1990. №5.С.136 и др.
58.См.: Варга Е.Решающая роль государства в военном хозяйстве капиталистических стран // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. №1.С.20.
59.См.: История экономической мысли России в лицах. Словарь – справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: КНОРУС. 2007.С. 71-72.
60.Варга Е.С. Вскрыть через 25 лет / Предисл. М.Я.Гофтера. Полис. 1991. №2.
61. Цит. по: История экономической мысли России в лицах. Словарь – справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: КНОРУС. 2007.С. 78.
62. См.: Вишнев С. Промышленное строительство в условиях Второй мировой войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1943.№5-6.С.37.
63.См.: Вознесенский Н.А. Военная экономика в СССР в период Отечественной войны. М. 1947.
64.См.: Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мировой экономике / Под ред. И.А.Трахтенберга. М. 1947.С.47.
65.См.: Варга Е. Концентрация и централизация производства и капитала во время войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. №7-8. С.10,16 и др.
66.См.: Коммунист 1990. №9.С.83.
67. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.4. С.220.

ГЛАВА II

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ В ВОЕНОЕ ВРЕМЯ

«Мужество есть великое свойство души; народ, им отмеченный, должен гордиться собою».
Н.М.Карамзин

«Отличительная черта планов военного времени - их напряженность».
Н.А.Вознесенский

В современной исторической науке сформировалось устойчивое мнение о том, что в военное время наука о планировании и управлении практически не развивалась. Характерно следующее суждение: «Взлет отечественной науки управления в 20-е годы сменился ее падением в 30-50-е годы. Внимательное ознакомление с литературой этого периода позволяет констатировать совершенно бесспорный факт: прежнее разнообразие методологических подходов к анализу организационно-управленческой проблематики стремительно таяло. Абсолютно все течения и научные школы были разгромлены, а лучшие отечественные ученые обвинены во «вредительстве» и репрессированы» [1].

Однако, все же следует признать, что не смотря на отмеченное «падение» экономической науки, ее внимание к вопросам организации планирования и управления в военное время все-таки сохранялось. А, следовательно, можно обнаружить и некоторое поступательное развитие теории планирования и управления, хотя, конечно, исключительно по частным вопросам.

В общем и целом причины такого «падения» уровня и качества научных исследований в области планирования и управления в первой половине 40-х годов XX века понятны. Как отмечал Б.Д.Бруцкус, «хозяйство стало строиться не индуктивно, нащупывая на рынке потребности населения и измеряя в свободно колеблющихся ценах их интенсивность, а априорно, исходя из статистически обоснованных планов» [2].

И все-таки, даже в 30-е предвоенные годы можно обнаружить поступательное развитие плановой мысли в нашей стране. Свидетельством этого стал выход в 1937 году одного из первых советских учебников по организации производства – «Организация производства в машиностроении». В годы войны и первые послевоенные годы также разрабатывались вопросы планирования и организации управления предприятиями, свидетельством чего может служить опубликование в 1950 году межотраслевого учебника С.Е.Каменицера «Организация и планирование социалистического промышленного предприятия».

Конечно, специфические условия Великой Отечественной войны наложили свой отпечаток на постановку и решение проблем планирования и управления народным хозяйством в нашей стране. С первых же дней войны потребовалось внести существенные изменения в систему планового управления исходя из приоритетности задач, связанных с формированием военного хозяйства.

Условия войны способствовали усилению централизации в распределении ресурсов, повышению персональной ответственности хозяйственных руководителей, пересмотру структурной политики в области экономического строительства, новых подходов в постановке хозрасчета как метода планового руководства работой предприятий, в области решения проблем нормирования труда, внутрипроизводственного планирования.

В годы войны существенную трансформацию претерпело и действие экономических законов. Это потребовало от экономической науки исследования не только механизма действия самих законов в военных условиях, но и изучения значимости тех или иных экономических законов и их места в системе экономических законов в целом, их ранжировки. Стало очевидно, что провозглашавшийся прежде в качестве основного экономического закона социализма рост благосостояния людей в экстремальных условиях военного времени отходил на второй план. На первое место выдвигался закон планомерного развития экономики, который в экономической литературе первой половины 40-х годов XX века трактовался как закон планирования народного хозяйства.

В изучении этого закона в рассматриваемый период имело место отождествление категорий «*планомерность*» и «*планирование*», т.е. отождествление самой объективной необходимости в планомерном и пропорциональном развитии хозяйства с субъективной

деятельностью государственных органов в области планирования. Кроме того, представления экономистов об этом законе как главном в системе экономических законов в целом вело к абсолютизации плановой деятельности, ее фетишизации и гипертрофированию. Результатом всего этого стала ярко выраженная тенденция в организации управления на принципе единоначалия. Внимание экономистов к принципу коллегиальности как важнейшему принципу планирования и управления в военное время было существенно ослаблено.

Кроме того, важной отличительной чертой разработки проблем планирования и управления народным хозяйством в военный период было повышенное внимание исследователей к оперативному планированию. Это и понятно, поскольку перестраивать старые планы и прежние подходы к планированию приходилось буквально на ходу, в оперативном порядке. Лишь небольшое число мероприятий в области планирования и управления народным хозяйством имело стратегический характер [3].

В целом, представления о законе планомерного (планового) развития экономики как ключевом (основном) законе отражали возрастание роли государства в экономическом развитии страны в военный период. Но такой подход как бы оставлял в стороне вопрос о цели самого социалистического производства, тормозил правильную постановку вопроса об основном экономическом законе, определяющем не только характер, но и цель общественного производства.

Отождествление закона планомерного (планового) развития хозяйства с плановой деятельностью соответствующих органов способствовало нарастанию субъективизма в принятии управленческих решений, произволу в постановке и достижении многих конкретных задач. Но, поскольку данный закон носил объективный характер, и его роль в условиях военного времени объективно возрастала, постольку задача его дальнейшего изучения выдвигалась на передний план в экономической науке.

Повышение интереса экономистов к проблемам планирования и управления экономикой – явление не случайное. На специфичность этих проблем еще в начале 30-х годов XX века обратил внимание Н.Д.Кондратьев (1892-1938), отметивший, что сами войны возникают на почве повышения темпа и напряженности хозяйственной жизни и, в свою очередь, не могут не иметь глубокого влияния на ход хозяйственного развития [4]. Он, как известно,

полагал, что в плановых построениях необходимо следовать законам развития экономики и планировать хозяйство не директивно и излишне подробно, а с предоставлением предприятиям необходимой хозяйственной самостоятельности. Идеологическая борьба между представителями двух основных течений в области планирования и управления экономикой – директивным и генетическим направлениями – стала, как известно не только борьбой идей, но и борьбой людей. Жесткая полемика, развернувшаяся между Н.Д.Кондратьевым как представителем именно генетического направления в планировании и С.Г.Струмилиным как главным представителем директивного направления в теории планирования [5] завершилась победой последнего. Незадолго до начала войны, а именно 17 сентября 1938 года по приговору Военной коллегии Н.Д.Кондратьев был расстрелян [6]. Эта черная страница в истории отечественной экономической науки свидетельствует о том, в каких условиях приходилось отечественным экономистам отстаивать свои научные идеи.

Активный интерес к проблемам планирования экономического развития и совершенствования управления экономикой проявился в годы войны и в капиталистических странах. Так, еще в 1944 году Дж. фон Нейман и О.Моргенштерн разработали известную теорию игр, которая предполагала определенную инвариантность и гибкость в планировании экономики. В своей книге «Теория игр и экономическое поведение» они обратились к изучению поведения субъектов хозяйственной деятельности. Приняв за норму тот факт, в соответствии с которым эти субъекты страхуются от крупных потерь в условиях конкурентного взаимодействия, и, в то же время, играют на равных условиях (*at «fair» odds*), авторы пытались разобраться в противоречивой природе поведения хозяйствующих индивидов. Конечно, западных исследователей интересовало не общественное (макроэкономическое) планирование как таковое, и даже не прогнозирование экономического развития национальной и мировой экономики, не возможности предвидения и предсказания динамики и характера такого развития. Их волновала, в первую очередь, мотивация поведения хозяйствующих индивидов, т.е. сугубо микроэкономический аспект более общей проблемы. Именно поэтому в рамках разработки *теории игр* зарубежные специалисты пытались путем комбинирования и сочетания различных методов и способов разрабатывать не одну какую-то универсальную программу (сценарий) развития, а различные (альтернативные) сценарии

хозяйственного поведения. Справедливо суждение о том, что в условиях повышения нестабильности и неопределенности наличие запасных сценариев позволяет предприятиям сохранять свою конкурентоспособность. Поэтому такой инвариантный подход Дж. фон Неймана и О.Моргенштерна «и сегодня составляет основу современного прогнозирования» [7].Но преувеличивать его значение для решения проблемы оптимального макроэкономического планирования все же не стоит.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в предвоенное и военное время за рубежом активно разрабатывались и другие аспекты управления. Определенными вехами на этом пути стала публикация книги представителей так называемой *школы человеческих отношений* в менеджменте Э. Мейо и Ф. Ретлисбергера «Менеджмент и рабочие» (1939), а также книга Ф.Ретлисбергера «Менеджмент и мораль» (1941). Авторы этих книг полагали, что для повышения управления экономическими процессами необходимо привлекать к принятию управленческих решений как можно больше заинтересованных лиц, развивать демократические начала в управлении и коллегиальность. Кроме того особое внимание уделялось вопросам хозяйственной этики, развитию корпоративной культуры, внутрикорпоративных отношений [8].

Ничего подобного не было в отечественной экономической литературе военного периода. И причиной этому было нарастание именно в условиях военного времени противоречия между принципом свободы человека и принципом всеобщности труда. Организация всеобщего труда в годы Великой Отечественной войны объективно требовала использования принудительных форм и методов труда, на основе которого директивное планирование только и управление только и могло быть сколько-нибудь достоверным и эффективным. Но, провозглашенный в качестве фундаментального основания социалистического общества «принцип всеобщего обязательного труда заключал в себе противоречие между идеалом свободного человека и общественной необходимостью вовлечения его в труд сообразно с потребностями и планами общества» [9].

Естественно, что в годы войны в нашей стране не существовало никакого рынка рабочей силы. Само планирование и управление социалистическим производством осуществлялось на принципах принудительного труда и внеэкономического принуждения.

Действие закона планомерного (планового) развития экономики в годы войны выражалось, на наш взгляд, в глубокой перестройке

всего общественного производства, в совершенно иной, чем в мирное время, динамике экономических процессов. То обстоятельство, что, проводя перестройку народного хозяйства сначала с мирного пути развития на военные рельсы, а затем наоборот, не удалось обойтись без нарушения важнейших макроэкономических пропорций, что были разорваны многие кооперационные взаимосвязи между субъектами хозяйствования и т.д. – свидетельство не только чрезвычайно сложной обстановки военных лет, но и результат неправильного подхода в понимании планомерности развития как таковой, определения сущности пропорций в народном хозяйстве не как объективных зависимостей, а как чисто механических соотношений, требуемых «здесь и сейчас». В конечном счете, все это было следствием волевых решений, весьма симптоматичных в контексте военного времени, но крайне затратных и порой даже вредных с точки зрения самой логики социально-экономического развития страны. Говорят, что «победителей не судят». Это – неверное суждение. Сегодня даже военные специалисты подтверждают, что человеческие потери в годы Великой Отечественной войны могли бы быть гораздо меньше, если бы сталинское руководство принимало более грамотные и своевременные решения. Аналогичная ситуация сложилась и в сфере экономического развития: здесь также огромные потери, понесенные нашей страной в годы Великой Отечественной войны, нельзя списывать исключительно на внешнего врага. Был и внутренний враг – волюнтаризм в понимании объективных основ социально-экономического развития, свой собственный махровый бюрократизм партийной и чиновничьей номенклатуры.

Поскольку новый учебник по политической экономии, подготовленный отечественными экономистами в 1940 году, не был принят и опубликован, основой для экономического образования в нашей стране служил более ранний учебник «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства», в котором говорилось: «Поскольку стихийные законы еще действуют в советском хозяйстве, постольку сохраняется поле для законов политической экономии; поскольку же в нем действует плановое начало, - как будто для законов политической экономии места не находится и вступает в свои права экономическая политика пролетарского государства» [10]. И далее: «Советское государство осуществляет свое плановое воздействие на стихию рыночных

отношений, не только борясь, но и используя действие стихийных законов рынка и заставляя их двигаться по желанному для него руслу» [11].

Сегодня, с высоты современных знаний о природе и характере действия экономических законов, подобные суждения выглядят просто дикими. А попытки советского государства *преодолевать* их якобы стихийное действие при социализме и *направлять* по нужному для государства руслу – чистейшей воды волюнтаризм.

Заметим, что среди обширного круга задач перевода отечественной экономики на военное положение были задачи как оперативного, так и стратегического характера. Перераспределение ресурсов в пользу фронта происходило посредством разработки и использования *военно-хозяйственных (мобилизационных) планов*, с использованием принципа приоритетности военных заданий. Применялись такие формы организации выполнения военных заданий, как госзадания, госпрограммы, госзаказы, лимиты и квоты и т.д. В годы войны снова был реализован *мобилизационный* принцип, характерный для периода гражданской войны и военного коммунизма. Согласно ему, «все советские учреждения должны быть милитаризированы, т.е. в их работу должны быть внесены военные методы непрерывности работы, строгой дисциплины, быстроты исполнения и полного изгнания всякого бюрократизма, волокиты и канцелярщины», «управление должно быть централизовано» [12].

В годы войны заметно возросла роль *краткосрочного* планирования, когда планы разбивались на полугодия, кварталы, декады, месяцы, недели и сутки. Поскольку многие решения в области развития планирования и управления приобретали оперативный характер, вопросы организации их исполнения передавались в компетенцию конкретных наркоматов, предприятий, даже участков, цехов, бригад. Это, однако, ни коим образом не означало децентрализации планирования и развития демократических начал и коллегиальности. Расширение компетенции наркоматов сопровождалось повышением централизма и жесткого администрирования. Но в области исполнения поставленных плановых заданий можно отметить некоторое развитие инициативы и самостоятельности низовых звеньев в рамках директивного характера самого плана.

Эта практика объективно вызывала необходимость более глубокой разработки вопросов внутризаводского планирования, повышения оперативности в планировании, его гибкости, а также вопросов нормирования труда, его научной организации, учета и контроля за

расходованием ресурсов, развития скоростных и поточных методов работы, разработки скоростных и скользящих графиков и технологических планов [13].

Нужно сказать, что вопреки известной мысли А.И.Рыкова о том, что «было бы безумием думать, что можно накрыть всю хозяйственную жизнь детально разработанным планом» [14], вся плановая практика военного времени свидетельствует о попытках установления мелочной и тотальной регламентации и детальной опеки предприятий со стороны наркоматов.

Важнейшим принципом организации хозяйственной деятельности предприятий в годы войны стало приоритетное обеспечение всем необходимым военных отраслей. Стратегические перемены в структурной политике (приоритетное развитие военного хозяйства, решение продовольственной проблемы и задач по производству технологического оборудования для военных, сырьевых отраслей и транспорта) способствовали тому, что вопросы перестройки планирования и управления народным хозяйством стали конкретнее увязываться с соответствующими отраслями экономики, а научные исследования в этой области также приобрели более конкретный характер.

Отличительная особенность планов военного времени – их напряженность. Выполнение столь напряженных планов обеспечивалось благодаря трех факторам: во-первых, сочетанием высокой персональной ответственности с широкими полномочиями каждого работника или звена для выполнения своих функций; во-вторых, организацией военного производства на базе специализации, потока и многосерийности; в-третьих, патриотизму рабочих, инженеров и конструкторов [15].

Наряду с резким повышением напряженности планов, усилением их оперативного характера, приоритетности и мобилизационности в планировании характерной чертой планов военного времени было изменение их адресности. Если до войны Госплан планировал производство продукции по наркоматам, ведомствам, то в военные годы плановые задания стали непосредственно адресоваться самим предприятиям. Конкретизация и детализация плановых заданий, характерная для военного периода, свидетельствует о том, что в структуре управления предпочтение отдавалось не общей теории управления и не методологии принятия решений, а теории и практике информации, теории алгоритмов (хронометражу и математическому моделированию) и развитию технических средств

управления. Об этом говорят исследования Л.В.Канторовича, Е.Е.Слуцкого и некоторых других крупных отечественных ученых. Так, например, Л.В.Канторович (1912-1986) еще в 1939 году опубликовал свою знаменитую работу «Математические методы организации и планирования производства», в которой изложил идею линейного программирования. История этой книги весьма поучительна. В 1938 году к ученому обратились сотрудники Центральной лаборатории Ленинградского фанерного треста с просьбой оказать помощь в выборе численного метода для расчета рационального плана загрузки имеющегося оборудования в ситуации, когда имеется пять станков и восемь видов сырья. Решение этой практической задачи и послужило толчком для разработки математического метода выбора оптимального варианта принятия экономических решений при наличии определенных ограничений.

За свои научные заслуги Л.В.Канторович в 1944 году был награжден орденом «Знак Почета». А в 1975 году (совместно с американским экономистом Т.Купмансом) за вклад в разработку теории оптимального использования ресурсов Л.В.Канторович был удостоен Нобелевской премии в области экономики.

Следует также отметить и большое влияние, оказанное на экономико-математическую теорию Е.Е.Слуцким (1880-1948). В годы войны он занимался разработкой теории случайных процессов. С 1939 года Е.Е.Слуцкий работал в Математическом институте им. В.А.Стеклова, где ученый начинает работу по вычислению таблиц неполной Г-функции. Ему удалось найти новое решение задачи табулирования этой функции, но война не позволила завершить работу в намеченный срок. Составлением таблиц неполной Г-функции и обратной неполной В-функции Е.Е.Слуцкий занимался в эвакуации в Ташкенте, где он находился с семьей с октября 1941 года. Работа была крайне трудоемкой, осложнялась отсутствием необходимых приспособлений для проверки расчетов (в то время для вычислений использовали арифмометры), Поэтому основным теоретическим вопросом являлось нахождение простейшего способа вычисления значений этой функции с заданной точностью.

Так случилось, что исследования, предпринятые Е.Е.Слуцким были закончены уже после его смерти, а именно в 1950 году А.Н.Колмогоровым и Н.В.Смирновым [16]. Но научные заслуги Е.Е.Слуцкого сегодня общепризнанны [17].

Отдельно необходимо отметить и внимание отечественных экономистов к проблеме рационального размещения производительных сил на территории страны в условиях войны. Особенно это важно в контексте осуществления массовой эвакуации промышленных предприятий из старых районов размещения в новые районы [18]. Эвакуация промышленных предприятий в восточные районы страны имела огромное значение для сохранения экономического потенциала. Тем самым были фактически сорваны планы гитлеровского руководства по осуществлению «блицкрига» и захвата СССР. Эвакуированные заводы и фабрики в основном направлялись в восточные районы страны, где, однако, далеко не всегда имелись благоприятные для их размещения условия. Только за июль – ноябрь 1941 года на восток нашей страны было перебазировано 1523 предприятия. К весне 1942 года в восточные районы страны прибыло 7,4 млн. человек [19].

Но, по большому счету, научные представления отечественных экономистов о *сущности* планирования развития социалистического хозяйства оставались на уровне схоластических умозаключений. Так, рассуждая о планировании, его задачах и специфике в условиях военного времени, А.Курский, например, отмечал, что «социалистическое планирование» не только возможно, но и жизненно необходимо для «планового» развития народного хозяйства страны. Эта необходимость была обусловлена, по его мнению, существованием самой социалистической (государственной) собственности на средства производства. Социалистическая собственность, по мнению автора, не разъединяла экономически связанные между собой части хозяйственного организма, не порождала конкуренцию, непримиримые противоречия и кризисы, как это делала частная собственность при капитализме. Наоборот, она объединяла все народное хозяйство страны в единый организм, единый народнохозяйственный комплекс, требовала ведения его по единому плану и из единого центра.

А. Курский связывал свой подход к исследованию закона планомерного развития экономики с тем, что «гигантский народнохозяйственный организм Советской страны, основанный на общенародной собственности на средства производства, не может развиваться вне государственного плана», в силу чего и планирование и план приобретают силу экономического закона.

Пытаясь не впасть в беспочвенное прожектерство, А.Курский утверждал, что планирование только тогда носит характер экономического закона, когда оно «учитывает» достигнутый уровень развития производительных сил, «результаты и возможности, которые заключает в себе социалистическая система хозяйства» [20].

Эти рассуждения могут показаться кому-то чуть ли не свидетельством влияния «генетического подхода в планировании на автора. Ничуть не бывало! Для сравнения обратимся к рассуждениям лидера директивного (телеологического) планирования С.Г.Струмилина, который писал: « Целостную концепцию развития народного хозяйства нельзя получить в результате простого *суммирования* соответствующих наметок по отдельным отраслям. Но получить эту концепцию сверху, из одних лишь абстрактных целевых установок, без конкретной проработки и учета имеющихся возможностей не только по каждой отдельной отрасли, но даже по отдельным крупнейшим объектам строительства и производственным единицам, было бы совершенно бюрократической утопией. Поэтому Госплан должен уже с самого начала опереться в своей работе на силы ведомственных аппаратов, хотя ведомственные проектировки на первых порах могли для него послужить лишь сырым материалом, требующим тщательного отбора и дальнейшей обработки. Лишь в результате такого отбора и обработки ведомственных материалов Госплан мог выработать уже и общую, хотя бы ориентировочную, концепцию народнохозяйственного плана, на основании которой надлежало затем снова, и притом не один раз, пересмотреть и связать внутреннею цепной связью все отдельные – отраслевые и порайонные – элементы этого плана» [21].

Из сопоставления суждений А.Курского и С.Струмилина видно их полное сходство. И такая трактовка закона планомерного развития и сущности планирования была характерна для многих отечественных экономистов первой половины 40-х годов XX века. Важно, что именно в этот период было наиболее четко сформулировано мнение, согласно которому не любая политика государства может называться плановой, а только такая, которая строится на основе соответствия плановых решений требованиям объективных экономических законов. И хотя трактовка сущности и характера действия самих экономических законов, в общем и целом, оставалась субъективистской, это было уже хоть что-то…

Только в случае соответствия плановых заданий требованиям объективных экономических законов возможен эффективный макроэкономический подход в планировании, который связывался с разработкой народнохозяйственных планов не от отраслевого проектирования к народнохозяйственным показателям, а, наоборот, от общих проектировок пот народному хозяйству к конкретным заданиям по отдельным отраслям.

Именно в этом и состоит принципиальное отличие телеологического подхода в планировании и директивных планов от генетического подхода к планированию и индикативных планов-прогнозов.

Возобладание телеологического подхода в предвоенный период вполне проявило себя и в годы Великой Отечественной войны. В предвоенные годы его наиболее последовательно и четко формулировал Н.А.Вознесенский, писавший, что нельзя грамотно составит планы развития народного хозяйства страны, если не учитывать необходимости начинать с баланса народного хозяйства [22]. Думается, что это мнение разделял и В.И.Сталин, который правил и подписывал важнейший труд Н.А.Вознесенского - книгу «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны» [23].

Н.А.Вознесенский полагал, что исходным пунктом при определении баланса народного хозяйства страны являются конкретные задачи предстоящего периода, которые ставит перед народом партия. Получалось, что партия все знает и всегда права. А.Курский же более осторожно подходил к этому вопросу и связывал разработку народнохозяйственных планов с глубоким изучением самой экономики, ее внутренних взаимосвязей, расстановки классовых сил, внешнеполитической обстановкой. Поэтому можно предположить, что хотя и в суждениях А.Курского и в работах Н.А.Вознесенского было немало проявления схоластики и субъективизма, но позиция А.Курского все-таки была неким продолжением и логическим развитием позиции Н.А.Вознесенского.

Среди основных задач в области планирования отечественные экономисты называли следующие: обеспечение независимости народного хозяйства страны от экономики капиталистических стран; закрепление безраздельного господства социалистической системы хозяйства и уничтожение всех источников возникновения капиталистических элементов; недопущение диспропорций в народном хозяйстве; ликвидацию возможности прорывов в

экономике и создание с этой целью новых государственных резервов и запасов ресурсов.

Говоря о взглядах А.Курского, Н.Вознесенского, Б.Сухаревского, Г.Косяченко и ряда других экономистов тех лет по вопросам планирования и управления народным хозяйством, следует подчеркнуть, что в военное время формулировки «народнохозяйственное планирование – экономический закон социализма» и «государственный план – экономический закон социализма» получили самое широкое распространение. Представляется справедливой мнение В.Мау о том, что хотя эти формулировки и были близки между собой, но они не были тождественными. Если в первом случае речь шла о необходимости и возможности планирования народного хозяйства в условиях социализма, то вторая формулировка выражала смешение законов экономики и права, экономический закон в ней как бы полностью совпадал с плановым документом [24].

Но важно и другое обстоятельство: в военное время отождествление планового ведения хозяйства с планомерностью представляло собой смешение понятий сущего и должного. Далеко не всякое планирование и плановое ведение хозяйственной деятельности гарантирует его планомерность, т.е. соответствие плановым заданиям. Исторический опыт развития планирования в нашей стране это убедительно доказал: ни один пятилетний план развития народного хозяйства в СССР не был выполнен в полном объеме и в указанные сроки! См. стр. 82.

Тот факт, что некоторые отечественные экономисты пытались развести понятия «*плановость*» и «*планомерность*» как вид деятельности и ее результат свидетельствует о том, что в первой половине 40-х годов XX века, не смотря на господство телеологического директивного подхода, все-таки делались попытки преодоления крайнего субъективизма в этом вопросе. Постепенно формулировка мо том, что «план – это и есть экономический закон при социализме» начинает постепенно исчезать со страниц научных изданий. Это свидетельствовало о пускай и не большом, но все-таки движении вперед. В связи с этим, как нам кажется, нуждается в коррекции и утверждение о том, что в 40-е годы XX века юридическая интерпретация экономических законов преобладала над сугубо экономической их интерпретацией как регуляторов социального и экономического развития [25]. Ведь и сегодня подписание Президентом принятых Государственной думой законов

также придает им юридическую силу. Но мы на этом основании не говорим сегодня о том, что юридический момент в процедуре разработки и принятия таких законов «*преобладает*» над экономическим аспектом.

Конечно, в условиях войны роль планов существенно возросла. Они фактически имели силу юридического закона для тех, кому адресовались Всякое невыполнение плановых показателей связывалось не столько с просчетами в самом планировании, сколько с вредительством и саботажем.

Этому способствовало применение уже упоминавшегося Указа от 26 июня 1940 года, который был отменен только 25 апреля 1956 года, т.е. уже после смерти И.В.Сталина. Этим Указом была увеличена продолжительность рабочего дня для рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях:

- с семи до восьми часов на предприятиях с семичасовым рабочим днем;
- с шести до семи часов – на работах с шестичасовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда;
- с шести до восьми часов – для служащих учреждений;
- с шести до восьми часов – для лиц, достигших 16 лет.

Этим же Указом устанавливалось, что уход работника с предприятия или его переход на другое предприятие может быть осуществлен только с согласия руководителя (директора) этого предприятия. Последний же был обязан давать разрешение на увольнение работника только в двух случая: либо по болезни работника (на основании заключения экспертной врачебно-трудовой комиссии), либо когда работник поступал в высшее или среднее учебное заведение. Во всех иных случаях директор мог просто не отпустить работника, а его самовольный уход считался уголовным преступлением [26].

Повышение юридической ответственности граждан за невыполнение планов как раз и отражалось в ужесточении действовавшего законодательства. Новая разновидность «крепостного права» в форме насильственного прикрепления гражданина к конкретному предприятию (учреждению) оправдывалась военной обстановкой. Но принята она было еще до начала войны, а отменена спустя десять с лишним лет после ее окончания!

Возрастание роли планов в военное время предполагало не только юридическое ужесточение, но и повышение научности в самом планировании. В 1944 году впервые за время войны в Госплане СССР с помощью ученых-экономистов был разработан *технический план*, в котором были предусмотрены более или менее четкие и обоснованные технические требования к военной продукции, решение конкретных задач по восстановлению районов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации. В этом *техническом плане* содержались предложения по внедрению новых технологических процессов и методов производства, освоению новых видов продукции, уделялось внимание созданию новых конструкций машин и оборудования, подробно разрабатывался вопрос о расширении поточных методов производства, дальнейшего совершенствования научной организации труда [27].

Пользуясь современным языком можно сказать, что разработка первого технологического плана в годы войны предопределила новую *волну нововведений* в промышленном производстве, которая, в мировом масштабе, по классификации Й.Шумпетера, началась с 1940 года [28]. Но ее отличие от прежней аналогичной волны для нашей страны было существенным. В 1944 году, выступая перед представителями американской торгово-промышленной палаты, И.В.Сталин благодарил их за помощь и сотрудничество в организации и проведении индустриализации в СССР. Действительно, крупнейшие промышленные объекты нашей страны, такие как «Уралмашзавод», Челябинский и Харьковский тракторные заводы, Днепрогэс и т.д. были построены благодаря тому, что США продавало нам промышленное оборудование, станки и т.д. Но уже в 1948 году И.В.Сталин обращал внимание на то, что технико-технологическое сотрудничество между окрепшим СССР и США сошло на нет, что нам больше не стоит ждать прежнего отношения со стороны западных государств и потому необходимо срочно обеспечить экономическую самостоятельность страны в вопросах ее обеспечения необходимой промышленной продукцией.

Тем самым, в годы Великой Отечественной войны на первое место во всей экономической политике государство выдвигается *фактор времени*. Именно это обстоятельство в первую очередь и обусловило в военное время отождествление многими экономистами закона планомерного развития экономики с планированием как деятельностью, направленной на достижение планомерности как таковой. В связи с этим можно привести интересные и уместные

здесь рассуждения А.Моруа, который в своей книге «Трагедия Франции» писал: «Гитлер рассуждал так: «Я хочу быть в Париже 15 июня. Для этого мне нужно начать наступление в первых числах мая. Чтобы начать наступление в первых числах мая, мне нужны новые танки в начале апреля». Он разработал точный план действий, и горе тому, кто не исполнил бы своей задачи в срок! А что происходило у нас? Командование запрашивало специалистов: «Сколько времени вам понадобится, чтобы изготовить столько-то танков?» Специалисты наугад назначали срок, и все ждали его со священным трепетом. Мы делали все наоборот. Мы считали, что война должна приспосабливаться к нашим техническим возможностям, а не наша промышленность – к требованиям войны. Оттого и вышло, что мы готовились вести войну в 1942 году, а она закончилась в 1940 году. Иными словами, один из главных факторов в войне – время. Самый главный...» [29]. Во многом аналогичная ситуация существовала и в нашей стране в предвоенное время и на начальном этапе войны.

Ясно, что именно *фактор времени* стал катализатором новой технологической волны в мировой, в том числе и в отечественной экономике второй половины 30-х - первой половины 40-х годов XX века. Начавшаяся в нашей экономике в самом начале 40-х годов XX века, т.е. с некоторым опозданием по сравнению с европейскими странами, эта технологическая волна оказалась детерминирована сначала военной обстановкой (гонкой вооружений в условиях ведения военных действий), а затем холодной войной (гонкой вооружений в мирных условиях). И в таких условиях роль планирования не могла не измениться. Постепенное выдвижение в экономической литературе предвоенных лет на передний план формулировки «план – экономический закон», которое затем сменилось формулировкой «плановое развитие – экономический закон», попытки разграничения экономических и юридических законов представляются нам в общем то прогрессивной тенденцией в развитии экономической науки в годы войны. *Во-первых*, такая направленность была своего рода отказом от крайних проявлений волюнтаризма и субъективизма в толковании экономических законов. *Во-вторых*, она способствовала углублению представлений отечественных экономистов о сущности, природе и характере экономических законов в целом, а о законе планомерного развития в частности.

Определенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что в военный период получила известное

распространение точка зрения, согласно которой народнохозяйственное планирование все-таки не идентично экономическому закону. Так, Л.Альтер писал, что «планирование народного хозяйства, осуществляемое социалистическим государством, *исходит* (выделено нами – К.С.) из законов экономического развития общества» и что «через проводимое социалистическим государством народнохозяйственное планирование осуществляется действие законов экономического развития социалистического общества» [30]. Такой подход означал, что планирование является формой, в которой находят свое проявление объективные экономические законы при социализме. Кстати, и при капитализме предприятия также осуществляют планирование (бизнес-планы), да и в макроэкономическом плане оно также осуществляется. Достаточно вспомнить развитие французской послевоенной экономики при Ш. де Голе.

В связи с этим было бы не верно считать, что в таком планировании проявляется какой-то специфический характер экономических законов при социализма, как считал Л.Альтер и другие советские экономисты. Но в данной позиции (как справедливо отмечал В.Мау), нашло свое отражение «объективное положение планомерности в системе политической экономии социализма, как категории, выражающей всеобщую форму движения социалистической экономики» [31].

Во взглядах Л.Альтера, А.Курского, Н.Вознесенского, Б.Сухаревского и других отечественных экономистов, исследовавших данный круг проблем, есть одна общая черта: в их работах речь идет необходимости использования в практике планирования *всех* экономических законов. Это обстоятельство рассматривалось ими как важнейшее условие *научности* планирования, как основа планомерного развития экономики в целом. Но, одновременно, в этом проявилось и определенное отступление от тех достаточно прогрессивных методологически наработок, которые имели место в самом начале 40-х годов. В частности, речь идет о понимании системного характера экономических законов. Так, Н.Власов предлагал изучать закон, лежащий в основе самого планирования, выявить его социально-экономическое содержание и место в системе социалистического способа производства. Но в основе планирования лежит не только закон планомерного развития хозяйства, но и вся система экономических законов в целом. Кроме того, как уже отмечалось,

социалистического способа производства не существует, поскольку социализм представляет собой переходное состояние от рыночно-капиталистической системы организации экономики к коммунизму. Но постановка проблемы изучения закона планомерного развития хозяйства, предложенная Н.Власовым, была лишь декларативной и не нашла своего дальнейшего развития в исследованиях этого экономиста, который рассматривал не саму планомерность как таковую, а исключительно проблематику плановой деятельности. Им был сделан вывод о том, что в условиях военного времени кардинальным образом меняется динамика и структура общественных и личных потребностей, что оказывает влияние и на весь характер планирования, предполагает необходимость учета этого обстоятельства при разработке общеэкономических пропорций и народнохозяйственных планов. В противном случае может возникнуть диспропорциональность, т.е. нарушение равновесия между различными отраслями и секторами народного хозяйства, что неизбежно скажется отрицательным образом и на динамике развития всей экономики. Фактически. В такой форме ставилась задача исследования *механизма* установления пропорций и боле глубокой, чем прежде, проработки данной политэкономической категории.

Достаточно прогрессивная постановка проблемы Н.Власовым в годы войны не нашла своего развития в экономической науке. В ней получила распространение идея о том, что «социалистическое планирование, основанное на разумном использовании и применении экономических законов производства и распределения, само является общественным законом и в качестве такового – предметом политической экономии» [32].

С позиций современной науки ясно, что такое понимание планирования, хотя и ориентировало экономистов на его увязку со всей совокупностью действующих экономических законов, все же было неправильно. Больше того, получалось, что именно планирование, синтезирующее и интегрирующее действие всех экономических законов при социализме, является главным, всеобъемлющим, *основным* экономическим законом социализма. Тем самым цель социалистического производства подменялась средством достижения этой цели, элиминировалась.

Но все же, для своего времени такой подход был шагом вперед на пути изучения закона планомерного развития хозяйства. *Во-первых*, он ориентировал экономистов на решение задачи глубокой проработки таких политэкономических категорий, как «плановость»,

«планомерность», «пропорциональность» и т.д. *Во-вторых*, такое понимание *роли* планирования приближало исследование вопроса об основном экономическом законе социализма. Если при капитализме таким законом выступала максимизация прибыли, то при социализме – удовлетворение потребностей общества. Но, точно так же, как на разных этапах развития капитализма основной его закон менял свое содержание, основной экономический закон социалистической экономики также менялся. В военный период речь шла не об удовлетворении личных потребностей граждан, и даже не об удовлетворении любых общественных потребностей, а в первую очередь об удовлетворении нужд фронта.

В условиях современного капитализма эпохи постиндустриальной экономики мы также обнаруживаем изменение содержания основного закона капиталистического производства. Идеология максимизации прибыли и минимизации затрат постепенно уходит в прошлое, уступая место новой экономической идеологии. Ее суть четко была сформулирована в 1973 году на Ш Европейском экономическом симпозиуме в Давосе (Швейцария). В положениях принятого там Манифеста четко было заявлено, что главная задача предприятий – обслуживание (служение) общества(у), формирование социально ответственного бизнеса и обеспечение на этой основе стабильных оптимальных условий его развития [33].

По сути, речь шла о концепции развития «демократического капитализма», выдвинутой еще в 50-е годы XX века Луисом Келсо и Адлером Мортимером [34]. Но наиболее четко изменение смысла и характера основного экономического закона капиталистической рыночной экономики в послевоенное время отражено в содержании и самом названии знаменитой работы Л.Эрхарда «Благосостояние для всех (1956).

Этот небольшой экскурс в историю вопроса об основном экономическом законе того или иного способа производства иллюстрирует диалектический характер самого закона, его подвижность и динамичность в контексте изменения характера и содержания конкретно-исторических эпох. Естественно, что эпоха военной экономики не могла не оказать влияние на основной экономический закон. Сама история создания военной экономики также говорит о том, что военное хозяйство в нашей стране строилось поэтапно. М.З.Бор выделяет три основных этапа в этом вопросе: «1) Июнь 1941 года. Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 года; Август 1941

года. Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 года и на 1942 год. Все годы войны народно-хозяйственные планы утверждались на год, квартал и месяц; 2) Эвакуация с июля по ноябрь 1941 года промышленных предприятий в восточные регионы страны; 3) 1943 год. Год подъема промышленного производства. 1944 год. Начало возрождения мирных отраслей народного хозяйства. Возрождение освобожденных районов (более 40% всех капитальных вложений)» [35].

Здесь можно отметить определенный перехлест и наслаивание одного этапа на другой. Но в целом, выделение периодов в истории формирования военной экономики свидетельствует о том, что и сегодня экономисты понимают, что разное содержание каждого этапа было детерминировано изменением в содержании самого основного экономического закона. Прежние упрощенные представления о сущности экономического закона как о чем-то элементарном, простом, навсегда ушли в прошлое. *Многоступенчатость сущность* (термин Б.Кедрова) предполагает ее диалектическую сложность, которая постоянно изменяется в контексте пространства и времени.

Можно, думается, признать, что в теоретико-методологическом плане имела место тенденция к более взвешенному и правильному пониманию диалектики планомерности и планирования. В подтверждение этого можно сослаться на то, что уже в экономической литературе второй половины 40-х годов прослеживается разграничение категорий «*планомерность*», «*плановость*» и «*планирование*». Однако, что касается основного экономического закона, то, в полном соответствии с представлениями большинства исследователей о социализме как о новом *способе* производства, во второй половине 40-х годов и в начале 50-х годов XX века возобладала формулировка о том, что существует «основной экономический закон социалистического способа производства».

Сведение общего к частному, основного экономического закона коммунистической общественно-экономической формации (как его понимали и трактовали К.Маркс и Ф.Энгельс) к основному экономическому закону первой (низшей) стадии этой формации противоречило марксизму самым очевидным образом. Это обстоятельство в значительной мере предопределило постановку и обсуждение проблемы в ходе экономической дискуссии 50-х годов. Можно, видимо, согласиться с мнением А.Ноува о том, что существование или отсутствие планирования в СССР неверно

демонстрировать тем, что исходные цели и результаты существенно различались [36]. В любой ситуации (не только в случае директивного советского планирования, но и индикативного планирования на Западе) цели и результаты достаточно часто не совпадали.

Однако, следует признать, что упрощенные и субъективистские представления советских экономистов о сущности народнохозяйственного планирования, сущности основного экономического закона социализма и закона планомерного развития социалистического хозяйства в условиях войны способствовали закреплению неправильного выбора одних целей (гипертрофированное развитие отраслей тяжелой промышленности, замкнутость и изоляционизм в экономическом развитии страны и т.д.) и низкую эффективность в достижении других целей (фондовооруженность и производительность труда, качество продукции и т.д.).

Свидетельством активизации хозяйственно-практической функции экономической науки в области исследования проблем планирования является, на наш взгляд, преобладание в экономической литературе военных лет работ по частным, конкретным вопросам. Например, достаточно много внимания отечественные экономисты той поры уделяли вопросам организации режима экономии на предприятиях, совершенствованию нормирования труда, рационализации, хозяйственного расчета [37].

Подчеркивая конкретность задач, стоявший в области планирования, А.Григорьев, например, писал, что эти задачи не только вполне конкретные, но и *новые* для организации советской системы управления народным хозяйством. Среди них: исследование рабочих процессов; их проектирование и расчет во времени; доведение заданий и установленного порядка их выполнения до каждого рабочего; материальное и организационное обеспечение выполнения производственных заданий. Автор подчеркивал значение новых методов организации поточного производства, их связь с качеством технического нормирования, с переходом от опытных норм к расчетным нормам выработки. Особое внимание он уделял рациональному размещению работников в производственном процессе, кадровому обеспечению производства [38]. И такая конкретизация экономической проблематики в экономической науке военного времени совершенно объяснима. Так, проблема кадрового обеспечения производства действительно в военное время стала

ключевой. Необходимо вспомнить, что только за период с 1940 по 1942 годы численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны снизилась с 31,2 млн. чел. до 18,4 мл. чел. В том числе – в промышленности с 11,0 млн. чел. до 7,2 млн. чел. Естественно, что это крайне обострило вопрос обеспечения кадрами промышленных предприятий, в первую очередь, производящих продукцию для фронта. В 1942 году Наркомату тяжелого машиностроения не хватало 50 тыс. рабочих, Наркомату танковой промышленности – 45 тыс. рабочих, Наркомату вооружения – 64 тыс. рабочих, Наркомату авиационной промышленности – 215 тыс. рабочих, Наркомату боеприпасов – 35 тыс. рабочих, Наркомату черной металлургии – 9 тыс. рабочих, Наркомату цветной металлургии – 8 тыс. рабочих [39].

Острота вышеназванных вопросов организации производства во многом обусловливалась ростом себестоимости продукции, особенно на начальном этапе войны, когда достаточно типичными были случаи невыполнения государственных планов, перерасход основных и вспомогательных ресурсов, неполная загрузка оборудования, простои, высокая степень брака.

Для преодоления сложившейся ситуации правительство страны приняло целый комплекс решений, направленных на повышение оперативности в планировании и управлении. Так, 1 июля 1941 года вышло Постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени», в котором последним, в целях обеспечения своевременного и быстрого решения оперативных вопросов (в первую очередь, выполнения оперативных планов), давалось право:

- распределять и перераспределять материальные ресурсы наркомата, в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и строительствами в соответствии с ходом выполнения плана и поступлением оборудования и материалов по выделенным наркомату фондам;
- разрешать директорам предприятий и начальникам строек для выполнения производственных планов и заказов по договорам выдавать из своих ресурсов другим предприятиям необходимые материалы;
- в соответствии с вновь возникающими потребностями перераспределять капиталовложения по сверхлимитным строительствам с тем, чтобы уменьшение суммы ассигнования по каждому строительству не превышало 10%, а также направлять полностью на другие стройки средства, предусмотренные планом

для строек, прекращенных строительством в связи с военными действиями;
- допускать частичные отступления от утвержденных проектов и смет сверхлимитного строительства в пределах общей стоимости каждой стройки, утвержденной по генеральной смете;
- разрешать отпуск в эксплуатацию строящихся предприятий и их отдельных частей, с последующим уведомлением СНК СССР;
-резервировать в обеспечение выполнения дополнительных производственных заданий до 5% от утвержденного фонда заработной платы по наркомату в целом, без права, однако, повышения заработной платы;
- производить списание числящихся на балансе убытков отдельных хозяйственных учреждений и предприятий за счет их собственных средств и сверхплановой прибыли по наркомату в целом, при отсутствии возражений Наркомфина СССР;
- разрешать списание сумм с расчетных счетов подведомственных хозорганов и предприятий на покрытие просроченной задолженности поставщикам;
- в случае перевода предприятий в другие местности, разрешать наем жилых помещений у отдельных граждан для размещения рабочих и служащих перевозимых предприятий, а также новостроек – с оплатой в размере, не превышающем трехкратной ставки квартирной платы, установленной Советами депутатов трудящихся в данной местности с тем, чтобы рабочие и служащие платили квартирную плату по нормальным ставкам;
- производить затраты на восстановление разрушенных военными действиями предприятий и жилищ за счет: капиталовложений, внелимитных затрат, капитального ремонта, а при отсутствии их – в счет себестоимости продукции [40]. Даже поверхностный анализ этих прав говорит о том, что оперативность планового управления хозяйством стояла во главе угла правительства страны.

Естественно, что для повышения оперативности планового управления отечественными предприятиями в военное время требовалась переподготовка руководителей производства и инженерно-технических работников в области нормирования труда, материально-технического снабжения предприятий в условиях войны, организации рабочих мест и формирования общей культуры производства [41]. Предлагалось в этой связи «усилить в учебных программах вузов, техникумов и курсов мастеров преподавание вопросов нормирования труда на основе изучения опыта передовых

предприятий» [42]. Кстати, еще накануне войны в нашей стране был предпринят ряд мер по обеспечению оперативного характера планового управления народным хозяйством. В апреле 1940 года вышло Постановление СНК СССР «Об организационной структуре органов снабжения хозяйственных наркоматов», в котором говорилось, что «основным пороком в организации снабжения является наличие в наркоматах множества параллельно действующих и излишних трестов, контор и отделений, содержащих огромные и ничем не оправданные штаты работников». Для ликвидации такой ситуации предусматривалась ликвидация всех параллельных и лишних структур и организация новой структуры системы материально-технического снабжения, которая способствовала бы ускорению оборота материальных ресурсов и удешевлению стоимости материалов [43]. При этом, устанавливалось, что складские операции главных управлений и местных органов системы МТС не могут превышать 25-30% от общего оборота (вместо существовавших 50%); устанавливались предельные наценки за услуги по реализации фондов и децентрализованным заготовкам в размере 6% (вместо существовавших 10-11%); устанавливался жесткий запрет на взимание каких либо других начислений за услуги системы МТС. Только прямой экономический эффект от создания новой системы МТС и принятых условий ее работы исчислялся в 300 млн. руб.[44].

Экономия на масштабах управленческого труда, сокращение доли управленческого труда увязывалось отечественными экономистами с совершенствованием техники и технологии управления [45]. При этом отмечалось, что недооценка нормирования труда, регламентации производства в целом ведут к перекосам в системе оплаты труда и формирования себестоимости продукции. Подчеркивалось, что «укрепление нормировочной базы важно не только для неуклонного подъема производства, но и для предстоящего перехода промышленности на мирное строительство» [46].

Наиболее основательно это положение обосновал Ш.Турецкий, который писал: «Восстановление производства многих видов продукции, выпуск которых прекратился или сократился в начале войны, выдвигает вопросы о нормах затрат сырья, материалов и топлива на единицу продукции. Планирование материальных затрат приобретает важное значение для обеспечения правильных балансовых связей, планирования себестоимости и финансов в

условиях, когда доля материальных затрат возрастает, а их структура существенно изменяется» [47].

Это рассуждение полностью согласуется с выдвинутым им еще в начале войны тезисом о том, что «исключительно важным условием нормальной бесперебойной работы отраслей промышленности является установление и строжайшее соблюдение межотраслевых и внутриотраслевых связей; в обеспечении этих связей кроется громадная экономия общественного труда и материальных ценностей» [48].

Все вопросы, связанные с накоплением, с режимом экономии, с совершенствованием нормирования и материально-технического снабжения Ш.Турецкий рассматривал в контексте обеспечения правильных, т.е. эффективных и оптимальных макроэкономических пропорций, что свидетельствует о правильной постановке проблемы накопления в целом и о грамотном понимании этим экономистом значения пропорциональности в организации и функционировании экономики страны.

Свидетельством пристального внимания к проблематике повышения оперативности в плановом управлении народным хозяйством может служить и значительное количество решений правительства о восстановлении различных объектов экономики страны. То обстоятельство, что решение этого вопроса не откладывалось до лучших времен (до окончания войны), а осуществлялось оперативно, т.е. по мере освобождения ранее оккупированных врагом районов, также говорит само за себя. Цена такого оперативного восстановления была, конечно, огромной. Следует вспомнить, что в своей директиве отступающим войскам Гитлер прямо требовал: «Все полезные противнику сооружения, места расквартирования, дороги, искусственные сооружения, плотины и т.д. должны непременно разрушаться... Противник должен получить совершенно непригодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить только взрывы мин» [49]. И, тем не менее, уже с конца 1941 года восстановительные процессы в нашей экономики начались. Об этом свидетельствует Постановление СНК СССР от 29 декабря 1941 года «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне». В 1942 году этот процесс еще больше нарастал. Появились Постановления правительства «О восстановлении железных дорог» (6 января 1942 года), «»О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии»

(13 апреля 1942 года) и т.д. В 1943 году были изданы Постановления «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» (23 января 1943 года), «»О восстановлении угольных шахт Донбасса» (22 февраля 1943 года), «»О мероприятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий» (18 марта 1943 года), «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (21 августа 1943 года) и т.д. В 1944 году также был принят ряд Постановлений на этот счет, среди которых наибольшее значение имели: «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда» (29 марта 1944 года), «»О мероприятиях по восстановлении индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» (29 мая 1944 года), «Об усилении внимания делу восстановления и развития угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии и электростанций» (1 октября 1944 года) и т.д. В 1945 году были изданы Постановления «О восстановлении и развитии автомобильной промышленности» (26 августа 1945 года) и «О мерах помощи по восстановлению и развитию химической промышленности» (21 декабря 1945 года) и т.д.

Только приведенный краткий перечень этих документов говорит сам за себя. При этом главная проблема состояла в том, чтобы обеспечить восстановление регионов и отраслей не за счет инфляции издержек, не за счет роста себестоимости продукции, а как раз за счет ее снижения. С этой задачей, в общем и целом, страна справилась. Поэтому выглядит просто диким то обстоятельство, что сегодня, *в условиях мирного времени*, наше правительство допускает рост цен на углеводороды, услуги ЖКХ и многие иные товары и услуги. Равно как и зависимость государственного бюджета от мировых цен на углеводороды. Если бы такая зависимость существовала в годы Великой Отечественной войны, можно себе представить что бы произошло с нашей страной.

Однако в годы войны ситуация была совершенно иной. Хотя в 1941 году, в связи с началом военных действий, национальный доход СССР снизился на треть, но, начиная с 1943 года, он увеличивается. В 1944 году он возрос уже на 30%, хотя его объем и к концу войны не достиг довоенного уровня.

Это отразилось и на формировании государственного бюджета. Его доходы в 1942 году снизились на 50 млрд. руб. Но с 1942 по 1945 годы доходы государственного бюджета возросли на 60 млрд. руб. При этом, абсолютные и относительные размеры военных расходов к концу войны также стали сокращаться. В 1944 году их удельный вес сократился до 52,3%, а в 1945 году – до 42,9%. Если в 1944 году на военные цели было направлено 137,8 млрд. руб., то в 1945 году – 128,2 млрд. руб. [50]. Что же касается расходов на восстановление народного хозяйства страны, то их абсолютные и относительные размеры постоянно росли. Если в 1942 году их доля составила 17,3%,а в 1943 году – 15,8%, то уже в 1944 году, соответственно, – 20,3%, а в 1945 году – 24,9% общих бюджетных расходов государства [51].

Благодаря таким усилиям предприятия, вывезенные на восток, сравнительно быстро начинали выпускать необходимую продукцию. Уже через 4-6 месяцев после своей передислокации они начинали работать на полную мощь. Всего за годы войны было эвакуировано 2593 предприятия [52].

Если говорить в общем, то следует отметить, что взгляды многих советских экономистов военного времени (А.Григорьев, А.Либкинд, Ш.Турецкий и т.д.) свидетельствуют о *комплексном* характере рассмотрения проблем планового управления народным хозяйством нашей страны. А также – о постоянной их увязке с вопросами более *конкретного* порядка: совершенствованием нормирования, развитием режима экономии на предприятиях, соблюдения определенных внутрикооперационных связей и пропорций и проч. Об этом же говорят и конкретные разработки экономистов по вопросам организации работы по графикам и сменам, соблюдению ритмичности производства, внутрипроизводственному планированию. Рассматривая вопросы развития режима экономии, например, многие экономисты особое внимание обращали на задачи снижения себестоимости продукции, снижения ее материалоемкости и энергоемкости, сокращения потерь в производстве и при хранении, выхода конечной продукции надлежащего качества. Поэтому, наряду с *комплексностью* характерной чертой в изучении проблем планового управления экономикой в военное время является их *конкретика*, т.е. глубокая конкретно-экономическая проработка.

В такой форме комплексного и одновременно конкретного анализа, по существу, ставился вопрос о действии в условиях

военной экономики *закона экономии времени.* Наиболее последовательно понимание сущности этого закона и характера его действия изложено в работах А.Григорьева, Е.Грановского, Е.Касимовского, А.Курского, К.Омельченко, Ш.Турецкого и некоторых других экономистов [53].

Постановка вопроса о действии закона экономии времени, его изучение сквозь призму вопросов, связанных с планированием и управлением экономикой, в годы войны не были лишены и определенных недостатков. *Во-первых*, отсутствовало четкое и развернутое определение этого «первейшего», по выражению В.И.Ленина, экономического закона социализма. *Во-вторых*, действие этого закона неправомерно увязывалось исключительно с условиями военной экономики. *В-третьих*, были выявлены далеко не все формы и направления экономии, что объясняется традиционным экономическим мышлением тех лет.

Например, считалось, что экономия бюджетных средств и привлечение средств рядовых граждан для финансирования нужд обороны – это экономия в чистом виде. В годы войны в виде добровольных взносов населения поступали наличные деньги, драгоценности, облигации госзаймов, сельскохозяйственные продукты, отчисления от заработной платы и проч. Всего за годы войны от населения поступило в виде добровольных взносов 94,5 млрд. руб., 130,7 кг золота, 13 кг платины, 9,5 т серебра. Значительное количество драгоценных изделий, облигаций и инвалюты. Но в структуре общих издержек войны (а они составили 357 млрд. долл.) это было конечно немного [54].

При этом экономия материальных ресурсов – это еще не экономия времени, хотя оба вопроса и взаимосвязаны между собой. В годы войны в экономической литературе, как это не покажется парадоксальным, почти не поднимались вопросы утилизации отходов, использования безотходных технологий, многократного использования тепловых ресурсов, тары, вспомогательных материалов, сбора и заготовки бытовых отходов и т.д. Но все-таки конкретные решения на этот счет существовали. Так, в 1944 году вышло Постановление правительства «Об экономии электроэнергии в промышленности» (18 мая 1944 года), в котором предлагалось установить удельные нормы расхода тепловой и электрической энергии на единицу продукции и организовать жесткий государственный учет расхода энергии [55].

Важно отметить и тенденцию к трактовке закона экономии времени как объективной необходимости в хозрасчетной организации производства. Иначе говоря, проблемы планирования и управления рассматривались не сами по себе, не отвлеченно, а в контексте экономии живого и овеществленного труда, соизмерения затрат и результатов производства.

Это позволяет утверждать, что в понимании закона экономии времени советские экономисты в годы войны продвинулись вперед по сравнению с предыдущим периодом. Этот вывод подтверждает и постановка вопроса о хозрасчете в экономической науке военного времени. Конечно, можно согласиться с мнением о том, что « уже в предвоенные годы назревала необходимость изменения сложившихся форм хозрасчета, что, конечно, не могло не сказаться и на развитии его теории. Однако Великая Отечественная война прервала нормальный ход этого процесса»[56]. Но, тем не менее, процесс развития экономической науки в этом направлении не прекращался и в военное время.

В постановке и изучении проблематики хозяйственного расчета в годы войны следует выделить ряд особенностей. *Во-первых*, это постепенное преодоление рамок *учетно-распределительной концепции*, согласно которой хозрасчет не затрагивал само производство как таковое, его организацию и осуществление, а касался лишь внешних сторон деятельности предприятий, его внешних денежных расчетов с поставщиками и заказчиками. Сложившиеся прежде представления, ограничивавшие действие хозрасчета исключительно сферой обращения, оказались в реальном противоречии с действительностью военных лет, когда принципы рациональности, рентабельности, бережливости стали едва ли не основой организации военного производства. Естественно, что прежняя весьма узкая концепция хозяйственного расчета вела к его недооценке и к недооценке роли товарно-денежных отношений в экономике страны в целом. *В-вторых*, это особое внимание со стороны экономистов к специфике организации хозяйственного расчета как внутри предприятий, так и между предприятиями в условиях военного времени. Ясно, что такая специфика существовала, и она проявлялась в определенной натурализации самого хозрасчета как такового, когда денежные инструменты оказывались в определенном смысле отодвинутыми на задний план по сравнению с натурально-вещественными показателями, характеризовавшими деятельность предприятий. Так, карточная

система, введенная в годы войны, суживала масштабы и роль торговли в обеспечении граждан страны продуктами первой необходимости. Также централизованное материально-техническое снабжение определенным образом нивелировало роль рынка факторов производства, который хотя и существовал даже в годы войны, но был крайне не развит. Это нельзя трактовать как основание для признания учетно-распределительной концепции хозрасчета, поскольку хозяйственная деятельность предприятий на принципах самоокупаемости и рентабельности ставилась правительством в качестве ключевой задачи перед отечественными предприятиями. Другой вопрос, *как* эта задача решалась, и какую роль тут играли товарно-денежные инструменты. *В-третьих*, это постепенное формирование представлений отечественных экономистов о хозяйственном расчете как особой политэкономической категории, выражающей реальные производственные отношения. Речь идет о сопряжении исследования вопросов хозрасчетной организации производства с отношениями собственности, аренды, оперативно-хозяйственной самостоятельности и т.д.

Все это подводило экономистов к необходимости выявления сущности хозрасчета, его отличий от коммерческого расчета как такового. Вставали задачи выяснения причин его существования при социализме, изучения его конкретных форм организации на внутрипроизводственном и отраслевом уровнях.

Наиболее яркой особенностью в постановке и изучении проблем хозрасчета в годы войны было усиление внимания к конкретным вопросам его организации на предприятиях и по отраслям, что свидетельствует об активизации хозяйственно-практической функции экономической науки в военное время. Разумеется, война в каком-то смысле затормозила исследование хозрасчета как феномена рыночной экономики, поскольку в годы войны значение рыночных связей явно ослабло. Больше того, война даже затормозила распространение хозрасчета на практике, что выливалось в попытки мелочной регламентации и опеки предприятий со стороны наркоматов. Но все же, полностью изучение вопросов, связанных с хозрасчетом, остановлено не было. То обстоятельство, что в экономических исследованиях военного времени поднимались вопросы его дальнейшего совершенствования и осознание объективное необходимости широкого распространения, говорит об

углублении противоречия между экономической наукой и реальной экономической политикой тех лет.

Преодоление крайних форм волюнтаризма и субъективизма позволило некоторым экономистам глубже, чем прежде, подойти к анализу хозрасчета, изучению его взаимосвязи с товарным производством, товарно-денежными отношениями.

В послевоенное время и даже позднее, уже в 80-90-х годах XX века, высказывались различные точки зрения о том, например, как подходили экономисты того времени к трактовке хозрасчета. В начале 70-х годов была сформулирована мысль о том, что Н.А.Вознесенский выводил необходимость товарно-денежных отношений при социализме из хозрасчета [57]. Но ряд экономистов (М.Атлас, Л.Фридберг и др.) расценили ее как ошибочную [58]. Вопрос на самом деле оказывается, при ближайшем рассмотрении, не так прост, как выглядит на первый взгляд. На первый взгляд, действительно, кажется, что Н.А.Вознесенский как соратник и сподвижник И.В.Сталина просто не мог рассматривать товарно-денежные отношения как результат хозрасчетной организации производства. Известно, что сам И.В.Сталин негативно относился к идее о том, что при социализме роль товарно-денежных отношений не только сохраняется, но и получает свое новое наполнение. Но тогда возникает вопрос о сути противоречий, возникших между Н.А.Вознесенским и И.В.Сталиным. А суть эта заключалась в том, что Н.А.Вознесенский следовал ленинской логике в этом вопросе. Известно, что не за долго до своей смерти В.И.Ленин пересмотрел свое отрицательное отношение к товарно-денежным отношениям (деньги, торговля, кредит и проч.) и даже предложил «пойти на выучку к капиталистам». И.В.Сталин никогда эту идею В.И.Ленина не разделял и, как говорится, «гнул свою линию». Обстановка военных лет, казалось, давала для этого дополнительные аргументы. Но в послевоенное время все изменилось. Кроме позиции И.В.Сталина. Поэтому, как нам представляется, если рассматривать военное время, то более корректной выглядит первая позиция. Если же рассматривать последний этап войны и середину 40-х годов – то более адекватной представляется вторая позиция.

Следует, видимо, различать две стороны в трактовке хозрасчета экономистами первой половины 40-х годов. *Во-первых*, в этот период хозрасчет все чаще начинает рассматриваться исследователями в непосредственной связи не только с товарно-денежными отношениями, но и с товарным характером

производства, который иногда даже пытались выводить из объективной необходимости в хозрасчетной организации самого производства [59]. Эта организация понималась некоторыми исследователями как такая организация хозяйства, продукция которого реализуется самим социалистическим государством на рынке. То есть, хотя государство и централизовало производство и сбыт, но продукция предприятий все равно проходит через рынок и принимает товарную форму [60].

При этом отдельными экономистами подчеркивалось, что само производство как таковое, а не сфера распределения, не рынок, на котором происходил сбыт товаров, порождает товарную форму продукта и является причиной существования товарно-денежных отношений в стране. Оплата труда советских рабочих рассматривалась именно как *цена труда* при социализме в отличие от того, что при капитализме оплата рассматривалась как *цена рабочей силы*. Но это все равно была цена труда, т.е. проявление товарно-денежных отношений в организации социалистического производства. Поскольку рабочее работали за вознаграждение, а не безвозмездно, что товарно-денежные отношения порождались производством, а не сферой обращения [61].

Во-вторых, особо подчеркивалась связь хозрасчета и плана, подчиненность хозрасчетной организации производства плановому управлению экономикой. Поскольку хозрасчет «только тогда выполняет свои задачи, когда он служит делу борьбы за план, за его выполнение» [62]. В такой форме хозрасчет рассматривался отечественными экономистами как *метод* планового управления предприятиями, а не просто как особая *форма* организации производства. Здесь, как говорится, есть две большие разницы. Если хозрасчет рассматривается как особая форма организации производства, то производство основывается на принципах хозрасчета. Но если хозрасчет рассматривается, как метод планового управления и подчинен плану, то производство основывается на плановых заданиях, которые вполне могут противоречить принципам хозрасчета. Субъективизм в составлении планов, например, довольно часто вступал в противоречие с принципом рентабельного ведения хозяйства. От предприятий плановые органы требовали выполнения невыполнимого, ни мало не задумываясь о судьбе самого предприятия и его коллектива. Как говорится: «Все для фронта! Все для Победы!» И люди жертвовали всем. Но эти жертвы были отчасти оправданы военной обстановкой. В условиях нормального мирного

времени подчинение хозрасчета субъективно составляемым планам приходило в непримиримое противоречие с объективными законами самой экономики. Репрессии против экономистов как инакомыслящих тут уже суть дела изменить не могли.

Исследование хозрасчета по этим двум направлениям – во взаимосвязи хозрасчета и планирования, плановых заданий, с одной стороны, и во взаимосвязи хозрасчета с товарно-денежными отношениями и товарной формой продукта с другой стороны – характерная черта теоретико-экономических исследований первой половины 40-х годов.

Думается, что вывод авторов «Истории политической экономии социализма» о том, что Н.А.Вознесенский выводил товарно-денежные отношения при социализме из объективной необходимости в хозрасчетной организации общественного производства, соответствует действительности. Во всяком случае, она находит свое подтверждение в работах этого экономиста в военное время. Больше того, такой подход прослеживается и в работах других экономистов военного периода. Этому, на наш взгляд, способствовало то обстоятельство, что на совещании в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года в ходе обсуждения данной проблемы возобладало мнение о том, что представления о товарно-денежных отношениях как о «внешней», бессодержательной и отмирающей при социализме форме производственных отношений, не соответствуют реальной действительности. Зная отношение И.В.Сталина к этому вопросу, можно с достаточными основаниями предположить, что данная точка зрения возобладала, конечно же, не благодаря, а, скорее, вопреки его взглядам. Возобладание такого представления о товарно-денежных отношениях, как нам представляется, могло произойти на указанном совещании только в силу того, что сам И.В.Сталин полагал: необходимо овладевать всеми методами ведения хозяйства и, если это методы характерны для капиталистического производства, то подчинять их себе. Ведь еще на XIV съезде партии он говорил: «дело вовсе не в том, что торговля или денежная система являются метолами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими метолами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма» [63].

Тем самым, « если товарное обращение представлялось как категория досоциалистических форм хозяйства, то необходимость его существования в переходный период объяснялась наличием капиталистического и мелкотоварного укладов» [64]. Вопрос в том, а были ли такие уклады в отечественной экономике в военное время, были ли какие либо проявления «капиталистических» форм хозяйствования? Тот факт, что расчеты по ленд-лизу осуществлялись в товарно-денежной форме, свидетельствует о том, что были. Что же касается мелкотоварного производства, то и оно сохранялось в годы Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют некоторые решения правительства. Так, 18 октября 1942 года было принято Постановление СНК СССР «О мерах по дальнейшему развитию подсобных хозяйств промышленных наркоматов», а 22 августа 1945 годы – Постановление СНК СССР О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов» [65]. В этих документах говорилось о необходимости со стороны органов власти содействовать работе артелей, товариществ и иных форм организации мелкотоварного производства.

Вместе с тем, различные точки зрения советских экономистов периода 70-80-х годов XX века на то, как трактовали их предшественники в военные годы сущность и значение хозрасчета, свидетельствуют о недостаточной изученности этого вопроса в историко-экономической литературе. Характеризуя сложившиеся к началу 70-х годов XX века в отечественной экономической науки концепции хозрасчета, А.И.Сибирев, например, отмечал, что одним из главных недостатков в методологии его исследования было явное преобладание односторонних подходов к проблеме [66]. С этим выводом в целом можно согласиться.

Конкретизируя его применительно к рассматриваемому периоду, можно отметить, что, хотя многие экономисты в военные годы, в общем-то, совершенно правомерно подчеркивали ведущую роль плана и признавали связь хозрасчета и товарно-денежных отношений, трактовка хозрасчета все-таки страдала определенной односторонностью. Во-первых, недооценивались сами товарно-денежные отношения, которые рассматривались как рудиментарное сохранение капиталистических инструментов в условиях социализма. Естественно, что, при такой постановке вопроса, предполагалось сначала этими отношениями *овладеть*, а потом их

ликвидировать. При этом, недооценивалась роль экономических стимулов и преувеличивалась роль субъективного фактора в планировании и плановом управлении экономикой. *Во-вторых*, хозрасчет рассматривался многими экономистами военного времени исключительно как метод планового руководства предприятиями *со стороны государства*, а метод этот, в свою очередь, трактовался исключительно как элемент экономической *политики государства*. В этом нашло свое проявление практически полное *огосударствление* всей экономической жизни общества, которому *предписывалось сверху*, что оно должно делать и как именно оно должно осуществлять свою экономическую деятельность.

Понимание хозяйственного расчета как способа самоорганизации планового самоуправления самих работников, как инициатива самих предприятий – субъектов хозяйственной деятельности, в военные годы полностью отсутствовало. Но ясно, что хозрасчет не может выражать и отражать только государственную политику и ее установки. В конце концов, государство – это люди, которые управляют процессом экономического развития и которые вполне могут ошибаться, допускать просчеты, а иногда и осознанно принять неправильные решения. Если трактовать хозрасчет как способ реализации такой государственной политики, то выхолащивается сама сущность хозяйственного расчета, который представляет собой способ рентабельного и социально ориентированного способа самостоятельного ведения хозяйства. При трактовке хозрасчета как метода государственной экономической политики, а не как способа самоорганизации предприятий, ни о какой социальной защите работников в годы военного времени вообще не могло быть и речи. А такая социальная незащищенность, подмененная мобилизационными предписаниями и уголовными санкциями, оказывала негативное влияние на всю деятельность предприятий. Проблемы снижения брака и потерь рабочего времени, неполной загрузки производственных мощностей и неквалифицированного труда в годы войны стояли крайне остро и говорят сами за себя.

Хозяйственный расчет должен рассматриваться в диалектическом единстве основных своих сторон: как объективная категория экономической науки, хозрасчет отражает и выражает объективную необходимость со стороны субъектов хозяйственной практики вести свое дело рентабельно и самостоятельно; как субъективная реальность, хозрасчет выражает конкретную целенаправленную и целесообразную хозяйственную деятельность в обществе. Если цели

и задачи предприятиям в социалистическом обществе формулируют не сами производители и потребители, а государство, то и хозрасчет деформируется, превращаясь из способа социально-экономической самоорганизации производителей в метод управления ими сверху, в метод манипулирования ими.

Тем не менее, диалектическое единство различных сторон хозрасчета есть ни что иное как развивающаяся реальность, в которой в связи с характеристикой самого конкретного исторического периода, может преобладать то одна, то другая сторона. В годы войны, естественно, преобладала субъективная сторона в организации хозрасчета, но в послевоенное время необходимо было вернуться к сбалансированной трактовке и практической организации хозрасчета. К такому пониманию хозрасчета постепенно стала приближаться отечественная экономическая наука в конце и после окончания Великой Отечественной войны.

Однако, окончательно такое диалектическое понимание хозрасчета как явления экономики, сложилось лишь во второй половине 50-х годов XX века, в условиях преодоления культа личности И.В.Сталина, волюнтаризма и субъективизма как важнейших характеристик сталинского руководства народным хозяйством. Окончательно диалектическое, а не субъективистское, понимание хозяйственного расчета в нашей экономической науке произошло уже в период подготовки хозяйственной реформы 1965 года.

С позиций современной науки, очевидно, что *глубокое* диалектическое понимание категории хозрасчета не сформировалось в экономической литературе ни в 40-50-е годы XX века, ни позднее. В каком-то смысле это объясняется формальным характером преодоления культу личности И.В.Сталина и сохранением сталинской идеологии, сохранением самой командно-административной системы хозяйствования, которая постепенно вела отечественную экономику к стагнации и кризису. Даже в 60-е годы (в условиях хрущевской «оттепели») и много позже самоуправление на отечественных предприятиях оставалось каким-то формальным, «урезанным», «усеченным», неполным, декларативным. Конечно, многие вопросы решались в соответствии с «Законом о трудовых коллективах» и иными правовыми актами, но сам круг этих вопросов был достаточно узким.

Что же касается военной обстановки, то она никак не благоприятствовала развитию рабочего самоуправления и

диалектическому понимания сущности хозяйственного расчета в российской экономической науке.

Важный штрих в постановке проблем хозрасчета в годы Великой Отечественной войны – его тесная увязка, а во многом даже просто подмена, с вопросами управления. Еще в середине 30-х годов XX века хозрасчет рассматривался как своеобразная форма контроля за работой предприятий со стороны государства, которая побуждала бы предприятия снижать издержки производства и обращения [67]. В такой интерпретации сущности хозрасчета были и свои достоинства. Ясно прослеживается его отличие от *коммерческого расчета*, не связанного с государственным контролем за деятельность частных предприятий в области ценообразования и практики формирования издержек и себестоимости продукции. Естественно, что раз при социализме само государство является главным получателем продукции своих предприятий, то оно в первую очередь заинтересовано в снижении себестоимости, а следовательно, и отпускных цен и затрат на эту продукцию.

Иное дело – при капитализме, где государство не выступает единственным или даже главным потребителем. Здесь оно не заинтересовано в снижении себестоимости продукции и цен на нее, поскольку государственный бюджет формируется за счет таких налогов, как налог на добавленную стоимость и налог с продаж. Чем выше себестоимость и цена единицы продукции – тем выше налоговые отчисления в государственный бюджет.

Под влиянием жесткого государственного управления и контроля во время войны в результате осуществления конкретных организационно-технических мероприятий был обеспечен рост производительности труда, снижение издержек производства и себестоимости продукции. При этом доля налоговых поступлений в структуре доходов государственного бюджета была относительно невелика. В отличие от современной ситуации, когда они составляют до 90% и больше, в период с 1942 по 1945 годы их доля возросла всего на 60 млрд. руб. В основном это произошло за счет введения военного налога. Доля налогов в общей массе доходов бюджета страны составила в 1945 году 13,2% по сравнению с 5,2% в 1940 году [68].

Следует признать, что само исследование хозрасчета в единстве двух его сторон (объективной и субъективной) встало на повестку дня уже к концу войны. Его изучение в тесной взаимосвязи с отношениями планирования, управления, товарно-денежного обращения создавало благоприятные условия для глубокой

теоретической проработки данной категории. Однако, в годы Великой Отечественной войны эти благоприятные предпосылки все же не были реализованы.

Но важно отметить, что экономическая наука все-таки именно в первой половине 40-х годов вплотную подошла к *системному* изучению хозрасчета и осознанию необходимости преодоления его односторонней (сугубо в субъективистском плане) трактовки. Этому способствовало признание объективного характера экономических законов и их действия при социализме. Прежде всего, речь идет о законе стоимости, признание которого «открывало возможность решения вопроса о его объективной обусловленности» и « позволяло рассматривать стоимостные рычаги как составные и взаимосвязанные элементы единого целого – системы товарно-денежных отношений» [69].

Системный подход к изучению товарно-денежных отношений как раз и предполагал преодоление односторонности в изучении хозрасчета. К сожалению, в начале 90-х годов XX века наша экономическая наука снова столкнулась с субъективистским и односторонним пониманием роли товарно-денежных отношений. Идеи о том, что в условиях рыночной экономики рынок самостоятельно регулирует и динамику их развития оказались полнейшей утопией. Современный глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010гг. показывает, что без государственного планирования и управления (регулирования) экономики она постоянно скатывается в фазу депрессии. Аксиоматика мировой экономической науки середины XX века, от которой бездумно отмахнулись «младореформаторы» начала 90-х годов, сегодня вновь становится актуальной: выход из кризиса без государственного планового управления экономикой, по определению, оказывается не возможным. Но одного государственного управления, пускай даже и грамотного и оперативного, оказывается недостаточно для вывода экономики из кризиса. Отсюда мы вновь возвращаемся (и неизбежно вернемся) к проблематике хозрасчета.

Процесс продвижения отечественной экономической науки к пониманию того, что хозрасчет – категория, отражающая не только товарную форму, но и само содержание общественного производства, его социально-экономический характер, в первой половине 40-х годов шел далеко не прямолинейно и однозначно. З.Атлас писал, что « в советском хозрасчете проявляется особый

характер закона стоимости, сознательно применяемого советским государством в условиях планового руководства народным хозяйством», что «принцип хозрасчета заключается в том, что предприятия, ведя учет затрат и результатов производства в денежной форме, производят не продукты для внутреннего потребления, но товары, реализуемые за деньги» [70].

Еще до войны в экономической литературе высказывались предложения о необходимости «отказаться от планирования валовой продукции и перейти к планированию товарной, т.е. готовой и комплектной продукции» [71]. Фактически, тем самым ставился вопрос о признании отечественных предприятий товаропроизводителями и о признании товарной формы конечного общественного продукта.

В годы войны постановка этого вопроса тесно увязывалась с исследованием закона экономии времени и специфики военного хозяйства. Это аргументировалось так: необходимо было установить новую, специфическую для военной экономики сбалансированность и пропорциональность, для чего следовало привлечь все резервы, в том числе и хозрасчет. По мнению Л.Гатовского, «сбалансированная народнохозяйственная пропорциональность» в годы войны была достигнута, что и стало первостепенным условием экономической победы нашей страны в войне [72]. Конечно, это заявление – апологетика высшей пробы. В военное время ни о какой сбалансированной народнохозяйственной пропорциональности не могло быть и речи. Наш народ недоедал, голодал, жил на скудный продовольственный паек, отказывал себе в предметах первой необходимости, жертвовал свое имущество ради того, чтобы все отдать делу Победы. Какое нужно было иметь лицемерие, чтобы называть такую ситуацию «сбалансированной народнохозяйственной пропорциональностью»!

Вспомним хотя бы Постановление СНК СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Киеве, Москве, Ленинграде и отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» от 18 июля 1941 года. В соответствии приложением к этому Постановлению определялись крайне низкие нормы отпуска основных товаров по карточкам (купонам). Можно ли было говорить о «сбалансированной народнохозяйственной пропорциональности» в то время, когда в день предусматривалось выделение всего 100-200 граммов хлеба или 50 граммов сахара на едока по одному купону.

Согласно этого Постановления, на месяц гражданину выдавались: рабочим и инженерно-техническим работникам 125 купонов, служащим – 100, а иждивенцам – 80 таких купонов. На них нужно было, кроме хлебопродуктов (муки, крупы, макарон, кондитерских изделий, сахара), еще получить и другие необходимые для жизни блага: животное и растительное масло, мясо и мясопродукты, рыбу и рыбопродукты, промтовары и т.д. [73].

Путать героизм и огромные жертвы нашего народы в годы войны с «сбалансированной народнохозяйственной пропорциональностью» нельзя. Вопрос о том, можно ли называть те связи и отношения, которые сложились в народном хозяйстве СССР в годы Великой Отечественной войны пропорциональными в собственно политэкономическом смысле этого термина требуют сегодня переоценки. Нельзя называть пропорциями *любые* соотношения между различными экономическими показателями, а пропорциональностью *любые* комбинации таких соотношений. Это – чисто феноменологический подход, который искажает сущность научных категорий и дискредитирует науку. Но утверждение о том, что снижение себестоимости промышленной продукции происходило «на основе использования в интересах экономической победы закона экономии труда за военный период» [74] в общем и целом соответствует действительности и полностью корреспондируется с постановкой выше названных проблем в экономической литературе. «Замораживание» зарплат, изъятие у работников части необходимого продукта, низкий уровень оплаты и т.д. – все это свидетельство экономии государства на *живом* труде, на рабочей силе. Жесткие лимиты и квоты на потребления сырья и материалов в военное время – свидетельство экономии государства на *овеществленном* труде. Был ли у нашего народа выбор и был ли здесь выбор у самого государства – вопрос отдельный и требующий серьезных конкретно-экономических исследований.

При этом. Однако, характерно, что в годы войны заметно снизился в экономических исследованиях интерес к стоимостной оценке товарной продукции. Государственное планирование цен естественным образом такой интерес не стимулировало. Поэтому в науке наибольшее распространение получил *натуралистический* подход в оценке результатов деятельности предприятий. Предприятия в первую очередь отчитывались за выполнение плановых количественных заданий в штуках, тоннах, киловатт-часах, тонно-километрах и т.д.

Если наиболее одиозные показатели, о которых уже говорилось ранее, предполагали изначально определенные деформации и перекосы в национальном счетоводстве, то большинство «натуральных» и количественных показателей просто искажало результативность функционирования реального сектора экономики. Возьмем хотя б такой показатель, как *тонно-километры*. Можно было перегонять грузы объездным путем из близлежащих населенных пунктов и, при этом, иметь высокие показатели, но крайне низкую эффективность. Кстати, действие закона экономии времени видно и на этом примере. Согласно Постановлению СНК СССР от 3 января 1942 года «О восстановлении железных дорог», говорилось о том, что «стоимость затрат на оплату рабочей силы на восстановительных работах (необходимо – К.С.) определять на основе укрупненных норм выработки и расценок, повышенных на 25% по сравнению с действующими на строительстве и путевых работах». Но вот что интересно, о повышении оплаты труда за эти самые «укрупненные нормы выработки» в Постановлении не было сказано ни слова [75].

Сегодня любая фирма, если ей необходимо произвести какие-либо «восстановительные» работы, например, убрать старое железнодорожное полотно и положить новое, демонтировать старое оборудование и заменить его новым, потребует дополнительной оплаты за «укрупненные нормы выработки» – таков рынок. Даже уборка мусора после ремонта в квартире подрядчиками закладывается в оплату своих работ. Но в военной экономике экономия рабочего времени как раз и проявлялась в недоплате за труд, т.е. в присвоении государством части необходимого продукта. То, что это делалось ради Победы, не меняет *сути* вопроса, а говорит лишь о *форме* постановки данного вопроса (о действии закона экономии времени) в условиях военной обстановки. Но то, что «проходит» в чрезвычайных условиях, не «*проходит*» в мирных нормальных условиях. Сегодня степень недоверия народа к власти достигла такого уровня, что пора бы задуматься и о том, что будет с самой властью, если она не найдет убедительных объяснений тому, почему она столь коррумпирована и так дорого обходится народу в условиях мирного времени. По уровню коррупции Россия в 2005 году занимала уже 90-е место среди 146 стран, попав по показателю индекса коррумпированности в одну группу с Индией, Танзанией и Мозамбиком [76]. Ясно, что в годы Великой Отечественной войны такого масштаба коррупции в стране не было. Именно это

обстоятельство объясняет вполне спокойное отношение населения к той самой «экономии труда», на которую пошло государство.

Но вернемся к натуралистическому характеру учета результатов хозяйственной деятельности отечественных предприятий в годы Великой Отечественной войны. По справедливому замечанию А.Ноува, «советский опыт выявляет и еще одну «слабость» натурального планирования – трудности с измерением и планированием качества продукции. То же самое количество тонн, метров может иметь разную потребительную стоимость и удовлетворять различные нужды» [77]. Это обстоятельство характерно для любой военной экономики, будь она в социалистической или капиталистической стране. Не следует думать о том, что немецко-фашистские захватчики имели абсолютное качественное превосходство в своих вооружениях над нашей страной, как это иногда красочно живописует официальная пропаганда. Вот простой пример. Известный отечественный конструктор А.Яковлев отмечал крайне низкое качество немецких самолетов накануне и в начале войны. Оценивая истребитель «Хейнкель – 100», он писал: «Мы его оценили не так высоко, как немцы. Не смотря на свои хорошие летные качества, этот самолет обесценивался своими плохими эксплуатационными свойствами. Первые же дни войны показали, что этот самолет, на которые немцы возлагали огромные надежды, совершенно себя не оправдал ввиду сложности его применения на фронте». Далее, оценивая двухмоторный бомбардировщик «Юнкерс – 88», А.Яковлев также замечает, что он «с большими трудностями дотянул до конца войны». Говоря же о гордости немецко-фашистской авиационной техники самолете «Мессершмитт – 209», наш конструктор вспоминал: «Машина имела ряд таких органических недостатков, которые вообще ставили под сомнение возможность ее доводки, что, между прочим, впоследствии и подтвердилось» [78]. Поэтому первоначальные успехи немцев в начальный период войны объясняются исключительно их *количественным* перевесом. К 1941 году Германия отмобилизовала огромную армию. Это общеизвестно. С 1940 по 1941 года численный состав ее вооруженных сил возрос с 3750 тыс. до 7330 тыс. на границах с нашей страной была сосредоточена огромная военная машина: 5,5 млн. чел. (вместе с войсками союзников), 4980 самолетов, 4300 танков и штурмовых орудий, свыше 47 тыс. орудий и минометов. Вооруженные силы СССР на западной границе имели: 2,9 млн. солдат, 1540 самолетов

новых типов, 34500 артиллерийских орудий и минометов, 1800 тяжелых и средних танков [79].

При этом качественные характеристики немецких танков, вопреки распространенному мнению, также были во многих отношениях ниже наших. «Известна приверженность Гитлера к тяжелым, но медлительным танкам. Это была его ошибка. Для борьбы с русскими Т-34 Гитлер требовал больше брони, а не скорости. В результате по сравнению с исходными 40 тоннами немецкий «Тигр» потяжелел до 75 тонн, а новая легкая «Пантера» увеличила свой вес с 30 до 49 тонн» [80].

Конечно, и отечественная военная техника накануне и в условиях войны оставляла желать много большего. Но к концу войны по большинству видов и характеристик она уже не только *количественно*, но и *качественно* превосходила немецкую технику. Но не только в соотношении количества и качества состоял вопрос. С экономической точки зрения он затрагивал и проблему отражения качественных характеристик продукции в стоимостных показателях.

Имевший место в годы войны в теории и практике планового управления народным хозяйством перекос в сторону натуральных показателей и недооценка стоимостных показателей производимой продукции сложился не в последнюю очередь из-за сложных условий самого военного времени, а также отношения И.В.Сталина к товарно-денежным отношениям. Формальное признание наличия при социализме таких отношений уживалось у В.И.Сталина с отрицанием товарного характера общественного производства при социализме.

В таких условиях теоретическая разработка проблем хозрасчета, его практическое воплощение были по существу ограничены. Вместе с тем, в условиях крайнего расстройства финансовой системы страны и резкого сокращения товарооборота, вызванных военной обстановкой и связанной с ней перестройкой экономики на «военный лад», такой «*натуралистический*» подход позволил в определенной мере интенсифицировать производство первоочередной необходимой продукции. Получилось, что приоритет, отдававшийся натуральным показателям, позволил своевременно поставить и в определенном смысле решить главный и ряд конкретных вопросов. Главный вопрос состоял в преодолении количественного отставания СССР от Германии по многим видам вооружений и иных видов продукции. Конкретные вопросы – дисциплина поставок, своевременная отгрузка продукции, кооперация и специализация в условиях военной экономики и т.д.

В литературе 80-90-х годов сложилось, на наш взгляд, достаточно ошибочное мнение о том, что будто бы в годы войны в народном хозяйстве страны едва ли не единственными факторами экономического развития были *экстенсивные* факторы: наращивание количества рабочей силы, объемов потребляемого сырья и электроэнергии и т.д. Но это не так. В связи с оттоком значительной части трудоспособного населения на фронт главной рабочей силой на отечественных предприятиях стали женщины. Их удельный вес за годы войны возрос в народном хозяйстве с 39% до 56% [81]. А общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве снизилась с 31, млн. чел. в 1940 году до 18,4 млн. чел. в 1942 году и вплоть до окончания войны оставалась ниже довоенной [82].

Снижение численности занятых в народном хозяйстве страны и отток квалифицированных кадров на фронт поставили в повестку дня разработку и практическое использование интенсивных факторов экономического развития. На это обращали внимание некоторые исследователи [83].

Позитивный характер такого взвешенного переосмысления диалектики экстенсивного и интенсивного развития народного хозяйства в военное время состоит в том, что оно позволяет более основательно подойти к оценке советской экономической мысли, ее вклада в разработку проблем интенсификации хозяйства, в первую очередь через разработку проблем хозрасчета. То, что сталинское руководство по существу недооценивало хозрасчет как важнейшее условие интенсификации общественного производства, стремилось *внеэкономическими* методами обеспечить переход к высокоинтенсивному и производительному труду, не означает, что в теоретико-экономических исследованиях тех лет начисто отсутствовало понимание значения хозяйственного расчета для формирования *интенсивного* типа хозяйства.

Например, на необходимость оперативно-хозяйственной самостоятельности в рамках государственного плана обращал внимании З.Атлас, который указывал, что хозрасчет выражает *сущность* социалистических производственных отношений, хотя и является, прежде всего, *методом* планового руководства предприятиями со стороны государства. Но *метод* – это способ реализации сущности, т.е. реализации самих социалистических отношений. Сводить метод к сущности нельзя, но и не понимать их взаимосвязи – тем более. Выделяя эти моменты, ученый писал: «Главки, тресты и предприятия должны обладать в рамках общего

народнохозяйственного плана *оперативной самостоятельностью*; их производственно-технические и хозяйственные связи не могут быть полностью регламентированы сверху. В соответствии с планами и директивами эти связи должны устанавливаться непосредственно предприятиями, трестами, главками на договорных началах. А тем самым предприятия должны выступать как самостоятельные до известного предела хозяйственные единицы» [84]. Но возникал вопрос о том, что подразумевать под «известными пределами»? и этот вопрос становился тем более актуальным, что, начиная с 1940 года, экономика СССР должна была развиваться уже по новым балансовым планам, которые именно в этом году были разработаны на перспективу, вплоть до 1957 года [85]. Если в 30-е годы за основу составления народнохозяйственных планов бралась методика С.Г.Струмилина, известная как «*трехчленка*» (производственная сфера, сфера обслуживания и сфера управления), то с 1940 года Госплан СССР начинает разрабатывать народнохозяйственные планы по схеме Н.А.Вознесенского (включавшей в балансы финансовую сферу, баланс кадров и т.д.). Эта схема охватывала народное хозяйство более полно и, казалось, значительно сужала сферу оперативно-хозяйственной самостоятельности конкретных предприятий.

Естественно, что в условиях войны во всех промышленных странах нарастают процессы концентрации и централизации производства. Результатом этого становится новый этап в развитии монополий, который охватывал как раз период с 1941 по 1957 годы, т.е. военное и ближайшее послевоенное время. Для этого времени были характерны дальнейшее обострение противоречий между различными отраслями национальных экономик (между военным сектором и гражданским), а также и на международном уровне, на мировом рынке. Военная экономика вызвала новый скачок в росте крупных корпораций – монополий не только за рубежом, но и в нашей стране. Главки и тресты в нашей стране, по сути, представляли собой специфический для социализма вариант крупных монополистических производств. Разница состояла только в том, что это были *государственные* монополистические образования – наркоматы, тресты, главки и промышленные предприятия. Поэтому становится понятным, почему отдельные прогрессивные идеи и концепции отечественных экономистов либо по развитию самостоятельности таких образований либо игнорировались, либо просто забалтывались. Так произошло, например, с книгой

Е.С.Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (1946), над которой ученый работал в военные годы. В этой книге автор также указывал на качественные изменения в деятельности крупных промышленных производств и настоятельную необходимость расширения самостоятельности социалистических предприятий. По поводу этой книги в Институте мирового хозяйства была проведена публичная дискуссия, напоминавшая скорее публичную порку и шельмование в духе тех лет. В ходе дискуссии возобладали догматические и, отчасти, просто ненаучные представления по вопросам о взаимоотношениях между государством и крупными промышленными предприятиями. Дело дошло до того, что под нажимом и угрозами сам Е.С.Варга отрекся от идеи расширения самостоятельности крупных предприятий при социализме в пользу тезиса о необходимости более жесткого и «последовательного» руководства такими предприятиями со стороны государства.

Наиболее резкую позицию против Е.С.Варги занял К.В.Островитянов, который считал расширение самостоятельности монополистических предприятий на Западе проявлением стихийности развития национальной экономики, тогда как в социалистическом хозяйстве ограничение такой стихийно формирующейся самостоятельности и вседозволенности» он называл проявлением планомерного начала. Итог дискуссии состоял в откате от тех достаточно интересных и перспективных идей, которые Е.С.Варга и некоторые отечественные экономисты сформулировали как раз именно в годы войны и с учетом влияния военной обстановки на развитие промышленного производства [86].

Конечно, границы самостоятельности отечественных предприятий в условиях военного времени и военно-мобилизационных планов были крайне узкими. А всякое стремление их расширить наталкивалось на опасения о срыве плановых заданий и провалов. Поэтому Указом Верховного Совета СССР «О военном положении» (22 июня 1941 года) военным властям предоставлялись столь широкие права, что ни о какой самостоятельности предприятий просто не могло быть и речи. Так, военным властям предоставлялось право осуществлять трудовую мобилизацию населения, производить изъятие транспортных средств и иного имущества предприятий и организаций, а также частных лиц, регулировать время работы предприятий и учреждений, регламентировать торговлю и даже отдавать распоряжения местным органам государственной власти.

«За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени», т.е. военному суду (трибунал) и расстрелу [87].

Естественно, что в таких условиях разработка проблематики оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий и их хозрасчетной деятельности не стимулировалась. И, тем не менее. Осознание необходимости сочетания вертикальных и горизонтальных связей в экономике, понимание невозможности и нецелесообразности тотальной регламентации эти связей со стороны «военных властей» и местных органов власти, требование выстраивать хозрасчетную деятельность отечественных предприятий с учётом требований объективных экономических законов, – все это было характерно для научных исследований прогрессивно мысливших экономистов тех лет, таких как З.Атлас, Н.Вознесенский, А.Курский и др.

Можно подчеркнуть, что такой подход отстаивался ими в самый разгар усиления централизма в управлении, сокращения хозрасчетных возможностей предприятий, когда, пользуясь выражением И.В.Сталина, «роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, а роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной» [88].

Интересно так же то обстоятельство. Что в годы войны важнейшим элементом хозрасчета большинство из названных экономистов считало *рентабельность*. Тем самым, получение предприятием прибыли от своей хозяйственной деятельности даже в условиях военного времени признавалось *закономерным*. Если, в контексте приведенных выше слов И.В.Сталина, такая закономерность сводилась к минимуму, а роль руководителей – к максимуму, то можно себе представить положение отечественных предприятий и то, какой была постановка проблематики хозяйственного расчета в те годы. При этом З.Атлас, например, считал необходимым перевести на хозрасчет не только промышленные предприятия, но и главки, тресты, целые отрасли. Расширение прав наркоматов в годы войны как будто создавало благоприятные для такого перехода условия.

Так, в соответствии с принятым 1 июля 1941 года Постановлением СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров в условиях военного времени» за №1795, наркоматам предоставлялось право «распределять и перераспределять материальные ресурсы , в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и строительствами в соответствии с ходом

выполнения плана и поступлением оборудования и материалов по выделенным наркомату фондам» [89]. Но что конкретно означала формулировка «в соответствии с ходом выполнения плана», оставалось неясным. Ее можно было трактовать двояко: если план выполняется, то и распределение материалов и оборудования увеличивается в пользу предприятия, т.е. связь прямая; и наоборот, если план не выполняется, то предприятие необходимо подстегнуть и предоставить ему дополнительно материалы и оборудование, т.е. связь обратная.

Исходя из такой неопределенности, различные наркоматы *по-разному* решали вопросы материально-технического обеспечения предприятий в своих отраслях.

Некоторые права перераспределения основных фондов, исчислявшихся в натуральном и денежном выражении, в принципе были получены наркоматами еще до начала войны. Но именно в военное время это право было детально регламентировано и наркоматы стали пользоваться им оперативно. Больше того, в соответствии с Постановлением СНК СССР от 21 марта 1941 года за № 628, наркоматам предоставлялось право перераспределения излишков материалов и оборудования «*по собственному усмотрению*», исключая лишь те, которые учитывались и распределялись Госпланом СССР.

Но как раз это и свидетельствует о том, что расширение прав наркоматов происходило в значительной степени за счет и в ущерб прав самих предприятий, ограничения их хозяйственной самостоятельности. Оценивая это, советские экономисты отмечали, что подобная практика вносит известные ограничения в развитие хозяйственного расчета. Так, З.Атлас, подчеркивая, что наркоматы получали право непосредственно распределять все материальные ресурсы (не только оборотные, но и основные). Делали это не всегда своевременно и эффективно. Однако, это обстоятельство нивелировалось общим ростом производства основных фондов, поэтому отдельные случаи общей картины в целом изменить не могли. Кроме того, нужно отметить и общую направленность усилий государства на наращивание *производственных* (основных) фондов. В то время, как в Германии наблюдалось сокращение основных производственных фондов в военные годы, в нашей стране они наоборот неуклонно росли. Если капитальные вложения в основные фонды в Германии с 1942 года по 1943 снизились на 13%, а к 1944 году – на 9%, то в СССР объем капитальных вложений неизменно

увеличивался. В 1943 году этот объем составил 25,9 млрд. руб., в 1944 году – 35, млрд. руб., в 1945 году – 42,9 млрд. руб. А объем основных фондов предприятий, не смотря на колоссальные разрушения и потери за годы войны, в 1942 году по сравнению с 1940 годом составил 63%, в 1943 году – 76%, к 1944 году – 87%, к 1945 году – 91%. С 1942 по 1944 годы на востоке нашей страны было построено 2250 крупных промышленных предприятий, а в освобожденных районах восстановлено свыше 6 тысяч предприятий. Существенно увеличились и непроизводственные фонды. В 1943 году они возросли по сравнению с 1942 годом на 29%, а в 1944 году прирост составил 20% [90].

Однако, вопрос о распределении и перераспределении ресурсов (фондов) как внутри наркоматов, так и между ними был крайне сложным. Вот что по этому вопросу писал З.Атлас: «Поскольку любые материальные ценности распределением наркома могут быть переброшены с одного предприятия на другое, постольку вносится известное ограничение в хозрасчетные права предприятия в интересах усиления необходимой в условиях войны централизации в деле распределения и перераспределения материальных фондов» [91]. Из этого суждения видно, что автор считал упомянутое им «известное ограничение» временным явлением для экономики и связывал его исключительно с обстановкой военных лет. Он, правда, не объяснил, каким же образом в других странах (Великобритания, США и т.д.) такое «известное ограничение» не только не сужало сферу коммерческого расчета (своеобразный капиталистический «аналог» хозрасчета при социализме с той лишь разницей, что ориентировался он не на решение социальных проблем, а на сугубо коммерческие вопросы), но даже стимулировало его развитие. Известные каждому из нас рассуждения о том, что промышленные предприятия США крупно *наживались* на войне подтверждено многочисленными фактами.

В такой ситуации, когда хозрасчетные возможности отечественных предприятий существенно сужались сам критерий прибыльности, рентабельности становился эфемерным, обманчивым. Наркоматы, обладая монопольной властью на распределение и перераспределение ресурсов, получили возможность снизить издержки производства, переложив это снижение на потребителей. Известный принцип переложения налогового бремени, хорошо известный в рыночной экономике, в условиях военного хозяйства проявил себя в деформированной форме переложения издержек

(затрат) на плечи потребителей. Такими потребителями в годы войны оказались не рядовые граждане (поскольку в сфере розничного потребления действовала карточная система), а сами же наркоматы, главки и тресты, только других отраслей промышленности. Получилась интересная картина: ограничение хозрасчета свело мотив *зарабатывания* прибыли к механизму ее *номинального начисления*. Например, Наркомат танковой промышленности для производства танков *получал*, а не покупал у наркомата черной металлургии прокат. Точно также Наркомат вооружений *получал*, а не покупал у наркомата цветной металлургии металл для производства боеприпасов. Государственный бюджет брал на себя все бремя расходов по обслуживанию подобных натуральных поставок, а прибыльность (рентабельность) предприятий-поставщиков в этих случаях была чисто номинальной. Тем самым, можно утверждать, что вместо реального хозяйственного расчета в годы войны сложилась номиналистическая форма экономики, в которой рыночные отношения были сведены к учетно-счетоводческой функции и не более того.

То обстоятельство, что военная экономика нашей страны оказалась более жизнеспособной, чем военное хозяйство фашистской Германии объясняется тремя элементарными обстоятельствами. *Во-первых*, наличием огромных и достаточно дешевых ресурсов, чего не было у Германии. *Во-вторых*, внеэкономическими методами управления хозяйством, еще больше удешевлявшими его организацию и осуществление. *В-третьих*, адаптацией нашей экономики к тем конкретным тяжелейшим природно-климатическим, пространственным и социокультурным условиям, в которых она противостояла немецко-фашистской «военной машине».

И наоборот: военная экономика фашистской Германии оказалась гораздо слабее нашей в силу «иррациональности структуры самой власти», «раздробления и разрушения правительства» и в силу дезорганизации управления немецкой промышленностью [92]. «Центральный правительственный аппарат Рейха, который за первые годы правления Гитлера практически перестал быть целостной единицей, в условиях войны окончательно раскололся на составные части». При этом непосредственное руководство промышленностью в Германии в военный период было сосредоточено в руках непрофессиональных людей [93].

Таким образом, расширение прав наркоматов при сокращении прав самих предприятий было весьма противоречивым решением. Но оно

было обосновано, проводилось целенаправленно, последовательно и без тех внутренних склок и разборок, которые были характерны для немецкой экономики.

В уже упомянутом Постановлении от 1 июля 1941 года было записано: «Разрешить директорам предприятий и начальникам строек для выполнения производственных планов и заказов по договорам выдавать из своих ресурсам другим предприятиям необходимые материалы» [94]. Этот момент важно отметить, так как он иллюстрирует хотя бы некоторую самостоятельность руководителей предприятий и строек. Именно благодаря этому разрешению все-таки удалось сохранить хоть какую-то кооперацию в промышленности, ослабленную в начале войны.

Вместе с тем, нельзя не видеть определенного противоречия в двух приведенных положениях данного Постановления (о расширении прав наркоматов и о сохранении некоторых полномочий руководителей предприятий). С одной стороны, наркоматы имели все основания в годы войны изымать у предприятия любые средства, особенно излишки, в интересах развития отрасли в целом. Средства, передаваемые директорами предприятий и начальниками строек другим предприятиям и стройкам, наркоматы вполне резонно могли рассматривать как *излишки*. С другой стороны, предприятия, заинтересованные в сохранении заработанных средств, предпочитали их на время одалживать (передавать) друг другу, нежели безвозмездно и, как говорят в народе, «с концом» отдавать наркоматам. Это противоречие и связанная с ним практика взаимной задолженности предприятий в годы войны не были обойдены вниманием в экономической литературе [95]. А причина этого явления состояла в стремлении сочетать «*несочетаемое*»: тотальную централизацию управления народным хозяйством в целом с элементами хозрасчетной практики на самих предприятиях.

Конкретная практика расширения компетенции наркоматов главным образом за счет ограничения прав предприятий полностью соответствовала представлениям И.В.Сталина о том, что «рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе лет», а не с точки зрения деятельности конкретного предприятия. И.В.Сталин полагал, что «только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксисткой» [96].

Именно такой «макроэкономический» подход к пониманию рентабельности и хозрасчета способствовал распространению

практики уравниловки в народном хозяйстве, порождал иждивенчество, мешал развитию наиболее перспективных предприятий и целых отраслей, повышению их эффективности. Однако, полностью остановить формирование и развитие хозрасчета в экономике страны такая позиция все-таки не могла.

Свидетельством появления новых форм хозрасчетной организации производства в военное время может служить опыт создания так называемых *строительно-монтажных частей* в системе Наркомстроя. Характеризуя эту новую форму организации хозяйственной деятельности, С.Гинзбург, занимавший в годы войны важный пост в данном наркомате, писал: «Никогда раньше наша страна не обладала столь мобильными организациями в строительстве, которые постоянно перемещались, объединялись или наоборот, разъединялись, от них отпочковывались новые подразделения и т.д.» [97]. Но примеры, подобные этому, были все-таки исключением.

Поиск новых организационных форм, практика организации постоянно действующих производственных совещаний, попытки в отдельных случаях сохранить и даже расширить в рамках плана самостоятельность некоторых предприятий, - все это, на наш взгляд, является свидетельством развития в неблагоприятных условиях военного времени тенденции к демократизации экономической жизни.

В годы Великой Отечественной войны мы вновь обнаруживаем диалектическое единство и борьбу двух основных тенденций в социально-экономическом развитии. С одной стороны – это тенденция к концентрации власти, централизации управления, укреплению административно-командной системы в экономике. С другой стороны – это тенденция к развитию оперативно-хозяйственной самостоятельности субъектов хозяйственной деятельности, некоторой демократизации экономической жизни общества. Удивительно, даже весьма проблематично, но такое было.

Думается, что благодаря именно второй тенденции как объективной закономерности экономического развития хозрасчет в военное время не был полностью отменен (ликвидирован), не заменен прямым администрированием сверху, голым командованием наркоматов и главков. Хотя воздействие последних на деятельность предприятий и строек было, конечно, колоссальным.

Единство и борьба двух противоположных тенденций в социально-экономическом развитии народного хозяйства в СССР в годы войны

наложили свой отпечаток и на решение вопроса о повышении компетенций руководителей предприятий и строек. Это нашло свое проявление в решении вопроса о так называемом *фонде директора* предприятия (начальника стройки). Этот фонд формально существовал и в довоенное время. Он использовался, прежде всего, для стимулирования хозрасчетной деятельности предприятий, что даже было оговорено специальным законом о фонде директора. Половина этого фонда затрачивалась на жилищное строительство, а вторая половина – на социально-культурные мероприятия и премирование передовых работников и на осуществление сверхплановых вложений в непроизводственные фонды. В фонд директора отчислялось в довоенное время 2% от плановой прибыли и 50% от сверхплановой прибыли. Если проанализировать роль фонда директоров предприятий в контексте сталинских реформ 1930 года, то становится очевидным, что он оставался, по существу, единственным элементом в системе экономического стимулирования хозрасчетной деятельности предприятия, единственным финансово-экономическим инструментом самоуправления на предприятии [98].

После установления твердого долевого отчисления от прибыли предприятий в госбюджет на уровне 81%, предприятия в значительной степени благодаря наличию фонда директора решали свои конкретные проблемы в области стимулирования. В годы Великой Отечественной войны фонд директора был ликвидирован. Его ликвидация в условиях войны практически означала ликвидацию системы материального, экономического стимулирования деятельности предприятий, основанной на твердо установленных и обоснованных (рассчитанных) нормативах. Демонтаж этой системы начался еще в 30-е годы. Но завершился он в военный период. Вместо системы материального стимулирования приходит практика волевого решения вопросов, нажима и выколачивания средств.

Объясняя отмену фонда директора предприятия, З.Атлас писал: «В условиях войны предприятия не могут за счет своих средств по собственному усмотрению заниматься жилищным строительством; необходимые для этого стройматериалы и рабочая сила нужны, прежде всего, для военных целей. Война требует экономии на дополнительных социально-культурных расходах, которые ранее осуществлялись за счет средств фонда директора.

Не могут быть допущены сверхплановые, осуществляемые по произволу предприятий, капитальные затраты» [99]. Боязнь

«произвола предприятий» у З.Атласа удивительным образом сочеталась с беззаботностью в вопросе о произволе наркоматов и главков, отдельных руководителей. Но, как говорится в одной из песен: «Жираф большой, ему видней!». Именно такова была логика рассуждений этого экономиста.

О внимании со стороны государства к вопросам именно жилищного строительства говорят такие документы как Постановление ГКО «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства» (от 23 мая 1944 года), Постановление СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» (от 29 мая 1944 года) и др. При этом можно отметить, что если в довоенное время граждане могли получить ссуду на индивидуальное жилищное строительство в размере до 5 тыс. руб. и сроком до 5 лет под 2% годовых, то в военное время, не смотря на тяжелые условия, размер ссуды был увеличен до 10 тыс. руб., а срок ее погашения – до 7 лет [100].

Таким образом, можно, думается, констатировать, как факт, стремление государства каким-то образом компенсировать негативные последствия от отмены фонда директора предприятия путем некоторой «либерализации» кредитных отношений в области индивидуального жилищного кредитования населения. И здесь встает крайне интересный вопрос о том, кто же все-таки был собственником тех благ, которые в условиях административно-командной экономики создавались трудом наших граждан?

Сегодня существует мнение о том, что «в условиях государственной собственности труд человека, а следовательно, стоимость всего, им произведенного, является достоянием не самого человека, а государства» [101]. И далее: «В обществе, признающем государственную собственность, право частной собственности является вторичным, производным от государственной... В советские времена отношение государства к гражданину сводилось к формуле, которую от лица государства можно было выразить следующим образом: «Мне, государству, принадлежит все, что ты, гражданин, создаешь своим трудом. Я отбираю у тебя весь твой труд. А взамен обещаю тебе хотя и скромный. Но твердый прожиточный минимум. Соответствующая ему «потребительская корзина» и будет твоей личной собственностью. Когда оказалось, что государство уже не в состоянии выполнять свое обещание, советский строй рухнул»

[102]. А затем следует ввод о том, что «государство – это служебный социальный институт и поэтому он не может быть собственником» [103].

Подобные либеральные бредни сегодня заполонили страницы экономических изданий. Они – лишь вариация на тему известных гайдаровких иллюзий о том, что если государство лишить собственности, передав ее в частные руки, то государство станет и демократическим, и социальным и вообще замечательным. Ничего подобного в действительности не произошло. Вместо социализма со всеми его недостатками и слабостями возник государственный капитализм, с присущими ему государственными корпорациями, системой частно-государственного «предпринимательства», рэкетом, коррупцией и бюрократизмом.

Именно в военное время, когда государство по существу не могло обеспечить каждому гражданину достаточный и твердый прожиточный минимум, оно не только не рухнуло, что следовало бы по логике В.Мерцалова, а наоборот окрепло и стало как никогда мощным. А причина этого одна: весь продукт, создававшийся работником на государственных предприятий шел только в распоряжение государства, но использовался и потреблялся обществом. Вся продукция шла не в карман отдельных наркомов-чиновников, а на нужды фронта. Сталинская политическая элита никогда не жировала и не кичилась своими богатствами, которых у ее представителей просто не было. И никакой либерально настроенный историк или экономист обратного еще не доказал. А значит не смог.

Именно потому, что и прибавочный и необходимый продукт шли на потребление общества, социалистический строй в условиях тяжелого военного времени только креп экономически. В условиях же послевоенного времени он стал внутренне вырождаться именно в силу того, что значительная часть богатств, созданного трудом народа, стала присваиваться (узаконено и официально или незаконно и подпольно – вопрос другой) представителями государственно-политической элиты. Известные хрущевские или брежневские гулянки, «адыловшина» и «рашидовщина», «бриллиантовые дела» Галины Брежневой, – эти и многие другие проявления внутреннего перерождения советской власти – вопрос отдельный. Не он составляет *предмет* анализа в этой работе. Но следует четко заметить: ничего подобного при И.В.Сталине в годы войны не было и не могло быть. За малейший намек на попытки присвоения, как тогда выражались, «социалистической

собственности» следовал простой, но очень эффективный способ «социальной защиты» - расстрел. Поэтому *россказни* современных «либеральных публицистов» о том, что «всегда так было» не имеют никаких достоверных оснований.

Конечно, интересы каждого отдельного предприятия должны учитываться, без этого никакая его самостоятельность, никакой хозрасчет оказываются невозможными. С точки зрения отдельного предприятия это бесспорно, справедливо. Однако задача заключается в том, чтобы согласовать деятельность взаимосвязанных предприятий в целях достижения наибольшего эффекта для всего народного хозяйства» [104].

Когда В.И.Ленин называл социалистическое общество «одной конторой, одной фабрикой» [105], он подчеркивал тем самым, что социалистическое хозяйство – не сумма отдельных предприятий, а народнохозяйственный интерес – не сумма этих отдельных интересов. «Для социалистического общества характерен примат народнохозяйственного подхода к проблеме эффективности производства над ограниченным, локальным подходом отдельных хозяйственных ячеек» [106]. Сегодня все в нашей экономике выглядит иначе, а потому она и находится в состоянии кризиса. Как свидетельствует лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 года Д.Стиглиц, если в период Великой Отечественной войны объем промышленной продукции в нашей стране сократился на 24%, то за период 1990-1999 годов он упал более чем на 60%. По объемам сельскохозяйственной продукции Россия сегодня занимает только 44 место в списке 87 стран – сельхозпроизводителей, составленном ООН [107].

Отдавая дань процессам централизации и сверхобобществления в экономике военного времени, учитывая специфику самой военной ситуации, многие отечественные экономисты (З.Атлас, Ш.Турецкий, Б.Сухаревский и др.) отмечали, что ликвидация фонда директора хотя и была достаточно болезненной для предприятий, но не означала, что последние могут безразлично относиться к выполнению планов по накоплению и прибыли. Даже в тяжелейшие дни войны, не говоря уже о второй ее фазе и связанном с ней массовым восстановлением разрушенных предприятий на освобожденных территориях, вопросы внутрипроизводственного накопления всегда оставались под пристальным внимание наркоматов и привлекали внимание экономистов. Вопросы, связанные с нормой накопления в годы войны, поисков новых

способов накопления и повышения прибыли живо интересовали исследователей.

Так, Б.Сухаревский подчеркивал, что восстановление народного хозяйства страны «опирается на серьезное накопление, притом реализуемое в виде основных фондов» [108]. Огромные потери СССР в войне, казалось, подводили необходимую базу для рассуждений о необходимости повышения нормы и массы накопления, о наращивании масштабов накопления. Так, немецкий экономист Б.Эндрукс рассчитал, что только бюджетные расходы СССР на войну составили 357 млрд. долл., тогда как в США они составили 275 млрд. долл., в Германии – 272 млрд. долл., в Англии и Канаде (совместно) – 120 млрд. долл., во Франции – 15 млрд. долл.. в Италии – 94 млрд. долл., в Японии – 56 млрд. долл. Другой, уже французский, экономист А.Клод утверждает, что общая стоимость разрушений, произведенных во время второй мировой войне, составила: в СССР – 128 млрд. долл. (679 млрд. руб.), в Германии – 48 млрд. долл., во Франции – 21,5 млрд. долл., в Польше – 20 млрд. долл., в Англии – 6,8 млрд. долл. [109]. Простое сравнение этих цифр говорит само за себя.

Потери народного хозяйства СССР в годы войны усугублялись тем, что оккупированные районы СССР представляли собой практически полностью разрушенные территории. «Вклад» с оккупированных немецко-фашистскими войсками территорий СССР в экономику Германии составил лишь одну седьмую (менее 15%) от того, что рейх получил от Франции. И это не смотря на то, что эксплуатация советских людей была более жестокой, территории и ресурсы, подвергшиеся оккупации республик и областей СССР значительно большими» [110].

Это означает, что часть материальных ценностей была уничтожена и составила *прямые* и *безвозвратные* потери, а друга часть все же была спасена и эвакуирована в восточные районы страны. Расходы по передислокации этих ценностей могут быть отнесены к *косвенным* и *восполнимым* потерям, поскольку эти потери носили временный характер и могли (требовали) своей компенсации. Из этого обстоятельства и исходили многие советские экономисты, когда рассматривали высокую норму накопления как вынужденную меру, обусловленную военной обстановкой.

В целом же, прямой ущерб, понесенный нашей страной в годы Великой Отечественной войны, был колоссальным. В стоимостном выражении ущерб, причиненный народному хозяйству СССР только

путем прямого уничтожения материальных ценностей, оценивается в сумме 679 млрд. руб. в государственных ценах 1941 года. Но надо иметь и *косвенные* потери. Из-за временной оккупации ряда важных в экономическом смысле районов страны было недопроизведено 307 млн. тонн каменного угля, 72 млрд. кВт-ч электроэнергии, 38 млн. тонн стали, 136 тыс. тонн алюминия, 58 тыс. тракторов, 90 тыс. металлорежущих станков, 63 млн. центнеров сахара и др. [111].

Такие колоссальные потери и напряжение, которое испытывало все народное хозяйство СССР в военное время, требовали сосредоточения всех экономических ресурсов и резервов в руках государства. Именно поэтому и была осуществлена отмена фонда директора в условиях войны. Эта акция оценивалась многими отечественными экономистами как *крайняя* и *чрезвычайная* мера, которая вносила ряд новых черт в осуществление деятельности предприятий. *Во-первых*, расходование всей прибыли (и плановой, и сверхплановой) на предприятиях должно было осуществляться строго в рамках плана и на предусмотренные этим планом цели. *Во-вторых*, весь излишек прибыли (не израсходованная в установленные сроки и на установленные цели ее часть), который мог бы быть использован на предприятиях в рамках плана, полностью изымался в госбюджет [112].

В таких условиях не могло быть и речи о самофинансировании, накоплении собственных финансовых ресурсов, оборотных средств, необходимых для самостоятельного решения социальных вопросов на предприятиях. А вопросы накопления в целом рассматривались под углом зрения дальнейшего расширения производства, особенно военных отраслей хозяйства. Если в конце 20-х годов советские тресты были самофинансирующимися организациями и прирост основных фондов и оборотных средств осуществляли за счет собственной прибыли или банковских кредитов самостоятельно, то в годы войны и тресты перестали быть самофинансирующимися структурами, а роль банковского кредитования практически свелась к минимуму.

Естественно, что самофинансирование как признак хозрасчета, был ликвидирован далеко не сразу и не в годы войны. Этому предшествовала экономическая реформа начала 30-х годов, в результате которой и сформировалась командно-административная модель экономики. В ходе этой реформы произошло следующее. *Во-первых*, из сферы хозрасчетных отношений были изъяты капиталовложения. Это было связано с тем, что строительство было

убыточно, срок окупаемости очень велик, а ускорение промышленного развития – основной задачей индустриализации. *Во-вторых*, накопления предприятий также почти полностью были изъяты в госбюджет, куда попала и значительная часть оборотных средств предприятий. В этих условиях также был нарушен принцип самоокупаемости и самофинансирования. *В-третьих*, критерием оценки эффективности деятельности предприятий стала не прибыль, а показатели *себестоимости* и *объема производства.* В результате исчез ясный экономический критерий оценки эффективности работы предприятий. *В-четвертых*, перестали быть хозрасчетными взаимоотношения предприятий с вышестоящими хозяйственными организациями (главками, трестами, наркоматами), а также проектными, конструкторскими, снабженческо-сбытовыми организациями, с банками [113]. Эта тенденция по ликвидации самофинансирования и самоокупаемости в начале 40-х годов XX века значительно усилилась.

Вывод отечественных экономистов о том, что отмена фонда директора еще более ослабила и без того слабую хозрасчетную организацию деятельности предприятий совершенно справедлив. В той или иной мере этой точки зрения придерживались и Ш.Турецкий и Б.Сухаревский.

Но были и другие мнения. Например, считая существование и использование фонда директора вообще малоэффективной мерой по организации хозрасчетной деятельности предприятий, А.Аракелян писал, что «практика образования фонда директора привела к тому, что одинаковые условия и старания давали совершенно различные результаты. Так, например, на табачной фабрике фонд директора по отношению к каждому рабочему составлял во много раз большие суммы, чем на угольной шахте или металлургическом заводе» [114]. Но вместо разработки отраслевых нормативов по формированию этого фонда, А.Аракелян полностью оправдывал его ликвидацию.

Думается, что конкретные недостатки по формированию и использованию фонда директора предприятия (начальника стройки) не означали, что сам по себе этот инструмент стимулирования эффективной деятельности предприятий (строек) не был направлен на развитие и укрепление хозрасчета. Иное дело, что практика использования данного инструмента предполагала постоянное ее совершенствование и адаптацию к тяжелым военным условиям. Но вместо этого, нашли иное, более быстрое, но крайне проблематичное решение: «вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка».

По существу, правы были те советские экономисты, которые оценивали содержание многих конкретных решений СНК и ГКО как направленные на ограничение хозрасчета. Например, согласно Постановления СНК СССР от 1 июля 1941 года наркоматам предоставлялось право «производить списание числящихся на балансе убытков отдельных хозрасчетных предприятий за счет собственных оборотных средств и сверхплановой прибыли по наркомату в целом, при отсутствии возражений со стороны Наркомфина СССР» [115]. Это узаконивало убыточность многих предприятий, которые формально считались «хозрасчетными».

В условиях войны распространение подобной практики получило еще большие масштабы, чем в предвоенный период. Во многом такая практика перешла «по наследству» и к послевоенному периоду, оставалась долгие десятилетия *пережитком* военной экономики.

Свидетельством развития конкретно-экономического подхода к изучению хозрасчета в годы войны является тесная его увязка с вопросами развития управления производством, акцент на проблемах внутризаводсткого планирования и хозрасчета, что, по мнению многих отечественных экономистов тех лет, в значительной мере обеспечивало решение важнейшей проблемы – «установление и строжайшее соблюдение межотраслевых и внутриотраслевых связей», в которых «кроется громадная экономия общественного труда и материальных ценностей» [116].

Помимо всего прочего, перед управлением в годы войны стояла задача установления хозяйственного *контроля* над всем общественным производством. Контроль был тесно связан с постоянным регулированием затрат труда. Снижение себестоимости продукции, особенно военной, а значит и затрат на ее производство как раз и зависели от снижения затрат на единицу продукции. А это означало, что в условиях военного времени вставала задача определения новых нормативов *общественно-необходимых* затрат труда.

В экономической литературе процесс образования *общественно-необходимых* затрат труда в разное время трактовался по-разному. Одни экономисты считали, что они формируются как *средняя* величина [117], другие – как *средне взвешенная* [118], третьи – как тяготеющие к *максимально фактическим* [119], четвертые – как тяготеющие к минимально фактическим [120], пятые – к заранее установленному нормативному времени [121], шестые – к минимально приростным затратам [122].

Неоднозначно в отечественной экономической науке трактовался и вопрос о факторах формирования *общественно-необходимых* затрат. Так, одни авторы преувеличивали роль техники и рабочей силы в процессе формирования таких затрат, приуменьшая при этом роль общественных потребностей и общественной их полезности [123]. Другие исследователи признавали общественную потребность в процессе формирования общественно-необходимых затрат труда, но недооценивали общественную полезность в качестве фактора данного процесса [124]. Третьи – наоборот, признавали общественную полезность и недооценивали общественную потребность в качестве такого фактора [125]. Наконец, многие экономисты, признавая те или иные факторы в процессе формирования общественно-необходимых затрат труда, не объясняли, каким образом каждый из них вписывается в теорию трудовой стоимости [126].

Очевидно, что в годы войны отечественные экономисты особое внимание уделяли таким факторам формирования общественно-необходимых затрат, как планирование, управление, контроль, научная организация труда, экономия и оперативность. Например, А.Григорьев писал: «В современной организации управления три задачи. Первое – непрерывное, планомерное усовершенствование технологии, наилучшее использование технического оборудования предприятия; второе – углубление внутризаводского планирования, дополнение и развитие производственных планов техническими планами и расчетами производства во времени; третье – обеспечение повседневного руководства производственным процессом» [127].

Особое внимание отечественные экономисты обращали на *непосредственную* связь управления экономикой и динамикой ее развития. Так, Н.А.Вознесенский особенно много внимания в своих работах уделял вопросам оперативного управления и учета, организации поточного производства, диспетчеризации производственных процессов. Он указывал на ряд важнейших особенностей планового управления в военное время и специально рассматривал вопросы управления *военным хозяйством.* При этом он выдвинул тезис о том, что «в советской экономике. Где нет стихийных законов развития, где движение определяется самими людьми, успехи и недостатки *организации* и *управления* немедленно дают себя знать на развитии экономики. Если правильная организация управления решает теперь на девять десятых цели

хозяйственного строительства, то бюрократическое «руководство» губит дело организации социалистической экономики» [128].

В условиях военного времени многие аспекты развития и совершенствования управления рассматривались под углом зрения именно конкретно-экономических вопросов. Так, принцип *научности* в управлении А.Григорьев объяснял следующим образом: « Основное отличие научного способа управления от любого другого заключается в том, что он определяет не только то, что должно быть сделано, но на основе предварительного исследования детально указывает, как выполнить поставленную задачу. При этом задание определяется не только количественно, но и нормируется технологически, по методам исполнения и по нормам. Производственный план в количестве изделий углубляется и развивается как план технологический и как норма времени» [129].

Рассматривая вопросы составления и использования так называемой *технологической карты* для развития скоростных методов на производстве, автор указывал, что с ростом масштабов производства и совершенствованием поточного производства одной технологической карты оказывается недостаточно: «Через рабочее место проходят многие тысячи одинаковых деталей, и даже небольшая ошибка скажется в значительных конечных потерях и неполадках. Деталь редко делается одним рабочим, обычно в ее выработке участвуют несколько операторов. Поэтому при поточном и крупносерийном производстве должен быть исследован режим работы не по деталям в целом, а по каждой отдельной операции, определенной технологическим планом» [130].

Экономисты военного времени указывали в этой связи, что необходимо разработать точные указания по организации и осуществлению *режима работы*, а всякое изменение или отступление от определенного режима не должно допускаться без соответствующей проверки и решения. По существу, под режимом работы подразумевался, прежде всего, сам график работы, т.е. последовательность и алгоритм операций. Но, наряду с этим, конечно же, имелось в виду и технологическое обеспечение такого графика, т.е. соответствие конкретных операций с нормативами, техническими требованиями, а также требованиями более общего плана: пожарной безопасности, санитарных норм и т.п.

К числу положительных результатов, получаемых при планомерном и последовательном внедрении новых норм и разработке нормировочной и технологической документации,

советские экономисты относили закрепление и последовательное внедрение оптимальных условий осуществления производственных операций, более эффективную технологию на производстве, облегчение проверки ее соблюдения, что заметно способствовало развертыванию борьбы за качество.

При этом проблема повышения качества самой производственной деятельности, а не только выпускаемой продукции, становилась одной из важнейших в экономической литературе военного времени. Увязывая повышение качества производственной деятельности с совершенствованием технологии организации труда и производства в целом, А.Григорьев, например, к основным направлениям совершенствования технолого-нормировочной базы производства относил следующие моменты. «*Во-первых*, переход от обычного месячного планирования к более частым периодам – декадам, неделям, трехдневкам и, наконец, суткам. *Во-вторых*, расширение круга (вопросов – К.С.) внутрипроизводственного планирования» [131]. Первое, по его мнению, позволяет выровнять алгоритм (ритмичность) работ даже тогда, «когда декадные планы опираются не на данные расчетного порядка, а на фактическую динамику производства»; а второе обстоятельство, по мнению автора, «позволяет задействовать вспомогательные цехи и участки, которые не задействованы государственным заданием» [132]. Тем самым создавались условия для устранения, с одной стороны - простоев оборудования, а с другой стороны - их перегрузки.

Среди конкретных рекомендаций советских экономистов тех лет по данной проблематики можно отметить следующие идеи: предложение о создании переходящих заделов деталей между различными участками, бригадами, звеньями на предприятиях; идею работы по единому наряду; разработку концепции создания страховочных производственных запасов на предприятиях; разработку и пропаганду передовых форм социалистического соревнования – лунинского и агарковского движений, движения многостаночников, смежников, многих других передовых инициативных начинаний тех лет. Этот момент, кстати, хотелось бы отметить особо, поскольку социалистическое соревнование представляет собой не просто метод планового управления народным хозяйством, но и способ трудовой самоорганизации трудящихся, свидетельствующий о существовании определенной их самостоятельности и свойственной им социальной активности.

Перестройка системы управления народным хозяйством в годы войны потребовала от экономической науки поиска и обоснования более совершенных организационных структур. Были разукрупнены одни из них, укрупнены другие, созданы новые наркоматы и ведомства. По мнению Р.А.Белоусова, эти процессы не привели к сколько-нибудь заметному росту численности управленческого персонала и расходов на его содержание [133]. Однако нельзя было не видеть, что с приближением окончания войны многие работники сферы управления возвратятся на свои прежние рабочие места, что неизбежно скажется на численности управленческих кадров в стране. О разбухании сферы управления в военные и первые послевоенные годы свидетельствуют многие исследования той поры. Так, А Аракелян подсчитал, что только в черной металлургии в структуре аппарата управления насчитывалось 13 производственных главков, 4 производственных треста, 7 функциональных главков, 16 функциональных отделов, секторов и групп, 11 трестов, построенных по отраслевому и территориальному принципам. В целом же в СССР к середине 40-х годов XX века имелось уже 35 общесоюзных и союзно-республиканских министерств [134]. Во многом аналогичной была картина и в созданных накануне Великой Отечественной войны специализированных наркоматах: наркомате вооружения, наркомате танковой промышленности и т.д. Есть основания предполагать, что общая численность работников, занятых в сфере центрального аппарата государственного управления в военный период не превышала 1% от общего числа трудоспособного населения страны. Однако, тенденция к разбуханию сферы государственного управления в военное время преодолена не была. В послевоенные годы она получила дальнейшее свое развитие.

Справочники ЦСУ СССР показывают, что уже к началу 60-х годов XX века общая численность занятых в центральном аппарате управления, в кредитовании и государственном страховании достигла 2% [135]. Как справедливо отмечает Л.М.Марцева, цифра эта *не соотносится* с теми показателями, которые приводились некоторыми нашими исследователями в разное время [136]. Так, С.Андреев, выдвинувший в начале 80-х годов XX века идею о превращении государственных управленцев в самостоятельный *класс* общества, называл цифру в 40 млн. чел., но откуда им взята данная цифра он не раскрыл [137]. Единственное, что можно признать в этой связи, так это то, что и после окончания войны тенденция к росту численности центрального аппарата

государственного управления и численности работников местных органов власти сохранялась. В 1957 году в СССР было уже 37 министерств, в 1974 – более 60, в 1977 – 80, в 1987 – более 100 союзных министерств и ведомств [138]. Все это сопровождалось, как и в годы войны, так и в мирное время, идеологическим оправданием собственной значимости советской бюрократии. «Постепенно формировался целый слой номенклатурных кадров, занимающий особое место в системе общественного труда. Номенклатурные работники превращались в единый социальный слой, «безликий и анонимный, по определению Вебера, но насквозь пронизывающий все общество. Общей чертой этого слоя являлось то, что, занимая определенное место в системе общественного производства, сам он ничего не производил, оставаясь потребителем продуктов коллективного производства. Этот новый вид отчуждения труда порождал и новый тип своеобразного эксплуататора. Этот слой находился в зависимости от отчуждаемого труда, а не от результатов своей деятельности. Социально-экономическая природа, включая эксплуататорскую модификацию советской бюрократии, всецело покоилась на внеэкономических формах всеобщего труда» [139].

Если в военное время номенклатурный характер формирования органов управления имел хоть какое-то основание, связанное с предоставлением брони (освобождения) для работников от мобилизации на фронт, то в послевоенный период он стал анахронизмом, приведшим постепенно сферу управления к деградации. Не случайно, кстати, попадания в списки номенклатурных работников в военное время старательно избегали профессионально грамотные специалисты от ученых до рабочих и крестьян. Мотивы уклонения от «руководящей» работы – профессиональные знания и стремление заниматься практической работой.

Следует согласиться с мнением о том, что «сталинская политика в этом вопросе (борьбе с бюрократизмом – К.С.) была и честнее, и дальновиднее», чем в периоды застоя, перестройки и перехода к рынку [140]. Однако, хотя бюрократизация управления в условиях разделения труда – всеобщее явление, исследование этой темы отнюдь не всегда присутствовало в науке. И военное время – яркое тому подтверждение. На практике, борьба с бюрократизмом действительно велась. Но обсуждать этот вопрос было «не принято», да и просто опасно для авторов.

И, тем не менее, внимание к *системному* анализу сферы управления в отечественной экономической науке сформировалось именно в военный период. Доказательством этого служит опубликование вскоре после войны книги А.В.Венедиктова «Государственная социалистическая собственность», в которой автор впервые предложил классификацию (разделение) государственных органов управления на хозяйственные, социально-культурные и административные. Автор книги также предпринял попытку выявления специфических признаков хозяйственных органов управления и изложил свое понимание последних [141]. Выводы, содержавшиеся в указанной книге, расценивались в нашей истории экономической науки как *интересные* [142].

И действительно, в годы Великой Отечественной войны советскими экономистами были высказаны различные рекомендации по сокращению управленческого аппарата, перестройке его работы, формированию расходов на его содержание, а также идеи по расширению (в рамках принятых планов) хозяйственной самостоятельности отечественных предприятий и даже областей, краев и республик. Ими были предложены конкретные меры по передаче некоторых управленческих функций на места. Это были интересные и достаточно перспективные идеи и рекомендации, которые нашли свое отражение и в литературе ближайших послевоенных лет [143]. В определенном смысле, учитывая высокую степень бюрократизации современной системы управления экономикой страны, эти рекомендации и идеи представляют интерес и сейчас.

В целом, экономическая наука в военное время продвинулась заметно вперед в области разработки проблем оперативного планирования, организации хозрасчета, управлении народным хозяйством страны. Но в области стратегического управления (выбор целей хозяйственной деятельности, выявление долгосрочных возможностей их реализации, разработка альтернативных сценариев развития тех или иных отраслей в экстремальных военных условиях и проч.) экономической наукой было сделано существенно меньше. А это существенно снижало эффективность конкретных разработок отечественных экономистов, поскольку в плановом управлении народным хозяйством существовал сложившийся еще накануне войны телеологический подход. Сущность его состояла в том, чтобы идти не от отраслевого проектирования к народнохозяйственным показателям, а наоборот – от общих проектировок по народному

хозяйству в целом к конкретным заданиям по отдельным отраслям народного хозяйства [144].

Можно, думается, констатировать, что отечественные экономисты все-таки продвинулись вперед в понимании того, что в сфере управления действуют несколько *разновидностей* экономических законов. Они исследовали различные законы развития экономики: законы развития производственных отношений; законы развития техники и технологии, на которые в годы войны обращалось наиболее пристальное внимание; законы развития надстройки, ставшие объектом исследования в силу необходимости в серьезных изменениях в управленческих структурах; законы управления общественным производством.

Развитию экономической науки и углублению эндогенных процессов в ней способствовала уже упоминавшаяся выше тенденция к демократизации экономической жизни общества. Как это не покажется странным, но в годы Великой Отечественной войны героизм наших людей проявлялся не только на фронте, но и в тылу, не только на производстве, но и в науке. Нужно было иметь немалое мужество для того, что высказывать свои идеи и взгляды, порой не очень-то созвучные «генеральной линии» партии или мнению И.В.Сталина. И хотя определенная часть ученых – экономистов занимала конформистские позиции и не пыталась перечить суждениям вождя, были и такие ученые – экономисты, которые действительно служили отечественной науке. В этом, собственно, и находила свое проявление тенденция к демократизации экономической жизни нашего общества в целом, а к демократизации научной жизни – в частности. Были и практические проявления демократизации экономики, например, в сфере того же планового управления народным хозяйством. Следует вспомнить о том, что еще решением XVIII партийной конференции, состоявшейся за четыре месяца до начала Великой Отечественной войны, в наркоматах были созданы так называемые *производственно-хозяйственные активы.* Смысл создания этих активов заключался в формировании атмосферы коллективизма и самокритики в наркоматах, условий для более быстрого рассмотрения передового опыта предприятий и их использования. По своему составу активы должны были быть шире, чем коллегии наркоматов, главным образом, не столько за счет привлечения руководящих работников структурных подразделений наркоматов и главков, сколько за счет привлечения в них передовых работников самих предприятий. В

годы войны деятельность таких активов несколько ослабла, но сами они не исчезли [145].Соответственно, в экономической литературе вопросы, связанные с деятельностью производственно-хозяйственных активов, хотя и редко, но все-таки поднимались и в военное время. В качестве «отраслевых штабов» активы действительно сыграли свою положительную роль. Но в послевоенной литературе данная тематика постепенно исчезает, что можно рассматривать как тенденцию к усилению бюрократизма в сфере управления экономикой.

Другим проявлением тенденции к некоторой демократизации в управлении народным хозяйством можно считать решение XVIII партийной конференции о повышении роли партийных организаций (первичных ячеек) и широких масс рядовых коммунистов в управлении деятельностью предприятий. Это сегодня рядовой работник порой даже не может попасть на прием к руководителю предприятия или организации, а уж тем более как-то повлиять на него. В условиях, когда партийные организации активно влияли на принятие управленческих решений, как в наркоматах, так и на предприятиях и стройках, уровень бюрократизации управления был существенно ниже, чем сегодня. Но в этом расширении роли партийных организаций заключалась и серьезная опасность. В послевоенные годы это расширение роли партийных структур в управлении экономикой привело к тому, что горкомы и обкомы партии стали подменять наркоматы, тресты и другие специальные органы управления. «Начав с активной помощи советским и хозяйственным органам, территориальные партийные комитеты, как говорится, «вошли во вкус» и уже в послевоенные годы стали нередко подменять местные Советы и хозяйственные органы, что порождало и порождает безответственность, неразбериху и, в конечном счете, тормозит социально-экономическое развитие» [146].

В условиях, когда шли боевые действия, роль партийных организаций действительно была позитивной. Но в условиях мирного развития, когда партийным органам стали придаваться несвойственные ей хозяйственно-административные функции, а вопросы внутрипартийной демократии и политической работы подменяться вопросами хозяйственной деятельности, эта роль постепенно становится отрицательной.

Приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно ярко свидетельствуют о том, что единство и борьба двух противоположных тенденций в экономическом развитии нашей

страны отчетливо сказались и на состоянии отечественной экономической науке, постановке и разработке вопросов планового руководства экономикой. Разработка данного круга проблем не всегда была последовательной, часто имела противоречивый характер. Можно отметить и упущенные возможности в их разработке. Но история судит не о том, чего не сделали наши предшественники, а что они успели и смогли сделать. И главный вывод состоит в том, что теория планового управления народным хозяйством в условиях военной экономики продолжила свое развитие.

Примечания:

1.Цит. по: Маршев В.И. История управленческой мысли. М.: МГУ. 2005. С.563.
2.Там же.С.566.
3. См.: Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль.1983.С. 174.
4.См.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. 1989.С.210-211.
5.См.: Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий / Сост. Э.Б.Корицкий. Л.: Лениздат. 1989.С.95-135.
6. См.: История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: КНОРУС. 2007.С.154.
7.См.: Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. / Общ. ред. В.Т.Рысина М.: Прогресс. 1988. С.47.
8. См.: Маршев В.И. История управленческой мысли. М.: МГУ. 2005. С.466.
9.Марцева Л.М. Советская модель всеобщего труда. Теоретические источники и исторический опыт. Омск: ИЦ «Омский научный вестник». 2008.С.75.
10. Лапидус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.-Л. 1930. С.455-456.
11. Там же. С.471.
12.См.: Об едином хозяйственном плане: Работы 1920-1921 гг. / Под ред. А.И.Анчишкина и др. М.: Экономика. 1989. С.92-93.
13.См.: Вишнев С. Мобилизация экономических ресурсов в первой и второй мировых войнах // Большевик. 1943. №1; Григорьев А. К вопросу об организации управления производством в дни войны // Большевик. 1943. №15-16; Косяченко Г. Военное хозяйство СССР // Плановое хозяйство. 1944. №1; Курский А. Война и плановый характер народного хозяйства СССР // Пропагандист. 1943. №9; Омельченко К. Мобилизация ресурсов – важный источник управления выпуском продукции // Большевик. 1942. №7; Сухаревский Б. Задачи промышленности в условиях Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. №6-7; и др.
14.Рыков А.И. Избранные произведения. М.: Экономика. 1990.С.89.

15. См.: Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР.М.: Мысль. 1983. С.191.
16. См.: История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: КНОРУС. 2007.С.288-289.
17.См.: Лоуса Ф. Вклад Евгения Слуцкого в анализ экономических циклов //Журнал – учебник «Экономическая школа». 1999.Т.5. Вып.5; Четвериков Н.С Жизнь и научная деятельность Е.Е.Слуцкого (1880-1948) // Ученые записки по статистике / АН СССР. М. 1959.Т.5; Чипман Дж. С., Ланфан Ж.С. История одной находки: как была заново открыта и интерпретирована статья Слуцкого 1915 г. // Журнал – учебник «Экономическая школа». 1999. Т.5. Вып.5.
18.См.:Залкинд А.И., Мирошниченко Б.П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М. 1980. С.202.
19.См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ – ДАНА. 2010.С.595-596.
20. Курский А. Социалистическое планирование – закон развития советской экономики // Большевик. 1944. №19-20. С.26.
21.Струмилин С.Г. На плановом фронте. М.1980.С.213.
22.См.: Вознесенский Н.А. Три сталинских пятилетки строительства социализма // Большевик. 1940. №1.С.84.
23.См.: «Ленинградское дело» / Сост. В.И.Демидов и др. Л.1990. С.309.
24.См.: Мау В. Вопросы планомерности социалистической экономики в экономической литературе 1936 – 1954 годов // Экономические науки. 1984.С.63.
25.См.: Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. М. 1982. С.154.
26. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С.637-638.
27.См.: Байков А. Технический план 1944 года // Плановое хозяйство. 1944. №1.С. 66-79.
28.См.: Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И.Данилова-Данильяна. М.: Прогресс. 1987. С.51.
29. Цит. по: Исмагилова Ф.С. Анализ инструментов выбора управленческих решений руководителями российских компаний // Психологический вестник Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2009. Вып.7.С.39.
30.Альтер Л. План и социалистическое воспроизводство // Плановое хозяйство. 1941. №2.С.45,50 и др.
31. Мау В. Указ. соч.С.64.
32. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.1947.С.151.
33.См.: Экономика предприятия: Учебник для вузов / Под ред. Ф.К.Беа, Э.Дихтла, М.Швайцера; Пер. с нем. М.: Инфра-М. 1999. С.171-172.
34.См.: Ткаченко И.Н. Эволюция внутрифирменных корпоративных отношений. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2001. С. 167.
35. См.: Бор М.З. История мировой экономики. М.: ИД «Дело и сервис». 1998.С.107.

36. См.: Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов // ЭКО. 1990. №4.С.51.
37. См.: Атлас З. Принципы хозрасчета в условиях военной экономики СССР // Под знаменем марксизма. 1942. №7; Он же. Хозяйственный расчет и его роль в условиях Великой Отечественной войны. М.1944; Грановский Е. Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943. №13; Козлов Г.А. Хозяйственный расчет в социалистическом обществе. М.1945; Курский А. Народнохозяйственные резервы на службу обороны страны // Плановое хозяйство. 1941. №6-7; Либкинд А. Резервы увеличения продукции сельского хозяйства в колхозах // Плановое хозяйство. 1944.№3; Турецкий Ш. Борьба с потерями и себестоимость продукции // Большевик. 1941.№2; и др.
38.См.: Григорьев А. О нормировании труда в промышленности // Плановое хозяйство. 1945. №1.С.41.
39.См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010.С.599.
40. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С. 724-725.
41.См.: Фокин И. Что дает экономическое образование партийно-хозяйственного актива? // Пропагандист. 1942. №17. С.35.
42. Байков А. Указ. соч. С.67.
43.См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С.621-623.
44. Там же.
45.См.: Аракелян А. Управление социалистической промышленностью. М. 1947.С. 200-201.
46. Григорьев А. Указ. соч. С.38.
47.Турецкий Ш. Задачи увеличения внутрипромышленного накопления // Плановое хозяйство. 1945. № 3.С.66-67.
48.Турецкий Ш. Множить экономические ресурсы Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. №6-7. С.67.
49. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Госюриздат. 1955. Т.2.С.781.
50.См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010. С.596-597.
51. Там же. С.598.
52. См.: Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: ИИД «Филин».1998. С.286.
53.См.: Грановский Е. Материально-техническая база социализма и оборонная мощь СССР // Под знаменем марксизма. 1943. №9-10.С.7-22; Григорьев А. К вопросу об организации управления производством в дни войны // Большевик. 1943. №15-16. С.30-40; Касимовский Е. Экономия во всем – закон военного времени // Пропагандист. 1942. № 13-14. С.24-29; и др.
54. См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010.С.598, 604.

55. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С.834-837.
56. См. История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983. С.407.
57. Там же. С.227.
58.См.: Атлас М., Фридберг Л. Проблемы политической экономии социализма в трудах Н.А.Вознесенского // Вопросы экономики. 1983.№12.С.79. Прим.
59. См.: Кронрод Я.А. За творческую дискуссию против схоластики в науке // Проблемы экономики. 1940. № 11-12.
60. Там же. С.70.
61.См.: Макарова М.Ф. Рецензия на кн. «Экономика и планирование советской торговли / Под ред. М.Лифшица, Г.Рубинштейна. М. 1939. [Текст] // Проблемы экономики. 1940.№6.С.228-229.
62. Козлов Г.А. Хозяйственный расчет в социалистическом обществе. М. 1945. С.13-14.
63.XIV съезд Всероссийской коммунистической партии (б).: Стенографический отчет. М.1926. С.496.
64. История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983.С.501.
65.См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С. 734-743, 867-873.
66.См.: Сибирев А.И. Хозрасчет и его развитие в современных условиях // Вопросы теории и методологии. Л.1974.С.45-54; и др.
67.См.: Вознесенский Н.А. Избранные произведения. М.1979.С.292.
68.См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010. С.597.
69. См.: Богомазов Г.Г. Разработка проблем товарно-денежных отношений при социализме // Из истории политической экономии в СССР в 30-50-е годы / Под ред. Г.Г.Богомазова. Л.1988. С.45.
70.Атлас З. Хозяйственный расчет и его роль в условиях Отечественной войны. М.1944. С.6.
71.См.: Ротштейн А.И. Проблемы промышленной статистики. Ч.1. Л.1936; Струмилин С.Г. К теории и схеме баланса народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1936. №9-10; Петров А.И. О методах учета продукции // Проблемы экономики. 1939. №5; и др.
72.См.: Гатовский Л. Экономическая победа Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М.1946.С.60-87; Он же. Победа СССР в Великой Отечественной войне // Вопросы экономики. 1985.№5.С.18.
73.См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С.705-707.
74. Там же. С.20.
75.См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2. С.717.

76. См.: Дегтярев А., Маликов Р. Институциональный анализ деловой коррупции в России //Вопросы экономики. 2005.№ 10. С.105.
77.Ноув А. Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов // ЭКО. 1990. №4.С.44-57.
78.См.: Яковлев А.Рассказы авиаконструктора.М.1967.С.170-171.
79. См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010. С.591-592.
80. См.: Киршоу Я. Гитлер: Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997.С. 250.
81.Там же. С.600.
82. Там же. С.599.
83. См.: Белоусов Р.А. Экономические аспекты XVIII партийной конференции // Вопросы экономики. 1988. №5.С.51 и др.
84.Атлас З. Деньги и обмен в советской системе хозяйства // Большевик. 1945. №6.С.42.
85.См.: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983. С.227.
86. См.: История политической экономии капитализма / Под ред. А.А.Демина, Н.В.Раскова, Л.Д.Широкорада. Л.: Изд-во Ленинградского университета.1989.С.146.
87. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С.700-702.
88. Сталин И.В. Соч. Т.13. С.366-367.
89. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С.704.
90. См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010. С.600-601.
91.Атлас З. Деньги и обмен в советской системе хозяйства // Большевик. 1945. №6. С.42.
92. См.: Киршоу Я. Гитлер: Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997.С. 244,245.
93. Там же. С.198.
94. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С.704.
95. См.: Зверев А. Советские финансы и Отечественная война // Плановое хозяйство. 1944. №4.С.45; и др.
96. Цит. по: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983.
97. См.: Гинзбург С.З. О прошлом для будущего. М. 1984.С.227.
98.См.: Маневич В.Е. Ликвидация НЭПа и дальнейшая эволюция кредитно-финансовой системы // ЭКО. 1988. №10. С.142; и др.
99. Атлас З. Принципы хозрасчета в условиях военной экономики СССР // Под знаменем марксизма. 1942. №7. С.21-22.
100. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2. С.587, 843.
101.Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено.СПб.: ИД «Алетейя». 2008.С.226.

102. Там же. С.227, 228.
103. Там же. С 232.
104. Перламутров В.Л. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М.: Экономика.2007. С.23.
105. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С.101.
106. Перламутров В.Л. Указ. соч. С.101, 102.
107. Цит. по: Кондаков В.А. Энтропия в механизме антилиберальной трансформации российского социума // Гуманитарные стратегии российских трансформаций. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Тюмень: Тюм. гос. неф.-газ. ун-т, 2008. С. 83.
108.Сухаревский Б. Восстановление хозяйства освобожденных районов // Плановое хозяйство. 1944. №2. С.19.
109. См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010.С.604-605.
110.См.: Dallin A. German Rule in Russia. 1941 – 1945. A Study of Occupation Policy. London. 1957. P.407.
111. См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010.С.604.
112.Атлас З. Указ.соч. С.23.
113. См.: Перламутров В.Л. Указ. соч. С.46-47.
114 Аракелян А.А. Управление социалистической промышленностью. М.: Госполитиздат.1947.С.134.
115. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по народнохозяйственным вопросам. Сборник документов. М.: Госполитиздат. 1957.Т.2.С704.
116. Турецкий Ш. Множить экономические ресурсы Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941.ю № 6-7. С.67.
117. См.: Постников Е.С. Стоимость, цена и трудоемкость в социалистической экономике. Горький: Волго-Вятское издательство. 1973.
118. См.: Александров В.И. Методологические проблемы обоснования цен анна новую технику. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1978.
119. См.: Шехет Н.И. Плановая цена в системе экономических категорий социализма. М.: Изд-во МГУ. 1972.
120. См.: Чернявский В. Замыкающие затраты оптимального отраслевого планирования // Плановое хозяйство. 1977. №2.
121. См.: Белоусов Р.А. Общественно-необходимые затраты и уровень оптовых цен. М.: Мысль. 1969.
122. См.: Канторович Л.В., Горстко А.Б. Оптимальные решения в экономике. М.: Наука. 1972.
123. См.: Кабанков В.И. Цена и качество продукции. М.: Советская Россия. 1977.С.21, 27.
124. См.: Дьяченко В.П. Основы цены в социалистическом хозяйстве // Вопросы экономики. 1968. №10. С.25.
125. См.: Потребительная стоимость продуктов труда при социализме / Материалы научной сессии. М.: Экономика. 1978. С.183-189.

126. См.: Бороздин Ю.В. Ценообразование и потребительная стоимость продукции. М.: Экономика. 1975; Ожерельев О.И. Основной экономический закон социализма и его использование в управлении народным хозяйством. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1973.
127. Вознесенский Н.А. Избранные произведения. М. 1979. С.270.
128. Григорьев А. К вопросу об организации управления промышленным предприятием в дни войны // Большевик. 1943. №15-16. С.34.
129. Там же. С.36.
130. Григорьев А. Указ.соч. С.36.
131. Там же.
132. Там же. С.37.
133. См.: Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.1983.С.193.
134. Аракелян А. Указ. соч. С.146, 150-151.
135. См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.1987.С.411 и др.
136. Марцева Л.М. Советская модель всеобщего труда. Омск: ИД «Омский научный вестник». 2008.С.156.
137.Андреев С. Причины и следствия // Урал. 1988. №1.С.112.
138.См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.1987.
139. Марцева Л.М. Советская модель всеобщего труда. Омск: ИД «Омский научный вестник». 2008.С.231.
140. Там же. С. 245.
141. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.1948. С.591-597 и др.
142. См.: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983.С.444-445.
143. См.: Волин Б.М. Статистика и политика. М.1947; Козлов Г.А. Теоретические основы хозрасчета. Пермь. 1948; Кузнецов А. О экономической роли советского государства // Партийная жизнь 1947. №12; Струмилин С.Г. Естественно-историческое районирование СССР // Комиссия по естественно-историческому районированию СССР. М. 1947; и др.
144. История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983. С.226.
145. См.: Аракелян А. Указ.соч. С.148.
146. Белоусов Р.А. Экономические аспекты XVIII партийной конференции // Вопросы экономики. 1988. №5.С.51.

ГЛАВА Ш

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ТОВАРНОГО ОБРАЩЕНИЯ И ФИНАНСОВ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

«Главным
фактором устойчивости наших
денег являются планируемые
государством товарные массы»
А.Н.Аникин

«Для всякого планирования контроль
над ценами имеет решающее значение».
Дж.К.Гэлбрейт

Военный период стал особым этапом в углублении представлений о роли товарно-денежных отношений, товарного обращения и финансов в развитии народного хозяйства. Здесь сразу необходимо отметить определенную двойственность в отношении руководства партии и правительства к данному вопросу. Так, еще на XVII ВКП(б), состоявшемся в 1934 году, резко критиковалась идея «преодоления» товарно-денежных отношений и отмирания денег, подчеркивалась необходимость укрепления рубля и налаживания эффективной работы финансовой системы. Но в январе 1941 года на состоявшемся в ЦК ВКП(б) совещании, уже звучала иная тональность. Отдельные участники совещания отрицали действие закона стоимости, в связи с чем было принято компромиссное решение о признании действия закона стоимости при социализме в «преобразованном» виде. Эта формулировка просуществовала в экономической науке вплоть до 1951 года.

Годы войны не способствовали совершенствованию и расширению сферы товарно-денежных отношений. Да и позиция И.В.Сталина в этом вопросе была более однозначной. Он считал, что социалистическое производство по своей природе не является товарным, а товарно-денежные отношения представляют собой простое наследие капитализма. Что же касается товарного характера продукции, производимой социалистическими предприятиями, то она, по мнению И.В.Сталина, распространяется исключительно на предметы личного потребления и не кается производства средств производства [1].

И, тем не менее, в годы Великой Отечественной войны экономическая наука уделяла достаточно много внимания проблемам товарно-денежных отношений, товарного обращения и финансов. Об этом свидетельствуют работы З.Атласа, Н.Анисимова, В.Батырева, М.Бодрова, Е.Варги, А.Зверева, И.Лаптева, А.Любимова, Б.Сухаревского, И.Трахтенберга и других экономистов. Исследования этих авторов стали необходимой предпосылкой для дальнейшей разработки данного круга проблем уже в послевоенное время.

Идеи, высказанные советскими экономистами в годы войны, во многом получили свое развитие и конкретизацию в середине и во второй половине 40-х годов в трудах Д.Аллахвердяна, В.Батырева, Н.Вознесенского, В.Дьяченко, Л.Любошица, П. Маслова, Ф.Михалевского, К.Островитянова, В.Рейхардта, Ш.Турецкого и др., чьи работы стали прямым продолжением и развитием идей, родившихся и сформулированных именно в условиях военной экономики. В военные годы экономическая наука «не только обосновала необходимость товарного производства при социализме, но и многое сделала для выяснения его особенностей» [2].

Отмеченная выше двойственность в отношении партийного и государственного руководства к товарно-денежным отношениям, вольно или нет, сказалась и на оценке характера самих этапов их развития в нашей стране. Так, В.Е.Маневич писал: «На рубеже 20-х и 30-х годов был взят курс на ликвидацию товарно-денежных отношений, рыночной смычки между городом и деревней, кредитно-денежного регулирования экономики, хозрасчетных отношений в промышленности» [3]. Однако, авторы «Истории политической экономии социализма отмечают, что «со второй половины 30-х годов, особенно в связи с отменой карточной системы, товарно-денежные отношения вступили в полосу интенсивного развития» [4]. Учитывая мнение Л.И.Абалкина о том, что работа В.Е.Маневича «написана с глубоким знанием дела, в высшем смысле профессионально» [5], возникает вопрос, какая же из двух точек зрения в истории экономической науки является более корректной. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Программной установкой для изучения проблем, связанных с товарно-денежными отношениями, товарным характером производства и финансов в военное время стало заявление И.В.Сталина на XVII партии о том, что «деньги останутся до завершения первой стадии коммунизма, социалистической стадии

развития» [6]. В большинстве современных исследований это обстоятельство трактуется как признание товарно-денежных отношений при социализме *де-факто*.

Нечто подобное имело место и в конце 20-х годов, когда также существовали разногласия как в верхушке партийных и государственных руководителей страны, так и между экономистами по данному вопросу. Правда. Эти разногласия касались лишь времени отказа от товарно-денежных отношений, но сама идея об их отмирании при социализме казалась бесспорной [7]. Но вот прошло десять лет, и бесспорность этой идеи уже не выглядела столь явной. Пришлось признать, что товарно-денежные отношения сохранятся при социализме. Это уже было определенным движением вперед. Дальше – больше. В условиях военной экономики и заметной натурализации экономических отношений между субъектами хозяйственной деятельности снова звучит признание о необходимости использования товарно-денежных отношений.

Правда, необходимо подчеркнуть, что признание товарно-денежных отношений при социализме носило явно выраженный *формальный* характер. *Во-первых*, потому что третья пятилетка рассматривалась партийным и государственным руководством как время перехода к коммунизму, завершения социалистической стадии (периода) развития нашего общества. *Во-вторых*, потому что признание товарно-денежных отношений пр социализме еще не означало признания социалистического характера этих отношений, в которых коммунисты усматривали все-таки «капиталистическую природу». Именно это обстоятельство и объясняло отношение к товарно-денежным отношениям. Ведь известна же поговорка: «черного кобеля не отмоешь до бела». Так и в данном случае. Возникал резонный вопрос о том, зачем развивать и сохранять эти самые товарно-денежные отношения *при социализме*, если они по своей природе порочны. *В-третьих*, в хозяйственной практике социалистических предприятий и деятельности органов планового управления наблюдалась реальная недооценка значения товарно-денежных отношений в повышении эффективности всего народного хозяйства в целом.

В самом начале 40-х годов некоторые отечественные экономисты пришли к выводу о том, что «тайну товарной формы (производства – К.С.) в социалистическом обществе необходимо искать в самой природе социалистического производства» [8]. Это уже противоречило ортодоксальной версии о том, что природа товарного

производства и товарно-денежных отношений - капиталистическая. Но очевидно, что ортодоксальная версия, представленная в выступлениях и работах И.В.Сталина, не была научной в строгом смысле слова. Ведь известно, что товарное производство исторически возникло задолго до появления капитализма. Точно также и товарно-денежные отношения появились задолго до возникновения капитализма. Учитывая характер товарно-денежных отношений и самого товарного производства *до* капитализма, К.Маркс употребил термин «*простое товарное производство*».

Поэтому сталинская интерпретация природы товарно-денежных отношений и товарного производства противоречила марксисткой трактовке. Это понимали ученые-экономисты, которые и старались примирить одно с другим. Среди сторонников тезиса о «социалистической природе» товарного производства оказались З.Атлас, Н.Вознесенский, Я.Кронрод и др. Но следует признать, что идея об изменении *природы* товарного производства при социализме была лишь данью сталинским утверждениям на этот счет. Лучше уж было «признать» *социалистическую природу* товарного производства, чем вообще отрицать очевидное – его товарный характер при социализме.

Многие исследователи продолжали отрицать факт наличия товарно-денежных отношений при социализме, рассматривая их как «родимое пятно» и наследие «проклятого капитализма». При этом они ссылались на то, что И.В.Сталин распространял правомерность употребления терминов «товарное производство», «товарооборот» «торговля» только на предметы личного потребления, но никак не на средства производства. Получалась странная вещь. Когда человек находился на работе, на «общественном производстве» он выступал как советский гражданин. Но у себя дома, потребляя предметы личного обихода, он каким-то образом вдруг выпадал, согласно сталинской логике, из структуры социалистического общества. Потребитель как бы превращался в субъекта капиталистических отношений, становился собственником-буржуа. Такая логика напрашивалась сама собой, если следовать рассуждениям И.В.Сталина.

В целом же, формальное и непоследовательное признание товарно-денежных отношений при социализме как *конструктивного начала* вступало во все большее противоречие с объективными потребностями собственно экономического развития страны, мешало последовательному претворению в жизнь принципа материальной

заинтересованности, эффективному ценообразованию, укреплению хозрасчета.

Поэтому вполне закономерно, что в начале 40-х годов экономическая наука подошла к выводу об объективной обусловленности товарно-денежных отношений при социализме. И такой вывод, во многом вопреки ожиданиям самого И.В.Сталина, был сделан в январе 1941 года на совещании в ЦК ВКП(б). Это опровергает досужие утверждения публицистов перестроечного и постперестроечного времени о том, что при И.В.Сталине в партии не было никакого инакомыслия, что в ней «умерла демократия», что культ личности полностью «омертвил» научную жизнь и т.д. Пользуясь известным выражением М.Твена, по этому поводу можно сказать лишь одно: слухи о смерти экономической науки в военное время оказались слегка преувеличенными.

Особое внимание на совещании в ЦК ВКП(б) в январе 1941 года, как отмечал А.Пашков, было обращено на отрицание объективного характера экономического закона стоимости и его действия при социализме. Закон стоимости – основа товарного производства. В соответствии с этим законом товарный обмен в народном хозяйстве осуществляется не как попало, не по воле партии и правительства, а на основе учета общественно-необходимых затрат труда по производству продукции. Поэтому некоторые экономисты высказали мнение о том, что данный закон нельзя отрицать или трактовать его формально. «Толкование товарно-денежных отношений только как внешней формы, лишенной материального содержания, как простого орудия учета труда и калькуляции затрат предприятий» было объявлено неверным. «Было указано, что такое толкование находится в противоречии с реальной действительностью социалистического общества, в котором экономические инструменты закона стоимости – товар, стоимость, цена, деньги, заработная плата, процент, земельная рента и др. – не являются пустой формой, только орудием учета, калькуляции, а выражают собой реальные отношения социалистического общества, объективную необходимость материального стимулирования работников производства, возмещения затрат предприятий, создания условий для рентабельной их работы» [9].

Тем самым, был сделан шаг к преодолению учетно-распределительной концепции товарно-денежных отношений, которой, кстати говоря, придерживалось большинство авторов макета учебника по политэкономии, подготовленного в 1940 году.

Определенное значение в этой связи имели работы З.Атласа, Н.Вознесенского, Я.Кронрода, И.Мирошникова, Г.Неймана, В.Смушкова, С.Струмилина, В.Батырева и некоторых других ученых. В их исследованиях были сформулированы отдельные положения о действии закона стоимости в условиях социализма, о новом содержании товарно-денежных отношений при социализме, об обусловленности их объективной необходимостью, о развитии хозрасчетной организации народного хозяйства [10].

При этом, даже в рамках учетно-распределительной концепции трактовки товарно-денежных отношений и товарного производства произошли заметные изменения, связанные с разработкой принципов и методов определения себестоимости и стоимости производимой продукции, затрат предприятий и организаций. Еще до войны в нашей науке появилось деление затрат на *прямые* и *косвенные*. В работе В.И.Стоцкого· «Основы калькуляции и экономического анализа себестоимости» (1936) предлагалось выделять эти группы расходов, а также *накладные* расходы предприятий. Это убеждает в том, что развитие отечественной экономической науки шло достаточно динамично и никоим образом не отставало от развития мировой экономической мысли. Достаточно, например, напомнить, что автор знаменитой теории *трансакционных затрат* Р.Коуз как раз в 1937 году опубликовал свою самую известную работу «Природа фирмы», а Дж.Р.Хикс издал свою самую крупную работу «Стоимость и капитал» (1939).

В предвоенные годы теоретические концепции по вопросам учета и анализа стали предметом полемики между учеными-представителями московской (Г.А.Бахчисарайцев, Н.С.Лунин, Р.Я.Вейцман, Н.А.Кипарисов и др.) и ленинградской (Н.А.Блатов, В.И.Зазерский и др.) школ. Результатом этой полемики стало появление специальной научной дисциплины – анализ хозяйственной деятельности (Н.Р.Вейцман, В.И.Стоцкий, С.К.Татур и др.) Содержанием данной дисциплины стало не только изучение финансовых показателей и балансов, но исследование экономики предприятий в целом.

В 1938 году Наркомфин СССР издал специальные методические указания по проверке и анализу финансовыми органами балансов и годовых отчетов предприятий. Эти указания имели большое значение не только для руководства аналитической практикой, но и для развития самой научной дисциплины – анализ хозяйственной деятельности.

В 1940 году была опубликована книга С.К.Татура «Анализ хозяйственной деятельности промышленных предприятий», в которой конкретные финансово-экономические категории стали трактоваться в общем макроэкономическом плане как политэкономические понятия. Появилось новое понимание самой бухгалтерской науки как описывающей не только процессы на отдельных предприятиях, но и всего народного хозяйства в целом.

В послевоенные годы экономическая наука отошла от такой довольно перспективной постановки вопроса о бухгалтерском учете и анализе хозяйственной деятельности. Сегодня бухгалтерский учет практически замыкается рамками конкретного предприятия и не распространяется на уровни отрасли и всего народного хозяйства в целом. А дисциплина, которая раньше называлась «анализ хозяйственной деятельности», сегодня называется «анализ хозяйственной деятельности *предприятия*». Сравнительным и межотраслевым анализом хозяйственной деятельности современные экономисты практически не занимаются.

Анализ хозяйственной деятельности главков, трестов, наркоматов и отраслей в предвоенный период позволили советским экономистам прийти к выводу о том, что товарная форма общественного продукта в нашей стране связана с хозрасчетной организацией производства (З.Атлас, Н.Вознесенский, Я.Кронрод и др.). Однако, отсюда мог быть сделан очень простой и неверный вывод о том, что ликвидация хозрасчета ведет к изменению самой природы общественного продукта и всего характера общественного производства при социализме. Именно поэтому некоторые экономисты пытались выявить более глубокие основания товарного характера производства и товарно-денежных отношений при социализме и усматривали эти основания в общественном разделении труда. Данный процесс может протекать двояко: стихийно и планомерно. При капитализме он протекает стихийно и порождает кризисы. При социализме он протекает планомерно и обусловливает постепенное поступательное безкризисное развитие народного хозяйства. Но сохраняющаяся в рамках процесса общественного разделения труда специализация обусловливает товарный характер производства, т.е. специфическую форму обмена продуктами между специализированными товаропроизводителями. Результатом этого является развитие товарно-денежных отношений и торговли при социализме.

В свою очередь, М.Макарова поставила вопрос о том, что «принцип распределения по количеству и качеству труда сам по себе не может обусловить наличие торговли» [11]. Отсюда она делала вывод о том, что торговля не отражает процесс общественного разделения труда и не является его следствием. Вопрос о *специфике* природе торговли при социализме она подменила вопросом о *природе* торговле при социализме, что вело в тупик любые исследования на этот счет.

Интересной была и трактовка роли денег в условиях «социалистической торговли». Н.Бирман, например, обоснованно считал неправомерным сведение роли денег при социализме исключительно к средству учета, какой бы важной эта функция не была [12]. Известно, что и за рубежом в разное время экономисты рассматривали разные функции денег. Когда-то А.Смит выделил *пять* функций денег, но в 1936 году Дж.М.Кейнс, например, выделял уже только *три* функции денег. Но, естественно, сводить роль денег исключительно к средству учета было неправомерно. Понятно, что деньги выполняют функции средства платежа и средства накопления.

Однако, ни до войны, ни в годы войны в нашей экономической науке учетно-распределительная концепция товарно-денежных отношений полностью преодолена не была. По мнению Д.Валового, «сохранение товарного производства при социализме продолжали объяснять необходимостью распределения по труду и невозможностью учета труда в рабочем времени, что требовало использования стоимостных категорий. В результате стоимость выводилась из необходимости стоимостного учета, а товар – из стоимости. Иначе говоря, признавались товарно-денежные формы и отрицалась их сущность. Создавался порочный круг: товар – не товар, деньги – не деньги» [13].

При всей противоречивости процесса преодоления учетно-распределительной концепции товарно-денежных отношений при социализме следует отметить ряд важных обстоятельств. Во-первых, признание объективного характера действия экономических законов при социализме предопределило в последующие годы преодоление узких границ этой концепции и способствовало признанию в дальнейшем товарного характера общественного производства. Во-вторых, товарно-денежные отношения стали исследователями теснее увязываться с действием закона стоимости, т.е. делался шаг к пониманию их объективной обусловленности. В-третьих,

распространение формулы о действии закона стоимости при социализме в «преобразованном», «модифицированном» виде наложило свой отпечаток на представления о товарном характере общественного производства в нашей стране, на роль товарного обращения, финансов, кредитных отношений, прибыли в народном хозяйстве.

Характерен следующий исторический факт. Оказывается, что в 1940 году существовал не один, а два макета учебника политической экономии. Первый, согласно типографских данных, набирался в апреле, а второй – в декабре 1940 года. В первом макете имеются вставки, сделанные карандашом лично И.В.Сталиным. На нем даже имеется пометка о выпуске его фабрикой Красина в 1947 году. Среди замечаний, сделанных И.В.Сталиным, есть и такое «Как понимать категорию прибыли в СССР? Нам нужна известная прибыль. Без прибыли мы не можем образовывать резервы, накопления, обеспечить задачи обороны, удовлетворять общественные нужды… Само слово «прибыль» загажено. Хорошо было бы иметь какое-нибудь другое понятие. Но какое? Может быть *чистый доход*?» [14].

Данный факт свидетельствует о многом. Прежде всего, о признании И.В.Сталиным необходимости рентабельной работы предприятий и образования прибыли. Терминологические разночтения – вопрос отдельный Предложенная И.В.Сталиным категория *чистого дохода* оказалась не в состоянии заменить категорию *прибыли* по одной очень простой причине. В *чистом доходе* не отражены материальные затраты и амортизационные начисления. В экономической литературе послевоенного времени стали употребляться различные категории: совокупный общественный продукт, чистый общественный продукт, конечный общественный продукт. Разница между ними виделась экономистам именно в том, включены ли в эти понятия амортизационные начисления и затраты предприятия или нет. Но данные понятия никак не могли заменить категорию *прибыли*.

Интересен в этой связи и разговор, состоявшийся между И.В.Сталиным и авторами первого макета учебника политэкономии. И.В. Сталин в этой беседе заявил: «В проекте учебника сказано, что в СССР закон стоимости *преодолен*. Это не верно. Закон стоимости в нашем хозяйстве еще не преодолен, он сохранился, правда, в преобразованном виде. Мы стремимся взять закон стоимости в свои руки, подчинить его себе, командовать им. Политика цен у нас самая

дефектная в сравнении с политикой в других отраслях нашей деятельности» [15].

Из этих слов видно следующее. *Во-первых*, закон стоимости действует. *Во-вторых*, его надо преодолеть, «взять в руки». Что это означает – пойди – догадайся. То ли И.В.Сталин имел в виду, что этот закон надо «уничтожить» и добиться того, чтобы он прекратил свое действие. То ли этим законом необходимо было овладеть, чтобы направлять его действие в нужном для партии и правительства русле. И то, и другое – волюнтаризм в «чистом виде». *В-третьих*, если закон стоимости сохранился при социализме в преобразованном виде, зачем его преобразовывать дальше? *В-четвертых*, политика цен в предвоенные годы оценивается как дефектная. Кстати, она и сегодня не вызывает оптимизма у вдумчивых экономистов.

Налицо два важных обстоятельства: внутренне противоречивые представления самого И.В.Сталина по вопросам о действии закона стоимости и развитии товарно-денежных отношений при социализме; фактическое их признание с многочисленными оговорками и замечаниями.

В последующие годы эта противоречивая позиция И.В.Сталина нашла свое отражение в его работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Существует мнение о том, что авторство этой работы принадлежит Н.А.Вознесенскому, репрессированному в октябре 1949 года и расстрелянного в 1950 году. Вскоре после этого, в 1952 году и вышла в свет работа И.В.Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Если эта версия и соответствует действительности, то все равно следует признать, что И.В.Сталин приложил к этой работе свою руку. Было бы наивно полагать, что здесь произошла простая компиляция. О внимательном отношении И.В.Сталина к идеологическим вопросам и публикациям подобного рода свидетельствуют его многочисленные замечания по первому макету учебника политической экономии 1940 года, который, как уже отмечалось, так до начала войны и в военные годы издан не был. Но возможную доработку текста книги, равно как и замечания по макету учебника советские экономисты с полным правом считали вульгаризацией политэкономии. А тот факт, что вульгаризированный курс политэкономии в 1943 году был введен во всех высших учебных заведениях нашей страны (в условиях отсутствия учебника!) говорит о достаточно возможностях субъективистской и вульгарной трактовки сложнейших экономических вопросах.

Есть также версия о том, что именно замечания И.В.Сталина по макету учебника политэкономии вместе с его ответами ряду участников дискуссии и составили содержание его работы «Экономические проблемы социализма в СССР». Но и эта версия не подкреплена фактическими данными. Тем более, что в книге некоторые их замечаний опущены. Можно лишь согласиться с мнением о том, что все эти замечания были положены в основу первого учебника политической экономии социализма, который вышел в свет в 1954 году. С этим выходом и наступил будто бы конец ее «концу» [16].

В военные годы И.В.Сталин продолжал придерживаться ограничительной версии в понимании сферы действия закона стоимости и товарно-денежных отношений, а также тезиса о необходимости *овладения* законом стоимости. В военное время он непосредственно не возвращался к редактированию макета учебника политэкономии. Но в послевоенные годы он не только вернулся к этому, но и внес «фундаментальные» правки, свидетельствующие о щедром цитировании самого себя и полном отрыве от всякой научной логики. Так, в параграфе «Великий поворот крестьянских масс к социализму. Ликвидация кулачества как класса» (сама терминология аграрной проблематики говорит о многом!), он записал в текст следующее: «Ленинский кооперативный план нашел свое дальнейшее развитие в трудах товарища Сталина, создавшего цельное и стройное учение о коллективизации – путях социалистической перестройки сельского хозяйства» [17]. И далее следует пространный фрагмент о его личном вкладе, который позволяет утверждать, что «коллективизация сельского хозяйства является законом социалистического развития нашей страны».

Внесенные в конце 40-х и начале 50-х годов сталинские «доработки» в текст учебника политэкономии убеждают в том, что эволюция взглядов В.И.Сталина по данному кругу вопросов была минимальной. Так, он вынужден был отказаться от употребления им же созданной формулы о действии закона стоимости в «*преобразованном*» виде. Сделав вывод о том, что «преобразовывать» экономические законы (да еще «коренным образом»!) нельзя, И.В.Сталин отверг свою собственную «научную» новацию более раннего периода. А ведь, как известно, эту идею еще с января 1941 года на все лады защищали и «обосновывали» особо преданные ему экономисты. Но И.В.Сталин продолжал утверждать и после войны, что при социализме существует товарное производство

особого вида. Кто бы с этим спорил? Но *особенность* товарного производстве при социализме состояла не в том, что товарная форма продукта распространялась только на товары личного потребления. Эта особенность заключалась в том, что все товары, создаваемые в сфере общественного производства, отражали отношения планомерного управления этим самым производством. И только.

Создается впечатление, что изменяя, придумывая или отвергая те или иные формулировки и термины в экономической науке, И.В.Сталин в корне не пересматривал свое отношение к данному кругу проблем, игнорировал те выводы, к которым пришла экономическая наука в первой половине 40-х годов. Скорее наоборот, советские экономисты вынуждены были «примерять» свои выводы с официально высказанными положениями И.В.Сталина на этот счет с тем, чтобы избегать явных противоречий и дискредитации первого лица в государстве. Тем более, что дело это было крайне опасно.

Например, К.В.Островитянов, которого никак не заподозришь в склонности к фрондированию, объясняя задним числом свое отношение к данному вопросу, высказал замечание о том, что формула о действии закона стоимости при социализме в *преобразованном* виде имела «компромиссный характер» и «сыграла положительную роль». Он объяснял это так: поскольку, хотя «она и оправдывала многолетнее отрицание закона стоимости, но как бы подчеркивала, что экономисты отрицали лишь старую форму стоимости и признавали ее новый, преобразованный, социалистический вариант» [18]. Столь тонкая лесть и открытая схоластика понадобились К.В.Островитянову для того, чтобы объяснить и свою собственную *просталинскую* позицию, согласно которой он сначала отрицал действие закона стоимости при социализме, а затем, вслед за выводом И.В.Сталина, послушно признал его в «преобразованном варианте». Вот только, что собой представляет собой стоимость в ее *социалистическом варианте*, этот экономист объяснить не торопился.

Если эта формула и сыграла какую-либо «положительную» роль в истории отечественной экономической науки, то лишь потому, что хотя бы в такой завуалированной эзоповской формулировке признавалось действие закона стоимости в народном хозяйстве СССР. Ни о какой теоретико-методологической «конструктивности» и «полезности» этой формулы вообще не шла и речь. Именно тактическими соображениями объясняется более или менее

спокойное восприятие этой формулы и послевоенной экономической наукой. Признавая действие закона стоимости в той или иной форме, советские экономисты получали как бы законные основания на исследование сущности и особенностей товарно-денежных отношений и выявление объективных оснований (экономических законов), действующих в этой сфере [19].

В первой половине 40-х годов XX века высказывались соображения о нецелесообразности углубленного изучения таких категорий, как «*конкретный труд*», «*абстрактный труд*», «*полезность*», «прибыль», «*выгода*» и т.п. Одни из них объявлялись неактуальными для социализма, другие просто буржуазными по своему содержанию. Но совершенно понятно, что без их изучения невозможно было выявить специфику действия закона стоимости при социализме. Более того, нельзя было выявить и подлинную роль закона стоимости в условиях военной экономика, которая так же напоминает социализм, как сырая курица – готового цыпленка – табака.

Согласно марксистской трактовке закона стоимости, стоимость представляет собой общественно необходимые затраты на производство продукции. Казалось бы, стоит научиться правильно измерять эти затраты, как политика цен перестанет быть *дефектной.* Но не тут-то было! Оказывается, что, помимо стоимости, на цены влияет и *полезность* товара. Но в условиях социализма ни о какой теории предельной полезности не могло быть и речи. Иначе пришлось бы открыто признать: наращивание масштабов производства путем индустриализации, коллективизации и мобилизации объективно ведет к постепенному снижению полезности производимой продукции. Гораздо легче было просто игнорировать исследование понятий «*полезность*», «*выгода*», «*доходность*» и проч. Как говорят дипломаты, если нечего сказать – держи паузу…

В военное и послевоенное время проблемы изучения и измерения полезности сопутствуют исследованию вопросов стоимости, себестоимости и издержек в мировой экономической науке. Достаточно сослаться на публикации статьи Ар.А.Алчиана «Значение измерения полезности» (1953), Г.А.Саймона «Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении» (1959), П.Х.Дугласа «Существуют ли законы производства?» (1948), М.У.Редера «Альтернативные теории доли труда в доходе» (1959), А.Скотта «Заметки о затратах пользователя» (1953), Ф.Найта «Прибыль» (1935), Дж.Ф.Уэстона «Концепция и теория прибыли: Новый взгляд на проблему» (1954) и т.д. Сам круг вопросов,

исследуемых в связи с проблемой стоимости, свидетельствует о том, что переход от свободной конкуренции к господству монополи и развитие тенденции к монополистическому регулированию хозяйственных процессов потребовали «большей практической ориентации» экономической науки [20].

Тем не менее, отечественные экономисты продолжали исследование «крамольных» категорий. Достаточно вспомнить о том, что Е.Е.Слуцкий еще в 1927 году опубликовал специальную работу, которая была посвящена критическому анализу теории стоимости, предложенной австрийскими экономистами – представителями Венской школы. Е.Е.Слуцкий сформулировал, как известно, категорию полезности « в виде чисто эмпирической концепции», тесно связав ее характеристики с движением конкретных, наблюдаемых в хозяйственной жизни величин – цен и денежных доходов. Полезность в его уравнениях выступает как некая функция, значения которой могут меняться под влиянием изменения в личных доходах, ценах на отдельные товары и т.д.

Но, если говорить в целом, до конца 40-х годов (и военный период в этом отношении не составлял исключение) считалось, что между потребительной стоимостью и стоимостью хотя и существуют некие противоречия, но они перестают быть антагонистическими. Причина тому – отсутствие при социализме противоречий между *абстрактным* и *конкретным* трудом [21]. А раз так, то дальнейшее углубленное изучение категорий «*стоимость*», «*потребительная стоимость*», «*полезность*» и т.п. «мало что может дать экономической науке» [22]. Все это только подтверждает правомерность вывода о том, что под воздействием культа личности у ученых – экономистов «постепенно теряется вкус к вопросам методологии», что «заниматься исследованиями этих вопросов становится небезопасно» [23].

Недооценка значения категорий «*конкретного труда*», «*абстрактного труда*», «*прибыли*», «полезности» др., отказ от их адаптированного анализа, применительно к конкретным условиям военного хозяйства, способствовали тому, что постепенно в экономической науке «исчезла разница между эксплуатацией и угнетением, между обобществлением и огосударствлением», что впоследствии предопределило «решающий успех» в сталинском «конструировании» извращенного, лженаучного, но, к несчастью, «общепринятого марксизма-ленинизма» [24].

В более конкретном плане это привело к тому, что общественно-необходимые затраты, составляющие стоимость товарной продукции, стали трактоваться многими исследователями субъективно. А значение категории стоимость стало искусственно принижаться. Тому были и некоторые основания.

Известно, что в условиях социализма рабочая сила перестает быть товаром. Исчезает и рынок рабочей силы (рынок труда). Возникает своеобразная советская модель всеобщего труда. Но, однако, рабочие получают заработную плату, которая отражает стоимость рабочей силы. Неверные представления о том, что заработная плата отражает стоимость труда, давно были подвергнуты убедительной критике еще К.Марксом. К сожалению и в более позднее время, а не только в военный период, такие ошибочные и поверхностные суждения имели место. Анализ таких трактовок был дан нами ранее [25]. Здесь же хотелось бы отметить, что выпадение рабочей силы из сферы купли-продажи отнюдь не обесценивало проблемы стоимости рабочей силы. Точно также обстояло дело и с землей, которая при социализме переставала быть товарам и предоставлялась совхозам и колхозам в бессрочное пользование. Но и это не означало, что земля как ресурс и как продукт человеческого труда (по ее содержанию и обработке) утрачивала стоимость. Поэтому скороспелые выводы некоторых экономистов о том, что сфера действия закона стоимости при социализме существенным образом сужается, а товарно-денежные отношения выполняют, исключительно, учетную функцию оказались ошибочными.

В основе таких заблуждений лежало вульгарное понимание учения К.Маркса о двойственном характере труда. Известно, что в соответствии с высказываниями К.Маркса, абстрактный труд создает стоимость, а конкретный – полезность (потребительную стоимость). Отсюда следует вывод о том, что если между конкретным и абстрактным трудом исчезает противоречие, то оно исчезает и между стоимостью и потребительной стоимостью. Но советские экономисты, в духе сталинских рассуждений, соглашались с тем, что между абстрактным и конкретным трудом противоречие исчезает, а между стоимостью и потребительной стоимостью – нет. Получалась какая-то половинчатая, незавершенная и непоследовательная интерпретация действия закона стоимости при социализме. Реальная обстановка конца 30 – начала 40-х годов XX века способствовала, на наш взгляд, появлению своеобразной постановки вопроса о якобы «непосредственно – общественном»

характере труда и общественного производства в СССР, что делало как бы излишними сами научные исследования методологических и общетеоретических вопросов, особенно – в сфере товарно-денежных отношений.

Одной из таких причин стало формирование еще в предвоенный период экономики ГУЛАГа. Работы конца 80-х и начала 90-х годов вполне позволяют нам представить масштабы «общественного производства» в ГУЛАГе [26]. Деятельность ГУЛАГа охватывала 17 отраслей; плановый объем продукции в предвоенном 1940 году, например, составлял 2659,5 млн. руб. Лидировал лесной комплекс – 730,3 млн. руб.; деревообрабатывающая промышленность – 412,2; швейная - 359,8; металлообрабатывающая и машиностроительная – 233,9; рыбная – 138,3; текстильная – 127,8; топливодобывающая – 126,3 млн. руб. До 33,3% всего объема товаров широкого потребления, выпущенных в 1940 году в стране, приходилось на хозяйственную деятельность ГУЛАГа [27].

Хозяйственную деятельность исправительно-трудовых учреждений О.Платонов определил термином «*тюремный сектор экономики*». По его оценкам, доход этого сектора в 1940 году составил в ценах тех лет 30-35 млрд. руб., т.е. десятую часть национального дохода страны, а численность занятых в нем – 10 млн. чел. или 15% от числа всех занятых в народном хозяйстве [28].

Ясно, что в экономике ГУЛАГа не действовал никакой закон стоимости, никакие товарно-денежные отношения, поскольку *любые* затраты труда считались общественно-необходимыми, оправданными. Это, а также значительный удельный вес этой экономики в производстве товаров народного потребления и средств производства, создавало иллюзию о сужении сферы действия закона стоимости при социализме и о неактуальности категории «*стоимость*». И что тут можно возразить, если такое хозяйство основывалось в буквальном смысле слова на костях людей! Автор этих строк сам не раз проплывал по Рыбинскому водохранилищу, на прибрежный песок которого волны до сих пор, нет – нет, да и выносят кости репрессированных «строителей коммунизма».

В экономической науке именно в 40-х годах XX века сформировались два подхода к пониманию категории «непосредственно – общественный труд». Представители первого подхода рассматривали данную категорию как *всеобъемлющую* характеристику труда при социализме. Представители второго подхода считали, что поскольку при социализме сохраняются

некоторое время элементы и инструменты капитализма, то непосредственно-общественный характер труда характеризует только отношения на государственных предприятиях, но не в сфере кооперативной собственности и мелкотоварного производства.

Тем самым, если представители первого подхода логически делали вывод о преодолении противоречий между конкретным и абстрактным трудом, между стоимостью и потребительной стоимостью при социализме, то сторонники второго подхода были осторожнее в своих суждениях. Представителей первого подхода можно было бы с полным основанием назвать идеалистами, а представителей второго подхода – реалистами. Но это был реализм особого рода: признавая сохранение противоречий между стоимостью и потребительной стоимостью товаров, они отрицали противоречие между абстрактным и конкретным трудом. А иногда высказывались с точностью наоборот. «Труд, товар, стоимость – те оси, на которых держится общественное производство, те сущности, сочетание которых выражает закон и противоречие. Они имеют двойственный характер – *абстрактный* и *конкретный*. Труд и его продукт для себя – одно, *конкретное*; труд и продукт для общества – другое, *абстрактное*. Но конкретное столь же абстрактно, как и абстрактное – конкретно. Вот чем пренебрегла экономическая наука. Отношение этих сущностей и противоречие между ними и *внутри каждой из них* составляют закон стоимости» [29].

Есть и еще одно очень важное соображение у К.Маркса. Непосредственно – общественный труд – это свободный труд. В условиях социализма труд стал общественно – необходимым (всеобщим и принудительно – обязательным). Следовательно, называть труд при социализме непосредственно – общественным трудом, трудом на себя нельзя. В статье 12 Конституции СССР от 1936 года записано: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу «кто не работает, тот не ест». Но при этом, не сам работник (труженик) непосредственно, а государство (опосредованно) осуществляло контроль за мерой труда и потребления каждого. Поэтому правомерен вывод о том, что « споры о советской модели всеобщего труда – это не только споры о социализме, но и о марксизме» [30]. И здесь существуют самые разные мнения: от отождествления сталинской модели социализма с научным социализмом – до их полного противопоставления; от отождествления сталинских идей с марксизмом – до их полного противопоставления. Думается, правы

те, кто считает отождествление сталинизма и научного социализма ошибочным, поскольку, как известно, сталинизм основан на тотальном «внеэкономическом принуждении» своих граждан к труду. Этот термин вернул в широкое употребление В.Селюнин [31]. Хотя появился он давно. *Научный* социализм, в отличие от *утопического* социализма и сталинского его варианта, основан на идее *свободного* труда. А свободный труд возможен только на основе освобождения самого труженика от эксплуатации и работе на самого себя. Ни на «пролетарское государство», которое представляет собой группу чиновников, а именно на себя. Как создать такое общество – вопрос до сих пор не решенный. Ни рыночная экономика, ни советская модель социализма на этот вопроса ответа не дали. Но, с позиций научного социализма, свободный труд как раз и представляет собой непосредственно-общественный труд.

За то, что в годы войны труд советских людей был однозначно не непосредственно-общественным, а между абстрактным и конкретным трудом сохранялось фундаментальное противоречие, говорит и сохранение бюрократии. При И.В.Сталине однозначно признавалось наличие бюрократии и в самой партии, и в государстве [32]. В военное время предпринимались определенные попытки борьбы с бюрократизмом, формализмом, волокитой и другими негативными проявлениями. В качестве примеров можно сослаться на Постановления ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения партийной работы в угольных районах Кузбасса в связи с задачей увеличения добычи угля» (24 сентября 1942 года), «О мерах улучшения партийной работы в Карагандинском угольном бассейне в связи с задачей увеличения добычи угля» (24 сентября 1942 года), Постановление КГО «Об усилении внимания делу восстановления и развития угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии и электростанций» (1 октября 1944 года) и др. Но эти документы были направлены на улучшение организационной работы на производстве. А документов направленных на совершенствование мер по устранению бюрократизма в работе высших и территориальных органов партии и государства в годы войны почти не принималось.

Складывавшееся противоречие между формальным признанием объективного характера действия экономического закона стоимости в социалистическом производстве и субъективистскими попытками его толкования являлось хорошим основанием для популяризации

учетно-распределительной версии товарно-денежных отношений в целом. Но поскольку это противоречие требовало своего разрешения, привлекало внимание экономистов к ненормальной ситуации в сфере управления экономикой, оно имело и определенное конструктивное значение. Как говорят в народе, «не было бы счастья, да несчастье помогло».

По мнению Л.Леонтьева, подготовившего статью «Некоторые вопросы преподавания политической экономии», прежнее отрицание действия закона стоимости создавало непреодолимые трудности в понимании и объяснении таких категорий, как «*деньги*», «*финансы*», «*банки*», «*кредит*» и т.д. Однако, в статье была полностью воспроизведена формулировка о действии закона стоимости при социализме в преобразованном виде. При этом использовался тезис К.Маркса о сохранении в условиях нового способа производства «родимых пятен капитализма» взятый из «Критики Готской программы». Но Л.Леонтьев проигнорировал другой важный тезис К.Маркса, который в «Критике Готской программы» писал, что право производителей должно быть пропорционально доставляемому ими труду и что равенство в этом случае «состоит в том, что измерение производится равной мерой – трудом». При этом К.Маркс, как и в другой своей работе «Нищета философии», разъяснял, что неравный в условиях разделения труд *не поддается точным измерениям*. А значит, можно было бы сделать вывод о том, что абсолютизация учетно-распределительной концепции со стороны советских ученых не имеет никаких оснований. Однако, Л.Леонтьев этого вывода не сделал. В статье, по существу, популяризировалась учетно-распределительная концепция. Но при этом, необходимость использования закона стоимости объяснялась как раз невозможностью измерения затрат труда непосредственно в единицах рабочего времени. Получалось внутреннее противоречие в содержании статьи. С одной стороны, действуя по указанию И.В.Сталина, автор настаивал на учетно-распределительном назначении товарно-денежных отношений и закона стоимости при социализме. А, с другой стороны, признавал, вслед за К.Марксом, невозможность точного измерения трудовых затрат не только рабочим временем, но и в товарно-денежных инструментах.

Особенность действия закона стоимости в условиях социалистической организации производства виделась экономистами в том, что он «сознательно применяется Советским государством в условиях планового руководства народным хозяйством» [33].

Получалось, что вне планового руководства данный закон действовать не мог. Но ведь несколькими годами раньше И.В.Сталин сам заявлял о стихийном характере действия экономических законов. Если закон стоимости «не подчинялся» целям планового руководства, то его как бы и не было. А идея «овладеть» им как раз и означала добиться такого положения, когда всякие иные, несанкционированные проявления данного закона в народном хозяйстве, были бы исключены. Таковой была логика рассуждений многих экономистов по данному вопросу в военное время.

Как бы там ни было, действие закона стоимости связывалось исследователями «с противоречиями между квалифицированным и неквалифицированным трудом рабочих и колхозников», вытекающими из двух разных форм собственности на средства производства при социализме» [34].

Развивая и конкретизируя это положение Н.А.Вознесенский, например, писал: «Пока существуют различия труда на государственных предприятиях и в колхозах, труда квалифицированного и неквалифицированного, умственного и физического, пока продукты распределяются по качеству и количеству труда – существует необходимость приводить различные виды труда к единому показателю – стоимости, определяемой общественно-необходимыми затратами» [35].

Приведенные высказывания советских экономистов, а также анализ взглядов других исследователей по данному вопросу позволяют утверждать, что в первой половине 40-х годов практически все они либо придерживались учетно-распределительной концепции товарно-денежных отношений, либо испытывали на себе ее сильное влияние.

Отмечая «*преобразованный*» характер закона стоимости при социализме, подчеркивая разные подходы в трактовке этого закона советскими экономистами, обращая внимание на необходимость увязывать анализ этого закона с плановым руководством экономикой, К.В.Островитянов называл закон стоимости «орудием учета труда в денежной форме, орудием планирования цен, орудием хозрасчета и осуществления социалистического принципа оплаты по труду»[36].

Итак, связь между этими положениями и учетно-распределительной концепцией товарно-денежных отношений очевидна. Вместе с тем, Н.Вознесенский, З.Атлас, К. Островитянов включали в перечень причин существования товарно-денежных

отношений в СССР и объективную необходимость в хозрасчетной организации общественного производства.

Развивая свои выводы по данному кругу проблем, З.Атлас пришел к заключению о том, что товарно-денежные отношения, закон стоимости, такие категории, как «деньги», «товар», *выражают* социалистические производственные отношения, складывающиеся в нашей стране и, следовательно, вовсе не являются «*родимыми пятнами*» капитализма. А это заявление уже шло дальше рассуждений И.В.Сталина о необходимости *терпеть* товарно-денежные отношения как наследие капиталистической организации хозяйства и *подчинять* их себе.

По мнению З.Атласа, «советские деньги выражают производственные отношения, складывающиеся в социалистическом обществе, в противоположность деньгам капиталистического общества, выражающим антагонистические производственные отношения» [37].

Речь идет, следовательно, о социалистическом характере товарно-денежных отношений в СССР, т.е. об их плановом (планомерном) развитии и выражении ими именно социалистического характера производственных отношений, составной частью которых они являются. Этот вывод З.Атласа тем более важно отметить, что вплоть до 50-х годов XX века о том, что товарно-денежные отношения выражают (могут или должны выражать) именно социалистические производственные отношения (их характер и содержание), что они *имманентны* социализму, практически не говорилось.

Признавая товарно-денежные отношения и закон стоимости в условиях советской экономики, понимая, что характер их действия не может существенно не отличаться от таковых при капитализме, Н.А.Вознесенский, К.В.Островитянов, З.В.Атлас, Л.И.Любошиц, В.В.Рейхардт и некоторые другие исследователи пытались раскрыть эту специфику. Например, «*преобразованность*» закона стоимости они усматривали в том, что из *главного*, каким он будто бы является при капитализме, данный закон превращается в обычный закон, т.е. рядовой и даже «*подчиненный*» другим экономическим законам при социализме. Кроме того, по мнению советских экономистов, «*преобразованность*» данного закона состояла в том, что он утрачивал при социализме стихийный характер в процессе своего воздействия на экономику. А сфера его влияния также будто бы сужалась. Все эти аспекты «*особости*», конечно же, предполагали

серьезный анализ, но, к сожалению, в военный период многие утверждения авторов на этот счет носили скорее декларативный или даже откровенно пропагандистский и идеологический характер.

Отмечая рациональный элемент в постановке вопроса об *особом* характере действия закона стоимости и товарно-денежных отношений при социализме в экономической науке, Г.Г.Богомазов подчеркивал, что эта рациональность состояла в том, что экономические законы, действующие в различных общественно-экономических формациях, под воздействием системы специфических законов, действующих в одной, отдельно взятой формации, действительно, модифицируются. В частности, происходят изменения в их содержании, прежде всего в социальном содержании выражаемых ими явлений, в их социально-экономических последствиях и характере их действия. «Однако при этом сущность любого экономического закона остается неизменной, в противном случае это уже совершенно иной закон» [38].

С этой точки зрения попытки советских экономистов выявить специфический характер закона стоимости при социализме были правомерными. Но утверждения о том, что «преобразованный характер» закона стоимости возник волею государства, конечно же, были ошибочными. Кроме того обращает на себя внимания терминология тех лет, согласно которой закон стоимости выражал или отражал социалистические производственные отношения. Но закон стоимости – это не зеркало, в котором отражается объект. К тому же хорошо известен «эффект зеркала», в соответствии с которым объект отражается всегда не адекватно. Если поднести к зеркалу циферблат часов, на которых стрелки показывают без десяти двенадцать, то в зеркале они будут показывать десять минут первого.

Поэтому термины «отражать» или «выражать» мало что говорят о сущности самого закона. Иное дело, когда вместо этих амбивалентных понятий используются термины «определять» или «направлять». Но утверждений об *определяющем* или хотя бы *направляющем* воздействии закона стоимости и товарно-денежных отношений при социализме на общественное производство в экономической литературе военного времени не встречается. В связи с этим можно сделать вывод о том, что окончательного и принципиального вывода о характере закона стоимости и роли товарно-денежных отношений при социализме экономистами сделано не было. Так, З.Атлас, сформулировав положение о том, что деньги в СССР «*выражают*» социалистические производственные

отношения, буквально тут же, словно испугавшись своего столь «радикального» вывода, добавляет, что, в конце концов, «деньги – инструмент буржуазной политики», « что мы используем деньги, мы взяли этот метод и инструмент буржуазной политики, а не что-либо иное, например, абстрактную единицу учета или расчетные знаки, которые не есть деньги. Мы приспособили деньги, их функции к интересам социализма, отнюдь не отбросили механически одни функции и сохранили другие функции – операция вообще невозможная, ибо деньги – это единство определенных функций, а не простая сумма их» [39].

В этих рассуждениях присутствует явная уступка традиционной для советских экономистов тех лет недооценке значения товарно-денежных отношений в развитии экономики. Взять «что-либо иное» кроме денег из «буржуазной политики» было невозможно по одной причине: ничего иного, кроме денег в капиталистическом хозяйстве и не было. А «*приспособление*» денег к интересам социализма после признания единства всех их функций вообще выглядит пустым. Но не это интересно. Заслуживает внимания аргументация З.Атлас в пользу идеи о том, что деньги *выражают* социалистические производственные отношения. «*Преобразованность*» денег автор видит в их «новом содержании», в том, что «все функции денег меняются принципиально именно потому, что коренным образом изменяется характер денег как социального института, как категории политической экономии, выражающей определенные производственные отношения» [40].

Но о каком принципиальном изменении функций денег идет речь, З.Атлас не пояснила. В качестве меры стоимости, средства платежа, средства накопления деньги выступали всегда. Вряд ли тут можно было обнаружить какое-то «принципиальное» изменение функций. А акцент на том, что преобразованный их характер состоит в том, что они выражают социалистические производственные отношения – схоластика.

Создается впечатление о том, что экономисты в исследовании роли товарно-денежных отношений и закона стоимости при социализме, как говорится, «ходили вокруг да около» и не говорили главного: товарно-денежные отношения и закон стоимости вовсе не «обслуживает» социалистическое хозяйство, а «определяет» его характер и социально-экономическую форму. А главное отличие товарно-денежных отношений при социализме заключается в их планомерном развитии, равно как и всей системы производственных

отношений. И здесь мы обнаруживаем интересную вещь: закон планомерного и пропорционального развития в системе экономических законов социализма определяет специфику, «*преобразованность*» закона стоимости, его «подчиненное» и служебное значение. Ничего подобного при капиталистической организации производства нет и быть не может. При капитализме главным регулятором социально-экономического развития в системе экономических законов выступает не закон планомерного развития, а именно закон стоимости. Отдельные примеры внутрифирменного и даже государственного планирования, как показала история, ничего не меняют в природе и характере капиталистической экономики.

Повышение внимания со стороны экономистов к социальному аспекту товарно-денежных отношений, социально-экономическому их содержанию, а также усиление интереса к конкретно-экономическому анализу механизма их функционирования свидетельствуют о постепенном преодолении рамок учетно-распределительной концепции, о продвижении к более полному и взвешенному пониманию сущности исследуемых явлений. Постановка З.Атласом вопроса о принципиальном изменении функций денег при социализме, а, следовательно, и выражающейся через эти функции сущности советских денег была, как нам представляется, весьма интересной и многообещающей. Конечно, такая постановка проблемы сопровождалась формальными ссылками на высказывания И.В.Сталина о том, что товарное производство и товарно-денежные отношения в СССР по своей природе не адекватны социализму, чужды ему, являются «родимыми пятнами» капитализма, что торговля и финансы – методы капиталистической экономики. И, тем не менее, основная мысль о том, что товарно-денежные отношения выражают социалистические производственные отношения, являются их составным элементом, не чужды социализму, была уже определенным *движением вперед*.

Таким образом, вопрос о допустимости товарно-денежных отношений при социализме их значения для дальнейшего наращивания темпов экономического строительства, благодаря развитию экономической науки, переводился из теоретико-методологической плоскости в плоскость их практического анализа. Естественно, в связи с этим возникали новые проблемы. Если меняется сущность денег, то являются ли *совзнаки* в буквальном смысле слова деньгами? Если изменяется сущность денег, то не изменяется ли сущность закона стоимости при социализме?

Эти вопросы в экономической науке первой половины 40-х годов только ставились, но оставались без ответа.

Характеризуя в 60-е годы XX века возможные пути решения противоречий в науке, известный отечественный философ Э.В.Ильенков писал, что не всякий способ их разрешения приводит к развитию теории, ибо «теория вообще существует только там, где есть сознательное и принципиально проведенное стремление понять все особенности явления как необходимые модификации одной и той же всеобщей конкретной субстанции, в данном случае – субстанции стоимости – живого человеческого труда [41].

В контексте этих суждений категоричные заявления о том, что если сущность явления (закона) изменяется, то это уже принципиально иное явление (закон) требуют разъяснений. Если сущность явления меняется кардинальным образом, тогда, конечно, данный вывод не вызывает сомнений. Но если сущность представлять не как элементарную реальность, а как сложную и диалектически многогранную реальность, тогда некоторые изменения в этой реальности отнюдь не означают изменения самого явления (закона). Когда-то научные представления об атоме также были элементарными, а атом считали едва ли не краеугольным и предельным основанием мироздания. Но спустя столетия обнаружилось, что атом представляет собой сложное образование, в структуре которого, помимо ядра, присутствуют электроны, протоны, нейтроны, мезоны и иные элементарные частицы. При сохранении ядра сущность (определенность) вещества сохраняется. И только при разрушении ядра эта сущность (определенность) меняется, равно как меняется и само вещество. Могут, конечно, быть и промежуточные изменения, которые когда-то Д.И.Менделеев назвал *периодическими.* Так, изменение количества электронов, вращающихся на своих орбитах вокруг атомного ядра, также обусловливают изменение характера вещества, его определенности (сущности).

Поэтому, даже сегодня, зная, например, теорию о многоступенчатости самой сущности Б.Кедрова, с высоты знаний современных наук, достаточно трудно ответить на поставленные выше вопросы. В частности, на вопрос, а меняется ли сама сущность закона стоимости в новых условиях хозяйствования, «преобразуется» ли она, или все-таки остается неизменной, строго определенной? Но формирование в первой половине 40-х годов XX века стремления понять изменение сущности закона стоимости в новых социально-

экономических условиях, выявить его специфику, разобраться в субстанции стоимости (которая как известно, представлена общественно-необходимыми затратами труда) – все это свидетельствует, на наш взгляд, о поступательном характере развития экономической науки.

Характерно, что даже через несколько лет после окончания войны, в феврале 1952 года И.В.Сталин, ссылаясь на свои «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года», заявлял: «В «Замечаниях» говорится, что предметы потребления являются товарами, являются ли ими средства производства? Если нет, то как объяснить применение хозрасчета в отраслях, производящих средства производства? Товары – это то, что свободно продается и покупается, как, например, хлеб, мясо и т.д. Наши средства производства нельзя по существу рассматривать как товары. Это – не предметы потребления, поступающие на рынок, которые покупает, кто хочет. Средства производства мы, собственно, распределяем» [42].

Из этого ответа видно, что И.В.Сталин не ответил на вопрос о том *как же следует объяснять* применение хозрасчета (а, следовательно, и действие закона стоимости, и товарно-денежные отношения) в сфере производства средств производства. Если сами средства производства, по словам И.В.Сталина, нельзя считать товарами, то спрашивается: зачем же нужна хозрасчетная организация их производства? А если признать, что средства производства, пускай и не через свободную торговлю, а лишь через специфический механизм государственного распределения, но все-таки участвуют в товарообороте, то как же тогда можно отрицать их товарную форму? Ведь в клиринговых или бартерных сделках, характерных для неразвитых форм товарного производства, обмениваются товары. Тем товарообмен, пускай даже простой и неразвитый, как раз и отличается от продуктообмена, в котором обращаются не принимающие товарной формы натуральные блага.

Очевидно, что приведенное заявление И.В.Сталина (1952 год) находится в *противоречии* с выводами З.Атласа (1945 год). Настойчивое утверждение И.В.Сталина о том, что товарный характер общественного производства не распространяется на производство средств производства было явно ошибочным и не соответствовало реальности – хозрасчетной его организации даже в годы войны, не говоря уже об условиях послевоенного мирного времени.

К чести З.Атласа, он не ограничивал товарное производство в СССР только производством предметов личного потребления, а выступал за более широкое понимание товарного характера социалистического производства. Он, в частности, писал: «В социалистическом обществе форма цены не обязательно связана с возможностью свободного отчуждения продуктов труда. Так, государственные жилые дома, фабрики, электростанции, железные дороги не могут продаваться и покупаться, и в то же время они имеют цену. Эта цена является ни чем иным, как денежным выражением стоимости. Поскольку же дом, пароход или машина имеют и стоимость, и потребительную стоимость, постольку они являются товарами, хотя и особого рода. Их особенность как товаров заключается в том, что они не сразу реализуют стоимость, но реализуют ее постепенно в виде амортизационных отчислений, включаемых в цену всех других товаров. Следовательно, основные фонды не только участвуют в процессе производства, но также совершают и процесс обращения в качестве элемента стоимости всех прочих товаров» [43].

Не ясно, почему автор данного суждения счел особенностью стоимости средств производства постепенность ее реализации. Товары личного потребления также реализуют свою стоимость постепенно: обувь, одежда, холодильники или телевизоры служат достаточно долгий срок. Поэтому ни о какой специфичности в данном вопросе не стоит говорить. Кроме того, сведение постепенного процесса реализации стоимости средств производства к простому накоплению амортизационных средств вряд ли правомерно. Сумма амортизационных средств, откладываемых предприятиями на капитальный ремонт или полную замену конкретных средств производства, конечно, может быть равна той, которую предприятие заплатило при приобретении (через систему государственного распределения), но вряд ли это обстоятельство может служить аргументом в пользу высказанной трактовки особенности стоимости основных фондов.

Во-первых, даже если предприятию удастся отложить за какой-то срок ту же сумму, в которую ему обошлось предыдущее приобретение станка, машины или парохода, оно не сможет на эти средства приобрести более производительное средство производства по той причине, что оно будет стоить дороже, а цена на него будет выше. Даже в случае снижения *стоимости* новых поколений машин или станков, цены на них будут тем выше, чем будет выше их

потребительная стоимость. Ведь цена не является тождеством стоимости, она отражает и динамику потребительной стоимости (полезности) продукта (товара). Не понимать этого З.Атлас не мог.

Во-вторых, даже в том случае, если сумма амортизационных отчислений, на которую З.Атлас предлагает раскладывать стоимость средства производства, окажется достаточной для проведения реновации, она все равно вряд ли может рассматриваться как *стоимость* в ее научном плане. Ведь через систему централизованного государственного распределения средства производства поступали предприятиям не по *стоимости*, а по отпускным ценам предприятий – производителей. Отсутствие торговой наценки отнюдь не означало, что те или средства производства поступали предприятиям - заказчикам по стоимости. Скорее правомерно вести речь о *себестоимости* распределяемых средств производства. А заявление о том, что цена того или иного, распределяемого через централизованную систему государственного материально-технического снабжения, средства производства «является ничем иным, как денежным выражением их стоимости» абсолютно безосновательны.

С позиций современной экономической науки и хозяйственной практики очевидна определенная уступка З.Атласа сталинским заявлениям, а также ошибочность мнения о том, что жилые дома, заводы и фабрики не могут покупаться и продаваться. Современность вносит свои коррективы в эти вопросы. Могут, конечно, возразить, что современные коррективы характеризуют уже не социалистическую, а капиталистическую экономику. Но ведь и при социализме существовали частные домовладения, которые можно было продавать. Ведь и при социализме люди торговали машинами и оборудованием. А разговоры о том, что это все делалось ради личного потребления, никого не могли обмануть.

Вывод И.В.Сталина о том, что средства производства в нашей стране не являются товаром, вступал в противоречие с действительностью. В сфере кооперативной собственности такие средства производства продавались и покупались, а между промышленными предприятиями в городе – они распределялись. Разница состояла в мере и степени влияния товарно-денежных отношений на механизм обеспечения субъектов хозяйственной практики необходимыми средствами производства.

Кроме того, заявление о товарном характере средств производства, сделанном З.Атлас, в свою очередь, также вступало в противоречие со сталинскими заявлениями на этот счет.

Определенным шагом вперед по сравнению с довоенными трактовками сущности денег при социализме и положение о диалектическом единстве всех их функций. Этот тезис можно рассматривать как предпосылку отхода советских экономистов от упрощенных и односторонних трактовок сущности и роли денег в социалистической экономике. Но в самом вопросе о соотношении основных функций денег экономическая наука не дала ничего нового по сравнению с выводами К.Маркса на этот счет. И только то обстоятельство, что высказанное советскими экономистами положение о диалектическом единстве функций денег в условиях социализма стало применяться в контексте постановки и решения конкретных проблем совершенствования товарно-денежных отношений в СССР (перестройки финансовой системы в годы войны, развития кредитных отношений, допущения коммерческой торговли, подготовки денежной реформы и т.д.), позволяет рассматривать данный тезис как свидетельство определенного развития отечественной экономической науки.

При этом, советские исследователи вполне резонно утверждали, что в основе денежной формы при социализме лежит товарная форма производства и его продукта, что денежная форма была бы бессодержательной и пустой, если бы не было отношений товарного обмена, рыночных отношений. Это создавало предпосылки для понимания того, в общем элементарного, но длительное время отрицавшегося в нашей экономической науке, положения, что закон стоимости *проявляется* как закон цен. По данному вопросу З.Атлас и Н.Вознесенский сформулировали вполне определенные суждения [44].

В целом, если суммировать аргументы советских экономистов в пользу существования товарно-денежных отношений при социализме, то они сводились к следующему:

- при социализме к началу сороковых годов XX века не был достигнут уровень производства, который обеспечивал бы каждому советскому человеку распределение по потребностям;
- сохранявшиеся в нашей стране существенные социально-экономические различия в труде, его неоднородность делали невозможным учет труда непосредственно в рабочем времени или каких-либо иных не денежных инструментах, поэтому актуальность именно стоимостного учета также сохранялась;

- существование двух основных форм социалистической собственности на средства производства – государственной и кооперативно-колхозной предполагала наличие товарно-денежных отношений, посредством которых осуществлялась связь между ними;
- сохранение значительных различий в технической вооруженности отдельных отраслей, в степени механизации, автоматизации, химизации и электрификации процессов труда также предполагала использование денежных инструментов для выравнивания фондовооруженности труда;
- процесс общественного разделения труда продолжался и углублялся, в связи с чем товарно-денежные отношения могли сыграть важную роль для развития специализации и кооперации;
- существование объективной необходимости в хозрасчетной организации производства, т.е. соблюдении его рентабельности, поскольку прибыль выполняла и продолжает выполнять даже в условиях военного времени стимулирующую роль в повышении производительности труда и повышении качества производимой продукции;
- развитие режима экономии, системы нормирования труда и его научной организации, а также сокращение издержек производства также предполагали сохранение товарно-денежных отношений при социализме в условиях военного времени.

Если сравнить совокупность этих аргументов с тем, что имело место в довоенный период, то заметно определенное продвижение экономической науки вперед в области аргументации необходимости сохранения и развития товарно-денежных отношений, углубление представлений советских экономистов о природе, сущности, характере и роли этих отношений при социализме, причинах их существования, методах и способах их развития.

Важное свидетельство в этом процессе – осознание экономистами того обстоятельства, что закон стоимости при социализме действует не только в сфере обращения товаров, но и в сфере организации производства. В связи с этим можно вспомнить о том, что Н.А.Вознесенский отмечал, что закон стоимости при социализме действует не только в обмене продуктов, но также, и даже в *первую очередь*, в распределении труда между отраслями народного хозяйства. По его мнению, государственный народнохозяйственный план должен учитывать и использовать действие закона стоимости для правильного распределения общественного труда между различными отраслями социалистической экономики в интересах

социалистического общества [45]. Фразеология, естественно, дежурная, но мысль вполне справедливая.

В свою очередь, З.Атлас подчеркивал, что «через обмен, цену и деньги реализуется регулируемая народнохозяйственным планом связь и единство непосредственно-общественного труда, расчлененного по отдельным отраслям, предприятиям и районам СССР» [46]. Если отбросить преждевременные заявления о сложившемся непосредственно-общественном характере труда в условиях военной экономики, то остальная часть суждения (о регулировании взаимосвязи между затратами труда в различных отраслях хозяйства) вполне достоверно.

Тесная увязка анализа закона стоимости с законом планомерного и пропорционального развития народного хозяйства при социализме позволяла советским экономистам первой половины 40-х годов XX века более глубоко и последовательно изучать вопрос о функциях самого закона стоимости в новых условиях. Так, К.В. Островитянов, в духе сталинских представлений по данному вопросу, выделял только *учетную* и *перераспределительную* функции закона стоимости. Он полагал, что *основной* является учетная функция, а *вторичной* – перераспределительная функции, которая проявляется в процессе перераспределения государством прибавочного продукта [47]. Но вот вопрос: чтобы что-то перераспределять сначала необходимо это нечто *распределить*. Чтобы что-то вернуть, сначала нужно что-то взять. Такова элементарная логика экономического, да и любого иного научного анализа. В суждениях же К.В.Островитянова речь идет об учетной и, затем, *сразу же* о *перераспределительной* функциях закона стоимости. То обстоятельство, что закон стоимости выполняет еще и распределительную функцию, экономист опускал, вероятно, потому, что эту роль выполняло само социалистическое государство. Иными словами, вопрос о роли объективного экономического закона – закона стоимости К.В.Островитянов толковал все-таки в духе субъективизма.

Но были и другие авторы, которые выделяли и другие функции закона стоимости. Д.Аллахвердян, например, особое внимание в своих работах уделил анализу *стимулирующей* функции закона стоимости. Он отметил, что этот закон «используется для стимулирования максимальной экономии материальных и денежных ресурсов, а также и труда, стимулирует борьбу предприятий за рентабельную работу, за сверхплановые накопления» [48]. Исходя из

широко популяризировавшегося в те времена тезиса И.В.Сталина о том, что «кроме ресурсов необходима еще способность мобилизовать эти ресурсы и умение правильно расходовать их» [49], именно эта функция (а не учетная, как считал К.В.Островитянов), как правило, «рассматривалась в качестве основной и с ее использованием, по существу, отождествлялось действие закона стоимости» [50].

Признание действия закона стоимости при социализме ставило в повестку дня экономической науки изучение других экономических законов в сфере товарно-денежных отношений: закона спроса и предложения, закона денежного обращения и др.

Именно Н.А.Вознесенский в годы войны наиболее последовательно обосновывал действие закона денежного обращения (количества денег, необходимых для обращения). Он отмечал, что избыток денежных средств в обращении стимулирует рост спроса, который, не находя достаточного предложения товаров, способствует снижению материальных стимулов к повышению производительности труда и росту рыночных цен [51].

З.Атлас, также рассматривая действие при социализме закона денежного обращения, подчеркивал необходимость непосредственного воздействия государства на денежное обращение через кассовый план Госбанка. Раз основные потоки денег проходят через Госбанк, то, по мнению З.Атласа, есть все основания для эффективного регулирования этих потоков. «Кассовое планирование – это специфическая, адекватная социалистическому способу производства форма непосредственного, прямого планирования оборота наличных денег в СССР» - писал этот автор [52]. Он ставил вопрос о развитии механизма денежного обращения в условиях военного хозяйства, отмечал, что организованность и централизация движения денежных потоков, государственное управление их движением, плановость – характерны для подавляющей части денежного оборота в социалистическом обществе.

Советские экономисты рассматривали проблемы денежного обращения не только применительно к условиям социалистической экономики, но и шире – в контексте общего мирового экономического развития. Они отмечали постепенную утрату золотом своих денежных функций. И это тем более интересно, что в условиях военного времени спрос на золото резко увеличился, и оно стало одним из наиболее привлекательных средств накопления и сохранения стоимости для граждан. Но при этом все другие его

функции как денежного товара атрофируются, что и позволяет делать вывод о превращении золота из денежного товара в простой товар.

Этому, отчасти, способствовало сокращение добычи золота в военное время. В 1940 году производство золота в капиталистическом мире достигло высшей точки – 1138 тонн. Следующие три десятилетия были трудными для золотодобычи. Мобилизация промышленности для нужд войны вызвала резкое сокращение добычи золота в США, Канаде и даже в Южной Африке. В 1942 году управление военного производства США дало указание временно вовсе законсервировать золотодобычу. Дело в том, что в условиях войны под влиянием инфляции произошел большой рост издержек на золотодобычу, тогда как официальная цена золота в долларах, закрепленная в 1934 году, оставалась неизменной до 1971 года. Добыча золота становилась все менее рентабельной. В 1945 году общий объем добытого в капиталистическом мире золота составил 654 тонны [53]. Данные о золотодобыче в СССР оказались строго засекреченными и по многим вопросам эти данные остаются секретными и до сих пор. Иное дело – вопрос о золотых запасах других стран. Еще на XVIII съезде ВКП(б) были оглашены официальные данные о золотых запасах капиталистических стран. Из этих данных следовало, что на сентябрь 1938 года Германия имела 26 тонн золота, США – 12 тыс. тонн, Англия – 3,6 тонн [54].

На фоне роста военного производства и сокращения золотодобычи в западном мире стала разворачиваться инфляция, исследованию которой отечественные экономисты уделяли внимание и в довоенный период. Пожалуй, единственной, и, безусловно, наиболее значительной работой по этой проблеме является книга Ф.И.Михалевского «Золото в период мировых войн» (1945). Он, в частности, отметил характерное для военной обстановки явление – отлив золота и территорий, охваченных военными действиями, в более безопасные места (США, Швейцарию и др.). По этому поводу он писал: «Наблюдая отлив золота из Европы, фашисты чувствовали то, что должны чувствовать громилы, наметившие квартиру для очередного налета и видящие, что из этой квартиры выносят ценные вещи» [55]. И тем не менее, фашистская Германия захватила в оккупированных странах около 1300 тонн золота [56]. Ради накопления золота, пускай даже и не в качестве денежного инструмента, а всего лишь стратегического ценного запаса, фашисты шли на самые чудовищные преступления. Чешский журналист В. Ферко рассказывал: по свидетельству одного из врачей

концентрационного лагеря Заксенхаузен, он лично осматривал заключенных на предмет наличия у них золотых коронок на зубах. А комендант Освенцима признавался, что буквально «через полчаса после уничтожения очередной партии заключенных в газовой камере специальная команда осматривала мертвых и выламывала у них золотые зубы» [57]. И это правда.

Автор этих строк еще в 70-е годы прошлого столетия дважды посетил мемориальный комплекс Освенцима и сам лично слышал подобные рассказы от выживших узников. В канун 65-й годовщины Великой Победы нашего народа над фашизмом обо всех этих преступлениях фашистов не лишне будет напомнить читателю. Чтобы не забывали. Чтобы помнили…

Погоня за золотом – отнюдь не единственная проблема в области товарно-денежных отношений военного времени. Еще более острой была проблема инфляции, а также растущих затрат на ведение войны. Эти проблемы в годы Великой Отечественной войны приходилось решать не только нам, но и другим странам. Как следствие этого в 1944 году было заключено Бреттон – Вудское соглашение, предусматривавшее создание Международного Валютного Фонда. Программы ряда видных западных экономистов, в том числе Дж.М.Кейнса, Л.Расмински и др., представленные в г.Бреттон – Вудс, свидетельствуют об обострении проблемы нормализации функционирования денежного обращения, об изменении роли государства в этой области, об усилении инфляции в военное время и постепенной подготовке в ряде стран к проведению реформ в области валютно-финансовых и кредитных отношений [58].

На эти обстоятельства указывали и некоторые советские экономисты. В уже упомянутой работе Ф.И.Михалевского по существу отмечено начало процесса демонетизации золота в годы войны [59]. Значительно место в советской экономической литературе 40-х годов занимал анализ противоречий капиталистической экономики, связанных с ростом монополий [60], монополистической конкуренции [61], кредитных отношений [62].

Не прошли мимо внимания советских экономистов и опубликованные в военное время исследования западных экономистов: Р.В.Кларка, А.К.Пигу, И.Ф.Фуллера, Г.В.Шпигеля, Ф.Цвейна и т.д.[63].

Но большинство работ отечественных экономистов в годы войны было все-таки посвящено не критике западных экономик и не

анализу проблем денежного обращения в западных странах, а вопросам развития и совершенствования денежного хозяйства в нашей стране.

Для стабилизации функционирования денежного хозяйства СССР в военных условиях большое значение имело создание финансовых резервов и всемерное развитие товарооборота в стране. Значительная часть финансовых резервов была создана в нашей стране еще до войны. Одним из каналов создания материальных и финансовых ресурсов была эмиссия денег Другим – максимальная экономия материальных ценностей. В период Великой Отечественной войны эмиссия денег как канал создания денежных резервов, в известной мере утратила свое значение, уступила место экономии и внутрипроизводственному накоплению [64]. Предложения о проведении дополнительной эмиссии принимались ЦК ВКП(б) очень неохотно, а если уже принимались, то с обязательным требованием, чтобы одновременно были представлены предложения по обеспечению возвратности выпускаемых денег [65].

В этом состояла отличительная черта регулирования денежного хозяйства в нашей стране, тогда как в западных странах дополнительная эмиссия оставалась все годы войны главным источником ее финансирования [66].

Это, однако, не означает, что в годы войны продолжался процесс сокращения массы денег, находящихся в обращении, который имел место в конце 30-х и начале 40-х годов. Справедливо, в целом, утверждение Р.А. Белоусова о том, что такое сокращение денежной массы в предвоенный период послужило «не только важным условием выравнивания спроса и предложения на рынке товаров для населения, а следовательно, и стимулом роста производительности труда, но и одним из способов создания денежных резервов государства» [67]. Но следует заметить, что сам этот процесс осуществлялся во многом внеэкономическими методами. Например, еще в 1930 году И.В.Сталин требовал «продолжить по всему СССР операции ОГПУ по изъятию мелкой монеты (серебряной)» [68]. В контексте такого подхода само утверждение о «выравнивании» спроса и предложения (в том числе на деньги) выглядит чисто условным.

В годы Великой Отечественной войны ни о каком *выравнивании* денежной массы в соответствии со спросом на денежные инструменты или на товары широкого потребления и средства производства вообще речь не шла. « Денежная масса за годы войны

увеличилась в 4 раза, тогда как объем розничного товарооборота уменьшился на две трети. Только за первый год войны количество денег в обращении увеличилось в 2,4 раза, в связи с чем значительно снизилось товарное обеспечение рубля, получил развитие инфляционный процесс. Жесткая карточная система формально держала стабильными цены на нормированные товары, тогда как на рынке они подскочили в 10-15 раз. Чтобы как то ликвидировать излишнюю массу денег в каналах обращения, правительство *устанавливает* рыночные цены в коммерческих магазинах. Тем саамы оно оказывает ценовое давление на потребительскую кооперацию. В этих условиях произошла сильная поляризация населения по доходам, которая была устранена уже после окончания войны, в ходе денежной реформы 1947 года. Тогда старые деньги обменивались на новые в пропорции 10:1» [68].

В военный период правительство вынуждено было прибегать к экспроприации драгоценных металлов и монеты из этих металлов для пополнения собственных денежных (валютных) резервов. А такие резервы были необходимы для того, чтобы расплачиваться с союзниками по ленд-лизу. О масштабах закупок нашей страной необходимых ей товаров по ленд-лизу свидетельствуют следующие цифры: в годы войны было закуплено до 10% от общего числа самолетов, до 12% - от общего числа танков и самоходно-артиллерийских установок, до 2% - артиллерийских орудий. В Советский Союз по ленд-лизу за годы войны поступило почти 2,6 млн. тонн нефтепродуктов, 422 тыс. полевых телефонов, свыше 15 млн. пар обуви (в основном, солдатских сапог), почти 70 млн. кВ. м шерстяных тканей, 4,3 млн. тонн продовольственных товаров [69].

Что же касается идеи «выравнивания» денежной массы в соответствии с совокупным спросом внутри страны, то оно было осуществлено не с помощью товарно-денежных инструментов, а с помощью все той же карточной системы и государственных норм потребления. Наиболее высокие нормы были установлены для рабочих, занятых в добывающей и химической промышленности, металлургии и на военных производствах. Они снабжались по *первой* категории: о 800 до1,2 кг хлеба в день. В других отраслях производства рабочие были отнесены ко второй категории и получали до 500 граммов хлеба в день. Служащие получали до 400 граммов хлеба, иждивенцы и дети до 12 лет – по 300-400 граммов хлеба в день. По обычной норме в месяц выдавали на одного

человека в среднем 1,8 кг мяса или рыбы, 400 граммов жиров, до 1, 3 кг макаронных или крупяных изделий, до 400 граммов сахара [70].

Экстраординарные способы пополнения золото – валютных резервов в военные годы были вынужденной мерой. По свидетельству А.Г.Зверева, значительная часть товаров поступала в военных условиях не к гражданскому населению, а в армию. Розничный товарооборот не обеспечивал удовлетворения спроса населения в продуктах даже первой необходимости. В результате деньги либо оставались на руках потребителей, либо переводились в карманы обладателей сельскохозяйственной продукции, или пополняли карманы спекулянтов. Но, так или иначе, они миновали государственную казну, что нарушало нормальное денежное обращение. Поэтому, чтобы обеспечить своевременную выдачу заработной платы рабочим, приходилось вновь и вновь прибегать к эмиссии [71].

Однако, частая эмиссия не позволяла провести санацию денежного обращения и дестабилизировала его. Именно поэтому вопросы строжайшей экономии финансовых и материальных ресурсов выдвигались в условиях военного времени на передний план. На это, кстати, нацеливали решения еще XVIII партийной конференции, констатировавшей нарастание трудностей в экономике, расточительно использование имеющихся ресурсов, неритмичность работы предприятий, частые простои оборудования, многочисленные нарушения производственной дисциплины и низкое качество выпускаемой продукции. Тем самым, еще до войны вопросы строжайшей экономии были признаны приоритетными.

В экономической литературе военного периода этот подход сохранился, что видно на примере отношения экономистов к вопросам денежного обращения. Здесь, кстати, необходимо оговориться. Отечественные экономисты первой половины 40-х годов употребляли два термина: «обращение» и «оборот». Для многих исследователей было весьма характерным заменять термин «обращение» более кратким словом «оборот». Они предпочитали говорить не о «товарном обращении» («денежном обращении»), а о «экономическом обороте», «товарном обороте» или «денежном обороте». При этом термин «оборот» понимался исследователями как более широкое понятие, чем термин «обращение». Так, З.Атлас писал: «Советский товарный оборот включает в себя две различные, но взаимосвязанные сферы обращения: во-первых, товарное обращение между социалистическими предприятиями и

хозяйственными организациями; во-вторых, товарное обращение в розничной сети и на колхозном рынке» [72].

Большинство отечественных экономистов в период войны продолжало исключать реализацию средств производства из товарного обмена, называя такую реализацию не торговлей, а именно «экономическим оборотом». Тем не менее, они вынуждены были признать, что закон стоимости оказывает свое воздействие как на процесс производства средств производства, так и на процесс их реализации («экономических оборот» этих средств производства). Действие закона стоимости увязывалось многими исследователями первой половины 40-х годов с действием других экономических законов, с анализом процесса производства и реализации предметов потребления и средств производства, с исследованием товарного и денежного *оборота-обращения.* Поэтому вполне можно согласиться с выводом о том, что развернутая характеристика закона стоимости при социализме была дана советскими экономистами именно в годы Великой Отечественной войны [73].

Среди проблем совершенствования товарного и денежного обращения особо подчеркивалась необходимость ускорения оборачиваемости средств, повышения эффективности их использования. Большой вклад в разработку данных проблем внес В.В.Новожилов (1892-1970), который еще в 1939 году опубликовал статью «Методы соизмерения народнохозяйственной эффективности плановых и проектных вариантов» [74]. В этой статье автор сформулировал идею экономической интерпретации множителей Лагранжа и дал трактовку экономических показателей эффективности капиталовложений через эти множители. По существу в этой работе содержались основные положения теории оптимального планирования капиталовложений. Однако, эта публикация оказалась незамеченной. В 1941 году В.В.Новожилов публикует статью «Практикуемые методы соизмерения себестоимости и вложений», в которой «проблема максимума эффекта вложения рассматривается как часть проблемы нахождения проектных вариантов, обеспечивающих минимум затрат общественного труда» [75].

Следует заметить, что «в атмосфере недоверия и косности мышления, царивших в среде большинства экономистов и направленных против применения математических методов в экономике, наша страна уступила свой приоритет в этой области зарубежным ученым» [76]. Вплоть до 1958 года применение

математических методов в экономических исследованиях в нашей стране встречалось «в штыки», примером чего является судьба работ В.В. Новожилова, публиковавшихся либо с большим опозданием, либо просто замалчивавшихся. Так, например, в 1946 году им была представлена работа «Методы измерения затрат в социалистическом хозяйстве». Эта работа была даже передана для ознакомления И.В.Сталину, но она также осталась без внимания [77].

Именно разработка методологии расчетов экономической эффективности в социалистическом хозяйстве позволяла ввести в практику планирования объективные научные метолы и критерии выбора лучших вариантов, основанные на измерении затрат и результатов и обеспечивающие общий народнохозяйственный эффект при минимуме затрат ресурсов. Но в годы господства командно-административной системы такие методы считались чем-то второстепенным и даже сомнительным.

В марте 1941 года В.В.Новожилов защищает докторскую диссертацию. Постепенно начинает формироваться теория затрат и результатов. Анализируя проблему затрат, ученый пришел к выводу о том, что принимаемые конкретные решения по реализации того или иного экономического проекта всегда имеют альтернативные варианты. Для достижения народнохозяйственной оптимальности в использовании ограниченных ресурсов необходимо учитывать в ценах потери, связанные с отказом от альтернативных вариантов использования ресурсов.

Следует признать, что создание подобных многовариантных моделей использования ограниченных ресурсов – дело сложное, требующее от экономической науки конкретных статистических исследований и непредвзятого, не ангажированного анализа реальных последствий тех управленческих решений, которые принимаются в области социально-экономического развития. Но такой анализ вступал в противоречие с субъективизмом и волюнтаризмом, которые были свойственны для принятия управленческих решений в годы правления И.В.Сталина. Поэтому нет ничего странного в том, что с 1929 по 1939 годы В.В.Новожилов вообще ничего не публиковал. В военное время, как мы уже отметили, В.В.Новожилов опубликовал несколько своих работ. Но после войны, когда сформулированные в военный период идеи ученого подверглись резкой критике, повторилась ситуация 20-х годов. В течение десяти лет В.В. Новожилов почти ничего не публикует [78]. Сам ученый позднее свидетельствовал: « Имею 4

статьи (опубликованные – К.С.) по этой теме – 1939-1947 гг. и 20 неопубликованных работ, которые составляют 94 п.л. Печатание было связано с общей неблагоприятной обстановкой для публикации научных работ по коренным экономическим проблемам, при которой даже законченные работы требовали проверки временем. Эта проверка подтвердила правильность основных положений, в частности необходимость учета морального износа оборудования при социализме» [79].

Но факт остается фактом: именно в военное время В.В.Новожилов *предложил* свою теорию оптимизации затрат.

Развитие статистики, которая была важным условием правильного планирования затрат и выпуска, в военные годы все-таки получила свое развитие. И не последнюю роль в этом сыграл другой крупный отечественный ученый В.С.Немчинов (1894-1964). Еще в 20 – 30-е годы он разнимался проблемами исследования социальной и экономической структуры социалистического общества. В основном его интересовали социально-экономические процессы, происходившие на селе. Предложенный ученым оригинальный способ применения комбинационных группировок крестьянских хозяйств для изучения классового состава деревни представлял собой определенное новаторство в развитии экономической статистики в 20-е годы XX века. С 1940 года В.С. Немчинов – директор Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева. Он продолжает заниматься вопросами экономической и производственной структуры общества, что нашло свое отражение в публикации вскоре после войны статьи «О критериях размещения культур и отраслей животноводства (1947). В этой статье содержался специальный раздел о структурообразующих условиях размещения производства (севообороты, системы земледелия, системы животноводства, сочетание отраслей в хозяйствах) [80].

Определенное значение имела публикация в 1945 году статьи «Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории», в которой автор обосновывал необходимость поиска способов приближения статистического наблюдения к прямому эксперименту. Эти идеи, высказанные в названной статье, нашли сое продолжение и в послевоенных работах ученого. В.С.Немчинов уделял большое внимание разработке методов объективного измерения и анализа хозяйственных явлений. Наибольшее значение в этой связи имели измерения при изучении производственных процессов на отдельных

сельскохозяйственных предприятиях, а также результатов, достигнутых в сельском хозяйстве.

В отличие от работ В.В.Новожилова, исследования В.С.Немчинова публиковали и были высоко оценены. Разработанный им метод нашел свое широкое распространение в работе Государственной инспекции по определению урожайности при СНК СССР. В предвоенные годы Государственной комиссией по сортоиспытанию зерновых культур и кафедрой статистики Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева под руководством В.С.Немчинова проводились исследования и разработка методов измерения различных агротехнических факторов урожайности. Естественно, что в годы войны обеспечение продовольствием армии и гражданского населения стало крайне актуальной задачей. Практически весь урожай колхозы и совхозы должны были сдавать в счет обязательных поставок государству. А уровень урожайности определялся плановыми органами, как правило, не на основе реальных данных об урожае, а примерно на 20-25% выше этих данных. За невыполнение планов руководителям хозяйств грозило строгое наказание, вплоть до тюремного, как за саботаж. После осуществления поставок зерна государству в хозяйствах часто не оставалось зерна для посевов. Сбор зерновых в 1942 и 1943 годах составил всего 30 млн. тонн, по сравнению с 95,5 млн. тонн в 1940 году [81]. Это – что касается иногда встречающихся утверждений о «высокой эффективности» военной экономики!

Поэтому результаты, полученные В.С.Немчиновым и его коллегами в этой области, в 1945 году были оценены по достоинству – ученые были удостоены Государственной премии II степени [82].

Но исследования В.В.Новожилова и В.С. Немчинова касались в большей степени вопросов планового управления в использовании ресурсов, хотя вопросы стоимостной их оценки и оценки эффективности их обращения здесь также, безусловно, присутствовали.

Но среди других актуальных проблем совершенствования товарно-денежного обращения и стоимостного учета эффективности использования финансовых и материальных ресурсов особенно подчеркивалась необходимость *ускорения* оборачиваемости средств. В связи с этим вопросы эмиссии денег, природы безналичных средств платежа, развития кредита и сокращения управленческих расходов, усиления режима экономики в сфере организации денежного обращения и подготовки новой денежной реформы

рассматривались многими экономистами в годы войны именно под углом зрения *ускорения* оборачиваемости средств и повышения через это эффективности функционирования всего денежного хозяйства в стране.

При этом, мнения советских экономистов по целому ряду конкретных вопросов порой не совпадали, что говорит об отсутствии единодушия во взглядах. Например, А.Зверев полагал, что «было бы глубокой ошибкой считать, что в условиях военной экономики возможности накопления снижаются, что для соблюдения жесткой экономии не всегда имеются необходимые предпосылки» [83]. Он утверждал, что даже в условиях тяжелой военной обстановки у предприятий имеются внутренние резервы для экономии и более эффективного использования наличных ресурсов и призывал совершенствовать методы учета и анализа использования этих ресурсов.

Определенные возражения против этого тезиса высказал Ш.Турецкий, отмечавший: «Если экономия явилась важнейшим фактором уменьшения издержек войны, то в отдельных отраслях народного хозяйства война обусловила повышение издержек производства. Сюда относятся: вынужденное использование относительно более дорогих видов сырья в отдельных отраслях промышленности, широкое использование древесного топлива и, в связи с этим, нерациональная эксплуатация части лесных богатств, дополнительные затраты чисто военного характера на предприятиях прифронтовых районов, противовоздушная оборона и др., удлинение дальности перевозок угля, удорожание перевозок» [84].

Различные точки зрения высказывали экономисты и по вопросу о природе безналичных средств на счетах предприятий в банках и о месте безналичных расчетов в системе денежного обращения или кредитного обслуживания. Здесь еще до войны сложилось две позиции. В соответствии с первой из них, депозиты не являлись денежными знаками и не рассматривались как таковые, потому что они представляли собой, как полагали отдельные экономисты, более сложную экономическую форму, относящуюся к сфере кредита. Следовательно, депозиты не совершают *денежное обращение* в буквальном смысле этого слова. Они совершают *кредитный оборот*. Разница между денежным обращением и кредитным оборотом усматривалась экономистами не только в конкретной (наличной или безналичной) форме движения денег, но и характере такого

движения (кредитный оборот предусматривал взимание процента, тогда как денежное обращение осуществлялось без такого взимания).

Согласно второй точке зрения, депозиты рассматривались экономистами как специфическая форма денег, как особенная разновидность денежных знаков и, одновременно, как форма кредитных отношений и инструмент осуществления кредитного оборота. Пока депозиты находятся в состоянии покоя, хранения в банке, они представляют собою денежные знаки в безналичной форме. Когда же депозиты привлекаются для конкретных расчетов между предприятиями по поставкам сырья и материалов, они уже выступают в качестве кредитных ресурсов, поскольку, в конечном счете, это – денежные средства государственного бюджета, выделенные государственным же предприятиям для решения поставленных государством *задач*. Значит – это не деньги, а кредитные средства. Нельзя же считать *деньгами* некие инструменты, которые государство перекладывает из одного своего кармана (государственного бюджета) в другой *свой же* карман (на счета государственных предприятий)! Следовательно, депозиты обслуживают и реализацию общественного продукта, и кредитный оборот [85].

В 1944 году В.М.Батырев, развивая эти представления, связанные с пониманием сущности финансов и природы и формы кредитных отношений в СССР, писал: «Госбанк не имеет перед собой «готовых» свободных ресурсов. Соответствующее высвобождение денежных ресурсов в хозяйственном обороте происходит лишь в процессе использования банковской ссуды заемщиком и выражается в добавочном оседании денежных резервов на счетах его поставщиков, финансовых органов, торговых организаций» [86].

Окончательный вывод В.М.Батырева состоял в том, что всякая ссуда представляет собой одновременно как эмиссию безналичных платежных средств, так и перераспределение временно свободных средств.

Эта точка зрения в определенной степени была близка к позиции Я.А.Кронрода, поддержавшего ее впоследствии.

Хотя эта концепция понимания природы кредитных отношений, сущности банковских ссуд, соотношения кредитного и денежного обращения была более последовательной, чем взгляды некоторых других экономистов, она все-таки не объясняла факт разнообразия источников кредитования и качества предоставляемых банком ссуд. Вся разница в характере ссуд и их источников, согласно этой концепции, сводилась к следующему: сначала осуществлялась

безналичная эмиссия, а только затем появлялось реальное обеспечение ссуд.

Значение позиции В.М.Батырева следует оценить в контексте того, что в 30 – 40-е годы XX века безналичные средства на счетах в банках трактовались некоторыми исследователями не как специфические денежные знаки, а как *замена* денежных знаков, *отказ* от них, как *право* требования определенных материальных ресурсов на эти *номинальные* заменители денег – долговые обязательства банка. Выполнение банками расчетов путем перечисления средств со счета на счет представлялось многим экономистам всего лишь как передача *долговых обязательств банка*, как *замещение* денег кредитом.

С этой точки зрения позиция В.М.Батырева имела определенное сходство со взглядами Ф.И.Михалевского, который выдвинул задачу изучения закономерностей перехода безналичных денег в наличную форму, рассматривал остатки на счетах в банках как форму денег, совершающих обращение, аналогичное обращению наличных денег [87].

Практическое значение решения этих теоретических вопросов состояло в определении оптимальной массы и структуры денег, необходимой для нормального денежного обращения. В такой форме ставился в военное время вопрос о единстве наличного и безналичного денежного оборота в частности, а закона стоимости в целом.

Не смотря на свертывание торговли, товарного обращения, товарно-денежных отношений в годы войны актуальность проблем совершенствования товарного и денежного обращения была более чем значительной. Тому ряд причин, среди которых важнейшая – скапливание избыточного количества денег в обращении со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это перенакопление денег в обращении происходило по разным причинам. Во-первых, из-за недостатков в самой политике ценообразования в годы войны; во-вторых, из-за выпуска значительной массы фальшивых денег на территории, оккупированной врагом; в-третьих, из-за сокращения товарооборота прежде всего за счет нехватки предметов широкого потребления; в-четвертых, из-за падения на первом этапе войны производительности труда в народном хозяйстве СССР; и т.д.

Война потребовала конкретных изменений во всех сферах экономической жизни, в том числе и в области денежного хозяйства. Достаточно вспомнить, что доходы государственного бюджета в 1942 году снизились на 50 млрд. руб. Для покрытия возросших расходов на оборону пришлось привлекать дополнительные

источники, одним из которых, среди всего прочего, и была дополнительная эмиссия. В самые напряженные дни войны до 60% бюджетных средств уходило на финансирование обороны [88].

Высочайшее напряжение, в котором оказалась вся финансовая системы страны, все товарно-денежные отношения, не могло не сказаться на себестоимости выпускаемой продукции, на уровне и соотношении оптовых и розничных цен. Известно, что себестоимость угля, металла, грузоперевозок в годы войны возрастала, а цены на них оставались более или менее стабильными. При этом у предприятий и строе возникали убытки, себестоимость выпускаемой ими продукции перешагивала даже уровень оптовых цен, а розничные цены абсолютно не отражали общественно-необходимые затраты труда. Конечно, труд политзаключенных был для государства крайне дешевым и позволял сдерживать цены, а их вклад в экономику страны был значительным. За 1941-1944 годы в системе НКВД было добыто 315 тонн золота, 6,5 тыс. тонн никеля, 8,9 млн. тонн угля и т.д.[89]. И хотя немалое количество ученых, инженеров, конструкторов трудилось в так называемых «шарашках», обеспечивая высокое качество и надежность советской боевой техники, все-таки следует помнить, что труд политзаключенных на девять десятых был в основном низко квалифицированным.

А рост себестоимости на сложную военную продукцию при стабильных закупочных ценах делал ее производство для предприятий, не входивших в систему ГУЛАГа, убыточным. Получалась странная вещь: для того, чтобы при проводимой сталинским руководством экономической политике обеспечить экономическое, а не только военное, преимущество нашей страны над агрессором, нужно было все народное хозяйство превратить чуть ли не в гулаговское.

Как бы там ни было, но цены на товары широкого потребления, прежде всего на продовольствие, в военное время резко возросли. Сложилась двойная система цен: в сфере нормированного карточного снабжения и в сфере свободной торговли. В 1944 году была организована «коммерческая государственная торговля» потребительскими товарами по повышенным ценам, что привело к росту индекса государственных розничных цен. Инфляция становилась несбалансированной, т.е. отдельные цены на отдельные группы товаров начинали расти быстрее, другие – медленнее.

Шестнадцатикратное увеличение цен на потребительские товары в системе «коммерческой государственной торговли» привело к

стихийному перераспределению денежных средств из города в деревню. Та самая стихия, которую отрицали при социализме ученые-теоретики, на практике оказалась совершенно реальной вещью.

Позднее, пытаясь дать стихийному характеру развития экономических процессов какое-то научное определение, Я.А.Кронрод (1912-1984) напишет: «Стихийность есть форма экономического движения в качестве спонтанной реализации действия объективных экономических законов, когда их действия складываются в результанту, заранее не только не предвиденную и не ожидаемую, но и вызываемую – и это главное – намеренными целеполагающими действиями субъектов экономических отношений» [90]. И далее: «Дело в том, что только планомерность заключает в себе возможность реализации экономического оптимума социалистического развития. Стихийность. Будучи развитием в форме «проб и ошибок» и, стало быть, развитием, которое достигается ценой громадных потерь материальных и трудовых ресурсов, такой оптимум исключает» [91].

Если принять во внимание такое понимание стихийности, то следует признать, что хотя оно и характеризовало реальную динамику товарно-денежных отношений и характер их действия в военное время, но это все-таки тоже было вполне определенным *развитием.*

Проблема соотношения стихийности и планомерности при социализме нашла свое непосредственное отражение в разработке теории и практики планового механизма ценообразования в военные годы, в подготовке к денежной реформе, в развитии кредитных отношений, в более тесной увязке народнохозяйственных планов с товарно-денежными отношениями. В полной мере решить проблемы сочетания плана и рынка, планового управления и товарно-денежных отношений в условиях военного времени, естественно, было крайне сложно. Да этого и не получилось. Оправдывая нерешенность этих проблем, А.Г.Зверев писал, что все предлагавшиеся на этот счет реформы были с самого начала мертворожденными». Защищая реформы 1930 года, нацеленные на существенное сокращение роли товарно-денежных отношений в социалистической экономике и проводя параллель между ними и военной экономикой, он утверждал, что «хороша та реформа, которая ускоряет реализацию продукции и обращение товарно-материальных ценностей, способствует росту товарооборота, упрощает доставку товара от

производителя к потребителю, не нарушая в целом социалистического характера финансовых отношений» [92].

Характеризуя взгляды А.Г.Зверева, следует подчеркнуть, что он был сторонником максимальной централизации и обобществления в области финансов, последовательным защитником усиления государственного регулирования товарно-денежных отношений. Но, и это также необходимо отметить, усиление централизма и государственного вмешательства в сферу товарно-денежных отношений А.Г.Зверев совершенно необоснованно отождествлял с социализмом как таковым, с социалистическим характером финансовой системы при социализме. Он игнорировал тот факт, что социализм представляет собой общество, в котором государство осуществляет свою экономическую политику в интересах *всех и каждого*, а не в интересах *определенных* категорий граждан. Рассматривать в качестве *социалистического* общества систему, в которой существовал ГУЛАГ, нельзя. Такой консервативный подход не позволял руководителям типа А.Г.Зверева ставить и успешно решать действительно серьезные вопросы обновления (модернизации) финансовой системы в стране. Поэтому нет ровным счетом ничего удивительного в том, что А.Г.Зверев рассматривал как *преимущество социализма* то обстоятельство, что «ни финансы в целом. Ни денежно-кредитная политика СССР не претерпели в годы Великой Отечественной войны принципиальных изменений» [93].

Но на самом деле, на наш взгляд, все обстояло несколько иначе. Введение «коммерческой государственной торговли»; сокращение доли национального дохода, идущей на личное потребление граждан; снижение процентной ставки по государственным займам; увеличение сроков кредитования населения; упразднение коллективного страхования и замена его индивидуальным страхованием; изъятие подавляющей части прибыли предприятий в госбюджет; ликвидация фонда директора на предприятиях и фактическое разрушение материального стимулирования; введение специального военного налога и увеличение надбавок по подоходному налогу; введение налога с холостяков, одиноких и бездетных граждан; увеличение более чем в два раза объемов выпускаемых государственных внутренних займов; снижение банками норм остатков оборотных средств предприятий на счетах; развитие практики мобилизации средств для увеличения доходной части госбюджета; расширение практики создания подсобных

хозяйств предприятий и граждан – все это изменения принципиального порядка.

Конечно, если проанализировать эти изменения внимательно, то становится очевидной их определенная разнонаправленность. Она отражает взаимодействие двух основных тенденций в развитии любой экономической системы: тенденции к демократизации и тенденцию к централизации. В условиях войны преобладала последняя тенденция, проявлявшая себя, помимо всего прочего, в милитаризации всей экономики страны. Негативные последствия такой тенденции как раз и были связаны с усилением стихийности в развитии экономических процессов, от которых, казалось бы, централизация должна была уберечь народное хозяйство СССР.

Представляется, что негативные последствия конкретных изменений в экономической политике, проводившейся в нашей стране в военное время все еще остаются слабо изученными.

Так, снижение цен на военную продукцию за счет изъятия в распоряжение государственного (союзного) бюджета крупной экономии, полученной от сокращения расходов по бюджетам союзных республик, за счет ликвидации различных фондов, имевшихся в народном хозяйстве, за счет отмены ряда льгот и т.д. привело к тому, что оказались разрушенными сложившаяся еще в довоенный период кооперационные взаимосвязи между производителями, серьезно расстроилась система материально-технического снабжения в стране, обострилась проблема *ножниц цен*, ослабла взаимосвязь между товарно-денежными отношениями и планом. Попытки стабилизировать заготовительные цены на зерно и продукцию животноводства не только не способствовали оздоровлению товарного и денежного обращения в стране, но и усугубили положение, способствовали развязыванию элементов стихии в экономике, тормозили укрепление рубля [94].

Конечно, не только определенные просчеты в осуществлении государственной политики цен стали причиной нарушения сбалансированности товарно-денежных отношений в нашей стране. Здесь, безусловно, сказывались и *внешние* факторы, например широкая практика выпуска фальшивых денег. Об этом стоит сказать отдельно.

Еще 28 мая 1941 года, т.е. до нападения фашистской Германии на Советский Союз в Берлине состоялось закрытое совещание, на котором присутствовали имперский министр экономики и президент имперского банка Германии Вальтер Функ, рейхсляйтер Розенберг,

директор рейхсбанка Вильгельм и ряд других высокопоставленных бонз. Обсуждался секретный план «Андреас», суть которого состояла в подрыве экономической стабильности ряда стран мира, прежде всего Великобритании и Советского Союза, за счет массового выпуска и использования фальшивых фунтов стерлингов и рублей. На этом совещании было зафиксировано следующее: «Необходимо позаботиться о том, чтобы располагать достаточными средствами в рублях. Рубли следует печатать в Германии, а также использовать изготовленные клише, которые могут пригодиться как в войсках, так и для самых различных закупок. Установить при этом обменный курс рубля к рейхсмарке будет весьма затруднительно. Необходимо учитывать инфляцию, которая может возникнуть из-за новых рублевых денег... Надо считаться с тем, что русские, отступая, будут увозить с собой максимальное количество настоящих денег и что может сложиться ситуация, когда не будет и клише для изготовления рублей... Обербургомистр Берлина Винклер предлагает изготовлять уже сейчас рубли в Германии в необходимом объеме и предоставлять их в распоряжение военных, используя ротационные машины. Он вопрос изучил и пришел к выводу, что с выполнением этой задачи могут справиться частные типографии. Конечно, бумага не будет соответствовать оригиналу, и населению надо будет объяснить, что русские деньги были вывезены и потому пришлось максимально быстро изготовлять деньги в Германии.

Директор рейхсбанка Вильгельм попросил, чтобы рейхсбанк нив коем случае не фигурировал в деле об изготовлении рублевых ассигнаций. Нельзя допустить, чтобы рейхсбанк могли упрекнуть в изготовлении фальшивых денег. Для проведения этих мероприятий должна быть создана специальная организация» [95].

Советские рубли в годы войны изготовлялись в типографии «Август Петрик» и вбрасывались на территорию, оккупированную врагом, а также и в наш тыл. В рамках плана «Бернгард», эта практика была поставлена на широкую «индустриальную» ногу. В концентрационном лагере Заксенхаузен, что в 30 км севернее Берлина, была создана специальная команда фальшивомонетчиков из числа заключенных, типографских рабочих, граверов, художников, банковских служащих и т.д. Точных данных о масштабах напечатанных советских рублей сведений нет, но наводят на определенные размышления данные о масштабах фальсификации хотя бы английских фунтов стерлингов. По имеющимся подсчетам, с

1942 по 1945 годы только в этом концентрационном лагере было изготовлено 134610810 фальшивых фунтов стерлингов [96].

Фашистами изготавливались не только фальшивые фунты стерлинги и рубли, но и доллары (в концлагере Эбензее) и другая валюта.

Излишне оптимистично суждение о том, что «эти действия германских оккупационных властей, цинично попиравших нормы международного права, на деле, были, вероятно, излишними. Среди тех, кто выжил на оккупированной территории Советского Союза, господствовало натуральное хозяйство» [97]. Натуральный характер хозяйства на оккупированной врагом территории не исчерпывал на них всей хозяйственной деятельности. Кроме того, заброс фальшивых денег осуществлялся с помощью диверсионных групп и не на оккупированную территорию нашей страны.

О товарно-денежном характере хозяйства на оккупированных врагом территориях СССР свидетельствуют многие факты и события тех лет. Например, в 1942 году между крупнейшими концернами Флика и Круппа развернулась ожесточенная конкурентная борьба за влияние на рижском заводе «Феникс» [98]. Кроме того, интересны мероприятия оккупационных властей по организации работы промышленных предприятий на Украине, в частности, завода «Азовсталь» в Мариуполе, Новокраматорского машиностроительного завода, паровозостроительного завода в Луганске и других предприятий, которые не удалось в полной мере эвакуировать на восток страны [99].

Другой внешний фактор, способствовавший разбалансированию товарно-денежных отношений в стране в годы войны, связан с партизанским движением. Известно, что партизанское движение было направлено на нанесение максимального урона немецко-фашистским агрессорам. Но этот урон был связан, прежде всего, с нанесением максимально возможного материального ущерба, который имел двойной эффект: пока территория была оккупированной, он ложился на оккупационные власти, но после освобождения территорий он перекладывался на советские органы власти. О масштабах такого материального ущерба, наносившегося партизанским движением, можно судить по признанию бывшего начальника транспортного отдела армий «Центр» Г.Теске, который докладывал, что только в июне 1943 года в тылу этой армий партизанами было подорвано 44 моста, повреждено 298 паровозов, 1223 вагона [100]. В результате «рельсовой войны», организованной советскими партизанами, только летом и осенью 1943 года было

уничтожено 363262 рельса или 2270 километров железнодорожных путей. В целом, за годы войны партизанами было произведено боле 20 тысяч крушений поездов, взорвано 120 тысяч рельсов, сожжено и выведено из строя около 42 тысяч автомашин и мотоциклов, разрушено или повреждено 2 тысячи железнодорожных мостов, выведено из строя 10 тысяч паровозов, 110 тысяч вагонов, платформ и цистерн [101].

Естественно, что этот ущерб, в конечном счете, пришлось ликвидировать нам самим. При этом нельзя односторонне подходить к оценке этого ущерба как однозначным потерям советского хозяйства. В результате партизанских действий было спасено, по меньшей мере, 120 миллионов тонн награбленного имущества. Значение партизанских действий признавали и западные исследователи. Дж.Фуллер в своей книге «Вторая мировая война» писал: «На огромных пространствах, через которые проходили коммуникации, партизанские отряды играли такую же роль, как стаи подводных лодок в Атлантическом океане» [102]. С этим суждением можно согласиться, но с одной оговоркой: подводные лодки пускали на дно грузы, перевозившиеся через Атлантику, а советские партизаны значительную часть грузов, вывозившихся оккупантами из нашей страны, *спасали* и *возвращали* обратно.

Необходимо, также, отметить и еще один внешний фактор, который оказал свое негативное влияние на разбалансирование товарно-денежных отношений в нашей стране и существенно ограничивал эффект от принимаемых мер по их стабилизации и развитию. Речь идет о прямых масштабах грабежа нашей экономики, о колоссальных размерах тех материальных ресурсов, которые фашисты успели вывезти в Германию. Достаточно вспомнить, что на территории Советского Союза, подвергшейся оккупации, общий выпуск промышленной продукции составлял 46 млрд. руб. (в неизменных государственных ценах 1926-1927 годов), было 109 млн. голов скота, в том числе 31 млн. голов крупного рогатого скота, 12 млн. лошадей и т.д. Немецко-фашистские захватчики 31850 промышленных предприятий, уничтожили или вывезли 239 тыс. электромоторов, 175 тыс. металлорежущих станков; разрушили 65 тыс. километров железных дорог, 4100 железнодорожные станции; разорили 98 тыс. колхозов и 1876 совхозов; угнали в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. голов свиней, 27 млн. коз и овец, 110 млн. голов домашней птицы [103]. Этот далеко не полный

перечень нанесенного фашистами ущерба дает представления о масштабах сокращения материальных ресурсов и, соответственно, товарной массы в хозяйственном обороте нашей страны в военный период. При таком огромном ущербе рост цен на многие товары становился в условиях военного времени просто неизбежным, и объяснять этот рост только субъективизмом в принятии соответствующих управленческих решений было бы совершенно не верно.

Анализируя проблемы товарного и денежного обращения в годы Великой Отечественной войны, советские экономисты отмечали уменьшение роли налога с оборота и отчислений от прибыли промышленных предприятий (особенно в легких отраслях промышленности) в пополнении доходной части государственного бюджета [104], нарастание диспропорции между снижением цен на военную продукцию и значительным ростом спроса на нее [105], сложности в обеспечении устойчиво низких цен на военную продукцию и товары широкого потребления, распределявшиеся через карточную систему. При этом, само снижение цен большинство экономистов рассматривали как преимущество нашей системы хозяйства, явление, невозможное при капитализме, без должной оценки имевшихся негативных последствий.

В экономической литературе военного времени господствовал известный стереотип мышления, подмеченный в свое время Дж.К.Гэлбрейтом при анализе имевших в США в военное время и позже попыток установить действенный государственный контроль за ценами: «Отношение к растущим ценам остается отрицательным, они являются признаком неправильного или некомпетентного руководства» [106].

Перечисленные нами выше внешние факторы, оказывавшие влияние на ценообразование в военное время, думается, перечеркивают заявления об исключительно «неправильном» и «некомпетентном» руководстве.

Учитывая, что рост цен не может продолжаться до бесконечности и не соответствует задачам построения социализма в СССР, И.В.Сталин мысли «поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары» [107]. Высказанное буквально сразу же после
окончания войны, в отрыве от реального состояния отечественной экономики, это заявление имело в большей степени пропагандистский характер. В нем, как представляется, сказалась недооценка И.В.Сталиным закона стоимости, определенное

недопонимание того, что в основе изменения цен лежат не субъективные желания представителей власти, а объективные экономические условия.

В последующие годы хозяйственная практика показала, что *неуклонного* снижения цен, да еще на *все* товары без исключения, да еще и *сразу*, как это преподносилось пропагандой тех лет, не получилось. Но необходимо подчеркнуть, что лично И.В.Сталин никогда и нигде и не предлагал снижать цены *сразу* и на *все* товары. Он вел речь о необходимости последовательного снижения цен. И эти его намерения были в послевоенное время осуществлены. Вплоть до конца 1947 года сохранялась карточная система на продукты питания и промышленные товары для населения. Ее предполагалось отметить сразу же после окончания войны, но из-за засухи и неурожая 1946 года этого не произошло. И тем не менее, наша страна стала *первой* из стран, которые отменили введенную в годы войны карточную систему.

Но прежде чем отменить карточную систему, правительство установило государственные цены на продукты питания и отменило карточные (пайковые) и коммерческие цены на них.

В историко-экономической литературе дается разная оценка денежной ценовой реформе 1947 года. Т.М.Тимошина, например, отмечает в качестве результата этой реформы общий рост цен на товары широкого потребления: «Стоимость основных продовольственных продуктов для городского населения выросла. Так, цена 1 кг черного хлеба по карточкам была 1 руб., а стала 3 руб. 40 коп., цена 1 кг мяса выросла с 14 до 30 руб., сахара – с 5,5 до 15 руб., сливочного масла – с 28 до 66 руб., молока – с 2,5 до 8 руб. При этом минимальная заработная плата составляла 300 руб., средняя заработная плата в 1946 году равнялась 475 руб., в 1947 году – 550 руб. в месяц. Правда, для низко - и среднеоплачиваемых категорий рабочих и служащих устанавливались так называемые «хлебные надбавки» в среднем около 110 руб. в месяц» [108]. При этом, Т.М.Тимошина ссылается на весьма тенденциозный «источник» [109] и не дает себе труда обратиться к каким-либо иным источникам.

Однако, есть и другие оценки. Так, П.И.Лященко отмечал: «»Одновременно с отменой карточной системы были отменены высокие коммерческие цены и осуществлен переход к продаже товаров по единым государственным ценам. Значительно повысилась покупательная сила рубля… В связи с подготовкой к

отмене карточной системы и переходу к открытой торговле по единым ценам государственными и кооперативными организациями в 1947 году было открыто 55 тыс. новых магазинов, палаток и ларьков... В результате этих мероприятий значительно увеличилась продажа продовольственных и промышленных товаров в розничной государственной и кооперативной торговле. От снижения государственных розничных цен и последовавшего снижения цен в кооперативной торговле и на колхозном рынке население выиграло в течение года 86 млрд. руб. Покупательная сила рубля повысилась в 2 раза, реальная заработная плата рабочих и служащих возросла более чем вдвое» [110].

Если отбросить идеологические пристрастия, то в качестве объективного критерия для оценки реформы цен 1947 года следует брать динамику спроса и объем продаж товаров. Их постоянный рост свидетельствуют о вполне успешном характере этой реформы.

Но, в контексте предмета исследования в данной работе, интересным является то обстоятельство, что разработка основных вопросов будущей реформы цен, а также и денежной реформы 1947 года были начаты еще в годы войны. Именно в военное время некоторые экономисты взвешенно подходили к оценке действовавшей тогда системе ценообразования, выявляли ее «узкие» места и конкретные возможности улучшения. Утверждая, что через цены реализуется связь между планом и рынком, между производителем и потребителем, З.Атлас, например, отмечал, что государство не может произвольно устанавливать цены, что их установление и варьирование должно происходить в рамках закона стоимости [111]. Автор сделал вывод об активном обратном воздействии, которое процесс обмена оказывает на производство. Он подчеркнул актуальность изучения законов денежного обращения в единстве с законом спроса и предложения.

В довоенный период традиционно считалось, что спрос *опережает* предложение и поэтому всегда *превышает* его. Действительно, для того, чтобы товаропроизводитель начал производство каких-либо товаров, потребитель должен быть заинтересован в них. Игра «вслепую», на «авось» ведет к разорению товаропроизводителя. Именно такое толкование закона спроса и предложения было широко распространено в советской экономической литературе с начала 30-х годов и до середины 50-х годов. Оно как бы закрепляло отставание предложения от спроса, чем создавалась база для дефицита. Такая постановка была ошибочной, основывалась на концепции о

возможности реализации при социализме любого товара (в силу превышения спроса на него над его предложением). Тем самым как бы исключалась угроза кризисов перепроизводства, которые время от времени сотрясали национальные экономики капиталистических стран. Но, с идеологической точки зрения, такая постановка вопроса о действии при социализме закона спроса и предложения фактически оправдывала постоянное отставание темпов развития производства от роста платежеспособного спроса [112].

Следует, однако, уточнить вывод о том, что критика данной концепции отечественными экономистами была дана только в середине 50-х годов XX века. Свидетельством пересмотра этой концепции и критического к ней отношения уже в первой половине 40-х годов является ее анализ, данный в работах Н.А.Вознесенского, З.В.Атласа, А.Г.Зверева и некоторых других экономистов. В результате этих исследований подготовка к осуществлению денежной реформы 1947 года началась уже в военное время. А, если быть точнее, с конца 1943 года [113]. Эта подготовка проводилась с учетом необходимости некоторого превышения предложения товаров над спросом на них [114]. Естественно, что при осуществлении этой реформы необходимо было учитывать то, что сегодня называется *отложенным* или *аккумулированным* спросом. Именно в связи с этим в стране была начата практика создания государственных резервов (стратегических запасов), необходимых как в годы войны, так и в послевоенное время. Эта практика способствовала, на наш взгляд, преодолению концепции о необходимости превышения спроса над предложением как естественном проявлении самого закона спроса и предложения.

Идея о превышении предложения товаров над их спросом основывалась не только на аккумулированном спросе на товары широкого потребления в военные годы или на задаче создания государственных стратегических запасов определенных товаров. Важное значение здесь имела и другая задача – с помощью некоторого опережающего производства товаров удерживать цены, не допустить раскрутки ценовой спирали. Современным критикам сталинской экономической политики следовало бы изучить более подробно и беспристрастно те меры, которые в военные и послевоенные годы предпринимались в нашей стране для борьбы с инфляцией ростом цен.

Сложность решения проблемы правильного соотношения спроса и предложения обусловливалась тем, что, не смотря на некоторый рост

розничного товарооборота в конце войны и в послевоенные годы, его масштабы все же были ниже, чем до войны, а на нормированном снабжении к концу войны находилось 76,8 млн. человек [115].

Кроме того, в годы войны просто не представлялось возможным провести калькуляцию отложенного спроса населения на товары широкого потребления. Миграция населения, обусловленная военной обстановкой, а также резкое сокращение населения в годы войны вносили элемент неопределенности в любые попытки осуществления данной калькуляции. На территории СССР, оккупированной врагом, проживало до войны 88 млн. человек, В годы войны оказались лишенными крова более 25 млн. человек [116]. В годы войны было угнано в Германию огромное количество наших граждан, многие из них попали в плен. Немецкие власти сами признавались в том, что только с июля 1941 по февраль 1942 года в их распоряжении оказалось 3,9 млн. военнопленных русских, из которых выжило 1, 1 млн. человек. Ежедневно в Германию вывозилось от 8 до 10 тыс. человек [117].

Возникал вопрос о том, как учитывать отложенный спрос этой категории наших граждан при определении пропорций между спросом и предложением и общих объемов выпуска товарной продукции в военное время.

Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что задачи упразднения карточной системы, ликвидации перераспределения национального дохода в пользу военного производства плохо согласовывалось с прежними представлениями о необходимости жесткого нормирования и регламентации производства и распределения. Тем более, что во весь рост вставала проблема восстановления и развития промышленности. Известно, что объем промышленной продукции уже в 1950 году составил 205 млрд. рублей против 138,5 млрд. рублей в 1940 году, а снижение себестоимости промышленной продукции составило 17% по сравнению с 1945 годом [118]. Ясно, что такие достижения не могли быть осуществлены без четкой регламентации и регулирования со стороны государства.

Но факто остается фактом. Сформировавшийся в годы Великой Отечественной войны колоссальный неудовлетворенный платежеспособный спрос населения на товары широкого потребления являлся важнейшей объективной базой для преодоления прежних представлений о естественном характере опережения спроса над предложением. Учитывая это, И.В.Сталин заявил, что

«особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления» [119].

Особый вопрос – подготовка *денежной реформы* 1947 года. Эта подготовка, как уже было отмечено, началась в военное время и осуществлялась в строжайшей тайне. А.Г.Зверев вспоминает, как однажды, в то время когда Советское правительство было в эвакуации в Куйбышеве, его в Кремль вызвал И.В.Сталин и, помимо всего прочего, речь зашла о подготовке денежной реформы [120].

Сам по себе факт подготовки денежной реформы в военное время – явление не исключительное. Решение о проведении денежной реформы было принято в апреле 1945 года во Франции, в октябре того же года она была проведена в Бельгии и т.д. [121].

Если говорить в более общем плане, то в 1944 году была создана Бреттон-Вудская валютная система, согласно которой роль мировых денег наряду с золотом стал выполнять американский доллар. Интересно, что новая система валютных взаимоотношений между странами была создана именно в военное время, когда США сосредоточили у себя три четверти всего золотого запаса капиталистических стран [122].

Главная причина национальных и международной денежных реформ, осуществленных в военное время, была связана с ростом инфляции и обесцениваем национальных валют. За годы войны объем денежного обращения увеличился на 170% – с 1,64 млрд. ф.ст. до 4,42 млрд. ф.ст. [123]. На практике, как оказалось, капиталистическим странам не удалось воплотить в жизнь постулат Дж.М.Кейнса о финансировании войны при *минимальном* уровне инфляции [124]. В Советском Союзе эта идея в определенном смысле была реализована, хотя далеко и не «рыночными» методами. Отношение к этим методам в нашем обществе достаточно критичное. Но интересен тот факт, что английские избиратели, «прокатив» У.Черчилля на выборах в 1945 году, высказали свое желание получить именно *социалистическую* программу послевоенного развития экономики [125]. «Абстрактные проблемы типа «контроль или свобода» оказались слишком далеки от местных улиц и заводов. Люди захотели говорить об «изобилии» жилищного строительства, пенсионного обеспечения и о том, что ожидает демобилизованных» [126].

В контексте отмеченных выше обстоятельств начало подготовки денежной реформы в 1943 году не вызывает каких-либо удивлений. Но, чтобы быть более конкретным, сошлемся на слова известного

современного отечественного экономиста и знатока российской экономической истории В.Л.Перламутрова. Он пишет: « Следующая реформа, 1947 г., планировалась во время войны. Зверев вспоминает, что в самом конце 1943 г., поздно ночью у него дома раздался телефонный звонок. Снял трубку – звонил Сталин, который тогда только что вернулся с конференции в Тегеране, а там было ясно решено, что раньше или позже, но Германии – капут. Извинился за поздний звонок и спросил, не задумывался ли Зверев о послевоенной денежной реформе? У Зверева просто челюсть отвисла – он ожидал любого вопроса, но не этого. Только что Киев у немцев отбили, до ближайшей границы еще идти и идти, а у него спрашивают о послевоенной денежной реформе! Но, конечно, ответил, что задумывался. Сталин дальше спрашивает: «А делились ли с кем-нибудь своими соображениями?» Надо сказать, что болтунов Сталин не любил, и Зверев, поэтому, ответил, что нет, ни с кем не делился. «А со мной можете поделиться?» – , продолжает Сталин. И вот сорок минут пришлось Звереву экспромтом беседовать на эту тему по телефону, а через некоторое, очень короткое время Сталин вызвал его к себе уже с конкретными предложениями и планом» [127].

Но обстановка строжайшей секретности, отказ от привлечения ученых-экономистов к ее подготовке, кулуарный и чисто административный подход к организации этого мероприятия привели к тому, что многие вопросы организации и практического осуществления реформы в нашей стране не были достаточно проработаны и обсуждены. Среди таких вопросов можно отметить следующие: сроки и порядок проведения реформы; пропорции и механизм обмена старых денег на новые; товарное покрытие и золотое обеспечение новых денежных единиц; практическая калькуляция их реальной покупательной способности; объем новой эмиссии и т.д. Экономическая наука оказалась вынужденной лишь комментировать уже совершающийся факт. Это – свидетельство неконструктивного, часто даже пренебрежительного отношения политического руководства страны к экономической науке, ее явной недооценки. С сожалением приходится признать, что и спустя шестьдесят пять лет после окончания войны, это отношение во многом остается аналогичным и типичным для нашей страны.

Думается, что в случае использования имевшегося в СССР в те годы научного потенциала и при широком публичном обсуждении всех аспектов проведения денежной реформы, можно было бы

избежать имевших место в подготовке и реализации этого мероприятия просчетов и ошибок.

Важно подчеркнуть, что ксенофобия и изоляционизм, искусственно внедрявшиеся в сознание советских людей после знаменитой Фултоновской речи У.Черчилля, а также бюрократический тип принятия столь важных управленческих решений, каким являлось осуществление денежной реформы 1947 года, не способствовали соблюдению оптимальных условий проведения реформы. Справедливо суждение о том, что «нельзя выпадать из общего развития и изолироваться. В сталинское время богатство природных ресурсов позволило использовать национальное богатство как геополитический фактор. Но затем, в 80-е годы обнаружилась полная неэффективность существующего социалистического хозяйства» [128].

В силу упомянутого выше изоляционизма (степень которого, однако, в военное время была существенно ниже, чем после начала холодной войны) были упущены конкретные возможности международного сотрудничества в области подготовки и проведения денежной реформы в нашей стране. В частности, СССР так и не вернул себе золото , принадлежавшее вошедшим в его состав прибалтийским государствам. Вывезенное накануне Второй мировой войны, оно под разными благовидными предлогами продолжало храниться в британских банках и после окончания войны [129]. И только в 1968 году, по межправительственному соглашению, вопрос о «прибалтийском советском золоте» был «урегулирован»: оно осталось окончательно в британских банках в счет «покрытия» претензий известной английской компании «Лена Голдфилдс» (Lena Goldfiels C° Ltd.), созданной еще до революции и владевшей некогда контрольным пакетом акций российских Ленских рудников. Именно эта компания получила и после революции (14 ноября 1925 года) концессию на разработку ленских золотых приисков. А британский банковский консорциум, владевший этой компанией и связанный с американским банкирским домом «Кун Лебен», получал право на добычу золота в СССР на тридцать лет! Фактически, так в советское время повторялась коррупционная история с английской компанией «Лена Голдфилдс». Только до революции ее акционерами были Великие князья, С.Ю.Витте и ряд других высокопоставленных членов правительства, а в советское время – некоторые представители Советской власти. Ходит даже такая шутка: свой псевдоним В.И.Ленин взял будто бы не в память о расстреле рабочих

на ленских приисках, а в благодарность за содержание, которым его обеспечивала эта компания. Более достоверно известно о связях между этой компанией и Л.Д.Троцким. Не случайно буквально сразу же после высылки Л.Д.Троцкого из СССР 10 февраля 1929 года «Лена Голдфилдс» вынуждена была свернуть свою деятельность в России [130].

За свои мифические убытки и «упущенную выгоду» эта компания предъявила СССР претензии в размере 12 миллионов 965 тысяч фунтов стерлингов, в счет которых и «*прикарманила*» золото прибалтийских государств, вошедших в состав нашей страны. Сегодня это вхождение зарубежной прессой трактуется как оккупация. Но почему-то «*освободившимся*» и ныне *свободным* прибалтийским государствам британские банки не торопятся возвращать их золотой запас.

Для понимания возможностей по выгодному для нашей страны урегулированию данного вопроса следует напомнить, что компания «Лена Голдфилс» постоянно уклонялась от уплаты налогов и иных платежей, установленных по соглашению между этой компанией и Советским правительством. Ситуация во многом аналогичная той, в какой оказалась компания «ЮКОС».

Если бы к обсуждению проекта денежной реформы 1947 года были привлечены специалисты-экономисты, то вопрос о «советском прибалтийском золоте» мог бы быть решен в пользу СССР. А, тем самым, золотое покрытие рубля и его платежеспособность были бы существенно увеличены.

Это только один из примеров того, что «потеряло» советское руководство, проигнорировав возможности экономической науки. А ведь во многом аналогично было решены претензии иностранных государств, предъявленные ими к Советской России в апреле – мае 1922 года на Генуэзской конференции. Тогда советские экономисты подсказали идею формулирования контрпретензий, которая предусматривала, в случае признания обязательств по царским долгам со стороны нашей страны, возмещение ущерба, причиненного Советской России во время интервенции и блокады иностранными державами. Размер этого возмещения предварительно был установлен в 39 млрд. золотых рублей. В связи с этим 26 июня 1922 года в Гааге была созвана конференция *экспертов*, на которой наша страна дала согласие на предоставление долгосрочных концессий западным странам [131], в том числе и английской компании «Лена Голдфилс». Однако эта уступка нашей страны была

расценена западными державами как недостаточная, а конференция в Гааге окончилась полумерами. И, тем не менее, наши «долги», в конечном счете, оказались *де-факто* списанными, а 2 февраля 1924 года Великобритания официально признала СССР.

Этот пример свидетельствует о том, что были упущены не только возможности научного поиска оптимальных решений при подготовке денежной реформы в нашей стране, но и возможности международного сотрудничества в этом плане. Это тем более очевидно, что первоначального барьера между СССР и возникшей в Бреттон-Вудсе международной валютной системы не было, что Бреттон-Вудские соглашения в июле 1944 года были приняты, среди всех прочих, и делегацией Советского Союза. Но последовавший затем отказ от ратификации этих соглашений и начало холодной войны разрушило возникшие ранее партнерские связи [132].

При подготовке денежной реформы особое значение приобретали именно теоретико-методологические аспекты, разработанные еще К.Марксом и В.И.Лениным. Среди них: вопрос о цене золота и отношении к нему; вопрос о порядке купли и продажи драгоценных металлов внутри страны (об обороте драгметаллов); вопрос о способах и масштабах концентрации золота в руках государства [133]; вопрос о выпуске в обращение устойчивых денежных инструментов (банкнотов, бонн и др.). опирающихся на государственные товарные фонды и, прежде всего, на запасы хлеба [134]; вопросы, связанные с учетом характера действия законов денежного обращения [135]; и т.д. Многие из этих аспектов были заново переосмыслены и развиты экономистами в довоенное и военное время. И особенно ценным было исследование этих вопросов применительно к специфическим условиям существования военной экономики в нашей стране [136].

Подготовка и проведение денежной реформы не могли не затронуть вопросов ценообразования, свидетельством чего является проведение вслед за денежной реформой 1947 года реформы оптовых цен 1949 года. Многоплановость и взаимозависимость денежной реформы и других вопросов способствовала тому, что на заключительном этапе ее проведения и при подготовке реформы 1949 года все же были привлечены крупнейшие советские экономисты, а также хозяйственные руководители. А вопросы организационного обеспечения в осуществлении реформ стали освещаться в экономической литературе послевоенного времени шире.

В целом же, если брать 1943-1945 годы, реформа мыслилась не только как простой обмен бумажных денег старого образца на новые, а как важнейший социально-экономический маневр, направленный на восстановление сбалансированности товарно-денежных отношений в стране через:

-выравнивание спроса и предложения в государственной розничной торговле предметами широкого потребления при некотором превышении предложения товаров над спросом на них;

-отмену карточек после войны, ликвидацию коммерческих магазинов, переход к свободной торговле всеми товарами по единым розничным ценам;

-повышение ставок и окладов заработной платы относительно малообеспечиваемых (малооплачиваемых) рабочих и служащих (это мероприятие было осуществлено в 1946 году);

-пересмотр оптовых цен на продукцию промышленности и транспортные тарифы;

-введение по существу новой валюты, так называемого «*тяжелого рубля*», базирующегося не на долларе США, как это было сделано в 1937 году с советским рублем, а на собственном золотом обеспечении (золотой паритет рубля был установлен в 1950 году) [137].

Эти предпосылки проведения денежной реформы необходимо было сочетать с накоплением в распоряжении государства товарных запасов, прежде всего продовольствия, одежды, обуви. Первоначально, из-за сильной засухи эти накопления осуществить не удалось. Но *накопление* товарных запасов в распоряжении государства становилось *первым* генеральным условием для осуществления денежной реформы. Имея в своих руках такие запасы, государство могло эффективно противодействовать при переходе от карточной системы к свободной торговле росту цен. Устанавливать единые государственные цены в условиях отсутствия таких запасов было бы бессмысленно.

Кстати, И.В.Сталин уже в годы Великой отечественной войны осознал значение политики накопления и использовал ее в ходе военных операций. Достаточно напомнить о том, как И.В.Сталин реагировал на просьбы военных о выделении им из резервов Ставки дополнительных ресурсов. Постепенно накапливая их, И.В.Сталин во многом лично обеспечил правильную расстановку сил в ходе войны. В битве под Прохоровкой 12 июля 1943 года, когда состоялось самое крупное в истории войн танковое сражение (участвовало до 1200 танков с обеих сторон), именно эта политика

накопления и обеспечила превосходство советских войск. Брошенные совершенно неожиданно для немцев новые советские танки обратили в бегство бронированные армии Манштейна и Гудериана.

Именно такой подход И.В.Сталин предполагал использовать и при проведении послевоенных экономических реформ. Обеспечение стабильности цен на товары широкого потребления путем осуществления массовых товарных интервенций из государственных резервов – классический способ экономической политики любого государства. Однако, этого, по всей видимости, не знал Е.Т.Гайдар, когда начинал свою «шоковую терапию» и кампанию по «либерализации цен». Если бы государство на тот момент располагало необходимыми ресурсами, оно могло не допустить колоссального роста цен на товары широкого потребления. Но заниматься таким накоплением ресурсов – это не то же самое, что бросить экономику страны в пучину хаоса и инфляции. Избрав самый легкий и совершенно социально не ориентированный путь «реформирования» народного хозяйства огромной страны, молодые «реформаторы» это самое «народное хозяйство» просто угробили и превратили в «антинародное». Сегодня сам термин «народное хозяйство» выглядел бы анахронизмом именно потому, что объекты этого хозяйства уже народу не принадлежат. Что же касается результатов «либерально-демократической» ценовой политики правительства Е.Т.Гайдара, то об этом говорят факты. Начиная с января 1992 года, либерализация цен привела к их неудержимому росту. Уже в 1992 году индекс цен возрос в 26 раз, в 1993 году – в 9,4 раза, в 1995 году – в 2, 3 раза. Это привело к резкому падению покупательского спроса [138]. А как мы отметили выше, именно динамика покупательского спроса и объем товарооборота являются объективными индикаторами эффективности любой реформы ценообразования.

Описывая меры, предпринятые советским правительством для решения данной проблемы, Р.А.Белоусов в качестве второго генерального направления в подготовке и осуществлении денежной реформы 1947 года называет восстановление и оздоровление финансовых отношений в государственном секторе, увеличение поступающих отсюда средств в доходную часть государственного бюджета [139]. Но для решения этой проблемы необходимо было обеспечить новый подъем производства. На этот счет И.В.Сталин высказывался вполне однозначно: «Что касается планов на более

длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы возможность поднять уровень нашей промышленности втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 600 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей» [140]. К сожалению, от случайностей наша страна оказалась не застрахованной и при таких объемах промышленного производства. Распад СССР, организованный группой высших чиновников, решивших поделить между собой власть и стать «самостийными», - тому доказательство.

Но, в контексте предмета нашего исследования, заявление И.В.Сталина интересно тем, что доказывает намерение государства обеспечить рост доходов государственного бюджета не за счет увеличения налогов, а за счет роста объемов самого производства.

В целом же роль И.В.Сталина в подготовке и проведении денежной реформы сводилась к общему руководству. Он высказал ряд пожеланий: чтобы финансовая база СССР была не менее прочной, чем до войны; чтобы финансовые органы научились приспосабливаться к условиям, когда объем общих расходов бюджета будет возрастать, но при этом будет возрастать и объем самого бюджета; чтобы трудности восстановления народного хозяйства, которые потребуют от советских граждан дополнительных жертв, были *последними* [141].

Содержание и значение денежной реформы 1947 года было достаточно обстоятельно отражено в работах отечественных экономистов ближайших послевоенных лет [142], а также положительно оценен в экономической науке 80-х годов [143]. Однако, с распадом СССР и началом господства в нашей науке «либерально-демократически» ориентированных экономистов, возникли попытки ревизии итогов этой реформы. Но, как говорят в народе, «чья бы корова мычала...». Нет нужды всерьез рассматривать такие ревизионистские суждения отечественных представителей Чикагской школы экономистов, поскольку «анализ политики правительства Гайдара – Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы» [144]. В нем она, собственно говоря, пребывает и по сей день, не смотря на благолепные

заверения все тех же либеральных экономистов об оживлении отечественной экономики, преодолении кризиса, модернизации и переходе к инновационному типу развитию. В народе говорят: «Сколько не говори «халва, халва», а во рту слаще не станет»...

Причина разнополярных суждений о результатах денежной реформы 1947 года понятна. И.В.Сталин предполагал, с помощью этой реформы, осуществить направление всех денежных потоков в производство, в ущерб спекулятивному финансовому рынку. «Младореформаторы» наоборот, стремились сформировать именно спекулятивный финансовый рынок и направить туда все денежные потоки. Но технология « *forex*», примененная в масштабах всей страны, привела к тому, что к 1998 году государственный бюджет «вылетел в трубу».

Важной задачей, которую предстояло решить посредством денежной реформы 1947 года, было налаживание оптовой и розничной торговли в народном хозяйстве. Поэтому, среди самых различных аспектов, связанных с нормализацией товарного и денежного обращения в СССР, советские экономисты изучали и другие вопросы. Среди них: соотношение легкой и тяжелой промышленности в условиях войны и в послевоенный восстановительный период; условия конверсии народного хозяйства страны и восстановления хозяйственной инфраструктуры в освобожденных от врага регионах; вопросы углубления внутрирайонного и межрайонного кооперирования и развития местной промышленности, промысловой кооперации и т.д. [145].

Особый интерес у экономистов в канун окончания войны вызывал вопрос о повышении заработной платы и обеспечения устойчивого платежеспособного спроса населения. После февральского 1946 года заявления И.В.Сталина о предстоящей отмене карточной и «обращении особого внимания на расширение предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары», эта проблематика стала одной из наиболее актуальных в экономической науке. По мнению Н.А.Вознесенского, закон распределения по труду (в зависимости от количества и качества труда) – «является одним из важнейших законов социалистической организации труда» [146]. Этой же позиции придерживался и А.П.Ляпин, считавший саму социалистическую организацию труда невозможной без соблюдения этого закона [147]. Однако, сущность категории «заработная плата» предполагала ответ на вопрос, является ли рабочая сила при

социализме *товаром* или нет. Если признать рабочую силу при социализме товаром, то заработная плата автоматически объяснялась бы как цена рабочей силы. Раз субъект – работник может свою рабочую силу (способность к труду) продавать, то он и получает за нее оплату в форме заработной платы. Если же субъект – работник не является собственником своей рабочей силы (а в условиях всеобщего и обязательного труда он как раз и переставал быть таким собственником рабочей силы), то заработная плата переставала быть *ценой рабочей силы.* Но при социализме она не являлась и *ценой труда*. Тем самым, вопрос о сущности заработной платы оставался открытым.

Представляется, что в годы войны, когда соотношение централизма и рынка было явно в пользу первого, о разработке сущности категории «рабочая сила» трудно было даже говорить. Но важно другое: именно в годы Великой Отечественной войны вопросам заработной платы уделялось огромное практическое внимание. Чего не скажешь о современной ситуации, когда работники часто остаются один на один с работодателями.

Однако, важной стороной в организации и проведении денежной реформы 1947 года было обеспечение равновесия между платежеспособным спросом населения (а значит, и ростом фонда заработной платы трудящихся) и предложением товаров. В этой связи приведем слова В.Ойкена, лидера Фрайбургской школы экономистов в Германии, одного из идейных вдохновителей знаменитой денежной реформы 1948 года в Германии. Он писал: «Бросается в глаза наличие тесной связи инфляционной денежной политики с экономической политикой централизованного управления» [148]. И далее: «Неправильно как то, что в условиях острой нехватки товаров установление равновесия несущественно, так и то, что такое бедственное положение требует внедрения централизованного регулирования… Именно затруднительное положение вынуждает людей распределять свои доходы, свою рабочую силу и свои средства в правильных пропорциях, то есть осуществлять равновесное распределение. Только так можно обеспечить по возможности наиболее полное удовлетворение потребностей. В силу этого неправильно также, что в периоды нехватки товаров должна осуществляться политика централизованного управления экономическим процессом» [149].

Однако суждения В.Ойкена о том, что централизованное управление нигде и никогда не смогло проявить способности

эффективного решения хозяйственных задач, оказались несостоятельными именно в контексте событий Великой Отечественной войны. Это рыночная капиталистическая экономика Германии оказалась несостоятельной, а не плановая социалистическая экономика СССР. Не смотря на то, что СССР в 1941-1945 годах потерял треть своего национального богатства, Победа СССР в войне с германским фашизмом была не только военной, но и экономической. А плановое управление народным хозяйством в СССР показало свои конкретные преимущества перед немецким «новым порядком». Что же касается «немецкого экономического чуда», то благодаря плану Маршалла и содействию США и Великобритании немецкая экономика гораздо легче справлялась с послевоенной разрухой, чем наша.

То внимание, которое уделялось со стороны государственных органов власти повышению доходов советских людей в последние годы войны и в послевоенное время, нельзя игнорировать. Об этом можно судить, например, по Постановлению СНК и ЦК ВКП(б) «О мерах по дальнейшему развитию подсобных хозяйств промышленных наркоматов» от 18 октября 1942 года. В нем ставилась задача создания на предприятиях собственной продовольственной базы, содержались конкретные меры по премированию специалистов и т.д. [150]. В другом документе – Постановлении ГКО «О внеочередных задачах по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна» от 26 октября содержался специальный раздел по заработной плате, в котором Наркомуглю СССР предлагалось ввести с 1 ноября 1943 года на работах по восстановлению шахт, заводов, предприятий, железнодорожных путей, зданий, сооружений и жилищ в Донецком бассейне аккордную оплату труда для рабочих с выплатой премий за сокращенные сроки до 50% от сдельного заработка и дополнительное премирование инженерно-технических работников, а также применение к действующим расценкам на строительство коэффициента 1,25 [151].

Меры, направленные на поощрение труда и повышение заработной платы работников, предпринимались и в фашистской Германии. Но даже самое общее сравнение убеждает в том, что военное хозяйство СССР и государственная экономическая политика в условиях войны были в определенной степени *социально ориентированными.* И было бы бессмысленно отрицать этот факт.

Меры по развитию системы оплаты труда были, естественно, направлены на повышение *производительности труда* в ключевых отраслях хозяйства и, в первую очередь, в важнейших, с точки зрения экономического развития страны, регионах. Естественно, что в полном объеме на территории всей страны в военное время провести такие мероприятия было невозможно.

Важно также и то, что, понимая это и не переоценивая предлагавшиеся меры, советские экономисты отмечали важность комплексного подхода к данной проблеме. Они утверждали, что обеспечение роста производительности труда в ключевых отраслях промышленности, в которых работала подавляющая часть квалифицированных специалистов, не возможно без обеспечения роста денежных доходов трудящихся. В связи с этим государство должно учитывать не только взаимосвязь между объемом товарооборота и массой денег, находящихся в обращении, но и воздействие на них планово установленных нормативов денежных доходов.

Это касалось и постановки вопроса о необходимости сокращения всех непроизводительных (в первую очередь, управленческих) расходов. Процесс сокращения этих расходов начался еще до войны. Доля управленческих расходов в общей сумме расходов государственного бюджета сократилась с 16,9% в 1925 году до 3,9% в 1940 году [152].

В этой связи можно также упомянуть статью Председателя СНК СССР В.М.Молотова (1937 год) «Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами», опубликованную в «Правде». В ней автор писал, что «главной причиной совершенно неудовлетворительной работы (...) остается все еще не изжитый (...) канцелярско- бюрократический метод руководства (...) все проел бюрократизм! [153].

Но в годы войны этот процесс *дебюрократизации* управления был заторможен, так как «создание новых отраслей производства и огромный рост промышленности вызвали необходимость расширения управленческого аппарата и организации управления каждой отрасли» [154].

Разбухание управленческих штатов способствовало все-таки сохранению бюрократизма в управлении военным хозяйством. И на это обращалось внимание в экономической литературе военного времени. Сами руководители партии и правительства признавали это обстоятельство. Свидетельством этому как раз и является статья

В.М.Молотова. Помимо всего прочего, в этой статье говорилось о том, что «наши хозорганы защли слишком далеко», «недостаток практического опыта и знаний они пытались заменить созданием многочисленных функциональных органов», в результате чего «создался сложнейший бюрократический аппарат, с запутанными взаимоотношениями его частей, с многочисленными, параллельно работающими органами», который «не может не плодить бюрократических извращений» [155]. В духе того времени автор статьи объяснял эти негативные явления «вредительской деятельностью идеологических противников – троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и убийц». Но это был 1937 год...

В экономической литературе 1941-1945 годов такого однобокого объяснения бюрократизма уже нет. Хотя многие авторы отдавали дать прежним штампам и риторике, продолжали призывать к бдительности и осторожности, тем не менее, налицо уже совершенно иной подход. Исследователи предпринимают попытки объяснить растущие издержки войны и управления экономикой, разрастание управленческих штатов, бюрократические явления в деятельности органов управления сложностями в перестройке народного хозяйства в годы войны, особенностями военной экономики, новыми условиями, в которых оказалась наша страна. Это, на наш взгляд, были более конструктивные усилия, свидетельствовавшие о, во многом, новом подходе экономистов к данным проблемам.

Важное место в экономической литературе военной поры занимают изучение и пропаганда конкретных путей сокращения управленческих издержек и повышения эффективности функционирования управленческих структур. Особенно широко пропагандировался метод Е.Агаркова, позволивший сократить отношение управленческого персонала на каждую тысячу рабочих до 25 человек [156]. В основном это достигалось благодаря сокращению различных формальных процедур и форм отчетности. К сожалению, в послевоенный период этот метод был забыт. В связи с этим общее количество бюрократических процедур (согласований, разрешений, допусков и проч.), а также общее количество различных форм отчетности резко увеличивается. В конце 50х – первой половине 60-х годов XX века наступил «звездный час» советской бюрократической системы управления народным хозяйством. И только благодаря хозяйственной реформе 1965 года бюрократическое ярмо в народном хозяйстве несколько ослабло.

Реформа 1965 года унифицировала отчетность, сократила число первичных форм с 1174 до 123 – в десять раз, что по бухгалтерской и статистической отчетности составило в пересчете на год около 15 тыс. показателей. Предполагалось, что вопрос с бюрократией решен. Но очень скоро и эта реформа «захлебнулась». Уже к концу 60-х годов XX века годовой бумагооборот среднего объединения в промышленности составил порядка 30 тыс. единиц хранения. В целом по стране это означало, что с одного канцелярского стола на другой ежегодно перекочевывало от 800 до 850 млрд. единиц (документов) хранения, в составлении которых участвовали миллионы людей. При этом около 90% этих управленческих документов оказывались бесполезными, поскольку они никак не побуждали работников предпринимать какие-либо действия [157].

Одним из сложных теоретических вопросов в годы войны был вопрос о том, какие управленческие расходы считать производительными, а какие нет. В целом, производительными расходами в экономической науке считались затраты, связанные с оплатой производительного труда. А производительным трудом считался любой труд, который способствовал развитию производительных сил [158].

Слишком общее и расплывчатое понимание критерия производительного труда и производительных затрат не позволило в годы войны дать четкое и развернутое определение производительных затрат. Но данный вопрос в повестку дня экономической науки в конце войны все-таки был поставлен.

Тесная увязка проблем совершенствования товарно-денежных отношений и товарного денежного обращения с конкретными вопросами совершенствования планового управления народным хозяйством – характерная черта в изучении данного круга проблем. Именно такой комплексный подход способствовал возникновению вскоре после окончания войны идеи о классификации государственных органов управления на хозяйственные и административные и о необходимости выявления конкретных признаков экономической (хозяйственной) политики [159].

Общий анализ экономических исследований по проблемам товарно-денежных отношений, товарного и денежного обращения, финансов и кредита свидетельствуют о неправомерности утверждений некоторых авторов о том, что И.В.Сталин является будто бы основоположником и создателем теории социалистических товарно-денежных отношений, социалистических финансов, что

будто бы именно он «разработал теорию денег и денежного обращения при социализме»[160]. В таких заявлениях нашел свое проявление культ личности вождя. Но при этом необходимо признать честно тот факт, что роль И.В.Сталина в практическом реформировании товарно-денежных отношений, товарного и денежного обращения в стране была значительной. Именно от него исходила чаще всего инициатива таких преобразований и именно он брал на себя ответственность за их осуществление.

Но были и негативные стороны влияния И.В.Сталина на развитие науки. С одной стороны, он вроде бы стремился к подъему отечественной науки. Он заявлял: «Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и перегнать в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» [161]. Но, с другой стороны, именно из-за позиции И.В.Сталина в некоторых экономических вопросах, экономическая наука в СССР развивалась крайне медленно, с оглядкой на мнение партийного и государственного руководства. Так, например, было и в вопросах о товарно-денежных отношениях, о законе стоимости. Негативное отношение советского лидера к сохранению и развитию этих отношений объективно способствовало тому, что появлялись утверждения экономистов о том, что закон стоимости утрачивает при социализме свою роль регулятора производства.

Конечно, как справедливо отмечал В.А.Пешехонов, «официально курс на отмену товарно-денежных отношений провозглашен не был, более того, время от времени в официальных документах указывалось на необходимость постоянного их использования. Но, фактически, реальное содержание товарно-денежных отношений шаг за шагом выхолащивалось, и они превращались в формальную оболочку сконструированной волевым способом административно-бюрократической системы управления экономикой» [162].

Разработка данных проблем в экономической науке в годы Великой Отечественной войны вступала во все большее несоответствие с реальной экономической политикой сталинского руководства. Отдельные стороны этой политики ученым-экономистам удавалось некоторым образом скорректировать и направить в нужное русло. Но, по большому счету, пренебрежительное отношение партийно-государственной верхушки к экономической науке, этого сделать не позволяло.

Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя не отметить вполне определенного вклада отечественной экономической науки военной поры в теоретическую, методологическую и практическую разработку проблем, связанных с развитием товарно-денежных отношений и исследованием закона стоимости при социализме (в условиях военной экономики).

Примечания:

1.См.: Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952.С.17-18.
2.См.: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983.С.283, 285.
3. Маневич В.Е.Экономические дискуссии 20-х годов М.: Экономика. 1989. С.73.
4.См.: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983.С.283.
5. Абалкин Л.И. Введение / В кн. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика. 1989.С.4.
6. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1934.С.26.
7. См.: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983.С.278.
8. Кронрод Я. За творческую дискуссию против схоластики в науке // Проблемы экономики. 1940. № 11-12. С.70.
9. Пашков А.И. Экономические проблемы социализма. М. 1970.С.94.
10.См.: Брутус Л. Рецензия на кн. Теория планового ценообразования: прошлое и настоящее. [Текст] // Экономические науки. 1978. № 2.С.106.
11. Макарова М.В. Рецензия на кн. Экономика и планирование советской торговли / Под ред. М.Лифшица, Г.Рубинштейна. М. 1939. [Текст] // Проблемы экономики. 1940. №6.С.228.
12. См.: Бирман Н. Журнал, отстающий от жизни // Проблемы экономики. 1941. №2.С. 142.
13. Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. Очерки – размышления. М.: Политиздат. 1988.С.52.
14. Цит. по: Валовой Д. Экономика: Взгляды разных лет. Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма. М.: Наука. 1989. С.52.
15. Цит. по: Экономика в человеческом измерении. Очерки – размышления. М.: Политиздат. 1988. С.61.
16. См.: Валовой Д. Экономика: Взгляды разных лет. Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма. М.: Наука. 1989.С.53.
17. Там же. С.50.
18. Островитянов К.В. К вопросу о товарном производстве при социализме. М.1971. С.32-33.
19. См.: Белоусов Р.А. К истории товарно-денежных отношений при социализме // Вопросы экономики. 1987. №1. С.104.

20. См.: Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т.4. Теория социализма и капитализма в межвоенный период / Под ред. В.Н.Черковца.С.431.
21.См.: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. СПб.: Изд-во Ленинградского университета. 1983. С.290.
22.См.: Островитянов К.В. О методах преподавания политической экономии // Вестник высшей школы. 1945. №3. С.25.
23. Широкорад Л.Д. К вопросу о влиянии культа личности И.В.Сталина на развитие политической экономии социализма в СССР в 30-е годы // Вопросы экономики. 1989. №3. С. 136.
24. См.: Бутенко А.Был ли неизбежен Октябрь? // Правда. 1990. 25 сентября.
25. См.: Стожко К.П. Экономическая диалектика человека. История. Теория. Методология. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед ун-та. 1994. – 424с.
26. См.: Горинов М.М. Советская страна в конце 20х – начале 30х гг. // Вопросы истории. 1990. №11; Трус Л. Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. 1990. №5; Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929 – 1941гг. // Свободная мысль. 1992. №13; и др.
27. Цит. по: Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. №6.С.189.
28. Платонов О. Русь, взмахни крылами // Наш современник. 1989. №8.С.123-124.
29.Дроздов А. Что почем и почему? Подтверждается ли практикой экономическая теория социализма? // Комсомольская правда. 1989. 21 октября.
30. Марцева Л.М. Советская модель всеобщего труда. Омск: ИЦ Омский научный вестник. 2008.С.111.
31. См.: Селюнин В. Истоки // новый мир. 1988. №5; Он же. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. №10.
32. Марцева Л.М. Указ. соч. С.245.
33. Атлас З. Хозяйственный расчет и его роль в условиях Отечественной войны. М. 1944. С.6.
34. Атлас З. Денежное обращение в социалистическом хозяйстве // Плановое хозяйство. 1945. №1.С.57.
35. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М. 1948. С.145-146.
36. См.: Материалы Ш Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. 14-19 августа 1944 года. М. 1944.
37. Атлас З. Указ.соч. С.57.
38.Богомазов Г.Г. Разработка проблем товарно-денежных отношений пр социализме // Из истории политической экономии социализма в СССР в 30-50-е гг. Сб. ст. / Под ред. Г.Г.Богомазова. Л. 1988. С.47.
39.Атлас З. Указ. соч. С.56.
40.Там же. С.56-57.

41. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М. 1984. С.162-263.
42. Цит. по: Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. Очерки – размышления. М.: Политиздат. 1988. С.58.
43. Атлас З. Указ. соч. С.57.
44. См.: Атлас З. Деньги и обмен в советской системе хозяйства // Большевик. 1945. № 6.С.46; Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М. 1948. С.145-148.
45. См.: Вознесенский Н.А. Указ. соч. С.159.
46. Атлас З. Указ. соч. С.43.
47. См.: Островитянов К.В. Планирование и закон стоимости // Вопросы экономики. 1948. № 1. С.39.
48.Аллахвердян Д. Хозяйственный расчет и закон стоимости при социализме // Советские финансы. 1948. № 4. С.39.
49.Цит. по: Галактионов М. К вопросу о военной стратегии как науке // Большевик. 1944. № 11-12. С.27.
50.Богомазов Г.Г. Указ. соч. С.48.
52. Атлас З. Указ. соч. С.61.
53. См.: Аникин А.В. Золото. М.: Международные отношения. 1984. С.74-75.
54. См.: XVIII съезд ВКП(б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М. 1939. С.10.
55. Михалевский Ф.И. Золото в период мировых войн. М. 1945. С.184.
56. См.: Алексеев А.М. Военные финансы капиталистических государств. М. 1952. С.326.
57. Ferko V. Zity diabol , zity boh. Bratislava. 1978. S. 349-350.
58.См.: Гилберт М. В поисках единой валютной системы: Пер. с англ. М.: Прогресс. 1984. С.50-53.
59. См.: Михалевский Ф.И. Указ.соч. С.341-345.
60. См.: Варга Е. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М. 1946.
61.См.: Винцер Ю. Некоторые вопросы послевоенной конкуренции // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 10-11. С.49-50.
62.См.: Каминский П. Потребительский кредит в США в годы войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 11; Трахтенберг И. Истощение финансовых ресурсов Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1942. № 7; и др.
63. См.: Горфинкель Е. Рецензии на кн.: Шпигель Г.В. Экономика тотальной войны. Нью-Йорк. 1942; Фуллер И.Ф. Война машин. Нью-Йорк. 1941; Кларк Р.В.Б. Экономика военных усилий. Лондон. 1942; Пигу А.К. Политическая экономия войны. Нью-Йорк. 1941 // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 10-11. С. 91.
64. См.: Турецкий Ш. Об издержках войны и экономике производства // Большевик. 1945. № 3-4.С.33.
65. См.: Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С.176.
66. См.: J. M. Keynes. How to Pay for the War. London 1940; A.C. Pigou. The Classical Stationary State // Economic Journal. December. 1943.

67. См.: Письма Сталина Молотову // Коммунист. 1990. № 11.С.102.
68. См.: Машков В.В. Записки коллекционера. Екатеринбург: Уральский рабочий. 1996. С.148-149.
69. См.: Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: ИД «Филинъ». 1998.С.291-292.
70. Там же. С.288.
71. См.: Зверев А.Г. Указ. соч. С.232.
72. Атлас З. Денежное обращение в социалистическом хозяйстве // Плановое хозяйство. 1945. № 1.С.57.
73. См.: Маневич В.Е. Развитие теории планового ценообразования в советской экономической литературе. М. 1975. С.68.
74. Новожилов В.В. Методы соизмерения народнохозяйственной эффективности плановых и проектных вариантов // Труды Ленинградского индустриального института. 1939.№ 4.
75. Новожилов В.В. Практикуемые методы соизмерения себестоимости и вложений // Труды Ленинградского индустриального института. 1941. №1.С.2.
76. См.: Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука. 1995. С.114-115.
77. См.: Фриш Р. Метод выбора Новожилова и его применение при решении проблем линейного программирования // Документы (меморандумы) по международной экономике. 1956. № 6.
78. См.: История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: КНОРУС. 2007. С.226.
79. Цит. по: Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука. 1995.С.164.
80. См.: См.: История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: КНОРУС. 2007. С.216.
81. См.: Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: ИД»Филинъ». 1998.С.288.
82.Там же. С.218.
83. Зверев А. Советские финансы и Отечественная война // Плановое хозяйство. 1944. « 2.С.45.
84. Турецкий Ш. Об издержках войны и экономике производства // Большевик. 1945. №3-4. С. 32.
85. См.: Маневич В.Е. Развитие теории денежного обращения в советской экономической литературе. М. 1986.С.75.
86. Батырев В.М. О регулировании денежного обращения // Советские финансы. 1944. № 4-5. С.18.
87. См.: Михалевский Ф. Безналичный оборот и проблемы банковских пассивов // Деньги и кредит. 1947.№ 2.
88.См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Макаровой. М.: ЮНИТИ-ДАНА.2010.С.597.
89. См.: Тимошина Т.М. Указ. соч. С.288.
90. Кронрод Я.А.Планомерность и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука. 1988. С.9.
91. Там же. С.21.

92. Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С.182, 183.
93. Там же. С.212.
94. См.: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР 1917-1963 гг. М.1964. С.236 и др.
95. Цит. по: Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами. М.: Международные отношения. 1990.С.168-169.
96. См.: Там же. С.171.
97. Там же. С.169.
98. См.: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1945гг.) / Сост. Заставенко Г.Ф. и др. 3-е изд. М.: Экономика. 1985.С.266-267.
99. См.: Там же. С.267-271.
100.Макаров Н.И. Непокоренная земля российская. М.: Политиздат. 1976. С.244.
101. Там же. С.250, 254.
102. Фуллер Дж. Вторая мировая война. 1939-1945 гг.М. 1956. С.332.
103. См.: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1945гг.) / Сост. Заставенко Г.Ф. и др. 3-е изд. М.: Экономика. 1985.С.310-311.
104. См.: Курский А. О социалистическом воспроизводстве в дни войны // Большевик. 1943. № 19-20. С.74.
105. См.: Турецкий Ш. Об издержках войны и экономике производства // Большевик. 1945. № 3-4. С.30,32.
106. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества: Пер. с англ. / Общ. ред. Н.Н.Иноземцева. М.: Прогресс. 1979.С.248-249.
107. Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г.Москвы. Речь от 9 февраля 1946 года. М. 1952. С.22.
108. Тимошина И.М. Экономическая история России. М.: ИД «Филин». 1998.С.298.
109.См.: Геллер М., Некрич А. Утопия власти. История Советского Союза от 1917 года до наших дней. В 2-х книгах. М. 1995.
110.См.: Лященко П.И. история народного хозяйства СССР. В 3-х т. Т.3.М.: Госполитиздат. 1956.С.598-599.
111. См.: Атлас З. Деньги и обмен в советской системе хозяйства // Большевик. 1945. №6. С.43, 46.
112.См.: Алимова Т.Д. Закон спроса и предложения при социализме. Л.: ЛГУ. 1974. С.27.
113. См.: Зверев А.Г. Записки министра. С.231 – 232.
114. См.: Вознесенский Н.А. Указ. соч. С.139 и др.
115. См.: Дьяченко В.П. История финансов СССР. М. 1978.С.381.
116. См.: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1945гг.) / Сост. Заставенко Г.Ф. и др. 3-е изд. М.: Экономика. 1985. С.310.
117. Там же. С.181.
118. См.: Лященко П.И. история народного хозяйства СССР. В 3-х т. Т.3.М.: Госполитиздат. 1956.С.565.
119. Сталин И.В. Указ. соч. С.22.
120. См.: Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973.

121. См.: Гилберт М. В поисках единой валютной системы. М.: Прогресс. 1984. С. 145, 147.
122. См.: Амбарцумов А., Стерликов Ф. 1000 терминов рыночной экономики. М.: Крон-Пресс. 1993. С.44.
123. См.:Гилберт М. Указ.соч. С.103.
124. См.: J. M. Keynes. How to Pay for the War. London. 1 940.
125. The Economist. July 18. 1945.
126. Pelling . Britain and the Second World War. London. 1970.P.233.
127. Цит. по: Перламутров В.Л. Рубль: От Лоу до Чубайса // Перламутров В.Л. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М,: Экономика. 2007. С.255.
128.Горичева Л.Г. Культурно-историческая целостность хозяйств западноевропейских стран и России. М.: Макс-Пресс. 2009. С.149.
129.Стариков Н. Кризис $: Как это делается. СПб.: Питер. 2010.С.112.
130. Там же.С.111.
131. См.: История России / Под ред. М.Н.Зуева. М.: Новая волна. 2000.С.451, 453.
132. См.: Лавинь М. Проблемы ускорения вовлечения социалистических стран в мировую экономическую систему // Вопросы экономики. 1989. № 10.С. 83.
133. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.44. С.226 и др.
134. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.52. С.114 и др.
135. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.125-134.
136. См.: Михалевский Ф.И. Золото в период мировых войны.М.1945; Кузьминов И. Окончание войны и переход хозяйства СССР к мирному развитию.М.1945; и др.
137. См.: Белоусов Ра, Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль. 1983. С.205-206.
138. См.: История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Макаровой. М.: ЮНИТИ-ДАНА.2010.С.634.
139. Белоусов Р.А.Указ.соч. С.206.
140.См.: История России. XX век. Материалы и документы // В.А.Мазур, Н.Н.Баранов, Л.Я.Баранова / Под ред. М.Е.Главацкого. М.: Дрофа. 1999. С.382.
141. См.: Зверев А.Г. Указ.соч. С.233 и др.
142. См.: Дьяченко В.П. Советская денежная реформа 1947 года // Вопросы экономики. 1948. № 1; Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. М.1954; и др.
143. См.: Белоусов Р.А. Указ.соч. С.207-208; Маневич В.Е. Указ.соч. С.108-109; Богачев В. Еще не поздно. Денежно-финансовое оздоровление в системе антикризисных мер // Коммунист. 1989. №3; и др.
144. См.: Перламутров В.Л. Россия – зона экономической катастрофы // Перламутров В.Л. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М,: Экономика. 2007. С.139.
145.См.: Берри Л. Специализация и кооперирование в условиях войны // Плановое хозяйство. 1944. № 3; Казаков Н. Военная перестройка тяжелого машиностроения // Плановое хозяйство. 1944.№ 3; Коробов П. Военная перестройка черной металлургии // Плановое хозяйство. 1944. №1; Кромов И.

Отечественная война и строительство // Большевик. 1943. № 10; Либкинд А. Резервы увеличения продукции сельского хозяйства в колхозах // Плановое хозяйство. 1944. № 3; Лукин С. За дальнейший подъем легкой промышленности // Большевик. 1941. № 7-8; Любимов А. О ближайших задачах развития товарооборота. // Плановое хозяйство. 1945. № 4; и др.

146.См.: Вознесенский Н.А. Указ.соч. С.108.

147.Ляпин А.П. Социалистическая организация общественного труда. М.1945.

148.Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М.: Прогресс. 1995. С.180.

149.Там же. С. 182-183.

150. См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. .: Госполитиздат. 1957. Т.2. С.734-743.

151. Там же.С.811.

152. См.: Зверев А. Советские финансы и Отечественная война // Плановое хозяйство. 1944. № 2.С.49.

153. Цит. по: Андреев С. Причины и следствия // Разорванный круг / Сост. В.Н.Черных. Свердловск: Сред.-урал. кн.изд-во. 1988. С.251-252.

154. Аракелян А. Указ. соч. С.146.

155. Цит. по: Андреев С. Причины и следствия // Разорванный круг / Сост. В.Н.Черных. Свердловск: Сред.-урал. кн.изд-во. 1988. С.250.

156. См.: Агарков Е. Не числом, а умением // Известия.15 апреля. 1945 г.

157. См.: Андреев С. Причины и следствия // Разорванный круг / Сост. В.Н.Черных. Свердловск: Сред.-урал. кн.изд-во. 1988. С.253.

158. См.: Аракелян А. Указ.соч. С.194.

159. См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М. 1948. С.591-597.

160. Козлов Г.А. Теория денег и денежного обращения. М. 1946. С.8.

161. См.: История России. XX век. Материалы и документы // В.А.Мазур, Н.Н.Баранов, Л.Я.Баранова / Под ред. М.Е.Главацкого. М.: Дрофа. 1999. С.382.

162. Пешехонов В. Совершенствование товарно-денежных отношений // Вопросы экономики. 1989. № 10.С.132.

ГЛАВА IV

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАДРОВАМИ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА В ГОДЫ ВОЙНЫ

«Труд есть
положительная творческая
деятельность».
К.Маркс

«Каждый, достойный называться
человеком, должен иметь охоту
и способность к труду».
С.Смайлс

«Человек жертвует собою только
тогда, когда есть что-то великое, не умирающее,
что его переживет».
Е.Н.Трубецкой

Проблемы формирования рабочей силы – основной производительной силы общества и повышения эффективности общественного труда, всегда были в экономической науке одними из наиболее актуальных тем. В рамках этих тем исследователями выделись некоторые более конкретные аспекты: обеспечение кадрами предприятий народного хозяйства, организация трудового процесса, повышение производительности труда и т.д. Но главный, ключевой момент при разработке данного круга вопросов всегда состоял в понимании *сущности*, *содержания*, *характера* и *общественной формы* рабочей силы и общественного труда.

В экономической литературе эпохи «развитого социализма», к сожалению, дело доходило порой до абсурда, до полного отождествления *сущности* и *содержания* труда, его *содержания* и *общественной формы*, самой рабочей силы как субъекта труда и общественного труда как такового. Чего, например, стоит такое утверждение: «Что касается социально-экономического содержания процесса труда, то это, как мы полагаем, и есть его общественная форма» [1]. В экономической литературе на данный момент различается «содержание труда вообще», «социально-экономическое

содержание труда», « материально-вещественное содержание труда» и т.д. и выделяются две основные его общественные формы: «непосредственно-общественный труд» и «опосредованно-общественный труд» [2].

Вопросы организации труда всегда были в поле пристального внимания отечественных экономистов. Период 1941 – 1945 годов в этом отношении не составляет исключение.

Обеспечение народного хозяйства СССР необходимыми трудовыми ресурсами, особенно квалифицированными специалистами было одной из сложнейших проблем в годы войны . Для решения этой проблемы 30 июня 1941 года при Бюро СНК СССР был образован Комитет по распределению рабочей силы, предприняты другие организационные и законодательные меры. В частности, Указ от 26 июня 1940 года дополняется Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Реальная экономическая политика в области решения вопросов, связанных с обеспечением народного хозяйства страны необходимой рабочей силой в годы войны, свидетельствует о том, что важнейшими методами решения данной задачи в условиях административно-командной системы планового управления военным хозяйством были чрезвычайные законы и чрезвычайные практические меры. По сути, речь шла о переходе с экономических мер формирования кадров на *внеэкономические*, административно-принудительные меры.

Экономическая наука не могла, естественно, оставаться в стороне от изучения и решения этой проблемы – формирования главной производительной силы. Для периода военных лет стали типичными многочисленные извращения многих марксистских идей по вопросам формирования и функционирования рабочей силы в новых социально-экономических условиях. Вместо идеи о том, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» появился тезис о том, что человек – «винтик в партийно – хозяйственной машине». На таком общем фоне извращения марксистских идей в условиях войны ставились и решались многие практические вопросы. И это – в то время, когда на Западе, не смотря на сложные условия, в которых оказалась гуманитарная наука в годы второй мировой войны, к вопросам о роли человека в общественном воспроизводстве, формирования главной производительной силы интерес заметно активизировался [3].

По свидетельству известного американского обществоведа марксистской ориентации Г.Парсонса, например, «нападки во время войны на марксизм – ленинизм со стороны американских буржуазных философов несколько утихли, наметилась тенденция более объективного его использования» [4]. Несколько угасли нападки и на Советскую власть. Об этом свидетельствуют и некоторые эмигрантские публикации. Например, такой идеологический противник Советской власти, как Ф.И.Дан в своей статье в эмигрантском журнале «Новый путь» (октябрь 1942 года) вдруг неожиданно заявил: « Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что, при всех своих падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях, революция, начавшаяся четверть века назад, вошла в плоть и кровь народных масс; что при всех невзгодах, лишениях, страданиях, она дала им какие-то достижения, и, может быть, еще больше – какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею социального освобождения» [5].

С конца 80-х – начала 90-х годов XX века в отечественной и зарубежной экономической литературе стало распространенным употребление словосочетания «*ренессанс К.Маркса*». Исследователи признают, что на оценке этого интересного явления сказывается отсутствие необходимых философских обобщений его содержания и его гносеологических корней, что «по сути, нет и комплексных исследований его экономических аспектов», тем не менее, само это явление рассматривается как «тактика» буржуазной обществоведческой мысли [6]. Но тут же предлагается определить место этого явления в «структуре антикоммунизма», в «структуре современных тенденций буржуазной и реформистской общественной мысли». Вот ведь и в самом деле, слепота хуже глухоты... «Ренессанс К.Маркса», внимание зарубежных исследователей к работам этого ученого даже в 90-е годы XX века, буквально накануне развала СССР, все еще пытались объяснить «происками буржуазных ученых». И это в то время, когда можно было бы объединить усилия отечественных и зарубежных ученых в изучении наследия К.Маркса и предотвратить в России «мозговой штурм» и захват политической и экономической власти апологетами Чикагской школы.

Вместе с тем, не смотря на заданность «тональности», исследователи все же подчеркивали, что «нельзя не обратить внимание на общую эволюцию в сторону проблематики человека, происходящую в последние годы в буржуазном обществоведении и придавшую новые импульсы процессы «переосмысления К.Маркса» [7].

Если принять эту эволюцию за важнейшую предпосылку «ренессанса К.Маркса», то корни этого явления следует, на наш взгляд, искать именно в 40-х годах XX века. Именно тогда, в условиях политического и военного взаимодействия между союзниками – СССР, США и Великобританией, и возникли новые более или менее благоприятные предпосылки к формированию конструктивного отношения к марксистской теории со стороны зарубежных ученых. Это объяснялось пониманием общественностью западных стран огромного значения нашей страны в борьбе с германским фашизмом.

Так, Ч.Чаплин, выступая на митинге в Сан-Франциско 20 октября 1942 года, заявил: «Передовая линия демократии проходит на русском фронте. Они сражаются не только за свои принципы понимания жизни, но и за наши... Россия обладает духовной цельностью. Я не знаю, что такое коммунизм, но если он создает людей, подобных тем, которые сражаются на русском фронте, - мы должны уважать его» [8].

Конечно, после начала «холодной» войны о таком «уважительном отношении к коммунизму» западные обществоведы быстро забыли.

Актуальность изучения исторического опыта экономической науки в области разработки проблем формирования рабочей силы и повышения эффективности общественного труда в годы войны представляется весьма значительной. То, как в экстремальных условиях военного времени решались эти вопросы, имеет и определенное практическое значение для сегодняшней ситуации. А она также далека от нормального состояния. Техногенные катастрофы, ставшие довольно регулярными в наше время, делают опыт формирования кадров и организации эффективного труда кВ экстремальных условиях более чем востребованным.

Речь, естественно, не идет о трудовых мобилизациях и репрессивных методах принуждения к труду, как это было в 40-х годах XX века. Хотя, нужно признать, что «действенность жестких мер у многих не вызывает сомнения, и время от времени по любому поводу можно услышать призывы к их применению», причем «не в последнюю очередь эти административные настроения

питаются примерами нашей истории, смутными рассказами о былом порядке» [9]. Но не это главное.

Важно то, что практика оптимального размещения производительных сил, научной организации труда, скоростной переподготовки кадров по нужным профессиям, обеспечения высокой производительности труда и сейчас остаются для нас актуальными. Ведь по этим показателям Российская Федерация в XXI веке серьезно отстает от индустриально развитых стран мира.

С другой стороны, взвешенный и непредвзятый анализ исторического опыта полезен и тем, что до сих пор «кому-то очень нужно, чтобы истоки наших нынешних бед были отнесены в прошлое». До сих пор звучат наукообразные рассуждения о том, что именно в те 40-е годы XX века «сложилось сверхцентрализованное управление, не признающее экономических интересов и опирающееся исключительно на исполнительскую дисциплину, поддерживаемую жесткими репрессиями». Вряд ли можно и нужно списывать ошибки современных реформаторов на прошлое [10]. Мы до сих пор в основном живем за счет этого прошлого, багажом советского периода нашей истории. А что касается непризнания экономических интересов», так это, как говорится, «с больной головы да на здоровую»...

Вот ведь что интересно. «Перестраивая в очередной раз Россию «напролом», наши элиты и их зарубежные кураторы не хотят учитывать мнение народ. До сих пор 56% граждан положительно относятся к Октябрьской революции, а 44% и сейчас приняли бы в ней участие» [11]. В самую пору бы задуматься авторам перестроек...

Сегодня считают новую систему тотально несправедливой 50%, а советскую систему – только 20%. Против приватизации – 62%, за плановое хозяйство – 40%, положительно оценивают историческую роль И.В.Сталина – 61%» [12]. Факты более, чем интересные...

Не абсолютизируя исторический опыт формирования главной производительной силы общества и повышения эффективности общественного труда в советский период, в том числе и в военное время, следует отметить, что без его всестороннего анализа и творческого использования вряд ли возможно строить эффективную экономику в XXI веке. А, кроме того, без его изучения нельзя понять сам механизм огосударствления рабочей силы в нашей стране и «перерождения» общенародной собственности – в собственность государственной плутократии.

Это одна сторона дела, когда изучение исторического опыта экономической науки в период Великой Отечественной войны позволяет во многом по- новому взглянуть на явления, которые возникли десятилетия назад и продолжают сохраняться до сих пор.

Другая сторона – прогностическая, когда можно предвидеть возможные последствия повторения ошибок. Например, сегодня очевидно, что формирование главной производительной силы и повышение эффективности общественного труда непосредственно связано с экономической безопасностью страны. В военное время эта связь была настолько очевидной для всех и каждого, что люди понимали и осознавали необходимость применения экстраординарных чрезвычайных мер, сознательно шли на ограничение своих личных гражданских прав, на жертвы. В современных условиях как-то само собой забылось, что безопасность страны в целом, а ее экономическая безопасность тоже остаются делом всех и каждого. Возобладало, к сожалению, потребительское иждивенческое настроение: пускай государство само обеспечивает обществу эту самую безопасность, а мы, граждане, не обязаны чем-то поступаться, чем-то жертвовать. Но ведь, как говорится, «спасение утопающих – дело самих утопающих». И об этом следовало бы помнить.

До сих пор понятие экономической безопасности многие экономисты трактуют как защищенность субъекта от *внешних* угроз, забывая при этом что природа безопасности неразрывно связана и с *внутренними* угрозами, главная из которых состоит в низкой эффективности самого общественного труда, низкой его производительности и, как результат, в неэффективности, отсталости самого производства, самой экономики.

Экономическая безопасность – понятие системное и многоплановое. Однако оно является лишь частью общего понятия *безопасности* и может рассматриваться на различных уровнях: геополитическом, национальном, региональном и т.д. Общее понятие безопасности определяют следующим образом: «Безопасность в целом следует рассматривать как состояние защищенности личности, общества и государства, материальных и духовных ценностей от реальных и потенциальных угроз» [13].

Экономическая безопасность может рассматриваться и в отраслевом разрезе: энергетическая, продовольственная и т.д. Но при этом любое определение экономической безопасности предусматривает не только сохранение независимости национальной

экономики, но и ее поступательное эффективное развитие, предупреждение ситуаций, подобных той, которая сложилась в российской энергетике в связи с трагедией на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009г. Неэффективность организации труда на станции, проблемы с подбором и расстановкой профессиональных кадров и стали одним из ключевых моментов катастрофы. Работники станции не только не предупредили аварии на энергоблоке, но и оказались неспособными в первые минуты аварии к эффективным действиям. Кадры, свидетельствующие о панике, охватившей персонал станции, обошли киноэкраны всей страны.

Глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся осенью 2008 г. вновь выдвинул на повестку дня вопрос о сохранении и повышении экономической безопасности нашей страны. А тем самым – и существенное повышение эффективности общественного труда. Не случайно первые лица государства всерьез заговорили о необходимости преодоления технического отставания, о необходимости перехода к инновационному типу развития, о модернизации и т.д. Стало очевидно, что глобализм наряду с «плюсами» имеет и свои «минусы». Подобно судну, разделенному на герметично закрываемые отсеки и способному сохранять устойчивость и мобильность даже в случае затопления одного из таких отсеков во время шторма, мировая экономика прошлых десятилетий также имела свои ограничения и разграничения, позволявшие ей развиваться более или менее устойчиво. Но с разрушением прежних «встроенных стабилизаторов», мировая экономика, подобно судну без отсеков, оказалась в буквальном смысле слова «дырявым корытом». Резко возросла ее зависимость и уязвимость от самых различных факторов. Именно это обстоятельство и делает вновь актуальным, казалось бы, давно исследованный и решенный вопрос о соотношении *культуры* и *цивилизации*. Потому что, как когда-то назвал одну из своих наиболее известных книг английский историк А.Тойнби, «цивилизация опять оказалась перед судом истории» [14].

Почему же так резко ослабла экономическая безопасность нашей страны? Причин тому несколько. Можно выделить внутренние и внешние, частные и более общие причины. Но, на наш взгляд, это случилось в первую очередь потому, что начиная с середины 80-х годов XX в. в нашей стране был девальвировано отношение в обществе к труду. Труд как ценность перестал быть основой экономической политики государства. Властью была сделала ставка

на некие мифологизированные и псевдо универсальные да еще и заимствованные *цивилизационные* коды развития. Это было сделано в ущерб *традиционной культуре* как системе высших ценностей, лежащих в основании конкретных исторически сложившихся и оформившихся морально-нравственных ориентаций (приоритетов) россиян. Стремление современного человека к безмерному увеличению богатства и потребления, к наживе любыми путями объективно вело и ведет хозяйство к запланированному краху, лишая ее будущего. В качестве яркого примера такого катастрофического сценария развития можно назвать ситуацию на Саяно-Шушенской ГЭС, авария на которой унесла 75 человеческих жизней. Сегодня уже известно, что станция работала на всю мощность и даже с запредельными нагрузками при значительном амортизационном износе своих гидроузлов, да и принята она была в эксплуатацию с серьезнейшими нарушениями. Гидроузел № 2 вообще необходимо было останавливать еще несколько лет назад: к моменту аварии до его планового амортизационного износа оставались считанные дни, а работал он с колоссальными перегрузками и потому фактический физический износ наступил уже давно.

Но психология потребительского отношения и игнорирование элементарных требований рационального использования рабочей силы, научной организации труда, техники безопасности сыграли роковую роль. Достаточно вспомнить, что на момент аварии из четырех центров сейсмического мониторинга на станции работал только один, а капитального ремонта на этом важнейшем объекте российской гидроэнергетики практически не осуществлялось в течение почти четверти века! И это касается сегодня многих отраслей, как нашей национальной экономики, так и мирового хозяйства в целом. Замкнулся тот порочный круг, когда «подобное рождает подобное».

И, как это ни горько, сегодня вновь приходится вспоминать о том, что главная причина утраты экономической безопасности национальных экономик в разных странах – это безнравственное, безответственное, бездуховное отношение к самому человеку, девальвация его жизни как высшей ценности. Многими просто забыта элементарная истина о том, что «главное в человеке – это дух, его духовное состояние, в котором человек живет главными, благородными силами и устремлениями», что «дух – это то, что *объективно значительно* в душе» [15].

Для преодоления последствий наступившего кризиса необходимо вновь вернуться к вопросам приоритетного формирования и развития главной производительной силы в нашем обществе, вернуть значение труда как ценности, и, прежде всего, особое внимание уделять духовной культуре человека, особенно в сфере его хозяйственной практики. Ибо, как правильно заметил в военное время Ч.Чаплин, духовная цельность – вот что стало основой героизма и победы советского народа в годы войны. Без такой духовной цельности и сегодня у нас вряд ли что-то получится.

Попытки рассмотреть именно *духовные*, *культурные коды* хозяйственной деятельности людей уже не однократно предпринимались в истории науки. В этой связи можно вспомнить различные научные концепции: «эталонных обществ» К.Сен-Симона, «исторических народов» Г.Гегеля, «энергетизма» С.Геринга, «культурно-исторических укладов» Н.Я.Данилевского, «пассионарности» Л.Н.Гумилева и т.д. Но всякий раз попытки выявления *культурного ядра*, определяющего высший смысл и характер любой (в том числе и хозяйственной) деятельности каждого социума-этноса оказывались незавершенными. Чаще всего они наталкивались на очевидное или скрытое противодействие со стороны сторонников цивилизационного подхода на том основании, что экономика составляет, будто бы, не часть общей культуры социума, а лишь часть цивилизации. Отсюда и такие концепции, как «локальные цивилизации» А.Тойнби, «коммуникационные принципы» Г.Мак-Люэна, «волны цивилизаций» А.Тоффлера и т.д. Кстати, именно А.Тоффлер предложил особый *цивилизационный* код для эпохи индустриального развития, который включал *шесть* основных принципов: стандартизацию, специализацию, синхронизацию, концентрацию, максимизацию и централизацию [16]. Однако уже к концу 60-х годов XX века стало ясно, что эти принципы ведут экономику к краху. Именно поэтому еще в 1973г. был принят Давосский манифест, определявший моральный кодекс предпринимателей. В этом манифесте было четко заявлено, что главной целью бизнеса является не *максимизация* прибыли, а *служение обществу* (заказчикам, потребителям, работникам) [17]. Прошло уже 25 лет с момента принятия этого манифеста, но в наших российских вузах студентам до сих пор продолжают внушать, что главной задачей бизнеса является максимизация прибыли. Что внушаем – то и имеем.

Совершенно иначе складывалась ситуация в СССР в годы войны. Главной задачей люди считали *победить* врага. Этому было подчинено все. Только заскорузлый либерал может называть такое подчинение главной задаче тоталитаризмом или деспотией.

Напрашивается вопрос: какой же такой особый культурный код сплотил народы нашей страны и обеспечил не только Победу над врагом, но и достаточно быстрое восстановление самого народного хозяйства? Осмыслению содержания этого особого *культурного кода* посвятили свои работы многие российские мыслители В дореволюционный период этими вопросами занимались П.А.Кропоткин (*теория взаимной помощи*), П.Б.Струве (*теория человеческой годности*), М.И.Туган-Барановский (*социальная теория кооперации*), С.Н.Булгаков (*философия хозяйства*), И.А.Ильин (*идея духовного делания*), В.С.Соловьев (*идея работы со смыслами*), С.Л.Франк (*накопление в себе сил добра*), Л.Н.Толстой (*идея жизни не по лжи*) и т.д.

Но и в военное время эти вопросы интересовали исследователей. Вопросам трудового героизма, трудовой доблести посвящены многие публикации военного времени [18]. Конечно, мотивация труда не могла не измениться в принципиально новых условиях военного времени. Но высокая духовность советского человека как основа его Победы над фашизмом ни у кого не вызывает сомнений.

Что же мы имеем сегодня, когда, начиная с середины 80-х годов XX века в основу социально- экономической политики государства был заложен опять-таки сугубо цивилизационный (да еще зарубежный и устаревший) код развития? Как свидетельствует лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001г. Д.Стиглиц, если в период Великой отечественной войны объем промышленной продукции в нашей стране сократился на 24%, то за период 1990-1999 гг. он упал более чем на 60% [19]. По объемам сельскохозяйственной продукции Россия сегодня занимает 44-е место в списке 87 стран - сельхозпроизводителей, составленном ООН.

Но, к глубокому сожалению, и сегодня, в начале XXI века, некоторые наши сограждане основные надежды возлагают не на *культурный* код развития, а опять-таки на очередной *цивилизационный* код, на так называемый код «4-i»: инвестиции, инновации, инфраструктура и институты. Представляется весьма сомнительным, что очередная *цивилизационная* версия, предложенная деловому миру России по рецептам западных советников, обеспечит нам поступательное развитие. Да собственно,

это уже видно по ситуации, сложившейся в конце 2008г. в самой российской экономике. Возьмем хотя бы такой принцип как *концентрация*. В компании «РусГидро», 60% активов принадлежит государству. Так почему же такая концентрация государственных средств не сумела предотвратить катастрофу? Потому, что никакая концентрация в принципе на это не способна.

Учитывая уроки подобных техногенных катастроф в истории нашей страны (пожар на Чернобыльской АЭС, на КАМАЗе и др.), можно вполне определенно утверждать, что «цена вопроса» часто оказывается много выше той, на которую рассчитывают. Подобно тому, как при разработке программы ГОЭЛРО в начале 20-х годов XX в. планы и результаты разошлись между собой, по всей видимости разойдутся они и теперь. Напомним, что авторы ГОЭЛРО тоже «*планировали*»: хотели построить 100 электростанций, а ограничились 30, рассчитывали израсходовать чуть более 5 млрд. руб. золотом, а потратили 17 млрд., думали уложиться в два-три года, а пришлось решать проблему больше десяти лет [20]. Высока вероятность того, что не уложатся и теперь в «запланированные» 7 млрд. руб. и в срок до 2013 года. Слишком уж «своеобразная» ситуация сложилась в целом в мировой и в отечественной экономике. А все дело в том, что ставка снова делается на *бюрократическое* планирование и управление, на *номенклатурный* контроль и на *коррумпированных* исполнителей. А ведь, как убедительно показал в своем только что вышедшем в мировой кинопрокат документальном фильме «Капитализм: История любви» американский режиссер и миллионер Дж.Мур, в мировой экономике под влиянием Уолл-стрит уже давно сложилась *патологическая*, а отнюдь не *народная* модель капитализма. Это в учебниках мы читаем о демократизации собственности, диффузии капитала, социально ориентированной рыночной экономике и прочих прелестях народного капитализма. А на практике все обстоит, оказывается, гораздо печальнее.

Да, следует признать, что идея либеральной рыночной экономики в России себя за последние два десятилетия изрядно дискредитировала. Но ее, эту самую рыночную экономику, собственно говоря, никто еще у нас и не построил. Поэтому возникает дилемма. Ратовать за сохранение того дикого капитализма, который в условиях глобализма формируется сейчас в нашей стране – это однозначно наносить ущерб нашей национальной экономической безопасности. А выступать за возврат к старой схеме,

когда государство практически все определяло и управляло в экономике все равно, что наступать на старые грабли. Если коррумпированность чиновников вызывает сегодня острую озабоченность уже у первых лиц в самом государстве, а рэкет, лоббизм, контрафакция, логроллинг и картелирование стали едва ли не типичными явлениями во взаимоотношениях бизнеса и власти, то, как можно всерьез предлагать расширить функции и права этих самых *государственных* чиновников?

Поэтому представляется крайне важным научная разработка своего собственного (а не заимствованного извне) идеологического (духовно-нравственного) кода развития национальной экономики, который способствовал бы укреплению экономической безопасности страны. Это становится тем более актуальным, что даже мировые лидеры глобальной экономики сегодня не знают, как им выходить из кризиса и на что делать ставку. Так, президент Давосского форума Клаус Шваб утверждает, что «ничто не может заменить прибыль как *основную* движущую силу бизнеса». А его коллега, президент Швейцарии Ханс-Рудольф Мерц призывает принять необходимые меры контроля и надзора за хозяйственной деятельностью крупных корпораций и сокрушается по поводу того, что «многие нормы поведения были принесены в жертву прибыли» [21]. Вот и разберись, кого из них слушать.

Никто не собирается оспаривать значимость прибыли в развитии современной экономики. Но не пора ли переосмыслить тезис Чикагской школы экономистов о *максимизации* прибыли как *ключевом* факторе экономического развития? Справедливый для эпохи первоначального накопления капитала, он в современных условиях явно устарел. На первое место в качестве мотиваторов мирового социально-экономического развития выдвигаются сегодня оптимальные условия ведения бизнеса, социальное партнерство и социальная ответственность бизнеса. А это – вопросы, непосредственно связанные с развитием и совершенствованием социально-трудовых отношений в обществе. И в этих условиях погоня за прибылью любой ценой все чаще вызывает отторжение не только у общества, но и у политического истеблишмента, который порой оказывается заложником такой погони со стороны крупных корпораций. Ситуация с моногородами в России – яркое тому подтверждение. С точки зрения бизнеса их сохранение нерационально, но попробуй объяснить это населению таких городов! И что прикажете делать администрации таких городов,

которая, как оказывается, в полном соответствии с Конституцией РФ, даже не является органом *государственной* власти, а всего лишь орган местного самоуправления. В данном случае (таких моногородов в РФ почти 450!) власть реально оказывается заложницей крупного бизнеса, традиционно стремящегося максимизировать свою прибыль. Дальше, как говорится, идти не куда.

На наш взгляд, фундаментальными и ключевыми принципами действительно поступательного (прогрессивного) социально-экономического развития нашей страны были и остаются принципы *коллективизма, кооперации* и *соборности*. Обычно под соборностью подразумевают коллективистский характер труда, обусловленный, прежде всего, суровыми природно-климатическими условиями проживания нашего народа.

И действительно, сегодня почти три четверти российской территории занято зоной вечной мерзлоты, а на остальной ее части глубина промерзания почвы достигает 1,5 метра. Это объективно ведет к более высоким затратам на строительство промышленных и жилых объектов, на производство сельхозпродукции, на добычу углеводородов и т.д. К примеру, себестоимость одного баррель кувейтской нефти составляет 4 долл., а тюменской - 14 долл., т.е. в 3,5 раза выше. Биопродуктивность в РФ колеблется от 10 до 150 ц/га, а в США – от 150 до 300 ц/га [22]. Очевидно, что только совместный труд (трудовая кооперация) мог обеспечить для российского народа более или менее сносные условия существования. Другие бы народы, окажись они в российских условиях, просто не выжили бы в них. И это не голословное утверждение, поскольку печальный опыт подобных переселений у нас имеется.

Но соборность – понятие более емкое и не сводится только к коллективизму. Для русских людей в труде, в хозяйстве огромное значение всегда имела идея, а точнее – высокая идея. И, если рассматривать этот вопрос исторически, она, эта идея, никогда не сводилась к наживе. Не ради наживы россияне строили Комсомольск – на – Амуре и БАМ, поднимали целину и осваивали космос. Поэтому абсолютно прав был Дж.К.Гелбрейт, когда утверждал, что «мнение о том, что поведение человека продиктовано исключительно стремлением к деньгам, - это одно из наиболее ревниво охраняемых упрощений нашего времени» [23].

Когда-то в нашей истории такие высокие общенациональные идеи были. Их лаконичные формулировки хорошо известны: «Самодержавие. Православие. Народность»; «Все – для фронта! Все

– для Победы!» и т.д. Об эмоциональном и содержательном значении таких идей можно спорить, но они все-таки сыграли свою заметную роль в социально-экономическом развитии России. Есть ли сегодня такие общенациональные идеи, которые составили бы адекватный современным реалиям духовно-нравственный культурный код нашего социума-этноса? Вот вопрос. Вряд ли сегодня кого-то могут вдохновить и подвигнуть на героизм или трудовые подвиги лозунги типа «Мы строим рыночную экономику!». Заведомо проигрышный лозунг. И, кстати, в нашей истории подтверждение этому уже было. Когда-то Н.И.Бухарин обратился к крестьянам с призывом «Обогащайтесь!». Что из этого вышло – известно: автора идеи расстреляли, а едва обогатившихся крестьян назвали кулаками и классовыми врагами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

История социально-экономического развития России свидетельствует о ее уникальном своеобразии. Поэтому никакие зарубежные цивилизационные коды не могут заменить нам нашего собственного культурного кода. И тут необходимо вспомнить о том, что если в западной цивилизации духовность объявляется нейтральной и беспомощной [24], то в нашей цивилизации именно духовность всегда была и до сих пор является фундаментальной основой для развития, а такое ее проявление как *совесть* – ключевым фактором экономического развития [25].

Научная разработка культурного (духовного) кода *русского труда* (термин О.Платонова) – в высшей степени важная задача науки. Интересно мнение о том, что будущее общественного производства лежит не на путях интенсификации живого труда, а «на пути перенесения акцента с живого труда на общественные производственные фонды» [26]. Однако, следует помнить о том, что в годы войны эти самые общественные производственные фонды (основные фонды) были новыми, а сегодня их износ приближается к 90%. Упоминая о «варварском» использовании рабочей силы и техники, в военное и послевоенное время, В.Евстегнеев почему-то называет это – прямым следованием партийной программе 1939 года. Но никаких аргументов на это счет не приводит.

Естественно, что и рабочая сила и техника в военное время использовалась на *пределе* своих возможностей. Легко сегодня рассуждать о «варварских» методах их использования, сидя в теплом кресле перед телевизором и жуя бутерброд с маслом.

Исследуя постановку и разработку в экономической литературе военных лет проблем формирования рабочей силы и повышения

эффективности общественного труда, необходимо исходить из наиболее глубинного противоречия между двумя отмеченными ранее тенденциями в социально-экономическом развитии любого общества. А именно: тенденции к централизации и концентрации в общественном производстве, с одной стороны; тенденции к демократизации и развитию оперативно-хозяйственной самостоятельности субъектов хозяйственной деятельности, с другой стороны. Понимание диалектики этих тенденций в развитии нашей страны позволяет более взвешенно подходить и к оценке вклада экономистов в развитие самой науки.

В экономической литературе военных лет ставились вопросы, отражавшие действие обеих этих тенденций. Среди вопросов, отражавших действие тенденции к демократизации экономической жизни в стране, были: изучение опыта социалистического соревнования в годы войны, опыта скоростной подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, проблемы повышения оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий, оптимального размещения и наиболее эффективного использования рабочей силы, повышения культуры труда.

Так, при анализе сущности и вопросов организации социалистического соревнования экономисты военных лет особо подчеркивали, что его нельзя рассматривать как форму конкуренции, поскольку конкуренция свойственна только рыночной капиталистической экономике [27]. Главное отличие социалистического соревнования как проявления инициативы и самоорганизации трудящихся авторы тех лет видели в том, что оно представляет собой совместную деятельность людей, направленную на достижение общего результата. В то время, как капиталистическая конкуренция ориентирована на частные результаты, а извлечение прибыли собственниками. Отсюда делался вывод о принудительном характере конкуренции при капитализме, когда работники вынуждены вступать в соответствующие отношения между собой, и о добровольном характере социалистического соревнования, которое организуется самими трудящимися.

Особо необходимо отметить разработку в годы войны вопросов, связанных с повышением культуры труда и производства. Среди конкретных вопросов, связанных с культурой труда и производства экономисты военного времени особое внимание обращали на вопросы диспетчеризации труда, производственной и технологической дисциплины.

Все это отражает тот факт, что благодаря действию тенденции к расширению самостоятельности и некоторой демократизации хозяйственной жизни стало возможным широкое распространение поточных методов работы, развитие лунинского, агарковского, стахановского движений, развития форм и методов борьбы трудящихся за ликвидацию простоев оборудования, за сокращение и ликвидацию брака, за самообслуживание и проведение текущего ремонта оборудования без остановки производства, за сокращение административно-управленческих штатов, за выполнение производственных заданий меньшим составом рабочих и т.д.[28]. Эти прогрессивные формы социалистического соревнования характеризовали отношение народных масс к общественному труду, к производству в годы войны. Характерно, что эти инициативы возникли не «сверху», не по указке государственных или партийных органов, как это иногда бывало с другими «организованными» формами планового управления. Нет, они шли снизу, как проявление позитивной активности субъектов производственной деятельности, их высокой морали и ответственности.

В этом плане необходимо отметить, что рядовые коммунисты, как правило, стояли в центре событий, инициатив, активно участвовали в их осуществлении. Поэтому имеет смысл коррекция некоторых устоявшихся в литературе суждений и оценок на счет роли партии в организации эффективного общественного производства в военное время. Так, М.Восленский, оценивая XVIII съезд ВКП(б) как «съезд победителей-номенклатурщиков», невольно перенес эту оценку и на всю партию, на миллионы рядовых коммунистов. Вряд ли это справедливо. Оценивать весь процесс формирования главной производительной силы общества – рабочей силы в первой половине 40-х годов XX века исключительно с позиций номенклатурного подхода и бюрократизации представляется неправильным.

Наряду с вопросами, отражавшими тенденцию к некоторой демократизации хозяйственной жизни советского общества и расширению самостоятельности субъектов хозяйственной деятельности в годы Великой Отечественной войны, в экономической литературе тех лет изучались и вопросы, отражавшие действие противоположной тенденции – тенденции к усилению централизма, администрирования. Среди таких вопросов: попытки обоснования жесткого централизма и сверхобобществления в формировании главной производительной силы в условиях *военного*

хозяйства; анализ таких, порожденных войной, форм привлечения кадров в промышленность, как оргнаборы рабочей силы на селе, мобилизация трудоспособных жителей городов, не занятых в промышленном производстве, для проведения оборонных работ, использование женского и подросткового труда в промышленном производстве и т.д.

В постановке и решении многих вопросов, связанных с формированием главной производительной силы общества, повышением эффективности общественного труда в годы войны можно отметить ряд особенностей. *Во-первых*, преобладание прикладных исследований, направленных на выявление дополнительных источников пополнения народного хозяйства страны квалифицированными кадрами, факторов, влияющих на процессы формирования главной производительной силы, резервов ее наиболее эффективного размещения и использования. *Во-вторых*, особое внимание к вопросам перестройки профессионально-технического образования, перехода от фабрично-заводского *ученичества* к фабрично-заводскому *обучению*, развитию в годы войны таких форм оперативной переподготовки кадров, как наставничество, мастер-классы, краткосрочные курсы и т.д. *В-третьих*, серьезно изучались вопросы организации и осуществления скоростного строительства, организации поточного производства, внутрипроизводственной трудовой кооперации, распространения на предприятиях строжайшего режима экономии рабочего времени и ресурсов [29]. В целом, именно вопросы централизации и концентрации процесса формирования рабочей силы, повышения эффективности общественного труда нашли свое отражения в большинстве публикаций того времени. Среди автор, освещавших *эти вопросы можно назвать* А.Галицкого, А.Григорьева, И.Кузьминова, Г.Евстафьева, А.Курского, А.Лаврищева, И.Лаптева, А.Ляпина, Г.Мовшовича, П.Москатова, М.Сонина, Б.Сухаревского, К.Николаеву, Н.Шелехова, М.Ямпольского.

Однако, не смотря на довольно широкий круг авторов и их публикаций по этим вопросам, сугубо теоретические проблемы были объектом исследования далеко не часто. Теоретико-методологические аспекты формирования рабочей силы, расстановки и использования кадров, организации и повышения эффективности общественного труда затрагивались, как правило, косвенно и попутно с исследованием конкретных организационно-практических вопросов.

Важной особенностью в постановке и решении проблем формирования рабочей силы и повышения эффективности общественного труда в военный период было то обстоятельство, что эти вопросы рассматривались под углом зрения нужд военного хозяйства. Отсюда – и выводы экономической науки должны сегодня оцениваться в контексте тех конкретных изменений, которые происходили в экономике нашей страны в те суровые годы. Огромные массы квалифицированных специалистов ушли на фронт, либо остались на оккупированной врагом территории. Значительное число специалистов было эвакуировано в другие районы страны. Возникла необходимость переобучения квалифицированных специалистов из числа тех, чьи специальности оказались невостребованными в военное время. Наконец, возникла настоятельная потребность в привлечении в промышленное производство и жителей села, а также некоторых категорий граждан, которые в мирное время не были трудообязанными (подростков, инвалидов отдельных групп, женщин – многодетных матерей и проч.). Все это объективно требовало усиления централизации в плановом управлении процессами формирования главной производительной силы и в области ее распределения и использования.

Наиболее остро встал вопрос о скорейшей организации профессиональной подготовки новых кадров для промышленных предприятий. Уже в декабре 1941 года по 31 наркомату был разработан план подготовки новых кадров на первый квартал 1942 года. Он предусматривал обучение на краткосрочных курсах, в школах системы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и на производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества нескольких сотен тысяч человек. При средней численности рабочих в промышленности около 5,5 млн. человек, только в 1942 году было вновь (впервые) подготовлено и переподготовлено (т.е. обучено вторично) почти 4,4 млн. человек [30].

В условиях военного хозяйства появились новые формы привлечения людей к труду, существенно изменились *характер* и *форма* труда. Так, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», во всех отраслях промышленности, обслуживающих фронт, устанавливались обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов ежедневно. Исключение делали только для женщин, находившихся в

декретном отпуске, начиная с шестого месяца беременности и до шестого месяца кормления.

Это означало удлинение рабочей недели в среднем на 10 часов. Для лиц, не достигших 16-летнего возраста, сверхурочные устанавливались не более 2 часов в день. Тем же Указом были отменены на всех предприятиях и во всех учреждениях на период войны очередные и дополнительные отпуска, за исключением отпусков, предоставляемых по болезни [31].

Это по существу означало мобилизацию рабочей силы на территории СССР и обеспечивало «повышение экстенсивного ее использования» примерно на 30%, что было равносильно привлечению в промышленность не менее 1,5 млн. новых рабочих [32].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года все рабочие и служащие предприятий военной промышленности и обслуживающих ее отраслей народного хозяйства объявлялись мобилизованными для работы на своих предприятиях, где они трудились к моменту выхода Указа, без права увольнения или перевода на другие предприятия. Это исключало всякую текучесть кадров и связанную с ней потерю рабочего времени. Ни о какой безработице, даже в е «естественной» разновидности, в годы войны в нашей стране не могло быть и речи.

Это сегодня современная экономическая теория придумала форму «естественной безработицы», подразумевая под нею безработицу, связанную с переходом работника с одного места работы на другую (время поиска работы). Все лицемерие современных сторонников такой формы безработицы раскрывается в самом ее названии. Нет ничего *естественного* в том, что человек, потеряв по каким-либо причинам работу на одном предприятии, теряет время и тратит свои нервы на то, что бы найти себе работу на новом месте. Гораздо естественнее было бы увольняться и трудоустраиваться переводом и без потери времени. Когда же говорят о естественности *поиска* работы временно нетрудоустроенными гражданами в условиях современной интернетизации и компьютеризации, то ничего кроме сомнений во вменяемости подобных «ученых» быть не может.

Точно определить реальный уровень безработицы в нашей стране в период перестройки (1985-1991) и первые постперестроечные и сегодня не возможно, потому что из справочников «исчез» показатель распределения населения по источникам существования. А поскольку сегодня не действует прежняя советская норма об обязательном труде, то к категории безработных не относят

временно неработающих или работающих неполный рабочий день. А такие категории граждан экономическая наука связывает со срытой безработицей.

В годы войны труд был не только *всеобщим*; он считался *долгом* каждого трудоспособного гражданина, но и *обязательным*.

Для обеспечения пополнения промышленных предприятий страны новыми рабочими кадрами 13 февраля 1942 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве». В соответствии с ним, все трудоспособные граждане (мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа неработающих на государственных предприятиях и в государственных учреждениях) подлежали мобилизации для работы на производстве и в строительстве.

Помимо этого, в промышленность было привлечено значительное количество рабочих, главным образом женщин и подростков, из колхозов. От трудовой мобилизации освобождались лишь лица в возрасте от 16 до 18 лет, подлежащие призыву в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет при условии, что отсутствовали другие члены семьи. От трудовой мобилизации освобождались также учащиеся средних и высших учебных заведений [33].

На первый взгляд может показаться, что размах трудовой мобилизации был чуть ли не всеобщим. Но, если сравнить некоторые рудиментарные пережитки мобилизационного подхода, которые наблюдались в нашей стране в 90-е годы XX века и начале XXI столетия, то оказывается, что наша бюрократия успешно применяла «трудовую мобилизацию» и в мирное время. Чего стоит, например, использование студенческого труда на сельхозработах. В то время, когда студенты вузов даже в военное время освобождались от такой мобилизации, наши бюрократы с успехом и задаром использовали студенческий труд в мирное время. Или другой пример: мобилизация (призыв) студентов после первого курса обучения в вузе на действительную воинскую службу. В народе не случайно сформировалось негативное отношение не только к воинской службе, но и к армии в целом. Служить ради обеспечения неприкосновенности штатного расписания офицерского корпуса или для того, что строить генеральские дачи никто, естественно, не захочет. А гражданский долг состоит, как известно, не в том, что бы

служить в армии, а в том, чтобы *защищать свою Родину*. И защищать ее не на генеральской фазенде, и даже не в «горячих точках», безнаказанно создаваемых нашими безответственными бюрократами из соответствующих ведомств, а защищать ее здесь, у себя дома.

Распад СССР, осуществленный без единого выстрела и без всякого нападения врага извне, убеждает нас в том, что нам нужен не формальный воинский долг в форме всеобщей воинской обязанности в мирное время, а реальный патриотизм, который не сводится к этой самой обязанности. Смысл патриотизма как раз и состоит в том, что он формируется по указке сверху и не под давлением законов или распоряжений власти, и как внутренне обусловленная потребность самого человека беречь и защищать родное, родовое, свое [34].

Именно так понимал патриотизм И.А.Ильин, который, находясь в годы войны в вынужденной эмиграции в Швейцарии, писал: « Человек находит Родину не просто инстинктом, но инстинктивно укорененным *духом* и имеет ее *любовью*. А это означает, что вопрос о Родине разрешается в порядке *самопознания* и *добровольного избрания*» [35]. И далее: «Родина есть дело его *духовной свободы* и *добровольного духовного самоопределения*» [36].

В военное время патриотизм тружеников тыла был ничуть не меньшим, чем солдат на фронте. Сегодня почему-то сложилось пренебрежительное отношение к ветеранам труда. Отдельные руководители муниципальных образований позволяют себе даже отменять установленные государством льготы для ветеранов труда. Дошло до абсурда: государственные законы на местном уровне выхолащиваются и подменяются распоряжением местной администрации. В военное время за такие «креативные новации» должностному лицу грозила высшая мера социальной защиты – расстрел.

Патриотизм народа в военное время породил и такую форму трудовой активности, как «трудовые семестры». Студенчество военной поры не ждало, когда их привлекут, отмобилизуют, организуют, направят, определят. Оно само проявляло инициативу и стремилось, даже вопреки установленным льготам, помочь стране ковать Победу над врагом.

Все это вместе взятое означало тотальную трудовую мобилизацию населения Советского Союза, формирование «всеобщей армии труда», определенную милитаризацию процессов формирования, распределения, перераспределения и использования рабочей силы в

годы войны. Но, это важно подчеркнуть, эта «трудовая милитаризация» носила а) вынужденный характер; в) временный характер; с) инициативный характер, когда сам народ стремился к такой мобилизации. Поэтому суждения некоторых зарубежных исследователей о преднамеренном, заданном извне, насильственном характере трудовой мобилизации выглядят просто несерьезными и некомпетентными.

Это обстоятельство важно подчеркнуть, так как в современной отечественной литературе все еще встречается тезис о том, что вся экономическая система, существовавшая при Сталине, была целиком и полностью административной, насильственной (Н.Сванидзе, А.Ципко, Г.Мигранян, П.Крашенниников и др.). Поэтому, интересен вывод о том, что социально-экономическая система при И.В.Сталине далеко не всегда и не во всем была тотально административной, что «за пределами системы исправительно-трудовых лагерей рабочие обычно были вольны менять место работы и при ее выборе руководствоваться соображениями заработной платы и других материальных стимулов», что в СССР, в отдельные периоды его истории, даже был «своеобразный рынок рабочей силы» [37]. При всей необычности этих суждений обращает на себя внимание попытка автора выявить объективные доказательства действия тенденции к развитию самостоятельности и некоторой демократизации в экономической жизни общества. А тот факт, что в военное время сфера экономики, свободная от администрирования, резко сузилась, отнюдь не означает проявления тоталитарности в экономической жизни общества. В конце концов, понятия «тотальный» и «тоталитарный» не идентичны, и отождествлять их могут только популисты, но не серьезные исследователи.

Если же следовать логике, то экономическая система в СССР в 40-е годы XX века не была всецело административной, поскольку в ее развитии нашла свое проявление тенденция к расширению самостоятельности, самоорганизации, самоуправлению и демократизации. В противном случае саму систему нельзя было бы называть экономической. Когда Г.Х.Попов предложил использовать термин «командно-административная система», он вряд ли учитывал диалектическое единство двух противоположностей – двух основных тенденций социально-экономического развития любого общества и любой страны. Но, в публицистических интересах, это понятие было введено в лексикон и прижилось в нем. Однако, оно, как мы пытались показать выше, далеко не в полной мере отражает

сущность и содержание *советской системы хозяйства*, достаточно вульгарно и субъективно.

Рост в военное время масштабов обобществления труда и рабочей силы имел и еще один интересный аспект. Такое обобществление осуществлялось не формально, как порой это бывало в довоенный и послевоенный периоды нашей истории, а «*на деле*». Впервые эта идея обобществления труда «на деле» появилась еще у К.Маркса. Затем, как известно, В.И.Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» выдвинул аналогичную идею такого обобществления «на деле». Иначе говоря, предполагалось привлечь всех трудоспособных граждан к участию в *общем деле* – строительстве социалистической экономики. То обстоятельство, что в условиях тяжелейших военных лет в качестве способов такого привлечения использовались «трудовые мобилизации», «трудовая приписка», «бронирование», создание «трудовых армий» и т.д. говорит лишь о экстремальном характере ситуации, в которой такое обобществление труда происходило. В мирное время, и это показала последующая практика, трудовое законодательство было существенно демократизировано, социально-трудовые отношения стали гораздо более гуманными и справедливыми.

Комментируя приведенные выше Указы, касающиеся развития трудовых отношений в стране и методов формирования и использования рабочей силы, советские экономисты военного периода обращали внимание на то, что предлагавшиеся меры (мобилизации, расширение числа «режимных» предприятий, массовое использование труда заключенных, привлечение миллионов рабочих, служащих, учащихся к сельскохозяйственным и иным работам и т.д.) не позволяли полностью снять проблему дефицита рабочей силы, вели к перекосам и нарушениям межотраслевых связей, пропорций, сложившихся еще в довоенный период, негативно сказывались на развитии других сфер народного хозяйства (аграрный сектор, сфера услуг, образование и т.д.).

В целом, как отмечал А.Курский, мероприятия по обеспечению промышленности рабочей силой осуществлялись по следующим направлениям:

-закрепление рабочих и служащих для постоянной работы на предприятиях военной промышленности и обслуживающих ее отраслей;

-мобилизация трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на оборонных предприятиях и на строительстве заводов;
-мобилизация сельского населения для работы в промышленности;
-подготовка квалифицированных рабочих в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах и их распределение по отраслям промышленности;

При этом А.Курский особенно важным обстоятельством для решения вопросов обеспечения промышленности квалифицированными кадрами считал совершенствование планирования подготовки специалистов [38].

Такие экономисты, как М.Сонин, Г.Мовшович, И.Кузьминов, П.Москатов особое внимание уделяли вопросам совершенствования качества рабочей силы, повышению квалификации рабочих, совершенствованию и переподготовки кадров. Именно с решением этих вопросов они в значительной мере связывали преодоление падения производительности труда, имевшего место во второй половине 1941 – первой половине 1942 годов.

Перестройка в системе подготовки квалифицированных кадров для промышленности началась еще до войны, когда наметился переход от системы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) к фабрично-заводскому обучению (ФЗО). Разница между этими двумя формами подготовки кадров состояла в том, что система ФЗУ предусматривала достаточно широкое гуманитарное образование, а в рамках ФЗО гуманитарные дисциплины были сведены к минимуму и включены в учебные планы в весьма ограниченных масштабах. В военное время, как говорится, «было не до того». Мы уже упоминали, что именно в годы войны особое внимание стало уделяться *пропаганде* марксистско-ленинских идей среди молодежи, а в вузах был введен в качестве обязательного предмета изучения курс политической экономии. Тем самым, в системе ФЗО собственно *образовательный* компонент в системе получения гуманитарных знаний был заменен *пропагандистским* компонентом.

Кроме того, система ФЗУ ориентировала учащихся на теоретическое освоение технических дисциплин, не предусматривала или предусматривала крайне малое количество часов, отводимых для производственной практики учащихся (на предприятиях).В военное время такой крен в сторону теоретического обучения необходимо было исправить.

Анализируя переход с системы ФЗУ к ФЗО, М.Сонин писал, что этот переход осуществлялся на принципе мобилизации (призыва) [39]. Среди недостатков прежней системы ФЗУ он называл следующие: преобладание теоретической подготовки над практикой, «отрыв от нее»; «кустарный характер» подготовки и длительные сроки обучения с большим удельным весом общеобразовательных и теоретических дисциплин; почти полное отсутствие производственной практики на промышленных предприятиях; малочисленность контингента учащихся. По мнению М.Сонина, новая система ФЗО должна быть построена на принципиально иной основе: учащиеся школ ФЗО и ремесленных училищ с первых дней не должны быть оторваны от практики, а обучаться в максимально приближенных к заводским условиях; они должны проходить регулярную ежемесячную практику в цехах, на участках, в бригадах рабочих, на стройках. При этом устанавливался минимум общеобразовательных дисциплин и соответствующее количество часов, отведенных для их преподавания. Главное же внимание должно уделяться именно профессионально-техническому образованию, использованию практических методов в обучении, выдаче и контролю за исполнением полученных заданий. Собственно говоря, именно в военное время понятия»образование» и обучения» стали трактоваться в соотношении «*общее*» и «*особенное*». Образование, как понятие более широкое, предполагало, помимо обучения, еще и практику.

На повышение роли именно технического обучения в общей подготовке квалифицированных кадров обращали внимание Н.Немов, М.Тупикин, М.Добров, которые связывали освоение и широкое использование новой техники и технологии как раз с совершенствованием технического обучения [40].

Реорганизация системы профессионально-технического обучения (ПТО) в годы войны потребовала углубления специализации многих школ ФЗО и ремесленных училищ. Эта особенность в развитии системы ПТО была отмечена Г.М.Мовшовичем, который рассматривал специализацию училищ и школ как проявление тенденции к укреплению связей всей системы подготовки кадров в народном хозяйстве с общественным производством [41]. Особое место он обращал внимание на то обстоятельство, что специализация школ и училищ в годы войны осуществлялась в высшей степени динамично и на основе заключения прямых соглашений и договоров между учреждениями системы ПТО и промышленными

предприятиями. Это позволяло, по мнению автора, не просто правильно определить профиль и новые направления подготовки специалистов в образовательных учреждениях, но и сделать процесс такой подготовки более практико-ориентированным. Интеграция образования и производственной практики в годы войны действительно стала более динамичной. И это понятно, ведь именно в интеграции действует закон *удвоения качества процесса.* Подкрепляя теоретические знания практическими навыками выполнения определенных операций, учащиеся школ и училищ одновременно и повышали качество своей подготовки.

При этом, важную роль в совершенствовании подготовки специалистов играла и прямая кооперация школ и училищ с промышленными предприятиями и стройками. И это также увеличивало эффективность подготовки специалистов для нужд промышленных предприятий в годы войны. Вспомним классику. Подобно тому, как сила нападения эскадрона кавалерии или сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы механических сил нападения и сопротивления, которые способны развивать отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно также и механическая сила отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же операции (К.Маркс).

Вызванные военным временем изменения в содержании и способах подготовки специалистов в системе ПТО потребовали пересмотра сложившихся еще в довоенное время представлений о значении краткосрочных форм обучения. Роль этих форм в военное время существенно возросла. Военная обстановка показала преждевременность и ошибочность прежнего курса на свертывание краткосрочных форм подготовки рабочих кадров, который был взят после Всесоюзного совещания состоявшегося в феврале 1929 года. Затем И.В.Сталин подтвердил этот курс на XVI съезде партии (1930) и на Всесоюзном съезде стахановцев (ноябрь 1935 года). Хотя целесообразность использования краткосрочных форм подготовки в довоенное время формально признавалась, но основной формой подготовки предлагалось считать «фабзавучи» [41].

Анализ таких документов, как Постановление ЦИК и СНК СССР «О подготовке технических кадров для народного хозяйства Союза ССР» от 13 января 1930 года, Указ Президента Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» от 2 октября 1940 года и ряда других документов предвоенного и военного времени

свидетельствует, на наш взгляд, о серьезной недооценке высшим партийным и государственным руководством нашей страны краткосрочных форм подготовки кадров до войны и о постепенном преодолении этой недооценки в военный период.

На возрастание роли именно краткосрочных форм обучения кадров в период Великой Отечественной войны обращали внимание многие экономисты тех лет. Так, И.Кузьминов, например, считал ее даже важнейшей, определяющей [42]. С этим был не согласен Г.Мовшович, полагавший, что важнейшим источником пополнения кадрами народного хозяйства СССР остаются Государственные трудовые резервы (ГТР). Он, в частности, писал: «Главный недостаток, наблюдающийся в практике индивидуального обучения – отсутствие системы. На многих предприятиях обучение ведется без определенных, а то и без всяких планов и программ, производственное обучение не дополняется теоретическим курсом» [43].

На основании этих оценок И.Кузьминов и Г.Мовшович предлагали различные рекомендации по реорганизации системы ПТО. Так, Г.Мовшович высказывался в пользу развития бригадных форм скоростного обучения, а само скоростное обучение, являвшееся, по его мнению, разновидностью краткосрочного обучения, рассматривал в целом как элемент, дополняющий систему Государственных трудовых резервов. И.Кузьминов, в свою очередь, полагал, что все преимущества – на стороне индивидуального, а не бригадного, обучения. Он считал, что именно индивидуальная форма обучения является важнейшей в скоростной подготовке кадров, но вынужден был признать, что определенные преимущества имелись и у группового обучения. К их числу И.Кузьминов относил то, что групповое (бригадное) обучение способно было давать больше возможности мастеру, наставнику, учителю оперативно контролировать ход обучения будущих специалистов. Важным преимуществом было также то, что при коллективном обучении требовалось меньше руководителей (педагогов) и можно было бы для этих целей выделить наиболее опытные и авторитетные кадры. Поэтому для ускорения процесса подготовки квалифицированных кадров И.Кузьминов предлагал «применять в основном индивидуальную форму обучения», но «групповым методом проходить техникум» [44].

Наряду с изучением вопросов, связанных с соотношением краткосрочных и долгосрочных форм обучения кадров в военное время, в экономических исследованиях тех лет ставились и

рассматривались также вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием содержания и технологии обучения. Например, М.Сонин, Г.Мовшович, Н.Шелехов уделяли внимание анализу такой конкретной формы краткосрочного обучения, как *инструктаж*. Эта форма обучения рассматривалась экономистами военной поры как наиболее эффективная форма производственного обучения. Можно с полным основанием сделать вывод о том, что представления отечественных экономистов на этот счет развивали ранее сформулированные подходы и концепции производственного обучения Д.К.Советкина, С.А.Владимирского и А.К.Гастева.

Дмитрий Константинович Советкин (1838 – 1912) разработал, как известно, операционную систему производственного обучения, предполагавшую обучение не изготовлению изделий, а приемам и элементам (операциям), из которых складывается процесс труда. Эта концепция была логическим следствием накопленного к тому времени (в результате осуществления второй индустриализации российской экономике при С.Ю.Витте) опыта разделения труда в крупном фабрично-заводском производстве. Непосредственная связь обучения с производством дала возможность концепции Д.К.Советкина стать основой для разработки в начале XX века конвейерной системы на производстве. Поскольку в годы Великой Отечественной войны именно конвейерное производство получает широкий размах, эта концепция вновь оказалась востребованной. Учитывая ее основные положения экономисты военного времени предлагали развивать не только и не столько *подетальную* специализацию на производстве (когда конкретный работник изготавливает отдельную деталь), а именно *операциональную* специализацию, в процессе которой каждая конкретная операция осуществляется отдельными специалистами и за этот счет обеспечивается ее максимально высокое качество (например, при фрезеровке, формовке, монтаже и проч.).

Сергей Алексеевич Владимирский (1860 – 1902) предложил не сводить освоение ремесла (специальности) к изучению только основных приемов и операций, а проводить обучение так, чтобы полученные навыки и умения учащийся умел применить при изготовлении конкретных изделий. При этом особое внимание обращалось на самостоятельность учащегося (работника),его способности творчески применять полученные навыки и умения при изготовлении сложных изделий (деталей). По мнению автора этой концепции, обучение той или иной специальности должно

соответствовать достигнутому уровню развитию промышленности. Отсюда следовало требование проводить обучение на передовой материально-технической базе.

Очень интересной была и концепция подготовки кадров и производственного обучения, предложенная Алексеем Капитоновичем Гастевым (1882 – 1941). С его точки зрения, профессиональная школа – это предприятие, имеющее отдельный учебный цех, формирующий работников конкретной квалификации [45]. Возглавляемый А.К.Гастевым Центральный институт труда (ЦИТ), созданный еще в 1920 году, активно разрабатывал вопросы организации и планирования рабочей силы. Благодаря коллективу этого института, собственно, и были созданы к началу 40-х годов Государственные трудовые резервы. Но уже в 1929 году на Всесоюзном совещании по проблемам подготовки рабочих кадров в адрес А.К.Гастева прозвучала, во многом совершенно неаргументированная и вздорная, критика за то, что он «преувеличивал» значение краткосрочных и «недооценивал» роль долгосрочных форм подготовки кадров. Если в довоенный период главным фактором, требовавшим ускорения подготовки квалифицированной рабочей силы была индустриализация, ее бурный рост, то в военное время таким фактором стала сама обстановка военных лет. Пополнение промышленных предприятий новыми специалистами нельзя было откладывать не только на два или три года, но даже на год. При этом быстрыми темпами шло и обновление материальной базы производства, появлялись и внедрялись в производство новая техника и новые технологии. Поэтому повышенное внимание А.К.Гастева именно к краткосрочным формам обучения вполне оправдало себя уже в предвоенное время, а во время войны к этим формам подготовки кадров внимание стало еще более пристальным.

Но, если в практическом плане, идеи отечественных ученых по организации производственного обучения были в военное время востребованы, то в научном историко-экономическом плане они практически не изучались. Организация производственного обучения шла в большей степени методом проб и ошибок. В экономической литературе военных лет практически нет упоминаний о работах А.А.Богданова, Д.К.Советкина, С.А.Владимирского, А.К.Гастева и других ученых. Естественно, что в условиях идеологического противостояния гуманитарных наук в нашей стране и за рубежом, в экономической литературе военного времени практически не

исследовался и опыт формирования рабочей силы и ее планирования, который имелся на Западе. Работы представителей различных направлений в зарубежной науке менеджмента (Ф.Тэйлор, Ф.Гилберт, Л.Гилберт, А.Файоль) советские исследователи не использовали и не изучали. Поэтому многие идеи, высказанные зарубежными специалистами в годы войны, оказались для отечественной науки «запретными», «закрытыми». И, в свою очередь, ряд основных идей в области перестройки системы подготовки кадров, высказанных отечественными экономистами, оказались возвратом к наработкам российской науки 20-х годов XX века.

Это, в частности, относится и к идее широкого использования инструктажа как формы скоростной подготовки кадров. Н.Шелехов, например, отмечал, что инструктаж имеет много общего с наставничеством, может быть «устным с практическим показом», или «письменным», в виде написанных инструкций. Но, в любом случае, при инструктаже должна быть четко расписанная программа обучения. И «эта программа должна быть краткой, четкой, последовательной, практической. Например: устройство станка; обращение с ним; свойства материалов; правильная организация рабочего места; наилучшие приемы работы на станке; правила техники безопасности и т.д.» [46].

М.Сонин также подчеркивал, что «инструктаж является наиболее эффективным способом передачи профессиональных навыков рабочим» [47]. Выделяя производственно-техническое обучение как важнейший элемент в подготовке квалифицированных кадров в годы войны, ученые особо обращали внимание на инициативность самих учащихся в освоении и применении ими полученных знаний. Особенно это касалось организации различных починов и движений. Нужно заметить, что рекорды Агаркова, Бусыгина, Кривоноса, Лунина, Стаханова и многих других ударников устанавливались не по партийному заданию и не по программам вышестоящих органов, а именно инициативно. И опыту таких инициативных починов и движений также предлагалось обучать будущих специалистов. Так, М.Сонин предлагал в качестве важнейших задач массового обучения нового пополнения рабочих кадров считать следующее: *во-первых*, пропаганду и обучение передовому опыту починов, движений, социалистического соревнования самых широких масс учащихся; *во-вторых*, дальнейший разворот работы по обучению молодежи нужным в условиях военного времени профессиям; *в-третьих*, дальнейший разворот работы по обучению женщин ведущим

специальностям; *в-четвертых*, улучшение качества подготовки специалистов и развитие новых форм обучения, как долгосрочных и среднесрочных, так и долгосрочных, как групповых, так и индивидуальных, но отдавать приоритет тем формам обучения, которые обеспечивают наиболее быстрое и качественное освоение профессии; *в-пятых*, особое внимание в подготовке кадров обращать на сокращение брака, экономию ресурсов, повышение технологической дисциплины; *в-шестых*, особое внимание обратить на обучение рабочих по совмещению профессий; *в-седьмых*, наладить организацию помощи в дальнейшем техническом обучении выпускников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ [48].

Важным моментом в исследовании вопросов подготовки квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства было изучение вопросов развития и совершенствования организации социалистического соревнования как фактора такой подготовки. Предлагалось организовывать соревнование среди самих учащихся, обращалось внимание на мотивацию к соревнованию, на стимулирование в достижении лучших показателей. При всех своих издержках и негативных проявлениях оно явилось в годы войны важным условием развития всей системы ПТО, поскольку вносило в процесс обучения будущих специалистов личную заинтересованность, развивало у них желание и стремление к лидерству и, соответственно, лидерские свойства самой личности.

К сожалению, исторический опыт решения задачи скоростной подготовки и переподготовки квалифицированных кадров методами социалистического соревнования (например, при использовании такой его формы, как работа мастера и ученика по единому наряду) оказался практически не изученным в советской экономической литературе. В частности, З.Лихолобова высказала мнение о том, что, хотя первые экономические исследования по проблемам стахановского движения как одной из наиболее распространенных форм организации социалистического соревнования, были в нашей стране проведены еще в 30-х и 40-х годах XX века, но в годы войны они были существенно сокращены, а в послевоенные годы практически совсем исчезли [49].

Это замечание нуждается, однако, в уточнении. Для военного времени приведенное выше суждение не справедливо. В предвоенные годы данная проблематика нашла свое отражение в работах О.Ерманского, И.Кузьминова, И.Окуневой [50]. В годы войны вопросы организации социалистического соревнования

получили свое освещение в исследованиях Г.Евстафьева, И.Кузьминова, Б.Сухаревского, М.Сонина, Н.Шелехова и многих других ученых. Да и после окончания войны эта тематика далеко не сразу исчезла со страниц экономических изданий.

При этом, именно в годы Великой Отечественной войны вопросы организации соревнования между учащимися системы ПТО стали рассматриваться больше не в теоретико-методологическом аспекте (проработка принципов обучения, методики преподавания и т.д.), а в предметно-практическом (прикладном) плане, с точки зрения решения конкретных производственных задач. В этом также нашло свое отражение усиление предметно-практической (инструментальной) функции экономической науки по сравнению с ее теоретико-методологической (мировоззренческой) функцией.

На тесную увязку вопросов организации социалистического соревнования и подготовки квалифицированных рабочих кадров ориентировали многие официальные документы тех лет.

Например, в Постановлении СНК СССР от 21 мая 1942 года «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» предусматривалось установить рабочим, обучавшим учеников, доплату к заработку в 50, 75 и 100 рублей соответственно при 1, 2 и 3-х месячном обучении. Предусматривалось также поощрение наставников за успешную сдачу их учениками установленных норм. При бригадной форме обучения оплата за ученичество составляла от 25 до 30 рублей, самим же ученикам оплата труда устанавливалась в размере соответствующей на данном предприятии тарифной ставки повременщиков 1 разряда [51]. Как видно из этих мер, материальное стимулирование и товарно-денежные рычаги использовались государством в организации подготовки кадров в годы войны в полной мере.

Анализ содержания этого и многих других документов военного времени, а также работ отечественных экономистов, свидетельствует не только о том, что государство отдавало предпочтение краткосрочным формам подготовки рабочих кадров, но и предпочитало, чтобы такая подготовка осуществлялась в индивидуальной форме обучения. Хотя при коллективных формах обучения экономилось время и площади, тем не менее качество обучения оставляло желать лучшего. В этой связи возникал вопрос о том, как сочетать социалистическое соревнование за достижение высокой производительности труда как форму коллективной социальной активности работников с их участием в подготовке

квалифицированного пополнения для народного хозяйства. Причем, это касалось не только промышленных предприятий, но и развития сельскохозяйственного производства. О внимании государства к аграрному сектору экономики в военный период свидетельствуют такие Постановления СНК СССР, как «О мерах про восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» (23 января 1943 года), «О мероприятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий» (18 марта 1943 года), «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности» (13 апреля 1943 года), «О строительстве тракторных заводов и развития производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства» (18 февраля 1944 года), «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства» (14 марта 1944 года), «О развитии сельской электрификации» (8 февраля 1945 года) и др.

В самом деле, мобилизация трудоспособного сельского населения в первые годы войны для нужд промышленного производства в значительной мере обескровила село. В военное время многие деревни опустели, в других селах численность населения многократно сократилась. За счет привлечения трудоспособных сельских жителей к обязательному фабрично-заводскому обучению и направлению их на промышленные предприятия значительно были пополнены Государственные трудовые резервы.

И все-таки, государство рассматривало в качестве ключевой задачи развития системы ПТО в стране подготовку рабочих кадров, причем на основе наставничества, ученичества, инструктирования и иных краткосрочных форм обучения.

В апреле 1942 года токарь Уральского завода тяжелого машиностроения
им. С.Орджоникидзе П.Спехов выступил с почином, чтобы каждый ученик и его наставник работали по единому производственному наряду (заданию), а их заработок становился общим. Конечно, далеко не все поддержали этот почин. Возникали опасения в непропорциональном разделе полученного заработка, в том, что наставник случаи, связанные со срывом (недовыполнением) наряда будет списывать на ученика, как на обузу и т.п. Но в большинстве регионов страны этот почин был принят. Инициативы П. Спехова, а также вопросы, связанные с движением за совмещение профессий,

формированием так называемых «гвардейских бригад» и «фронтовых бригад» на производстве получили освещение во многих экономических публикациях военной поры.

К числу важнейших резервов по формированию главной производительной силы советские экономисты относили использование человеческих ресурсов села, перевод служащих на военное и в промышленное производство, привлечение подросткового и женского труда в промышленности, более четкое размещение кадров в соответствии с полученной работников специальностью, грамотную и своевременную ротацию кадров, развитие производственного рабочего самоуправления и т.д.

Мобилизация трудовых ресурсов для работы в промышленности, как уже отмечалось, негативно сказывалась на развитии не только сельскохозяйственного производства, но и на сфере обслуживания, в том числе и на сфере образования. Получался некий замкнутый круг: нехватку промышленных кадров пытались компенсировать путем привлечения ресурсов из сферы сельского хозяйства системы образования, а систему образования необходимо было развивать и приближать к производству, для чего в нее привлекались квалифицированные промышленные и аграрные кадры.

Чтобы каким-то образом нормализовать ситуацию, государство пошло на беспрецедентные для военного времени меры: Постановлением СНК СССР и ВКП(б) от 17 апреля 1942 года совнаркомам союзных республик, краевым и областным исполкомам в наиболее напряженные периоды проведения сельскохозяйственных работ в 1942 году было разрешено в порядке мобилизации на работы в колхозы, совхозы и МТС привлекать (помимо самого сельского населения) различные категории граждан. К таким категориям относились: *во-первых*, трудоспособные граждане из числа городских и сельских жителей, не работающих на предприятиях промышленности и транспорта; *во-вторых*, часть служащих государственных, кооперативных и общественных организаций и учреждений, в первую очередь – из работников Наркомзема и Наркомсовхозов, однако, не в ущерб работе самих организаций и учреждений; *в-третьих*, учащихся 6-10 классов неполных средних и средних школ, студентов техникумов и вузов, за исключением выпускного курса вузов. Конечно, эти меры были чрезвычайными и принимались для условий военного времени [52]. Но их рудиментарное сохранение на протяжении почти шестидесяти пяти лет представляет собой свидетельство реликтового мышления

наших руководителей. Мы так и не научились в мирное время использовать нормальные и характерные для мирной ситуации методы формирования рабочей силы на селе. Спасение урожаев в разных областях и регионах нашей страны в начале XXI века руками студентов, которых в начале учебного года на месяц-два отрывают от их основного дела – учебы – типичное дело. Но «война за урожай» - это не Великая отечественная война, а доказательство бездарности наших бюрократов-чиновников, и не более того.

Следует подчеркнуть, что экстраординарные методы формирования, размещения и использования рабочей силы в годы войны до сих пор по-разному оцениваются в печати. Но, как бы там ни было, для своего времени они были оправданы и способствовали более быстрому решению стоявших в то время конкретных хозяйственных задач.

И, тем не менее, противоречивость в самой экономической политике вполне проявила себя уже в военное время. Отсюда – противоречивость в содержании многих решений и постановлений. Так, проводившаяся практически одновременно трудовая мобилизация сельского населения для работы на промышленных предприятиях и встречная (от) мобилизация (оргнаборы) рабочей силы кадров из промышленности в село вносили определенный элемент неразберихи и неопределенности в вопросы рационального размещения и использования кадров.

Негативные последствия такого сверх централизованного распределения и перераспределения рабочей силы отмечались в литературе тех лет. Например, М.Сонин подчеркивал, что возросла численность трудящихся, занятых не по специальности, что в целом обострилась проблема правильной расстановки и использования квалифицированных специалистов, что оргнаборы рабочей силы на селе поставили в трудное положение сельское хозяйство, вызывали необходимость оказания дополнительной помощи деревне со стороны государства и самих промышленных предприятий. Эти довольно критичные для своего времени суждения свидетельствуют о том, что экономическая наука далеко не всегда выступала с апологетических позиций и отнюдь не во всем разделяла излишний оптимизм государственных и партийных чиновников по поводу принимавшихся в военные годы управленческих решений.

Естественно, что многие экономисты прямо не выступали против «генеральной линии», и вынуждены были критиковать принимаемые решения эзоповским языком, с оглядкой на последствия от такой

критики. Так, то же М.Сонин не выступал против трудовых мобилизаций, прямо не критиковал экономическую политику государства в вопросах формирования и использования рабочей силы, на настоятельно предлагал упорядочить практику оргнаборов рабочей силы на селе и в городах с тем, чтобы не нарушать необходимую пропорциональность и динамику развития различных отраслей народного хозяйства. По мнению М.Сонина, сам перевод людей с одного места работы на другое связан с действием при социализме законов экономии времени и перемены труда. Но при необоснованном переводе работника из одной сферы хозяйства в другую возникают потери и самого рабочего времени (переезды, переобучение, переподготовка и т.д.) и в производительности труда. Перемена рода занятий, по мнению автора, не может происходить безболезненно для самого рабочего и для предприятия в целом. Поэтому, как предлагал М.Сонин, перевод людей с одного места работы на другое должен осуществляться, если в этом возникает необходимость, с наименьшими потерями, при активной подготовительной работе по упрощению и сокращению штатов, при соблюдении очередности «в смысле привлечения сначала требуемых квалифицированных рабочих, занятых не по специальности, затем служащих, в особенности государственных и общественных учреждений торговой сети» [53]. Со строгим соблюдением этих условий автор связывал возможность расширения промышленного и сельскохозяйственного производства в условиях войны достаточность для этого трудовых ресурсов в стране.

В годы войны широкое распространение в стране получила практика привлечения в промышленность женского труда. Это и понятно, поскольку основная часть мужского трудоспособного населения оказалась мобилизованной на фронт Великой Отечественной войны. Отмечая, что женщины стали осваивать тяжелые и вредные для здоровья профессии, М.Сонин расценивал это обстоятельство как проявление эмансипации, как норму и даже как «особый успех социалистической экономики». К.Николаева в большей мере связывала использование женского труда на тяжелых и вредных видах работ с военной обстановкой и нехваткой мужской рабочей силы. Она рассматривала это явление как чрезвычайную и временную меру [54].

На возрастание роли женщин в промышленном производстве и строительстве указывал Е.Ярославский, считавший это обстоятельство свидетельством трудового героизма советских людей

[55]. В свою очередь И.Кузьминов рассматривал практику использования женского труда в промышленности, строительстве и на транспорте как социально-экономическую закономерность, но ставил ее в зависимость от развития механизации производства, фондовооруженности труда, развития социальной сферы – развития детских и бытовых учреждений, ликвидации неравенства в оплате мужского и женского труда [56].

Спустя шестьдесят пять лет рудиментарное сохранение атавизма военного времени мы можем наблюдать в нашей постсоветской экономике. Женский труд используется и в горячих цехах, и на стройках, и на транспорте. Вальцовщицы и шлифовщицы на промышленных предприятиях, маляры и штукатуры на стройках, асфальтоукладчики и ремонтницы на наших дорогах, водительницы троллейбусов и трамваев – в основном женщины. Думается, что это совершенно ненормальное явление для экономики страны, считающей себя индустриально развитой.

Другим важным источником формирования рабочей силы в нашей стране в годы войны являлась индивидуальная трудовая деятельность, надомничество. Особый интерес в настоящее время представляет отношение советских экономистов той поры именно к этой индивидуально-трудовой форме деятельности. Естественно, что ее нельзя рассматривать как форму предпринимательской деятельности, поскольку сама организация и характер надомничества в военное время принципиально отличаются от принципов организации и характера предпринимательской деятельности.

Многие исследователи, сторонники всеобщего обобществления труда и мобилизации всех трудовых ресурсов страны, не оставляли индивидуальной форме трудовой деятельности места при социализме. Однако, вставал вполне конкретный вопрос: как использовать труд инвалидов, многодетных матерей, лиц с ограниченными возможностями для того, чтобы от этого была общественная польза? В условиях предельного напряжения всех сил и эта часть населения нашей страны могла внести свой посильный вклады в дело Победы.

Тем ценнее, что некоторые исследователи, не боясь возможных обвинений в свой адрес, выступали за развитие и использование этих форм организации труда, считали их не только допустимыми при социализме, но и общественно полезными. Они отвергали обвинения своих оппонентов в склонности к использованию мелкобуржуазных пережитков в экономике. Полагали, что надомничество,

индивидуальная трудовая деятельность, а также отхожие промыслы, местная кооперация и другие формы организации труда могут быть эффективно использованы в целях увеличения производства товаров широкого потребления, снабжения армии необходимыми средствами (продуктами питания, одеждой, обувью и т.п.). Высказывались соображения о необходимости дальнейшего развития промышленной, промысловой, потребительской и сбытовой кооперации и оказания помощи со стороны государства лицам, занятым в кустарном деле, на дому.

В этой связи вызывает удивление тот факт, что даже в тяжелейшее военное время среди экономистов все-таки находились люди, которые продолжали «гудеть в идеологическую трубу» и «вешать ярлыки» (Г.Александров, К.Островитянов, Е.Ярославский и др.). Но были т такие, которые категорически возражали против любых попыток принижать значение индивидуальной трудовой деятельности. Среди таких экономистов необходимо назвать А.Любимова. Он писал, что в сельской местности правильная организация надомничества может дать большой приток рабочей силы. В этом он видел одно из основных условий развития местной промышленности, выпуска товаров широкого потребления. «У многих работников
Местной промышленности, – отмечал он, – есть стремление организовать производство только в крупных центрах. Но это неправильно. Потребность в предметах широкого потребления огромна, и, чтобы удовлетворить ее, следует развивать их производство и в местной промышленности, и в промышленной кооперации» [57].

Вопросы о развитии индивидуальной трудовой деятельности, надомничества, местной кооперации, увеличения выпуска товаров широкого потребления, развития инициативы и предприимчивости трудящихся на местах в той или иной степени затрагивались во многих исследованиях военного времени [58].

Необходимо признать, что и управленческие решения партийных и государственных органов в военное время также, были направлены на развитие местной промышленности, кооперации, индивидуальной трудовой деятельности. Об этом свидетельствует, например, Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» от 7 апреля 1942 года. В нем было установлено право для рабочих и служащих, а также лицам, эвакуированным с прежнего места жительства,

пользоваться приусадебными участками земли в размере 0,15 га. Но здесь же было сказано: «Установить, что подсобные хозяйства привлекаются к обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов с переданных им во временное пользование земель колхозам по нормам, установленным для подсобных хозяйств». И далее: « Установить, что рабочие, служащие и эвакуированное население, которым предоставлены земельные участки под огороды, привлекаются к обязательным поставкам государству картофеля в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 16 апреля 1940 г. «Об обязательной поставке картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами» и Постановлением Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома СССР от 1 августа 1940 г. «Об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов» [59]. Из текста приведенного документа следует, что индивидуальная трудовая деятельность населения в годы войны была логическим продолжением предвоенной политики государства. Но здесь же имеются и четкие ограничения, накладывавшиеся государством на индивидуальную трудовую деятельность, которую нельзя никак отождествлять с предпринимательской деятельностью: обязательный характер поставок продукции в пользу государства по установленным нормативам и твердым (а не рыночным) ценам.

Другой интересный документ той эпохи, свидетельствующий о внимании к индивидуальной трудовой деятельности – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по дальнейшему развитию подсобных хозяйств промышленных наркоматов» от 18 октября 1942 года. Для работы в подсобных хозяйствах могли привлекаться на неполный рабочий день или на условиям сдельной оплаты лица с ограниченной трудоспособностью. В четвертой части этого Постановления «По заработной плате и премированию. По руководящим кадрам» были четко предусмотрены конкретные ставки заработной платы и нормы премирования [60]. Никаких злоупотреблений, подобных тому, когда руководители выписывали себе такую заработную плату или такие премиальные, какие вздумается, в военное время просто не могло быть. Это сегодня руководители предприятий и организаций могут позволить себе жировать за счет работников. Когда месяцами не выплачивается или не индексируется заработная плата последним.

На всемерное расширение практики индивидуальной трудовой деятельности и развитие кооперации нацеливало также Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 года «О мерах по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов». Принятое уже после окончания Великой Отечественной войны, оно предусматривало, что 50% прибыли, получаемой сверх плана предприятия местной промышленности и кооперативы могли оставлять у себя: 25% из остававшейся в их распоряжении сверхплановой прибыли направлялось на развитие подсобных хозяйств и культурно-бытовое обслуживание и 25% - на премирование работников за производственные достижения [61].

Если рассматривать эти и многие другие управленческие решения в комплексе и взаимосвязи, то напрашивается вывод о том, что индивидуальная трудовая деятельность рассматривалась как нормальное явление социалистической системы хозяйства. Поэтому рассуждения некоторых современных публицистов, историков и экономистов (Р.Медведев, В.Селюнин, Г.Попов, А.Ципко, Н.Шмелев и др.) о будто бы полном обобществлении народного хозяйства при И.В.Сталине не выдерживают никакой более или менее серьезной документальной проверки. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении более ранних исследований 60-70-х годов XX века [62].

В современных социально-экономических условиях наиболее отчетливо видны преимущества именно индивидуальной трудовой деятельности и такой ее популярной формы как надомничество. Высокая степень информатизации и развитие глобальных компьютерных сетей делают не только возможным, но и эффективным ведение хозяйственной, в том числе и индивидуальной трудовой деятельности именно на дому.

По этому поводу известный американский социолог Э.Тоффлер посвятил в своей знаменитой книге «Третья волна» специальную главу «Электронное жилище», в которой пишет: «За нашим продвижением к новой системе производства кроется возможность социальных изменений, настолько поражающих своими размерами, что мало кто из нас хотел бы оказаться с ними лицом к лицу. Ведь мы стоим и перед революционизированием и нашего дома (...) Три сотни лет назад, наблюдая массу крестьян, работающих на полях, лишь безумец мог бы вообразить, что скоро настанет время, когда поля опустеют, а люди будут собраны на городских заводах, где

станут зарабатывать на хлеб насущный (...) Сейчас требуется смелость, чтобы предположить, что наши самые большие заводы и офисные здания могут еще при нашей жизни наполовину опустеть (...) Но это вполне возможно при новом способе производства: при возвращении к *домашнему производству* на новой, более высокой, электронной основе и с новым отношением к дому как к центру общества» [63].

Кроме того, можно сослаться и на такого авторитетного специалиста в области компьютеризации, как Б.Гейтс, который в одной из своих последних книг «Бизнес со скоростью мысли», в специальном параграфе «Революция в быту» также пишет: «Компьютерные устройства станут неотъемлемой частью нашей повседневной жизни». И далее, в параграфе «Устраняя ограничения в жизни и работе» он утверждает: «Распространение веб – стиля в работе и жизни будет иметь огромные социальные последствия (...) Веб – стиль изменит стиль общения компаний с клиентами и правительств с гражданами. В конечном итоге именно клиент-гражданин станет играть основную роль в этих взаимоотношениях» [64].

Это – что касается современных оценок потенциала надомничества, т.е. индивидуальной хозяйственной (трудовой и предпринимательской) деятельности *на дому* в условиях развитого информационного общества.

Естественно, что интересный практический и теоретический опыт, накопленный в годы Великой Отечественной войны в области развития различных форм индивидуальной трудовой деятельности, представляет интерес и сегодня, в условиях частых антропогенных и техногенных катастроф, участившихся форс-мажорных ситуаций в мировой и отечественной экономике, да и различных локальных военных конфликтов.

Исследование всего многообразия конкретных вопросов в области использования индивидуальной трудовой деятельности как дополнительного источника формирования рабочей силы подталкивало советских экономистов военных лет к необходимости определения сущности и содержания самого процесса воспроизводства главной (рабочей) производительной силы общества в новых социально-экономических (социалистических) условиях.

В целом, в понятие «воспроизводство рабочей силы» большинство исследователей тех лет включали: рост численности работников; плановую подготовку и переподготовку рабочей силы; рациональное

размещение и использование рабочей силы; повышение культурного и профессионально-технического уровня рабочих. При этом, воспроизводство рабочей силы понималось, прежде всего, как воспроизводство квалифицированных кадров, т.е. на передний план выступали не вопросы воспроизводства собственно рабочей силы человека – его способности к труду, а вопросы качества рабочей силы, характеристики самой способности человека к труду (квалификация, специализация, опыт, стаж, навыки и умения, инновационность и креативность работника, его способности к самодисциплине, самоорганизованности, ответственности и т.д.) [65].

Одним из важных моментов в исследовании экономистами вопросов воспроизводства рабочей силы в военное время было внимание к специфике формирования кадров в аграрном секторе народного хозяйства. Не только природно-климатический условия (сезонность), но и социально-экономические условия (более низкое, по сравнению с городским хозяйством, развитие социальной сферы села, меньшая степень фондовооруженности сельского труда и т.д.) – все эти моменты стали объектом более пристального внимания со стороны исследователей. К этим моментам добавились и новые: фактор перемещения промышленных предприятий из западных регионов страны на восток и оказываемого ими влияния на всю инфраструктуру территорий, проблемы адаптации эвакуированных кадров в селах восточных регионов страны и т.д.

Это естественно, вызвало вполне определенный интерес и к демографическим процессам, происходившим в селах и деревнях страны. В военное время. Если говорить о Сибири, в которую было эвакуировано только во второй половине 1941 года 322 промышленных предприятия (в Западную Сибирь – 244, в Восточную Сибирь – 78), то следует отметить следующее. В 1941-1942 годах за счет мобилизации на фронт ее население сократилось на 612 тысяч человек, преимущественно, за счет наиболее активной и дееспособной своей части [66]. Одновременно происходило переселение части городского населения в сельскую местность. Только в одной новосибирской области было эвакуировано 504 тысячи человек, в том числе в сельскую местность – 193 тысячи человек. Большую их часть (около 80%) составили женщины и дети [67].

Во многом аналогичными были демографические процессы и на Урале, куда во второй половине 1942 года было перебазировано из западных регионов страны 667 промышленных предприятий [68].

Тот факт, что большинство эвакуированных в сельскую местность были не производителями, а потребителями сельскохозяйственной продукции, а также необходимость их срочного обустройства в условиях крайней ограниченности материальных и жилищных условий негативно влиял на воспроизводство рабочей силы в сельской местности. Жилищную проблему предполагалось решить не только за счет уплотнения, подселения, ремонта имеющегося в селах и деревнях изношенного жилищного фонда, но и за счет строительства нового жилья. Но понятно, что не только у местных органов власти, но и у государства в целом такие возможности были крайне ограничены.

Специфические условия имело и обеспечение эвакуированных в сельскую местность продуктами питания. Здесь основным вопросом было предоставление вновь прибывшим на временное место жительства продовольственной ссуды и скота. Только к началу лета 1943 года эта проблема в основном была решена [69].

Другая особенность воспроизводства кадров в сельской местности была обусловлена тем, что, не имея определенного минимума обеспеченности продуктами питания, который в городе гарантировался продовольственными карточками, эвакуированные в сельскую местность граждане в этом вопросе полностью зависели от местных властей. Последние же нередко смотрели на них, как на дополнительную обузу.

Конечно, перемещение населения в сельскую местность происходило с учетом экономического состояния колхозов и совхозов, а также их потребностей в новой рабочей силе. Но процесс трудоустройства эвакуированных в сельской местности осуществлялся не без сложностей. Одним из препятствий к этому была существовавшая система, при которой колхозники не могли менять место жительства. Многие эвакуированные в связи с этим опасались, что вступив в колхоз, они потом не смогут из него выйти и вернуться в родные места. Не всегда учитывался при размещении эвакуированных и их профессиональный состав.

Поэтому само обилие конкретных организационно-экономических вопросов определяло основные направления развития отечественной экономической науки в годы войны в области постановки и рения проблемы воспроизводства рабочей силы. В результате этого в экономической литературе военной поры явно доминировали конкретно-экономические исследования. Лозунг «кадры решают все!» требовал от экономистов конкретных рекомендаций по

обеспечению кадрами промышленности и сельского хозяйства и по обеспечению эффективности общественного труда.

На это были направлены и многие управленческие решения тех лет. Достаточно, например, сослаться на Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства» (14 марта 1944 года), «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства» (23 мая 1944 года) и т.д.

Так, для решения задачи повышения фондовооруженности сельского труда, в первом из перечисленных Постановлений было предусмотрено обязать промышленные наркоматы произвести за 1944 год четко определенное количество сельскохозяйственных машин: комбайнов и тракторов, тракторных плугов, конных борон, тракторных сеялок, конных сенокосилок, жаток-самоскидок, молотилок, сноповязок и т.д., а также запасных частей к ним. Кроме того, Наркомзему был утвержден на 1944 год план капитального строительства в сумме 549 млн. рублей за счет отчислений из союзного и республиканских бюджетов Достаточно красноречивы и конкретные цифры, содержащиеся в данном Постановлении: предлагалось в 1944 году построить 1214 мастерских для текущего ремонта МТС,199 мастерских капитального ремонта, 79 ремонтных заводов, 21 биофабрику и т.д.[70].

Многие вопросы, связанные с решением проблемы повышения фондовооруженности сельского труда, решались за счет и при помощи именно промышленных наркоматов, главков т.д. Например, в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 марта 1943 года «О мероприятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий» один только Наркомат минометного вооружения должен был к началу 1944 года произвести 145 тысяч почвообрабатывающих машин и орудий (плуги, культиваторы и проч.) , 65 тысяч посевных машин (тракторных и конных сеялок), более 155 тысяч уборочных и зерноочистительных машин [71].Соответствующие производственные задания для обеспечения сельского хозяйства страны необходимыми ресурсами имели и многие другие промышленные наркоматы. Это позволяет сделать вывод о том, что понятие «милитаризация экономики» в годы Великой Отечественной войны носит весьма условный характер, а, если не перестройка народного хозяйства страны с производства военной на мирную продукцию, то хотя бы более или менее сбалансированное производство началось уже со второй половины 1943 года. На первый взгляд может показаться, что это

вполне нормальное явление. Но следует вспомнить, что именно в 1943 году Германия провела тотальную мобилизацию и резко увеличила выпуск своей военной продукции, в том числе новых видов вооружений (танков «Тигр», САУ «Фердинанд» и проч.). Но после грандиозных сражений на Волге и под Курском в 1943 году советскому руководству стало понятно, что наша страна победит фашистскую Германию. С ноября 1942 по декабрь 1943 года наши войска продвинулись на запад на 500-1300 км, освободив от врага почти 50% оккупированной территории [72]. В этих условиях можно и нужно было думать и о производстве гражданской продукции, о подъеме села.

Что же касается методологических и общетеоретических аспектов данной проблемы, то в публикациях военной поры не проводилось никакой разницы между употреблявшимися понятиями и категориями: «личный фактор производства», «субъективный фактор производства», «человеческий фактор», «совокупный работник» «совокупная рабочая сила», «трудовые ресурсы», «трудовые резервы» и т.д. В этом, на наш взгляд, нашло свое проявление ослабление теоретико - методологической и гносеологической функций экономической науки.

Вместе с тем, в экономической науке можно, как нам кажется, проследить тенденцию к более глубокому и диалектичному пониманию того, что рабочая сила – это только определенная сторона, свойство личности, что личность – категория более емкая, не исчерпывающаяся понятием «рабочая сила» [73]. Трудовой и боевой героизм советских людей, их моральный дух и самоотверженность не в меньше мере служили условием Победы над врагом, чем их квалификация. Учитывая это обстоятельство, экономисты военного времени рассматривали воспроизводство рабочей силы как многомерный и сложный процесс. Так, П.Москатов включал в воспроизводство рабочей силы при социализме политическое сознание и культурное развитие субъекта трудовой деятельности и не ограничивал воспроизводство рабочей силы только воспроизводством квалификации [74]. Б.Сухаревский считал необходимым включать в воспроизводство рабочей силы такие элементы, как маневренность, мобильность кадров. Резонно полагая, что эти моменты свидетельствуют о динамике воспроизводства рабочей силы, он видел в них предварительное условие для развития смежничества (освоения работником сразу нескольких смежных профессий). Невольно соглашаясь с широко

известным сталинским утверждением о том, что «незаменимых людей нет», автор в определенном смысле абсолютизировал идею взаимозаменяемости кадров. Обращая особое внимание на взаимосвязь между процессами роста квалификации рабочих и движением смежников за овладение дополнительными специальностями, указывая, что возникновение этого движения стало возможным в результате оснащения промышленных предприятий новой техников и освоения новых технологий, создавших общую техническую основу для многообразных специальностей промышленных рабочих, Б.Сухаревский утверждал, что необходимым условием воспроизводства рабочей силы при социализме выступает повышение их культурного уровня [75]. В большей мере, чем другие экономисты, исследуя вопросы воспроизводства рабочей силы под углом зрения нужд военного хозяйства, он под «культурно-техническим совершенствованием рабочих» подразумевал развитие не только их общей культуры, но и культуры производства, трудовой культуры, технологической культуры и дисциплины, организационной культуры. Но, в связи с тем, что автор не проводил субординации в употребляемых понятиях и никак не ранжировал культуру труда, организации, производства в целом, переоценивать этот подход не следует. Будучи в общем и целом вполне конструктивным, такой подход был все же созвучен классового ориентированному представлению И.В.Сталина о том, что только рабочие, «свободны от консерватизма и застойности некоторых инженеров, техников и хозяйственников и идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая новые, более высокие», что только рабочие «вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы», что только они – «люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать» [76].

Такое противопоставление рабочего класса, рабочих кадров и инженерно-технических работников, конечно же, не имело ничего общего с научной постановкой проблемы воспроизводства рабочей силы.

Иное дело – исследование особенностей воспроизводства рабочей силы в условиях военного хозяйства, под углом зрения нужд военной экономики. И здесь советские экономисты выделяли не только высокую динамику самого воспроизводства рабочей силы, но и качественные особенности. Среди них: наличие суженного воспроизводства рабочей силы в условиях военного времени, когда новые кадры не восполняли прежнюю численности промышленных

работников; растущая интенсивность труда и связанная с этим его эффективность; повышение культурного и духовно-нравственного уровня работников в условиях военного времени. И в самом деле, если количественные характеристики могут сказать лишь о численности и структуре воспроизводимой массы рабочей силы, То качественные характеристики говорят о ее конкретных способностях. А второе обстоятельство как раз и имеет ключевое значение в условиях военного времени, когда многие конкретные производственные задачи приходилось решать по Суворову, «не числом, а умением».

Во многом схожими со сталинским пониманием «культурно-технического подъема рабочих» были и рассуждения других экономистов тех лет. Да и вряд ли тогда могло быть иначе: никто ведь не хотел засыпать у себя дома, а просыпаться в застенках НКВД. Поэтому экономическая наука военного времени выработала свой специфический стиль изложения материала и особый эзоповский язык, посредством которых вдумчивый читатель в принципе мог бы обнаружить в, казалось бы, обычной хвалебно – пространной публикации те рациональные зерна, которые автор пытался донести до читателя. Формально придраться было не к чему: в начале каждой статьи шли один – два абзаца дежурных хвалебных дифирамбов в адрес И.В.Сталина, и обязательно – концовка со ссылками на его указания, напутствия и прозорливые коррективы. И тогда – читай сердцевину. Бывало, что авторы допускали такое и в середине текста, то таких авторов было не так уж много: в конце концов, настоящий ученый – это не «*гнилой*» интеллигент, что бы ни говорили отдельные, слишком уж «идейные» партийцы тех лет.

Конечно, были и такие, которые более четко и открыто формулировали свое критическое мнение по данному вопросу. Например, В.Евстигнеев прямо заявлял, что «повышать технический уровень рабочего» в том виде, к которому призывал И.В.Сталин, это означало «использовать *специфически экстенсивным способом*» имеющиеся средства производства. В той интерпретации повышения технического уровня рабочего, которую давал И.В.Сталин, автор усматривал «простое продолжение производственных функций *частичного рабочего* (выделено нами – *К.С.*), подстраивающего технику под себя, а не «дорастающего» до нее» [77].

Известно суждение А.А.Богданова (1873-1928) о том, что трудовые усилия «отличаются двумя чертами: социальностью и пластичностью» [78]. Действительно, в труде человек связан с

другими людьми. Но он же вступает и в определенную связь с техникой. Однако, если работник приспосабливается к технике – это одно, если же он технику приспосабливает под себя – это другое. Все, что человек накопил и использует в своей трудовой деятельности, обладает свойством *пластичности* [79] или эластичности, т.е. своеобразной мимикрией по отношению к аналогичной деятельности прошлого периода. Труд порождает не только новые формы и связи в общении между людьми, но и новые технологии, новую технику и новую культуру. И здесь традиционная мысль о том, что работник – это простой исполнитель, пассивный участник трудового процесса, винтик в сложной машине «не проходит». Простое продолжение производственных функций частичного работника посредством «*подстраивания*» к ним имеющейся техники, о чем рассуждал И.В.Сталин, вообще выглядит странным анахронизмом. Продолжая логику этого тезиса, можно было бы таким образом подстраивать технику к конкретному уровню квалификации работника, что это вылилось бы в некий российский аналог луддистского движения. Разрушая машины, упрощая оборудование, тоже можно его подстраивать под себя. Но цель производства состоит в повышении эффективности общественного труда. А значит все-таки необходимо «*дорастание*» самого работника – исполнителя до уровня новой техники и технологии, ее освоение. Как говорится, пластичность может быть разной. Продолжая логику А.Богданова, В Евстигнеев полагал, что сталинское понимание пластичности предполагает экстенсивный сценарий развития производства посредством упрощения обслуживания большого количества машин одним работником (многостаночники), тогда как действительно интенсивное развитие экономики достигается при увеличении эффективности обслуживания меньшего количества станков, машин, единиц оборудования.

Вместе с тем, свидетельством преодоления односторонности в понимании содержания процесса воспроизводства рабочей силы может служить и то, что все больше внимания в экономической литературе военной поры стало уделяться таким вопросам, как повышение морально-нравственного состояния работника, его сознательности и грамотности, развитию его творческой инициативы [80]. Термины «*инициативность*» и «*творческое отношение к труду*» постоянно был на слуху у читателей, поскольку едва ли ни в каждой статье, посвященной вопросам формирования рабочей силы,

авторы использовали его применительно к контексту своих публикаций.

После окончания войны комплексный и более диалектичный подход в определении содержания воспроизводства рабочей силы получил свое дальнейшее развитие. А вместе с тем глубже стали и представления экономистов по этому кругу вопросов.

В годы войны центральное место в публикациях экономистов занимал вопрос о повышении эффективности общественного труда. Среди конкретных направлений анализа можно отметить вопросы, связанные с изучением производительности и интенсивности труда, его научной организации, нормирования, совершенствования трудовой дисциплины, развития системы мотивации и стимулирования к высокопроизводительному труду. В меньшей степени исследовались: общественная форма труда, его всеобщность и планомерность, общественное разделение труда и присущие этому процессу противоречия. В этом, как представляется, также проявилось усиление хозяйственно-практической функции экономической науки в ущерб ее теоретико-методологической функции.

Необходимо подчеркнуть, что вопросы повышения производительности труда в военные годы были наиболее актуальными, а сама производительность труда рассматривалась экономистами как свидетельство эффективности производства, ее обобщающее выражение. В этом плане постановка вопроса и производительности общественного труда в первой половине 40-х годов оказалась во многом созвучной той, которая существовала и в перестроечные годы. Так, Л.И.Абалкин, по существу, разделял интерпретацию производительности труда как обобщающего показателя эффективности общественного производства. Он связывал данную постановку вопроса с конкретными условиями 80-х годов: обострением проблемы нехватки трудовых ресурсов, которое являлось « основным ограничивающим фактором экономического роста», в связи с чем «повышение эффективности их использования становится главным направлением обеспечения дальнейшего прогресса социалистической экономики» [81].

Все это было бы справедливо, если бы производительность труда действительно была реально обобщающим показателем эффективности общественного производства. На самом деле, это совершенно разные понятия и выражают они совершенно разные аспекты общественного хозяйства. Производительность труда может

быть высокой и даже очень высокой, а эффективность общественного хозяйства при этом может оказаться крайне низкой. И наоборот: производительность труда может быть достаточно низкой, а эффективность общественного хозяйства – высокой. Здесь нет простой (элементарной) зависимости, а диалектика эффективности и производительности – это диалектика общего и частного. Когда же частному понятию придают характер общего, называя частное понятие обобщающим показателем, то, выражаясь ленинским слогом, получаются «сапоги всмятку». Но и сегодня в экономической науке данный подход сохраняется. В одном из экономических словарей читаем: « Производительность общественного труда - важнейшая экономическая категория и один из обобщающих показателей эффективности общественного производства. Рассчитывается как отношение произведенного национального дохода к среднегодовой численности занятых в сфере материального производства» [82]. Что изменилось по сравнению с трактовкой категории производительности общественного труда и его эффективности в годы войны или в перестроечные годы? *Во-первых*, производительность труда стала рассматриваться как один из обобщающих показателей эффективности. *Во-вторых*, она стала почему-то увязываться только с материальным производством, словно в сфере услуг производительность труда кто-то взял и отменил.

Но в той трактовке сущности понятия «производительность труда», которую мы привели, сама производительность фактически сведена к выработке материальных благ за определенный период в расчете на одного работника. Это – не производительность общественного труда, а производительность индивидуального труда. Общий эффект общественного труда выше чем сумма частных производительностей. Кроме того, эффективность не сводима к производительности, поскольку она связана еще и с качеством труда. Качество труда – совершенно не тождественно его производительности.

Определенным шагом на пути понимания нетождественности категорий «*производительность труда*» и «*эффективность производства*» была идея Т.Хачатурова о необходимости дополнения категории «*сравнительной эффективности*» категорией «*абсолютной эффективности*». Рассуждая об эффективности капитальных вложений, он связывал сравнительную эффективность со стадией проектирования выбором наилучших вариантов

решений, а абсолютную эффективность с планированием и учетом отражения результатов затрат на показателях хозяйственной деятельности [83]. В целом, экономисты в 40-е годы продвинулись далеко в плане комплексного понимания категории «эффективность», но рассуждали об «эффективности общественного производства», а не о «эффективности общественного труда». Так, В.В.Новожилов сформулировал «правила тождества эффективности», куда он включал и сроки окупаемости новой техники, приведенные затраты, коэффициент эффективности и т.д.[84]. Большое внимание уделялось изучению «фактической эффективности [85]. Но, в общем и целом, понятие «эффективности общественного труда» в литературе тех лет смешивалось с понятием «эффективности общественного производства», а последняя сводилась к выработке и не учитывала *качество труда.* И, хотя довольно интересные дискуссии по вопросам эффективности велись и в предвоенные и в послевоенные годы [86], ситуация принципиально не изменилась до сих пор.

Что же касается понимания *качества* общественного труда и его не сводимости к категории эффективности общественного производства, то здесь необхожимо привести следующие рассуждения: «Поскольку люди и предприятия создают нагрузку на биологические системы, пределы процветания определяются скорее естественным капиталом, чем индустриальной мощью (...) Сегодня наше развитие начинают ограничивать не поставки нефти или меди, а сама жизнь. Прогресс сдерживается не числом рыболовецких судов, а уменьшающимся количеством рыбы; не мощностью насосов, а истощением водоносных слоев; не числом бензопил, а исчезновением коренных лесов (...) Осознание этой теневой стороны успехов индустриального производства вызвало второе из двух больших интеллектуальных потрясений в конце XX века. Конец холодной войны и падение коммунизма были первым таким потрясением. Второе потрясение должно привести к окончанию войны против жизни на Земле и, возможно, к установлению господства того, что мы называем естественным капитализмом» [87].

Больше производить отнюдь не означает лучше жить. Интеллектуальное потрясение в отечественной экономической науке, связанное с осознанием этой истины, происходит с большим трудом. Но, как выражался когда-то В.И.Ленин, действительно, «лучше меньше – да лучше!».

Проблема повышения производительности труда в годы войны ставилась отечественными экономистами комплексно, с учетом и качества труда. В литературе военной поры высказывались различные рекомендации по преодолению неритмичности в работе, штурмовщины, авралов. Авторами указывалось, что эти явления способствуют росту себестоимости продукции, снижению ее качества, снижению производительности труда, потере рабочего времени. Положительно оценивая внедрение почасовых графиков работы, переход к поточным методам производства промышленной продукции, Е.Грановский, например, делал вывод о том, что наиболее полно преимущества поточной системы производства реализуются при массовом специализированном производстве [88]. Рассматривая вопросы специализации и кооперации труда, Л.Берри также подчеркивал, что специализация предприятий способствует внедрению высокопроизводительного оборудования, сокращению потерь рабочего времени, совершенствованию навыков рабочих, росту производительности труда в целом. Особое внимание он обращал на подетальную специализацию, а возрастание роли специализации в годы войны объяснял следующими факторами:

- *во-первых*, размеры производства военной техники в условиях войны возросли в несколько раз в сравнении с первой мировой войной;
- *во-вторых*, развитие военной техники привело к изменению структуры производства вооружений, к усложнению выпускаемой техники;
- *в-третьих*, условия войны показали целесообразность рассредоточения промышленности по территории страны [89].

Интересной была мысль Л.Берри о возрастании в военных условиях роли внутрирайонных кооперационных связей, а также вывод о необходимости развития региональной и межрегиональной кооперации [90].

При этом в экономической литературе военного времени обсуждался вопрос о рамках специализации, ее формах и направлениях. Высказывались и негативные оценки в адрес чрезмерной специализации предприятий, дальнейшего рассредоточения производства по территории нашей страны. И действительно, тут было о чем задуматься. Сложившаяся в предвоенный период специализация в ходе массовой эвакуации промышленных предприятий из европейской части в другие регионы страны была нарушена. Кроме того, получилось так, что и

территориально многие эвакуированные на восток предприятия оказались на огромном удалении друг от друга, чем когда они находились в европейской части страны. Все это объективно способствовало снижению производительности труда и возрастанию издержек, особенно в сфере транспортных перевозок. Как говорят в народе, «игрушка – полушка, да рубль – перевоз».

Так, С.Вишнев, отмечая обострившуюся в годы Великой Отечественной войны проблему бесперебойной связи между кооперированными предприятиями, писал, что « чрезвычайно невыгодна и опасна такая структура, когда детали со всех концов страны стекаются для окончательной сборки на одно крупное предприятие» [91].

Особое внимание в годы войны уделялось вопросам совершенствования и соблюдения дисциплины труда и реализации принципа единоначалия. Если А. Ляпин считал единоначалие важнейшим условием соблюдения дисциплины труда, а само единоначалие трактовал как «персональную ответственность каждого за порученную работу и сосредоточение у руководителей всех нитей управления хозяйственной жизнью предприятия» [92], то Н. Шелехов под дисциплиной труда подразумевал в первую очередь «организованность, точность, расчет, маневренность» [93]. На сознательность, как важнейшую характеристику трудовой дисциплины, указывали И.Кузьминов и А.Аракелян. Так, И.Кузьминов даже проводил различие между трудовой дисциплиной на предприятиях до войны и в военное время именно по уровню сознательности. Он писал, что «если до войны рабочие и строители подходили к своим обязанностям механически, как к закону, были только исполнителями воли проектировщиков, то в условиях войны была рабочим предоставлена большая свобода действий: в целом ряде случаев рабочие и строители становились как бы соавторами проектировщиков, изменяли проекты, заменяли сложные конструкции более простыми, привозимые материалы – местными» [94].

Это обстоятельство, по мнению автора, служило проявлением массовой борьбы за экономию времени, свидетельствовало о творческом характере труда, высокой сознательности работников.

В целом, проблема соотношения единоначалия и самостоятельности – это проблема самосознания и ответственности. Но был у этой проблемы и еще один важный аспект, связанный с

укреплением не просто классового пролетарского, а *национального* самосознания.

Сегодня только ленивый не критикует национальное самосознание, рассматривая его как некий атавизм. Но именно национальное самосознание стало одним из ключевых факторов Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Вот как видел эту победу известный советский писатель В.С. Гроссман: «Война ускорила процесс переосмысления действительности, подспудно шедший уже в довоенное время, ускорила проявление национального самосознания - слово «русский» вновь обрело живое содержание. Сперва, в пору отступления, это слово связывалось большей частью с отрицательными определениями российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русского «авось»...Но, появившись, русское самосознание ждало своего военного праздника. Государство также шло к самосознанию в новых категориях. Национальное самосознание проявляется как могучая и прекрасная сила в дни народных бедствий. Народное национальное самосознание в такую пору прекрасно, потому что оно человечно, а не потому что оно национально. Это – человеческое достоинство, человеческая верность свободе, человеческая вера в добро, проявляющиеся в форме национального самосознания (...) Нет спору, что у начальника отдела кадров, оберегающего коллектив учреждения от космополитов и буржуазных националистов, и у красноармейца, отстаивающего Сталинград, по-разному проявляется национальное самосознание (...) Логика развития привела к тому, что народная война, достигнув своего высшего пафоса во время сталинградской обороны, именно в этот, сталинградский период дала возможность Сталину открыто декларировать идеологию государственного национализма» [95].

Сегодня чем не «сталинградская оборона»? Единой страны больше нет. НАТО в Прибалтике. Экономика в кризисе. Кто мешает нынешнему руководству, кто «не дает ему возможности» декларировать идеологию государственного национализма? Так нет же, наоборот: внушают, что нам не нужна национальная идея, что такой идеи нет, что не надо заниматься «национальной забавой» - ее поиском [96].

Естественно, что такое самосознание не могло не оказать своего влияния на производительность и качество труда советских людей. Экономисты тех лет отмечают такие проявления инициативы и хозяйственной самостоятельности наших рабочих, как идея

организации переходящих заделов для того, чтобы повысить коэффициент сменности, сократить простои оборудования. Причем и экономисты, подключившись к научной разработке этой идеи как одного из условий обеспечения непрерывного характера работ, предлагали размер таких заделов ставить в прямую зависимость от объемов производства, длительности производственного цикла, количества рабочих мест на линии массово-поточного производства, количества деталей в партии при серийном производстве [97].

В конечном счете, тесная увязка вопросов обеспечения высокой дисциплины труда, технологической дисциплины, культуры производства, а также конкретные разработки исследователей позволили решить одну из ключевых задач: формировать трудовые коллективы не сверху и на основе голого администрирования (единоначалия), а непосредственно на местах, как целостные организмы. Иначе говоря, формировать трудовые коллективы, скооперированные не гетерогенно, а органически, на основе взаимопонимания, взаимозаменяемости и взаимовыручки всех членов таких коллективов.

Думается, именно конкретно-экономическая проработка вопросов повышения культуры, производительности и качества труда в первой половине 40-х годов XX века позволила отечественным экономистам перейти и к более развернутому теоретико-экономическому, а, в определенной степени, и политэкономическому анализу всех этих вопросов, сделать важные обобщения и выводы. Например, важным выводом экономической науки середины 40-х годов был вывод о том, что культура труда является важнейшим условием повышения его производительности и эффективности. Этот вывод сохраняет сое значение и для современной отечественной экономики, поскольку, как совершенно точно выразился однажды Д.С.Лихачев, без развития культуры человека не действуют никакие социальные или экономические законы.

Вывод российской экономической науки о значении культуры для развития всего общественного производства в нашей стране, разработка таких научных категорий, как «культура труда», «качество труда», «культура производства» имели большое значение. Сегодня этот вывод является аксиомой, но, как свидетельствует история науки, так было далеко не всегда.

Тем более, что попытки советских экономистов в годы войны продолжить анализ роли и места человека в общественном производстве, осмыслить характер и содержание самого процесса

воспроизводства рабочей силы в новых условиях постепенно начинали вступать во все большее противоречие с курсом сталинского руководства, направленным на превращение человека в «винтик» сложной командно-административной системы.

Примечания:

1. См.: Общественная форма труда при социализме / Под ред. А.Д.Смирнова, К.Сабо. М.: Экономика. 1984. С.11.
2. Там же. С.8.
3. См.: Parry W. War and Politics; Military Theory and the Principle of Essence // Science and Society. Vol .VIII .N. 1. Winter.1944. p. 1-27; Selsam H. Socialism and Ethics. New York. 1943; Venable V. Human Nature: The Marian View. New York. 1945; Sellars R. W. Reflections on Dialectical Research. Vol. V. N.2 .December. 1944; Sommerville J. Soviet Philosophy: A Study of the Theory and Practice. New York. 1946; etc.
4. Парсонс Г. Человек в современном мире: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А.Кувакина. М.: Прогресс. 1985. С.61.
5. Дан Ф.И. «Революция дала...надежды // История России. XX век. Материалы и документы / Под ред. М.Е.Главатского М.: Дрофа.1999. С.365.
6. См.: Гальчинский А.С. К.Маркс и развитие экономической мысли Запада. М.1990. С.5.
7. Там же.С.189.
8. Цит. по: История России. XX век. Материалы и документы. М.: Дрофа. 1999. С.351.
9. Хлевнюк О. 26 июня 1940 года: Иллюзии и реальность администрирования // Коммунист. 1989. № 3.С.86.
10. См.: Богачев В. Полный хозрасчет и централизованное хозяйственное управление // Вопросы экономики. 1988. № 5.С.14 и др.
11. См.: Дондурей Д. Русская культура не проиграет // Москва. 2008. № 1.С.5.
12. Там же. С.6.
13. Кефели И.Ф. Коллективная безопасность государств – членов ШОС в многополярном мире: геополитические реалии и перспективы / Проблемы обеспечения геополитической безопасности России: матер. Всерос. науч.-прак. Конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009. С.19.
14. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. М.: Прогресс, 1996.
15. Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. М.:Эксмо-Пресс, 1998. С. 17-18.
16. Тоффлер А. Третья волна / А. Тоффлер. М.: АСТ, 1999. С. 92-117.
17. См.: Экономика предприятия / Под ред. Ф. Беа, Э. Дихтла, М. Швайцера. М.: Инфра-М, 1999. С. 171-172.
18. См.: Власов Н. О движущем противоречии социалистического общества // Под знаменем марксизма. 1940. № 3-4; Залкинд А. О действительных и мнимых противоречиях при социализме // Под знаменем марксизма. 1940. № 6; Кружков В. Произведения Ленина – могучий источник идейного воспитания советского народа // Большевик. 1945. № 6; Морозов А. Ленин о социалистической дисциплине труда // Большевик. 1941. № 2; и др.

19. Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции / Д. Стиглиц М.: Мысль, 2003. С. 176.
20. Белоусов, Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР / Р.А. Белоусов. М.: Мысль, 1983. С. 41-44.
21. Комерсант. 2009. 30 января. С.1.
22. Кондаков, В.А. Энтропия в механизме антилиберальной трансформации российского социума / Гуманитарные стратегии российских трансформаций: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень: Тюм. гос. неф.-газ. ун-та, 2008. С. 83.
23. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. М.: АСТ, 2004. С. 43.
24. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер. Проблема человека в современной западной философии. М.: Мысль, 1988. С. 37.
25. Янжул, И.И. Экономическое значение совести / И.И. Янжул Избранные труды. М.: Наука. 2005. С.402.
26. См.: Евстегнеев В. Политическая экономия и политический выбор: возвращаясь к истокам // Вопросы экономики. 1990. № 3.С.35.
27.См.: Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы труда.М. 1940; Кузьминов И.И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М.1940; Ляпин А.П. Социалистическая организация общественного труда. М.1945; Бердникова Д. От коммунистических субботников – к стахановскому движению / Борьба пролетариата. 1941.№ 1; Шелехов Н. Стахановский труд в дни Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7; и др.
28. См.: Грановский Е. Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943.№ 13; Курский А. Организаторская работа в тылу за текущий год //Пропагандист. 1942. № 19-20; Лошкин А. Что такое культура производства? // Большевик. 1941. № 10; Москатов П. Воспитание молодых работников // Большевик. 1943. № 7-8; Немов Н. Технологическая дисциплина – незыблемый закон производства //Большевик. 1941. № 6; и др.
29. См.: Вишнев С. Мобилизация экономических ресурсов в первой и второй мировых войнах //Большевик. 1943.№ 1;Зверев А. Борьба за экономию и использование резервов для нужд фронта // Большевик. 1942. № 3; Кузьминов И. Подбор и подготовка новых промышленных кадров в условиях войны // Большевик. 1942. № 16; Мовшович Г.М. Отечественная война и подготовка рабочих кадров. М.: Госполитиздат. 1945; Николаева К. Советская женщина в Отечественной войне // Большевик. 1943.№ 3; Сонин М.Я., Мирошниченко Б.П. Подбор и обучение рабочих кадров в промышленности. М.: Госполитиздат. 1944; и др.
30.См.: Панов В. Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны // Вопросы экономики. 1985. № 5. С.11.
31.См.: Директивы КПСС и Советского правительства … Т.2. С.702.
32. См.: Кантор Л. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны // Экономические науки. 1985. № 5.С.20.
33. См.: Директивы КПСС и Советского правительства … Т.2. С. 722.

34. См.: Философия российской экономики. В 2-х т. / Под ред. К.П.Стожко, Н.Н.Целищева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2005.Т.2.С.469-581.
35. Ильин И.А. Путь духовного обновления. // Ильин И.А. Путь к очевидности. М,: Эксмо-пресс. 1998. С.218.
36. Там же. С.218, 219.
37.Дэвис Р.У. НЭП и современность // Коммунист. 1990. № 8.С.78.
38. См.: Курский А. Война и плановый характер народного хозяйстве // Пропагандист. 1943. № 9. С.29-30.
39.См.: Сонин М. Подготовка и использование рабочей силы. М.: Куйбышев. 1942. С. 9.
40. См.: Добров М. Использование новой техники // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7.; Немов Н. Технологическая дисциплина – незыблемый закон производства // Большевик. 1941. № 6; Тупикин М. По большевистски внедрять новую технику // Большевик. 1941. № 6; и др.
41. См.: Мовшович Г.М. Отечественная война и подготовка рабочих кадров. М. 1945.С.28.
42. См.: Кузьминов И. Подбор и подготовка промышленных рабочих в условиях войны // Большевик. 1942. № 16.28.
43. Мовшович Г.М. Указ. соч. С.34.
44. Кузьминов И. Указ. соч. С.32.
45.См.: Чапаев Н.К., Шелепов А.К. Решение проблемы интеграции педагогики и производства в истории развития образования: на примере деятельности горнозаводских школ Урала (XVIII-XX вв.). Екатеринбург: УГППУ. 2006. С.83.
46. Шелехов Н. Стахановский труд в дни Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7. С. 49.
47.См.: Сонин М. Новые квалифицированные кадры промышленности // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7. С.49.
48. См.:Там же. С.26-27.
49. См.: Лихолобова З. Стахановское движение в Донбассе в 1935-1937 гг. // Вопросы истории. 1973. № 12.С.19.
50. См.: Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы труда. М. 1940; Кузьминов И.И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М. 1940; Окунева И. О резервах повышения производительности труда. М. 1940.
51.См.: Директивы КПСС и Советского правительства … Т.2. С.725-726.
52. См.: Сонин М. Подготовка и использование рабочей силы. М.: Куйбышев. 1942. С.16.
53. См.: Сонин М. Указ.соч. С.12.
54. См.: Николаева К. Советские женщины в Отечественной войне /\ Большевик. 1943. № 3.С.32-42.
55. См.: Ярославский Е. О текущем моменте // Пропагандист. 1942. № 9.С.3-10.
56. См.: Кузьминов И. Указ.соч. С.28.
57. Любимов А. Больше производить товаров широкого потребления // Большевик. 1943. № 6.С.39.

58. См.: Либкинд А. Резервы увеличения продукции сельского хозяйства в колхозах // Плановое хозяйство. 1944. №3; Лукин С. За дальнейший подъем легкой промышленности // Большевик. 1941. № 7-8; Любимов А. Всемерно использовать местные продовольственные ресурсы // Большевик. 1941. № 16; Он же. О ближайших задачах развития товарооборота // Плановое хозяйство. 1945. № ; и др.
59. См.: Директивы КПСС и Советского правительства ... Т.2. С.723.
60. Там же. С.739-743.
61. Там же. С.
62. См.: Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941-1945 гг. М. 1969; Островитянов К.В. К вопросу о товарном производстве при социализме. М.1971; Струмилин С.Г. Очерки социалистической экономики СССР.1929-1959. М.1960; и др.
63. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: АСТ. 1999. С.320 - 321.
64. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. Как добиться успеха в информационную эру: Пер. с англ. М.: Эксмо. 2006. С.132, 138, 142.
65. См.: Сонин М. Новые квалифицированные кадры промышленности // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7. С.46 и др.
66. См.: Трудящиеся Сибири – фронту. Новосибирск. 1975. С.122.
67. Зяблицева С.В. Проблемы адаптации эвакуированных в селах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны //Россия. Земля. Крестьянство. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. Курган: Изд-во УГСХА. 2009. Т.1.С.154.
68. См.: Стожко К.П. История экономики. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 1998. С.358.
69. См.: Зяблицева С.В. Указ.соч. С.155.
70. См.: Директивы КПСС и Советского правительства ... Т.2. С.827-828.
71. Там же. С.755.
72. История России / Под ред. М.Н Зуева. М.: Новая волна. 2000. С.511.
73. См.: Сонин М.Я.Новые квалифицированные кадры промышленности // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7. С.46 и др.
74. См.: Москатов П. Воспитание молодых рабочих // Большевик. 1943. № 7. С. 21-29.
75. См.: Сухаревский Б. Задачи промышленности в условиях Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7. С.33.
76. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. Госполитиздат. 1954. С.323.
77. Евстигнеев В. Политическая экономия и политический выбор: возвращаясь к истокам // Вопросы экономики. 1990. № 3. С.35.
78. См.: Богданов А.А. Методы труда и методы познания // Русская философия. Конец XIX – начало XX веков. СПб. 1993. С.479.
79. См.: Павлов И.П. Мозг и психика / Под ред. М.Г.Ярошевского. М.: Изд-во Ин-та практич. психологии. 1996. С.47.
80. См.: Москатов П. Указ. соч. С.22.
81. См.: Абалкин Л.И. Конечные народнохозяйственные результаты: сущность, показатели, пути повышения. «-е изд. М.1982. С.73.
82. Краткий экономический словарь / Под ред. А.Н.Азрилияна. 4-е изд. М.: Институт новой экономики.2007. С.681.

83. См,: Хачатуров Т.С. Основы экономики железнодорожного транспорта. М. 1946.
84. См.: Новожилов В.В. Способы нахождения максимума эффекта капитальных затрат в социалистическом хозяйстве // Труды Ленинградского финансово-экономического института. 1947. Вып.3.
85.См.: Кукель-Краевский С.А. Обобщенный метод выбора оптимальных параметров энергетических установок // Электричество. 1940. № 8.
86. См.: История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. Л.: Изд-во ЛГУ. 1983. С.348-354.
87. Хокен П., Ловинс Э., Ловинс Х. Естественный капитализм. Грядущая промышленная революция. М.: Наука.2002. С.25-26.
88. См.: Грановский Е. Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943. № 13. С.39-40.
89. См.: Берри Л. Специализация и кооперация в условиях войны // Плановое хозяйство. 1944. № 3. С.54.
90. Там же. С.55-56.
91. Вишнев С. Промышленное строительство в условиях второй мировой войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1943. № 5-6.
92. Ляпин А.П. Указ. соч. С.14.
93. Шелехов Н. Указ. соч. С.40.
94. Кузьминов И. Стахановское движение в период Великой Отечественной войны // Большевик. 1942. № 4. С.40.
95. История России : XX век. Материалы и документы / Под ред.М.Е.Главацкого. М.: Дрофа.1999. С.363-364.
96. См.: Государство и Россия. Путь к эффективному государству. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Послание Президента В.В.Путина Федеральному Собранию. М. 2000. С.14.
97. См.: Грановский Е. Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943. № 13. С.40, 42-43, 45-47.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Человек не может жить без веры. Решающим для нашего и следующего поколений является вопрос о том, будет ли это иррациональная вера в вождей, машины и успех, - или рациональная вера в человека, основанная на опыте нашей собственной плодотворной деятельности».

Э.Фромм

«Помнить - это все равно, что понимать, а чем больше понимаешь, тем более видишь хорошего».
М.Горький

«Для научного развития необходимо признание полной свободы личности, личного духа, ибо только при этом условии может одно научное мировоззрение сменяться другим, создаваемым свободной, независимой работой личности».
В.И.Вернадский

Военное время 1941-1945 годов стало сложным и одновременно интересным этапом в развитии всей отечественной науки, в том числе и экономической науки. Неисчислимые человеческие потери, колоссальные трудности в сохранении и развитии народного хозяйства, утрата огромных территорий, захваченных врагом… Все это и многое другое, казалось, не оставляло места для занятий экономической наукой. Тем более, что тысячи ученых – экономистов, и не только они одни, ушли на фронт.

Сегодня Великую Победу, одержанную нашим народом в той страшной и кровопролитной войне, иногда называют *чудом*. И этому находят разные подтверждения, порой мифологические, порой реальные. День 22 июня 1945 года – это не только день начала Великой Отечественной войны, не только день нападения фашистской Германии на СССР, но и православный праздник – день Всех Святых, в земле Российской просиявших…День 8 мая – это не только день капитуляции фашистской Германии, но и день Святого

Георгия Победоносца... В этом наши верующие сограждане видят некий символический смысл...

Но не только высшие силы хранили и сохранили нашу страну, которую потом, в начале 90-х годов XX столетия так бездарно развалили ее собственные руководители. Сам наш народ спас свою страну, свою землю, сохранил их для своих детей и потомков.

И в общее дело Великой Победы внесли свой посильный вклад экономисты-ученые. Об этом необходимо вспомнить, каким бы малым и незаметным этот вклад не казался современнику. Попробуем обобщить и сформулировать хотя бы отдельные стороны этого вклада нашей экономической науки.

1. В годы Великой Отечественной войны в экономической науке получило официальное признание положение о действии в социалистическом народном хозяйстве объективных экономических законов. В связи с этим заметно активизировалась работа по изучению сущности, характера, содержания и специфики этих законов, выяснению механизма их действия. Такая направленность в развитии отечественной экономической науки объективно ставила гносеологические преграды для прежних упрощенных субъективистских и волюнтаристских представлений о том, что гений одного человека (вождя), воля одной организации (партии) являются основой развития экономики нашей страны. Но главное – другое. Отечественная экономическая мысль именно в первой половине 40-х годов XX в. окончательно обрела свой собственный *предмет* исследования, а тем самым стала *наукой* не только в буквальном, но и строго в *научном* смысле этого слова.

2. В военный период происходит активизация эндогенных (внутренних) процессов в самой экономической науке. Развитие конкретно-экономических исследований стимулировало теоретико-экономические разработки, в том числе и развитие политической экономии, истории народного хозяйства, истории экономических учений, обеспечило их необходимым эмпирическим опытом. В свою очередь, развитие экономической теории способствовало совершенствованию методологии самих конкретно-экономических исследований, стало важным условием формирования всей системы экономических наук в нашей стране.

3. В период Великой Отечественной войны в российской экономической науке продолжает разрабатываться и уточняться категориальный аппарат, появляются новые понятия и термины, характеризующие общественное производство в целом и такой его

специфический тип, как *военное хозяйство*, в частности. Развитие гносеологической функции экономической науки не исчерпывалось в военное время только изучением экономических законов и научных категорий. На основе такого изучения шло исследование особенностей конкретного исторического этапа развития народного хозяйства (национальной экономики), выявлялись реальные процессы и тенденции, характерные для данного этапа, анализировались внешние и внутренние факторы экономического роста.

4. В военное время существенно активизировалась хозяйственно-практическая функция экономической науки, которая заключалась, прежде всего, в разработке основ экономической политики, принципов ее организации, стратегического подхода государства к решению сложных долгосрочных задач, вставших перед народным хозяйством нашей страны. Кроме того, именно благодаря активному развитию хозяйственно-практической функции экономической науки особое внимание было обращено на решение тактических вопросов в осуществлении экономической политики государства, на оперативные решения и меры, касавшиеся срочных вопросов, с которыми столкнулась страна в военное время. В общем и целом, усиление именно хозяйственно-практической функции экономической науки сказалось и на теоретической экономике, в частности, усилилась практическая направленность многих выводов экономической теории, возросло количество прикладных и смежных исследований. Поскольку выполнение экономической наукой ее хозяйственно-практической функции не возможно без достаточной конкретизации общих теоретических выводов, то теоретическая экономика вынуждена была повернуться лицом к конкретным вопросам организации народного хозяйства. Вместо теоретико-методологических дискуссий, столь характерных для довоенного времени (особенно для периода 20-х годов), в военное время в экономической литературе разворачиваются дискуссии по вполне практическим вопросам (, разработка оптимальных производственных планов, реструктуризация управления промышленностью, организация соревнования, осуществление восстановительных работ и т.д.). Поэтому, именно в усилении хозяйственно-практической функции экономической науки в военное время состоит ключевая особенность развития российской (советской) экономической науки в целом.

5. В военное время развитие российской (советской) экономической науки происходило под воздействием усилившегося противоречия между двумя общими для любой социально-экономической системы тенденциями развития. С одной стороны, действовала тенденция к дальнейшей централизации и сверх централизации планового управления народным хозяйством. Она нашла свое выражение в огосударствлении практически всех социально-экономических аспектов хозяйственной жизни общества (производство, торговля, материально-техническое снабжение, финансовая система и т.д.), в усилении администрирования и командно-волевых, часто волюнтаристских, начал в экономической политике государства. Можно отметить в этой связи и неизбежные для военного времени процессы монополизации (государственно-монополистической организации) и милитаризации едва ли не всех сфер экономической деятельности. С другой стороны, действовала тенденция к некоторой демократизации, повышению роли самого человека труда в общественном производстве, расширению оперативно-хозяйственной самостоятельности и инициативы хозяйствующих субъектов, развитию практики рабочего самоуправления. Обострение данного диалектического противоречия, в строгом соответствии с требованиями законов самой диалектики, предполагало поиск и нахождение таких решений, которые адекватно отражали бы объективные социально-экономические изменения в стране, а не волевые «кавалерийские атаки» на нее. Обострение указанного противоречия характерно для экстремальных ситуаций военного времени во многих странах. Нельзя думать, что приход фашизма к власти в Германии или Италии состоялся в нормальных условиях. Причиной этому стал, как известно, тот огромный урон, который понесли национальные экономики этих стран в результате первой мировой войны. Реваншизм и борьба за передел мира – результат таких экстремальных ситуаций. Не случайно еще Дж.М.Кейнс, выступавший в 1919 году в качестве главного представителя казначейства Великобритании на мирной конференции в Париже (Версале), категорически возражал против грабительских условий, предъявленных странами Антанты к поверженной Германии. Ученый предупреждал, что результатом такого «мира» станет новая война. Об этом он вполне открыто написал в своей книге «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1919). Как «в воду глядел». Это - урок тем политиканам, которые не хотят слушать предупреждения ученых.

Зато их услышал В.И.Ленин, который писал: «Кейнс пришел к выводу, что Европа с ее Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие» [1]. Выходом из нараставшего противоречия между двумя основными тенденциями мирового, в том числе и в нашей стране, социально-экономического развития мог быть только планово-рыночный механизм, сочетание плана и рынка. В условиях войны такое сочетание было осуществлено под решающим воздействием плановых начал. Однако, сохранение товарного характера производства и товарно-денежных отношений даже в это тяжелое время доказало, что без них эффективно народное хозяйство функционировать не может.

6. В первой половине 40-х годов XX века произошли изменения в динамике развития и соотношении с другими функциями еще одной функции экономической науки – идеологической. Здесь надо сказать, что тезисы об «идеологизации» и «деидеологизации» гуманитарных наук (а экономическая наука есть наука в первую очередь именно гуманитарная) раздаются с регулярностью выпадения природно-климатических осадков. Но ни одна гуманитарная наука не может быть полностью «деидеологизирована», поскольку идеология – это целостная система идей и идеалов, выражающих интересы и ценности того или иного общества или его части» [2]. Поэтому только наивный человек может призывать к разрушению целостной системы идей, к отказу от их идеалов и собственных интересов. Иное дело, *классовая идеология*, т.е. замещение *целостной системы* идей и взглядов неким узким набором идей и взглядов, которые не обладают признаками полноты, универсальности, органичности. Именно такая идеология сталинизма и формировалась в 30-е годы XX века. В условиях Великой Отечественной войны полноценная идеологическая функция экономической науки также была в значительной мере извращена, а сама экономическая наука в значительной степени вынуждена была обслуживать номенклатурные представления и «идеологические установки» государственной и партийной верхушки, административно-управленческого аппарата. В связи с этим произошла определенная деформация экономической науки, ее превращение из «активной производительной силы общества» (термин К.Маркса) в некую пассивную составляющую в структуре этих самых производительных сил. Конечно, это превращение было не всеобщим, не тотальным, но достаточно значительным. В результате

в военное время продолжала сохраняться определенная недооценка роли экономической науки, теоретический и методологический нигилизм. Вместо выполнения своих гносеологической и методологической функций, которые экономическая наука обязана была осуществлять *по определению*, она занималась довольно часто пропагандой идеологических установок власти. Вместо выработки той хозяйственной идеологии, которая объективно вытекала из социально-экономических условий военного времени, отечественная экономическая наука часто занималась схоластикой.

Вопрос о такой деформации, ее характере и путях преодоления в истории российской экономической науки все еще недостаточно изучен. А потому до сих пор у экономической науки нет противоядия от очередных ее «левых» или «правых» уклонов. Необходимо признать, что и в современных условиях она в значительной степени продолжает обслуживать вполне определенные властные интересы, «разъясняя», «агитируя» и «убеждая» наших сограждан в том, что очередной социально-экономический курс (будь он консервативным, инновационным или нацеленным на модернизацию, не столь важно) – единственно верный. И как тут не вспомнить известное изречение Дж.К.Гэлбрейта: «Содействие, которое экономическая наука оказывает осуществлению власти, можно назвать ее инструментальной функцией в том смысле, что она служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе» [3].

Именно в годы войны идеологическая ориентация экономической науки пришла в непримиримое противоречие с ее хозяйственно-практической функцией. Оказалось часто просто невозможным на основе устоявшихся стереотипом и установок решать конкретные вопросы организации социалистического соревнования, рабочего самоуправления, режима экономии и т.д. Поэтому многие идеологические установки прежних лет были фактически элиминированы сложными условиями военного хозяйства.

7. Важными условиями, которые привели к замещению теоретико-методологической функции экономической науки ее идеологической функцией и извращению последней, были: возобладание тенденции к сверхцентрализации, сверхобобществлению и администрированию в экономике; извращение самой идеологической функции экономической науки; культ личности И.В.Сталина; отток значительной части ученых на фронт и сокращение общего числа

научных коллективов в военное время; прямое и часто просто некомпетентное вмешательство И.В.Сталина в решение теоретико-методологических вопросов, требовавших помимо апломба и амбиций, еще и профессиональных знаний, владения диалектической логикой. Но действие тенденции к демократизации экономической жизни, активизации хозяйственно-практической функции экономической науки в сложных военных условиях, постановка и разработка ряда новых проблем в области организации и управления народного хозяйства являются доказательством поступательного развития экономической науки в годы Великой Отечественной войны. И, не смотря на далеко не равновесное соотношений между двумя указанными выше тенденциями социально-экономического развития, не смотря на извращение идеологической функции и элиминирование теоретико-методологической функции экономической науки, такое развитие трудно отрицать.

8. В период войны в нашей стране произошло еще большее укрепление командно-административной модели «хозяйственного механизма», управления народным хозяйством. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на развитие всей системы экономических (производственных) отношений. В связи с этим возник принципиально новый тип национальной хозяйственной системы – *военное хозяйство.* Данные обстоятельства неблагоприятно сказались на самом характере теоретико-экономических исследований, проводившихся преимущественно под углом зрения нужд войны и фронта, обеспечения Победы над врагом. Это вело к определенной односторонности и узости круга теоретико-методологических исследований. Вместе с тем, даже в военное время экономическая система в СССР все-таки не была *всецело* административно-командной. В рамках этой системы продолжали существовать и развиваться товарно-денежные отношения, а рынок, хотя и в усеченном виде, но сохранял ряд своих важных функций. Изучение этих обстоятельств позволяло отечественным экономистам глубже понять действительную природу и само содержание товарно-денежных отношений в экономическом развитии, осмыслить сущность и характер действия в военных условиях закона стоимости, закона экономии времени, закона перемены труда, закона неуклонного возрастания потребностей, законов денежного обращения и т.д. Все это обусловило уже в послевоенный период нашей истории постепенный, хотя внутренне противоречивый и крайне трудный, а во многом и драматичный, но все-таки отказ от

недооценки рыночных инстру ентов в социалистическом хозяйстве. Глубокое изучение товар о-денежных отношений, природы товарного производства, гра ц планового управления народным хозяйством были в целом ко структивными, содержали известные теоретические и прикладные ования.

9. Определенным свидетельс ом развития экономической науки в годы войны можно считать п тепенное преодоление крайних форм субъективизма и волюнта изма в трактовке объективных экономических законов, со ально-экономических процессов и явлений. Именно в военно время наметились тенденции к преодолению отождествлени закона планомерного развития хозяйства с экономической по итикой самого государства, а также к преодолению учетно-распре елительной концепции, к более комплексному изучению роцесса воспроизводства главной производительной силы (р бочей силы) общества, анализу структуры совокупного общ ственного продукта, общественной формы труда в нашей стране.

Могут, конечно, возразить, что тенденции «на бутерброд не намажешь». Но сегодня ле ко рассуждать о свободе мысли и суждений. Однако, стоит спомнить мартиролог сталинских репрессий, который включает мена таких ученых-экономистов, как В.А.Базаров, Н.И.Бухарин, Н.А.Вознесенский, В.Г.Громан, Ш.М.Двойлацкий, Л.М.Кактыь, Н.Д.Кондратьев, Л.Н.Литошенко, В.П.Милютин, В.В.Оболенски , Е.А.Преображенский, Г.Л.Пятаков, И.И.Рубин, А.И.Рыков, Г.Я.Сокольников, А.В.Чаянов, Л.Н.Юровский и многие другие. Экономическая наука, точно также как и вооруженные силы нашей страны, накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 годов оказалась в буквальном смысле слова обескровленной сталинскими репрессиями. Но и после войны от репрессий сталинского руководства гибли талантливые ученые экономисты. Поэтому даже те скромные свидетельства ее развития на пути к постижению истины, которые обнаруживаются в военное время, крайне дороги и достигнуты высокой ценой – ценой человеческой крови.

10. Военная обстановка показала, что экономическая система в СССР, не смотря на все ее издержки, обладает достаточно гибкостью и эластичностью, способна приспосабливаться к экстремальным условиям в самые сжатые сроки и с наименьшими издержками. Однако, сохранение многих модификаций военного времени (приоритетность в экономическом развитии для тяжелой

промышленности, использование принципа мобилизации в планировании, усиление централизма в управлении хозяйством, укрепление единоначалия и номенклатурного подхода в осуществлении руководства страной в целом, ужесточение персональной ответственности и директивности, широкая практика использования административных мер по укреплению трудовой дисциплины, дисциплины поставок, взаимных расчетов, жесточайший контроль за предприятиями со стороны наркоматов и т.д.) в условиях мирного развития вело к деформации всего общественного воспроизводства в нашей стране. Перестройка экономики страны на мирный путь развития, конверсия военного производства, ликвидация устойчивых диспропорций между разными отраслями и секторами (особенно, между секторами, производящими средства производства и предметы широкого потребления) не могли быть осуществлены без смены самого командно-административного механизма. Но то, как это произошло в послевоенной истории нашей страны, заставляет задуматься над вопросом, поскольку результатом такого «слома хозяйственной машины» оказался распад огромного единого экономического и геополитического пространства, гибель страны и полномасштабная социально-экономическая катастрофа. Хотят это сегодня признавать отдельные политики и ученые или нет, - это их дело. Истории глубоко безразличные субъективные суждения. Она оперирует объективными доказательствами, возражать против которых – все равно, что дуть против ветра. Пустое занятие. Но изучение того, «как это было» и как это могло случиться» - важная задача историко-экономической науки.

11. С точки зрения развития исследований в области истории экономической науки и истории народного хозяйства нашей страны, важное значение в настоящий момент имеет правильное понимание пределов технического и технологического детерминизма, а также соотношения каузальных и причинно-следственных связей в самой экономической системе. В связи с этим немаловажное значение для научного понимания природы и характера современных социально-экономических процессов приобретает категория «*исторический опыт*». Данная категория сегодня становится вполне реальным научным понятием и отражает определенный набор знаний, без учета которых никакая экономическая политика государства или даже одного отдельно взятого предприятия не может быть эффективной *по определению*. Точно так же, как «незнание законов не

освобождает от ответственности», незнание исторического опыта не освобождает субъектов деятельности от повторения прежних ошибок.

Изучение исторического опыта отечественной науки, особенно в условиях экстремального периода отечественной истории, позволяет глубже исследовать широкую сферу причинно-следственных и функциональных (феноменологических) связей в экономической жизни, выявить количественные зависимости между различными социально – экономическими явлениями, прямые и обратные связи в ней. Это имеет серьезное значение для совершенствования всей современной хозяйственной практики, является базой для совершенствования методологии самой экономической науки.

12. «Наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, является его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства» - писал еще в 1936 году английский экономист Дж.М.Кейнс [4]. Так что изменилось с тех пор в стране и в мире? Только то, что наша страна оказалась втянутой в эту порочную систему, которую представители Чикагской экономической школы совершенно безосновательно называют красивым термином «*рыночная экономика*». Но, на самом деле, эта система является *патологическим капитализмом*. Именно так современная рыночная экономика названа в нашумевшем недавно на мировых киноэкранах документальном фильме «Капитализм: История любви» американского миллионера, продюсера и режиссера Дж.Мура. И если у нас в прошлом не было безработицы, а национальное богатство распределялось более или менее справедливо, то в современных условиях об этом не приходится и говорить.

А отсюда – снова вернемся к Дж.М.Кейнсу, который все в том же предвоенном 1936 году писал: «Хотя расширение функций правительства (по управлению экономикой – авт.) … показалось бы публицисту XIX века или современному американскому финансисту ужасающим покушением на основы индивидуализма, я, наоборот, защищаю его как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы» [5].

Таким образом, после двадцати лет «рыночных экспериментов» над нашей экономикой мы видим, что государство снова возвращается к активному регулированию национального хозяйства.

Есть надежда, что оно вновь когда-нибудь станет «народным хозяйством». С тем лишь условием, что не повторяя ошибок и перегибов прошлого, наше общество сможет освоить и усвоить исторический опыт такого регулирования и развития самой экономической науки.

Важнейший вывод, который можно и нужно сделать на основе изучения состояния российской экономической науки в годы Великой Отечественной войны, состоит в том, что в современных условиях как никогда прежде необходимо свободное и творческое развитие экономической науки. В этом развитии недопустимы никакое администрирование и командование, никакие репрессии и санкции, никакие субъективистские и тем более волюнтаристские «управленческие решения». Признание принципов многомерности и альтернативности, синергетичности и комплексности, социальной ориентированности и гуманистической определенности в научном развитии становятся сегодня ключевым условием вывода экономической науки из того тяжелого и сложного состояния, в котором она находится в начале XXI столетия.

Примечания:

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч.Т.23.С.166.
2. Целищев Н.Н. Этнополитология. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та. 2008. С.245.
3. Гэлбрейт Дж.К Экономические теории и цели общества: Пер. с англ. М.: Прогресс. 1979. С.31.
4. Кейнс Дж.М. Заключительные замечания о социальной философии, к которой может привести общая теория // История экономических учений / Под ред. А.Г.Худокормова. М.: Изд-во МГУ. 1994. С.405.
5. Там же. С.410-411.

ЛИТЕРАТУРА

1.Абалкин Л.И. Экономические законы социализма. М.: Наука. 1971.
2.Абалкин Л.И.Диалектика социалистической экономики. М.: мысль. 1981.
3.Абалкин Л.И. Конечные народнохозяйственные результаты: сущность, показатели, пути повышения. 2-е изд. М.1982.
4.Агарков Е. Не числом, а умением // Известия.15 апреля. 1945 г.
5.Агеев В.М. Производство вновь созданной стоимости при социализме. М.1970.
6.Александров Г. Отечественная война советского народа и задачи общественных наук // Большевик. 1942. № 9. С.32-48.
7.Александров Г. Двадцать пять лет Октябрьской революции и Великая Отечественная война советского народа // Большевик. 1942. № 19-20. С.14-45.
8.Александров Г. Об изучении марксистко-ленинской науки в условиях Отечественной войны // Пропагандист. 1943. № 5.С. 2-15.
9.Александров В.И. Методологические проблемы обоснования цен анна новую технику. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1978.
10.Алексеев А.М. Военные финансы капиталистических государств. М. 1952.
11.Алимова Т.Д. Закон спроса и предложения при социализме. Л.: ЛГУ. 1974.
12.Аллахвердян Д. Хозяйственный расчет и закон стоимости при социализме // Советские финансы. 1948. № 4.С.34-46.
13.Альтер Л. План и социалистическое производство // Плановое хозяйство. 1941. № 2.С.45-50.
14.Альтер Л. О характере экономических законов социалистического общества // Вопросы философии. 1949. № 2.
15.Амбарцумов А., Стерликов Ф. 1000 терминов рыночной экономики. М.: Крон-Пресс. 1993.
16.Андреев С. Причины и следствия // Урал. 1988. №1.
17.Аникин А.В. Золото. М.: Международные отношения. 1984.
18.Анисимов Н. Дополнительная оплата труда – могучее средство в борьбе за укрепление колхозного строя // Большевик. 1941. № 10.С.17-29.
19.Аракелян А.А. Управление социалистической промышленностью. М.: Госполитиздат. 1947.
20.Арутунян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. 1970.
21.Атлас З.М. Хозяйственный расчет и его роль в условиях Отечественной войны. М. 1944.
22.Атлас З. Принципы хозрасчета в условиях современной военной экономики СССР // Под знаменем марксизма. 1942. № 7.С.18-26.
23.Атлас З. Денежное обращение в социалистическом хозяйстве // Плановое хозяйство. 1945. № 1.
24.Атлас З. Деньги и обмен в советской системе хозяйства // Большевик. 1945. № 6. С.37-49.
25.Атлас М., Фридберг Л. Проблемы политэкономии социализма в трудах Н.А.Вознесенского // Вопросы экономики. 1983. № 12.С.72-82.
26.Базаров В.А. на пути к социализму. Харьков.1919.
27.Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. М.1924.

28.Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6.
29.Байков А. Технический план 1944 года // Плановое хозяйство. 1944. № 1.С.66-79.
30.Бардин И. Некоторые вопросы восстановления южной черной металлургии // Плановое хозяйство. 1944. № 3.
31.Бардин И. Черная металлургия во время войны // Большевик. 1943. № 6.С.21-25.
32.Батырев В.М. О регулировании денежного обращения // Советские финансы. 1944. № 4-5.
33.Батырев В.М. О роли кредита в регулировании денежного обращения // Деньги и кредит. 1949. № 10.
34.Белоусов Р. К истории товарно-денежных отношений в СССР // Вопросы экономики. 1987. № 1.
35.Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль. 1983
36.Белоусов Р. Экономические аспекты XVIII партийной конференции // Вопросы экономики. 1988. № 5. С.45-55.
37.Беликов А.М. Тяжелая промышленность в глубоком тылу // Эшелоны идут на Восток. Из истории преобразования производительных сил СССР в 1941-1945 гг. М. 1966.
38.Бердникова Д. От коммунистических субботников к стахановскому движению // Борьба пролетариата. 1941. № 1.
39.Берри Л. Специализация и кооперация в условиях войны // Плановое хозяйство. 1944. № 3.
40.Библиографический указатель книжной и журнальной литературы на русском языке. 1941 – 1968 гг. М.1971.
41.Библиография по вопросам политической экономии. 1917-1966 гг. / Под ред. Н.Н.Цаголова. М.1969.
42.Бирман Н Журнал, отстающий от жизни [Рецензия] // Проблемы экономики. 1941. № 2.
43.Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе: Пер с англ. М. 1994
44.Богачев В. Еще не поздно. Денежно-финансовое оздоровление в системе антикризисных мер // Коммунист. 1989. №3.
45.Богачев В. Полный хозрасчет и централизованное хозяйственное управление // Вопросы экономики. 1988. № 5.
45.Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат. 1990.
47.Богданов А.А. Методы труда и методы познания //Русская философия. Конец XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1993. С.477-492.
48.Богомазов Г.Г. Марксизм-ленинизм и проблемы товарно-денежных отношений в период строительства социализма в СССР Л.: Изд-во ЛГУ. 1974.
49.Богомазов Г., Захарова И. Развитие марксистско-ленинской политэкономии в СССР // Экономические науки. 1982. № 11.
50.Богомазов Г.Г. Об основных этапах развития политэкономии социализма // Вестник ЛГУ. 1985. № 5. С.87-103.
51.Бодров М. Народные сбережения в СССР // Большевик. 1941. № 3-4. С.71-78.

52.Бор М. О некоторых вопросах национального дохода социалистического общества // Вопросы экономики. 1954.№10.
53.Бор М.З. История мировой экономики. М.: ИД «Дело и сервис». 1998.
54.Бороздин Ю.В. Ценообразование и потребительная стоимость продукции. М.: Экономика. 1975.
55.Брутус Л. Теория планового ценообразования: прошлое и настоящее [Рецензия] // Экономические науки. 1978. № 2.
56. Булгаков С.Н. История социальных учений XIX века. М. 1912.
57.Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука. 1990.
58.Бутенко А.П. Был ли неизбежен Октябрь? // Правда. 1990. 25 сентября.
58.Бутенко А.П. Проблемы разработки концепции современного социализма // Вопросы философии. 1988. № 11.С.49.
59.Бутенко А.П. Откуда мы и к каким берегам стремимся? // Социологические исследования. 1992. № 11.С.58.
60.Бухарин Н. Этюды. [Репринтное издание 1932 года]. М.1988.
61.Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма М.: Политиздат. 1989.
62. Бухарин Н.И.О старинных традициях и современном культурном строительстве // Революция и культура. 1927. № 1.
63.Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат. 1988.
64.Валентинов Н. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник. 1991.
65.Валовой Д.В. Экономика в человеческом измерении: Очерки – размышления. М.: Политиздат. 1988.
66.Валовой Д.В. Экономика: Взгляды разных лет (становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма). М.1989.
67.Варга Е.С. Концентрация производства и каптала во время войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 7-8.
68.Варга Е.С. Решающая роль государства в военном хозяйстве капиталистических стран // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 1.С.20-29.
69.Варга Е.С. Деньги: их власть в мирное время и крах во время войны // Начало общего кризиса капитализма / Под ред. Е.С.Варги. М. 1974.
70.Варга Е.С. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М. 1946.
71.Варга Е.С. Что дала Германии тотальная мобилизация. М.1943.
72.Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.1948.
73.Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами. М.: Международные отношения. 1990.
74.Викентьев А. К вопросу о необходимом и прибавочном продукте при социализме // Вопросы экономики. 1960.№10.
75.Винцер Ю. Некоторые вопросы послевоенной конкуренции // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 10-11.
76.Вишнев С. Промышленное производство в условиях второй мировой войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1943. № 5-6. С.31-44.
77.Вишнев С. Мобилизация экономических ресурсов в первой и второй мировых войнах // Большевик. 1943. № 1.

78.Власов Н. О движущем противоречии социалистического общества // Под знаменем марксизма. 1940.№ 3-4.
79.Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат. 1948.
80.Вознесенский Н.А. Три сталинские пятилетки строительства социализма // Большевик. 1940. № 11.
81.Вознесенский Н.А. О советских деньгах // Большевик. 1935. № 2.
82.Вознесенский Н.А.Избранные произведения. М. 1979.
83.Волин Б.М. Статистика и политика. М.1947; Козлов Г.А. Теоретические основы хозрасчета. Пермь. 1948.
84.Волин Б.М. Из истории появления работы В.И.Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». М. 1944.
85.Володарский Л.М. Возвращение районов СССР, пострадавших от внешней оккупации. М.: Госполитиздат. 1946.
86.Вольфсон Л.Я., Ледовский В.И., Шильников Н.С. Экономика транспорта / Отв. Ред. Т.С.Хачатуров. М.1941.
87.Воробьев Ю. Плановая система хозяйства СССР в период Великой Отечественной войны // Экономические науки. 1985. № 5.
88.Воронов Ю.П. Миф о командно-административной системе // ЭКО, 1990. №5.
89.Восемнадцатый съезд ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М.1985. Т.5.
90.Восемнадцатая Всесоюзная партийная конференция // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.1985. Т.7.
91.Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М.: Мысль. 1987-1997.
92.Галицкий А. Транспорт и размещение производительных сил // Большевик. 1941. № 5.С.12-23.
93.Галкин А.А. Германский фашизм. М.1989.
94.Гальчинский А.С. К.Маркс и развитие экономической мысли Запада. М.1990.
95.Гастев А.К. Как надо работать. М.1972.
96.Гастев А.К. Научная организация труда и управления. М. 1966.
97.Гатовский Л. Ленин об экономическом преобразовании нашей страны на базе социализма // Большевик. 1945. № 1.С.55-66.
98.Гатовский Л. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М. 1946.
99.Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли: Пер. с англ.М.: Эксмо. 2006.
100.Гейтс Б. Дорогав будущее: Пер. с англ. М.1996.
101.Геллер М., Некрич А. Утопия власти. История Советского Союза от 1917 года до наших дней. В 2-х книгах. М. 1995.
102.Гинзбург С.З. О прошлом для будущего. М. 1983.
103.Гилберт М. В поисках единой валютной системы: Пер. с англ. / Под ред. О.М.Прескина. М.: Прогресс. 1984.
104.Горинов М.М. Советская страна в конце 20х – начале 30х гг. // Вопросы истории. 1990. №11.
105.Горфинкель Е. Рецензия на кн.: Шпигель Г.В. Экономика тотальной войны. Нью-Йорк. 1942; Фуллер И.Ф. Война машин. Нью-Йорк. 1941; Кларк Р.В.Б. Экономика военных усилий. Лондон. 1942; Пигу А.К. Политическая

экономия войны. Нью-Йорк. 1941 // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 10-11.
106.Горичева Л.Г. Культурно-историческая целостность хозяйств западноевропейских стран и России. М.: Макс-Пресс. 2009.
107.Государство и Россия. Путь к эффективному государству. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Послание Президента В.В.Путина Федеральному Собранию. М. 2000.
108.Гранберг А.Г. Василий Леонтьев. Путь к открытию // ЭКО. 1990.№5.
109.Грановский Е. Материально-техническая база социализма и оборонная мощь СССР // Под знаменем марксизма. 1943. № 9-10.
110.Грановский Е. Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943. № 13. С.37-48.
111.Григоровский В. Подвиг тружеников сельского хозяйства // Экономические науки. 1985. № 5.С.22-25.
112.Григорьев А. К вопросу об организации управления производством в годы войны // Большевик. 1943. № 15-16. С.30-40.
113.Григорьев А. О нормировании труда в промышленности // Плановое хозяйство. 1945. № 1.С.33-42.
114.Григорьев А.В. Антропология: От организмов к техносфере. М.:ЛИБРОКОМ. 2009.
115.Гузняев А.Г. К истории вопроса о предмете политической экономии социализма // Вопросы политической экономии / Под ред. М.Ф.Ковалева и др. М. 1959.
116.Гуревич П.С. Философская антропология.2-е изд. М.: Омега-Л. 2010.
117.Гуревич А. Новые тенденции в военной экономике США, Англии и Канады // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. №1-2. С. 21-29.
118.Гуров А. Экономическое обеспечение победы советского народа в Великой Отечественной войне // Экономические науки. 1985. № 3.
119.Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества : Пер. с англ. / Под ред. Н.Н.Иноземцева. М.: Прогресс. 1979.
120.Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. М.: АСТ.2004.
121.Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и проблемы трудовой этики // Вопросы философии. 1992. № 1.
122.Дан Ф. Итоги развития и перспективы большевизма. Послесловие // Коммунист. 1990 № 7.С.72-78.
123.Дегтярев А., Маликов Р. Институциональный анализ деловой коррупции в России //Вопросы экономики. 2005.№ 10.
124.Дейнеко О.А. Наука управления в СССР. М.: Экономика. 1967.
125.Дискин И.Е. Культура: Стратегия социально-экономического развития. М.1990.
126.Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917-1957 годы). Сборник документов. В 4-х томах. Т 2. (1929-1945 гг.) М.: Госполитиздат. 1957.
127.Добров М. Использование новой техники // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7. С.56-64.
128.Дойчер И. Троцкий в изгнании: Пер. с англ. М.: Политиздат. 1991.
129.Дондурей Д. Русская культура не проиграет // Москва. 2008. № 1.
130.Дорошев И.А. Урал – становой хребет обороны // Вестник АН СССР. 1943. № 4-5.

131.Драгунский Д.В. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991.№ 1.
132.Дроздов А. Что почем и почему? Подтверждается ли практикой экономическая теория социализма? // Комсомольская правда. 1989. 21 октября.
133.Дэвис Р.У. НЭП и современность // Коммунист. 1990. № 8.
134.Дьяконов И.М. Пути истории. М.1994.
135.Дьяченко В.П. История финансов СССР. 1917-1950 гг. М.1978.
136.Евстигнеев В. Политическая экономия и политический выбор: возвращаясь к истокам // Вопросы экономики. 1990. № 3.
137.Евстафьев Г. Социалистическое соревнование в промышленности – важнейший источник помощи фронту // Пропагандист. 1943. № 7-8.
138.Евстафьев Г., Ляпин А. К вопросу об экономическом образовании партийных и хозяйственных кадров в условиях войны // Пропагандист. 1943. № 17. С.21-27.
139.Ерасов Б. Одномерная логика российских модернистов // Общественные науки и современность. 1995.№ 2.
140.Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы труда. М.1940.
141.Жамс Э. История экономической мысли XX века. М.1959.
142.Залкинд А.И., Мирошниченко Б.П. очерки развития народнохозяйственного планирования. М.: Экономика. 1980.
143.Залкинд А. О действительных и мнимых противоречиях при социализме // Под знаменем марксизма. 1940. № 6.С.68-78.
144.За новые успехи в социалистическом соревновании. [Передовая]. // Большевик. 1943. № 6. С.3-9.
145.Захарова И.П. Единство принципов историзма и партийности в истории политической экономии социализма // Вестник ЛГУ. 1986.
146.Зверев А.Г. Записки министра. М.1973.
147.Зверев А. Борьба за экономию и использование резервов для нужд фронта // Большевик. 1942. № 3.С.25-30.
148.Зверев А. Великая Отечественная война и роль государственных займов // Большевик. 1943. № 9.С.24-30.
149.Зверев А. Советские финансы и Отечественная война // Плановое хозяйство. 1944. № 2.
150.Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941-1945 гг. М.1969.
151.Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность: Кризис коммунизма. М.1994.
152.Зиновьев А.А. От коммунизма к колониальной демократии //Социально-политический журнал.1993.№ 8.
153.Зяблицева С.В. Проблемы адаптации эвакуированных в селах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Россия. Земля. Крестьянство. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. Курган: Изд-во УГСХА. 2009. Т.1.
154.Из истории политической экономии социализма в СССР в 30-50-е годы / Под ред. Г.Г.Богомазова. Л.: Изд-во ЛГУ. 1988.
155.Из истории политической экономии социализма в СССР в 20-30-е годы / Под ред. Г.Г.Богомазова. Л.: Изд-во ЛГУ. 1981.
156.Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. М.:Эксмо-Пресс, 1998.

157.Исмагилова Ф.С. Анализ инструментов выбора управленческих решений руководителями российских компаний // Психологический вестник Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2009. Вып.7.
158.История Второй Мировой войны. 1939-1945 гг. М. 1980.
159.История политической экономии социализма. Очерки / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. Л.: Изд-во ЛГУ. 1972.
160.История политической экономии социализма / Под ред. Д.К.Трифонова, Л.Д.Широкорада. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ. 1983.
161.История политической экономии капитализма / Под ред. А.А.Демина, Н.В.Раскова, Л.Д.Широкорада. Л.: Изд-во ЛГУ. 1989.
162.История России с древности до наших дней / Под ред. М.Н.Зуева.М.: Высшая школа. 1994.
163.История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник / Под ред. Н.Н.Думной, О.В.Карамовой. М.: КНОРУС. 2007.
164.История России. XX век. Материалы и документы // В.А.Мазур, Н.Н.Баранов, Л.Я.Баранова / Под ред. М.Е.Главацкого. М.: Дрофа. 1999.
165.История менеджмента / Под ред. Д.В.Валового. М.: ИНФРА-М. 1997.
166.История мировой экономики / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2010.
167.История экономических учений / Под ред. В.Автономова, О.Ананьина, Н.Макашевой. М.: ИНФРА-М. 2004.
168.История экономических учений / Под ред. А.Г.Худокормова. М.: ИНФРА-М. 1999.
169.История экономических учений / Под ред. М.Н.Рындиной, Е.Г.Василевского. М.: Высшая школа. 1983.
170.История экономических учений. В 2-х т. / Под ред. А.Г.Худокормова.М.: Изд-во МГУ. 1994.
171.История и философия экономики / Под ред.М.В.Конотопова.. М.: КНОРУС.2006.
172.История мировой экономики / Под ред. М.В.Конотопова, С.С.Сметанина. М.1997.
173.История народного хозяйства / Под ред. А.Н.Марковой. М.1995. История социалистической экономики СССР: В 7 т. М.1976-1980.
174.Кабанков В.И. Цена и качество продукции. М.: Советская Россия. 1977
175.Казаков П. Военная перестройка тяжелого машиностроения // Плановое хозяйство. 1944. № 3.
176.Каким быть плану (Г.М.Кржижановский, С.Г.Струмилин, Н.Д.Кондратьев, В.А.Базаров). Л.1989.
177.Калинин В. Социалистическое соревнование в годы Великой Отечественной войны // Вопросы экономики. 1985. № 5. С. 47-58.
178.Каминский П. Потребительский кредит в США в годы войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 11.
179.Кантор Л. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны // Экономические науки. 1985. № 5. С.15-22.
180.Канторович Л.В. Вариационное исчисление. Л. 1933.
181.Канторович Л. Математические методы организации и планирования производства. Л. 1939.
182.Канторович Л.В., Горстко А.Б. Оптимальные решения в экономике. М.: Наука. 1972.

183.Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. 2006.
184.Касимовский Е. Экономия во всем – закон военного времени // Пропагандист. 1942. № 13-14. С.24-29.
185.Касимовский Е Журнал, нуждающийся в серьезной перестройке («Деньги и кредит» за 1939-1940 гг.) [Рецензия] // Большевик. 1944. № 7.
186.Кафтанов С.В. Наши очередные задачи // Вестник высшей школы. 1945. № 1.
187.Керженцев П.М. Принципы организации. М.1968.
188.Кефели И.Ф. Коллективная безопасность государств – членов ШОС в многополярном мире: геополитические реалии и перспективы / Проблемы обеспечения геополитической безопасности России: матер. Всерос. науч.-прак. Конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009.
189.Киршоу Я. Гитлер: Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997.
190.Клименко К. Уральский промышленный район. М. 1945.
191.Коган А.М. В творческой лаборатории Карла Маркса. План экономических исследований 1857 – 1859 гг. и «Капитал». М.: Мысль. 1983.
192.Козлов Г.А. Хозяйственный расчет в социалистическом обществе. М.: Госполитиздат. 1945.
193.Козлов Г.А. Теория денег и денежного обращения. М.1946.
194.Козлов Г.А. Теоретические основы хозрасчета. Пермь. 1948.
195.Козлов Г.А. Избранные труды. М.: Мысль. 1986.
196.Колганов М.В. Народный доход СССР / Под ред. Д Черномордина. М.1940.
197.Комков Г.Д. Идейно-политическая работа КПСС в 1941-1945 гг. М.: Наука. 1965.
198.Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной войны. М.: Наука. 1983.
199.Кондаков В.А. Энтропия в механизме антилиберальной трансформации российского социума // Гуманитарные стратегии российских трансформаций. Материалы I Международной научно-практической конференции. Тюмень: Тюм. гос. неф.-газ. ун-т, 2008.
200.Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / ред. Л.И.Абалкин и др. М.: Экономика. 1989.Коробов П. Военная перестройка черной металлургии // Плановое хозяйство. 1944. № 1. С.3-14.
201.Корицкий Э.Б., Лавриков Ю.А., Омаров А.М. Советская управленческая мысль 20-х годов. Краткий именной справочник. М.: Экономика. 1990.
202.Корицкий Э., Нинциева Г., Шетпепов В. Научный менеджмент. Российская история.СПб.: Питер. 1999.
203.Костюк В.Н. История экономических учений. М.: Центр. 1997
204.Косяченко Г. Военное хозяйство СССР // Плановое хозяйство. 1944. « 1.
205.Котляр Э.С. Государственные трудовые резервы СССР в год Великой Отечественной войны. М. 1975.
206.Котов В. Прогрессивный опыт скоростного строительства в годы Великой Отечественной войны // Экономические науки. 1985. № 5. С. 26-30.
207.Кошелев А. Социалистическая собственность. М. 1946.
208.Кошелев Ф. О соотношении экономики и политики / Под знаменем марксизма. 1940. № 12.
209.Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. 2-е изд. М.: Экономика. 1970.

210.Краснолобов И.М. Планирование и учет народного дохода. М. 1940;
211.Краюшкина З.М. Производственно-техническое обучение и материально-бытовое обслуживание молодежи в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: ПСХИ. 1962. Т.18. Вып.4.
212.Краткий экономический словарь / Под ред. А.Н.Азрилияна. 4-е изд. М.: Институт новой экономики.2007.
213.Кромов И. Отечественная война и строительство // Большевик. 1943. № 10.С.28-36.
214.Кронрод Я.А. За творческую дискуссию против схоластики в науке // Проблемы экономики. 1940. № 11-12.
215.Кронрод Я.А.Планомерность и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука. 1988.
216.Круглянский М.Р. Высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М.1970.
217.Кружков В. Произведения Ленина – могучий источник идейного воспитания советского народа // Большевик. 1945. № 6.
218.Крук Д.М. Развитие теории и практики управления производством в СССР М.1974.
219.Кузьминов И.И. Стахановское движение в период Отечественной войны. М. 1942.
220.Кузьминов И.И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М.1940.
221.Кузьминов И.И. Окончание войны и переход хозяйства СССР к мирному развитию. М. 1945.
222.Кузьминов И. Подбор и подготовка новых промышленных кадров в условиях войны // Большевик. 1942. № 16. С.26-38.
223.Кузьминов И. Социалистическая экономика в условиях войны // Большевик. 1942. № 23-24; 1943. № 3.С.42-51.
224.Кузьминов И. Рабочий класс СССР в Великой Отечественной войне // Большевик. 1943. № 23-24. С.10-20.
225.Кузьминов И. Социалистическая индустрия и укрепление военной мощи СССР // Пропагандист. 1942. № 5-6. С.6-13.
226.Кузьминов И. Всенародное социалистическое соревнование – могучая сила // Пропагандист. 1942. № 9.С.10-16.
227.Кузьминов И. Производительность труда в промышленности СССР в условиях Отечественной войны // Большевик. 1944. № 5.
228.Кузнецов А. Об экономической роли советского государства // Партийная жизнь. 1947. № 12.
229.Кукель-Краевский С.А. Обобщенный метод выбора оптимальных параметров энергетических установок // Электричество. 1940. № 8.
230.Кукушкин М.С. Народный доход. Л. 1965.
231.Курочкин Ю.П. Социально-экономическая природа и формы необходимого продукта при социализме. Л.1984.
232.Курский А. Материальные балансы в народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1940. № 6.
233.Курский А. Народнохозяйственные резервы – на службу обороне страны // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7. С.18-26.

234.Курский А. Организаторская работа в тылу за текущий год // Пропагандист. 1942. № 19-20. С. 11-18.
235.Курский А. О социалистическом воспроизводстве в дни войны // Большевик. 1943. № 19-20. С.70-81.
236.Курский А. Война и плановый характер народного хозяйства СССР // Пропагандист. 1943. № 9.С.26-34.
237.Курский А. Социалистическое планирование – закон развития советской экономики // Большевик. 1944. № 19-20. С.25-39.
238.Лабутин А.В.Предмет политической экономии социализма // Из истории политической экономии социализма в СССР в 30-50-е годы / Под ред. Г.Г.Богомазова. Л.: ЛГУ. 1988.
239.Лавинь М. Проблемы ускорения вовлечения социалистических стран в мировую экономическую систему // Вопросы экономики. 1989. № 10.
240.Лаврищев А. Промышленность Урала в Отечественной войне // Плановое хозяйство. 1944. № 3.
241.Ламберт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь: Пер. с нем. М. 1994.
242.Лапидус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.-Л. 1930.
243.Лаптев И.Д. Колхозный строй в условиях Отечественной войны. М.: Госполитиздат. 1943.
244.Лаптев И.Колхозный строй и Великая Отечественная война // Под знаменем марксизма. 1942. № 2-3. С.41-45.
245.Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М. 1983.
246.Леднев В.П., Стожко К.П. Современные концепции исторического развития России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2000.
247.Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33.
248.Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36.
249.Ленин В.И. О государстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39.
250.Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39.
251.Ленин В.И. Набросок плана научно-технических работ // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
252.Ленин В.И. Об едином хозяйственном плане // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42.
253.Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч.Т.45.
254.Ленинградское дело. Сб. документов / Сост.: В.И.Демидов и др. Л. 1990. С.103.
255.Леонов С. Богдановская концепция социализма // Экономические науки. 1991. № 6.
256.Леонтьев Л.А. Социализм и труд. М.1940.
257.Леонтьев Л.А. Предмет и метод политической экономии. М. 1945.
258.Леонтьев Л.А. Советский метод индустриализации. М. 1946.
259.Леонтьев Л.А. Сталин – создатель политической экономии социализма. М. 1950.
260.Леонтьев Л. Место политической экономии в марксистско-ленинской теории // Пропагандист. 1944. № 21.
261.Лерский И.А. Воспроизводство основных фондов промышленности СССР в условиях войны. М. 1945.
262.Либкинд А. Резервы увеличения продукции сельского хозяйства в колхозах // Плановое хозяйство. 1944. № 3.

263.Лисичкин Г.Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11.
264.Лисичкин Г.Большой подлог // Коммунист. 1990. №5.
265.Лихолобова З. Стахановское движение в Донбассе в 1935-1937 гг. // Вопросы истории. 1973. № 12.
266.Локшин А. Что такое культура производства ? // Большевик. 1941. № 10. С.67-79.
267.Локшин А. баланс промышленного предприятия и его анализ // Большевик. 1941. № 9.С. 73-89.
268.Лоуса Ф. Вклад Евгения Слуцкого в анализ экономических циклов //Журнал – учебник «Экономическая школа». 1999.Т.5. Вып.5; Четвериков Н.С Жизнь и научная деятельность Е.Е.Слуцкого (1880-1948) // Ученые записки по статистике / АН СССР. М. 1959.Т.5.
269.Лукин С. За дальнейший подъем легкой промышленности // Большевик. 1941. № 7-8. С.64-76.
270.Львов Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. М.1999.
271.Львов Д.С. Экономический манифест: будущее российской экономики. М.2000.
272.Любимов А. Всемерно использовать местные продовольственные ресурсы // Большевик. 1941. № 16.С.26-29.
273.Любимов А. О ближайших задачах развития товарооборота // Плановое хозяйство. 1945. № 4.
274.Любимов А. Больше промышленных товаров широкого потребления // Большевик. 1943. № 6. С. 35-42.
275.Ляпин А.П. Социалистическая организация общественного труда. М.: Госполитиздат. 1945.
276.Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. В 3-х т. М. 1947.
277.Макарова М.Ф. Рецензия на книгу: / Ред. М.Лифшиц, Г.Рубинштейн. М.1939 [Рецензия] // Проблемы экономики. 1940. № 6.
278.Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. 1917-1963гг. М. 1964.
279.Макаров Н.И. Непокоренная земля российская. М.: Политиздат. 1976.
280.Малышев И. Колхозный строй и Отечественная война // Плановое хозяйство 1944. № 1.
281.Маневич В.Е. Развитие теории планового ценообразования в советской экономической литературе. М.: Наука. 1973.
282.Маневич В.Е. Развитие теории денежного обращения в советской экономической литературе. М.: Наука. 1986.
283.Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика. 1989.
284.Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3.
285.Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4.
286.Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3-х т. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23-25.
287.Марцева Л.М. Советская модель всеобщего труда. Омск: ИЦ Омский научный вестник. 2008.
288.Маршев В.И. История управленческой мысли. М.: ИНФРА-М. 2005.
289.Маслов П.П. Трудовые сбережения и распределение расходов // Известия АН СССР. 1947. № 1. С.37-54.

290.Материалы III Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук (14-19 августа 1944 года). М.1944.
291.Мау В. Вопросы планомерности социалистической экономики в экономической литературе 1936 – 1954 гг. // Экономические науки. 1984. № 12. С.62-68.
292.Машков В.В. Записки коллекционера. Екатеринбург: Уральский рабочий. 1996.
293.Мелман С. Прибыли без производства: Пер. с англ. М.: Прогресс. 1987.
294.Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено.СПб.: ИД «Алетейя». 2008.
295.Митин М. Ленин о роли и задачах тыла в войне // Большевик. 1943. № 1. С25-35.
296.Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука. 1971.
297.Михалевский Ф.И. Золото в период мировых войн. М. 1945.
298.Михалевский Ф. Безналичный оборот и проблемы банковских пассивов // Деньги и кредит. 1947. № 2.
299.Мовшович Г.М. Отечественная война и подготовка рабочих кадров. М.: Госполитиздат.1945.
300.Морозов А. Ленин о социалистической дисциплине труда // Большевик. 1941. № 2. С.62-74.
301.Морозов А. Книга, извращающая историю русской экономической мысли (Блюмин И. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века). [Рецензия] // Большевик. 1944. № 7-8.
302.Москатов П. Государственные трудовые резервы СССР // Большевик. 1941. № 2. С.62-76.
303.Москатов П. Воспитание молодых рабочих // Большевик. 1943.№ 7-8. С.24-29.
304.Мотылев В.Е. Экономическая историяё зарубежных стран. М.1961.
305.Мрачковская И.М. К истории ленинского этапа в политической экономии. М.: Мысль. 1997.
306.Народное хозяйство СССР. 1922-1972 гг. М.: Финансы и статистика. 1972.
307.Народное хозяйство СССР в 1985 г. Стат. Ежегодник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика. 1986.
308.Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник Госкомстата СССР. М.: Финансы и статистика. 1987.
309.Некоторые вопросы преподавания политической экономии [Редакционная статья] // Под знаменем марксизма. 1943. № 7-8. С.56-64.
310.Немов Н. Технологическая дисциплина – незыблемый закон производства // Большевик. 1941. № 6. С.25-34.
311.Немчинов В.С. О критериях размещения культур и отраслей животноводства. М.1947.
312.Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М. 1945.
313.Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели. М.Соцэктиз. 1962.
314.Нестеренко М.С. Патриотическое движение рабочего класса Урала за повышение производительности труда в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории Урала. Сборник статей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1961.Вып. 32. Ч.2.
315.Нефедьев Н. История возникновения стахановского движения // Исторический журнал. 1941. № 1.

316.Николаева К. Советская женщина в Отечественной войне // Большевик. 1943. № 3. С.32-42.
317.Нитти Ф. Основные начала финансовой науки. М.1904
318.Новгородцев П.И. Сочинения. М. 1995
319.Новожилов В.В. Способы нахождения максимума эффекта капиталовложений в социалистическом хозяйстве // Труды Ленинградского финансово-экономического института. Л. 1947. Вып.3.
320.Новожилов В.В. Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве // Применение математики в экономических исследованиях. Т.1. М. 1959.
321.Новожилов В.В. Методы соизмерения народнохозяйственной эффективности плановых и проектных вариантов // Труды Ленинградского индустриального института. 1939.№ 4.
322.Новожилов В.В. Практикуемые методы соизмерения себестоимости и вложений // Труды Ленинградского индустриального института. 1941. №1.
323.Новожилов В.В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука. 1995.
324.Ноткин А.И. Очерки теории социалистического воспроизводства. М. 1948.
325.Ноув А. Чему учит советский опыт или вопросы без ответов // ЭКО. 1990. № 4. С.44-57.
326.Норнбергский процесс: Сборник материалов. М.: Госюриздат. 1955. Т.2.
327.Об едином хозяйственном плане: Работы 1920-1921 годов / С.И.Гусев, А.М.Кактынь, Г.М.Кржижановский, Л.Н.Крицман; Ред. А.И.Анчишкин и др. М.: Экономика. 1989.
328.Образцов В. Желехнодорожный транспорт – важнейшее средство связи фронта и тыла // Плановое хозяйство. 1944. № 1.
329.Общественная форма труда при социализме / Под ред. А.Д.Смирнова, К.Сабо. М.: Экономика. 1984.
330.Ожерельев О.И. Основной экономический закон социализма и его использование в управлении народным хозяйством. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1973.
331.Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М.1995.
332.Окунева И.О. О резервах повышения производительности труда. М.: Госполитиздат. 1940.
333.Олехнович Г. Экономические законы социализма в условиях военного хозяйства // Экономические науки. 1985. № 5.
334.Олсон М. Логика коллективных действий в обществах советского типа // ЭКО. 1992. №6.
335.Омельченко К. Мобилизация ресурсов – важный источник увеличения выпуска продукции // Большевик. 1942. № 7. С.31-42.
336.Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики: Пер. с англ. М. 1996.
337.Островитянов К.В. К вопросу о товарном производстве при социализме. М. 1971.
338.Островитянов К.В. О методах преподавания политической экономии // Вестник Высшей школы. 1945. № 3. С. 24-30.
339.Островитянов К. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства // Большевик. 1944. № 23-24.
340.Островитянов К. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства / В кн.: В помощь изучающим экономическую теорию. Харьков. 1947. Вып. 1. С.48-68.

341.Островитянов К. Военная экономика страны // Плановое хозяйство. 1948. № 1.
342.Очерки по истории советской и китайской экономической мысли / Под ред. Л.Д.Широкорада. СПб. 1992.
343.Очерки по истории статистики СССР. Сборник. М. 1972. № 5.
344.Павлов П.Н. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат. 1942.
345.Панов А. Угольная промышленность в годы Великой Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1944. № 1.
346.Панов В. Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны // Вопросы экономики. 1985. № 5.
347.Парсонс Г. Человек в современном мире: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А.Кувакина. М.: Прогресс. 1985.
348.Пашков А.Развитие в СССР политической экономии социализма //
349.Развитие революционной теории Коммунистической партии Советского Союза. М. 1967.
350.Перламутров В.Л. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М.: Экономика.2007.
351.Петров А.А. Экономика и политика: Иллюзии и реальность. М.1993.
352.Пешехонов В. Совершенствование товарно-денежных отношений // Вопросы экономики. 1989. №10.С.131-142.
353.Пигу А. Экономическая теория благосостояния: Пер. с англ. М.1984.
354.Письма Сталина Молотову // Коммунист. 1990. № 11.
355.Платонов О.А. Русский труд. М.1991.
356.Платонов О. Русь, взмахни крылами // Наш современник. 1989. №8.
357.Политический словарь / Под ред. Г.Александрова, В.Гальянова, Н.Рубинштейна. М.: Госполитиздат. 1940.
358.Попадюк К. Вопросы теории национального дохода социалистического общества в советской экономической литературе второй половины 30-- - конца 50-х гг. // Экономические науки. 1983. № 11.
359.Поппер К. Открытое общество и его враги: Пер. с англ.М. 1992.
360.Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. 1941-1945 гг. 3-е изд. М.: Экономика. 1985.
361.Прохоренко И.Д. Развитие социалистических производственных отношений. М.1972.
362.Ревайкин А.С. Необходимый продукт, его величина и структура при социализме. Петрозаводск. 1974.
363.Рейхард В. Использование закона стоимости в советском плановом хозяйстве. Л.1948.
364.Румянцев А.Ф. Управление промышленностью СССР. М.: МГУ. 1956.
365.Рыков А.И. Избранные произведения. М.: Экономика. 1990.
366.Розенберг Д. К вопросу о развитии экономического учения К.Маркса // Вестник АН СССР. 1942. № 9-10.
367.Розенберг Д. К вопросу о развитии экономического учения К.Маркса // Ученые записки МГУ. М. 1947.
368.Ротштейн А.И. Проблемы промышленной статистики. Ч.1. Л.1936

369.Савельев В.М., Савин В.П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М. 1974.
370.Сибирев А.И. Хозрасчет и его развитие в современных условиях // Вопросы теории и методологии. Л. 1974.
371.Сидоров А.П. Общественная и личная собственность в социалистическом хозяйстве // Ученые записки МГУ. Вып. 123.М. 1947.
372.Слуцкий Е.Е. Жизнеописание. 3 декабря 1942 года. [Рукопись].
373.Слуцкий Е.Е. К теории сбалансированного бюджета потребителя // Экономико-математические методы. М. 1963.
374.Советский тыл в Великой Отечественной войне. М.: Наука. 1974.
375.Соколов Б. Промышленное строительство в годы Отечественной войны. М. 1946.
376.Сонин М.Я., Мирошниченко Б.П. Подбор и обучение рабочих кадров в промышленности. М.: Госполитиздат. 1944.
377.Сонин М.Я. Подготовка и использование рабочей силы. М.: Куйбышев. 1942.
378.Сонин М.Я. Вопросы баланса рабочей силы. Методика составления. М. 1949.
379.Сонин М. Новые квалифицированные кадры промышленности // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7.
380.Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М.1951.
381.Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов. 25 ноября 1936 г. М.: Госполитиздат. 1950.
382.Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 9-е изд. М. 1953.
383.Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г.Москвы. 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М.: Госполитиздат. 1952.
384.Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1952.
385.Сталин И.В. Экономические проблесмы социализма в СССР. М. 1952.
386.Стариков Н. Кризис $: Как это делается. СПб.: Питер. 2010.
387.Стожко К.П. Экономическая диалектика человека. История. Теория. Методология. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед ун-та. 1994.
388.Стожко К.П. История экономики. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 1998.
389.Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М. 1966.
390.Струмилин С.Г. Очерки социалистической экономики СССР. 1929-1959 гг. М. 1960.
391.Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР.М. 1967.
392.Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М. 1925.
393.Струмилин С.Г. Естественно-историческое районирование СССР / В кн.: Комиссия по естественно-историческому районированию СССР. М.: Л. 1947.
394.Сорокин Г.М. Социалистическое планирование народного хозяйства. М. 1946.
395.Спундэ А. Открытое письмо // Коммунист. 1990. №7. С.5.
396.Сухаревский Б. Организаторская работа в тылу. М. 1943.
397.Сухаревский Б. Советская экономика в Великой Отечественной войне. М. 1945.
398.Сухаревский Б. Воспроизводство основных фондов в СССР // Большевик. 1941. № 3-4.. С.104-119.
399.Сухаревский Б. Задачи промышленности в условиях Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941.№ 6-7. С.83-92.
400.Сухаревский Б. Восстановление хозяйства освобожденных районов // Плановое хозяйство. 1944. № 2.

401.Сухаревский Б. Новый план великих работ. К 25-летию плана ГОЭЛРО // Плановое хозяйство. 1945. № 1.
402.Тельпуховский В.Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11.
403.Теряева А. О производительности труда в колхозах и совхозах в период войны // Большевик. 1945. № 5. С.9-22.
404.Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: ИИД «Филин».1998.
405.Ткаченко И.Н. Эволюция внутрифирменных корпоративных отношений. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2001.
406.Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: Пер. с англ.М.: Прогресс, 1996.
407.Тоффлер А. Третья волна: Пер. с англ. М.: АСТ, 1999.
408.Трахтенберг И. Финансирование войны и инфляция // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 2.С.3-21.
409.Трахтенберг И. Проекты международных валютных соглашений // Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 1-2.
410.Трахтенберг И. Истощение финансовых ресурсов Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1942. № 7.
411.Трифонов Д.К. Категории и законы политической экономии. Л.: Изд-во ЛГУ. 1973.
412.Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М. 1990.
413.Трус Л.С. Введение в лагерную экономику // ЭКО. 1990. № 5.
414.Тупикин М. По большевистски внедрять новую технику // Большевик. 1941. № 6.С.35-45.
415.Турецкий Ш. Борьба с потерями и себестоимость продукции // Большевик. 1941. № 2. С.20-29.
416.Турецкий Ш. Множить экономические ресурсы Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. № 6-7.
417.Турецкий Ш. Задачи увеличения внутрипромышленного накопления // Плановое хозяйство. 1945. № 3.
418.Турецкий Ш. Об издержках войны и экономике производства // Большевик. 1945. № 3-4. С.24-35.
419.Турецкий Ш.Внутрипромышленное накопление в ССС. М. 1948.
420.Урал – фронту / Под ред. А.В.Митрофановой. М.: Экономика. 1985.
421.Улюкаев А. Россия на пути реформ: регулирование экономики в период становления системы национальной государственности в России. М. 1996.
422.Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. / Общ. ред. В.Т.Рысина М.: Прогресс. 1988.
423.Фигурновская Н. Некоторые вопросы становления политической экономии социализма в 20-50-е годы // Экономические науки. 1989. № 9.
424.Философия российской экономики. В 2-х т. / Под ред. К.П.Стожко, Н.Н.Целищева. В 2-х т.Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2005.
425.Фокин И. Что дает экономическое образование партийно-хозяйственного актива? // Пропагандист. 1942. № 17.
426.Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И.Данилова-Данильяна. М.: Прогресс. 1987.
427.Фридберг Л. Образование государственного продовольственного фонда – важный фактор Победы // Экономические науки. 1985. № 3. С.43-51.

428.Фриш Р. Метод выбора Новожилова и его применение при решении проблем линейного программирования // Документы (меморандумы) по международной экономике. 1956. № 6.
429.Фрей Л. Послевоенные вопросы внешней торговой политики // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 1. С.55-66
430.Фуллер Дж. Вторая мировая война. 1939-1945 гг.М. 1956.
431.Хаттингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России // Общественные науки и современность. 1995. № 3.
432.Хачатуров Т.С. Основы экономики железнодорожного транспорта. М. 1946.
433.Хевеше М.А. Политика и психология масс // Вопросы философии. 1999. № 12.
434.Хлевнюк П. К истории русской экономической мысли // Большевик.1944. № 6.С.31-42.
435.Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929 – 1941гг. // Свободная мысль. 1992. №13.
436.Хлевнюк О. 26 июня 1940 года: Иллюзии и реальность администрирования // Коммунист. 1989. № 3.
437.Хромов П. Реакционная немецкая политическая экономия // Большевик. 1944. № 17-18. С.31-42.
438.Цаголов Н.А. Вопросы истории политической экономии. Избранные произведения. М.: Изд-во МГУ. 1984.
439.Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М. 1982.
440.Целищев Н.Н.Этнополитология. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2008.
441.Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11-12.
442.Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. №4.
443.Чадаев В.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Мысль. 1965.
444.Чапаев Н.К., Шелепов А.К. Решение проблемы интеграции педагогики и производства в истории развития образования: на примере деятельности горнозаводских школ Урала (XVIII-XX вв.). Екатеринбург: УГППУ. 2006.
445.Чаянов А.В.Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М. 1989.
446.Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. М. 1982.
447.Четырнадцатый (XIV) съезд Всероссийской коммунистической партии (б).: Стенографический отчет. М.1926.
448.Чипман Дж. С., Ланфан Ж.С. История одной находки: как была заново открыта и интерпретирована статья Слуцкого 1915 г. // Журнал – учебник «Экономическая школа». 1999. Т.5. Вып.5.
449.Шабатура Л.Н. Онтогенез традиции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.2002.
450. Шабатура Л.Н. Социогенез традиции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2003.
451.Шацкий Е. Утопия и традиция. М. 1990.
452.Шелест П. Колхоз в дни войны. Свердловск. 1945.
453.Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер. Проблема человека в современной западной философии. М.: Мысль, 1988.
454.Шелехов Н. Стахановский труд в дни Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. № 6.С.38-46.
455.Шехет Н.И. Плановая цена в системе экономических категорий социализма. М.: Изд-во МГУ. 1972.

456.Широкорад.Л.Д. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода. Л.: Изд-во ЛГУ. 1974.
457.Широкорад Л.Д. О характере процесса формирования политической экономии социализма как науки в СССР в 30-х гг. // Вестник ЛГУ. 1964. № 23.
458.Широкорад Л.Д. К вопросу о влиянии культа личности И.В.Сталина на развитие политической экономии социализма в СССР в 30-е годы // Вопросы экономики. 1989. № 3. С.116-136.
459.Широкорад Л.Д. Идеологическая борьба и развитие политической экономии социализма в СССР в переходный период. Л.: Изд-во ЛГУ. 1983.
460.Шилейка А. Необходимый продукт как экономическая категория социализма. Вильнюс. 1976.
461.Щербаков А.С. Под знаменем Ленина-Сталина советский народ идет к победе. М.: Госполитиздат. 1944.
462.Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. №6.
463.Экономическая история капиталистических стран / Под ред. В.Т. Чунтулова, В.Г.Сарычева. М. 1985.
464.Экономика предприятия: Учебник для вузов / Под ред. Ф.К.Беа, Э.Дихтла, М.Швайцера; Пер. с нем. М.: Инфра-М. 1999.
465.Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21.
466.Эрхард Л. Благосостояние для всех: Пер.с нем. М.: Начала-Пресс. 1991.
467.Юдин П. О роли географической среды и роста населения в развитии общества // Под знаменем марксизма. 1943. № 11.
468.Юдин П. О трех особенностях производства // Под знаменем марксизма. 1943. № 12. С.55-64.
469.Яковлев А.Рассказы авиаконструктора.М.1967.
470.Ямпольский М. Производительность труда в советской промышленности // Плановое хозяйство. 1944. № 1.
471.Янжул, И.И. Экономическое значение совести / И.И. Янжул Избранные труды. М.: Наука. 2005.
472.Ярославский Е. О текущем моменте // Пропагандист. 1942. № 9.
473.Dallin A. German Rule in Russia. 1941 – 1945. A Study of Occupation Policy. London. 1957.
474.Denemark R. World System History: From Traditional International Politics to the Study jof Global Relations // International Studies Review. Summer. 1999.
475.Ferko V. Zity diabol , zity boh. Bratislava. 1978.
476.Keynes J. M. How to Pay for the War. London 1940;
477.Pelling A. Britain and the Second World War. London. 1970.
478.Parry W. War and Politics; Military Theory and the Principle of Essence // Science and Society. Vol .VIII .N. 1. Winter.1944. p. 1-27;
479.Pigou A.C. The Classical Stationary State // Economic Journal. December. 1943.
480.Selsam H. Socialism and Ethics. New York. 1943;
481.Sellars R. W. Reflections on Dialectical Research. Vol. V. N.2 .December. 1944;
482.Sommerville J. Soviet Philosophy: A Study of the Theory and Practice. New York. 1946.
483.Venable V. Human Nature: The Marian View. New York. 1945.

К.П.СТОЖКО

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Научный редактор:

Федоров М.В.
доктор экономических наук, доктор геолого- минералогических наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета.

Рецензенты:

Ветошкин А.П.
доктор философских наук, профессор, директор культурно-просветительского центра им. И.А.Ильина при Уральском институте бизнеса.

Леднев В.П.
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Российского государственного профессионально- педагогического университета

Лавров В.Н.
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Уральского государственного технического университета (УГТУ – УПИ).

Ответственный за выпуск
Ю.В. Савельев

Подписано в печать 27.*04.2010 г.* Формат 60x84 1/16. Бумага типографская №1. печать ризограф. Усл. п. л. 19,06. Тираж 500 экз. Заказ 231 в. ООО «Издательский дом «СТЯГЪ»